
照
Николай КАРПЕНКО
КИТАЙСКИЙ
ЛЕГИОН
КИТАЙСКИЙ ЛЕГИОН
Николай КАРПЕНКО

Министерство образования и науки Украины
Луганский национальный педагогический университет
имени Тараса Шевченко

Николай КАРПЕНКО

«КИТАЙСКИЙ ЛЕГИОН»

УЧАСТИЕ КИТАЙЦЕВ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ (1917—1921 гг.)

Монография

Луганск
«Альма-матер»
2007

УДК 94 [(477)+(470+571)] (=581) «1917/1921»
ББК 63.3 (4 Укр) 61
К 26

Р е ц е н з е н т ы:

Виднянский С. В. — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом всемирной истории и международных отношений Института истории Украины НАН Украины.

Михальский И. С. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и правоведения Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко.

Фомин А. И. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и права юридического факультета Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля.

К 26 **Карпенко Н. М. Китайский легион. Участие китайцев в революционных событиях на территории Украины (1917—1921 гг.):** Монография. — Луганск: Альма-матер, 2007. — 392 с.

ISBN 978-966-617-157-6

В монографии рассматриваются вопросы миграций граждан Китая в начале XX столетия на территорию Российской империи, включая Украину, выясняются причины и мотивы их вступления в ряды Красной гвардии, партизан и Красной армии в период революционных событий 1917—1921 годов. Особое внимание уделено изучению роли китайских и смешанных интернациональных формирований Красной армии, которую они сыграли в период Гражданской войны на территории Украины.

Монография рассчитана на историков, преподавателей и студентов высших и средних специальных заведений, а также на тех, кто интересуется вопросами истории миграционных процессов и гражданских конфликтов.

Ответственный редактор
Бурьян М. С.,
доктор исторических наук, профессор

УДК 94 [(477)+(470+571)] (=581) «1917/1921»
ББК 63.3 (4 Укр) 61

о к печати Ученым советом
Луганского национального педагогического университета
имени Тараса Шевченко
(протокол № 8 от 23 февраля 2007 г.)

ISBN 978-966-617-157-6

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА

Отряд личной охраны В. Ленина был переброшен на Юг летом 1918 г. Один из его бойцов, Ли Фу-цин, позднее о боях на Украине вспоминал:

«Однажды около часа дня красноармейская часть, выгрузившись из эшелонов под Луганском, начала наступление на станицу Луганскую. После двух часов марша впереди показался кавалерийский разъезд противника. Часть развернулась в боевой порядок и изготовилась к бою. Вскоре последовала атака казачьих кавалерийских частей и завязалась ожесточенная схватка. За два часа боя обе стороны понесли тяжелые потери убитыми и ранеными. К исходу дня некоторые подразделения, которыми командовали старые офицеры, перебежали на сторону противника, и казакам удалось окружить красноармейцев.

По приказу командования начался отход. В интересах сохранения подразделений, состоящих из китайцев, командование решило, что прорывать окружение будет кавалерия; за ней пойдут китайцы, а с тыла их прикроет пехота, которая и должна отсечь преследовавшего противника. Ночью подразделения вышли в район Луганска, но трети китайских бойцов так и не удалось пробиться из вражеского окружения. В их числе оказались командир батальона У Эр-ху [вступил осенью 1917 г. в партизанский отряд Иванова, действовавший в Киевской губернии. — Н.К.], красноармейцы Чэнь Чжи-жун, У Чжи-хуа и многие другие.

Через три дня прибыло подкрепление, и красные части снова перешли в наступление на казаков. Одерживая победу за победой, они с боями ворвались в станицу.

На пути своего продвижения вперед красноармейцы у обочин дорог, в полях, рощах и лесах — повсюду наталкивались на трупы своих погибших товарищей. Бойцы были потрясены зверствами белых: на деревьях и столбах вдоль дорог висели обезображенные трупы китайских бойцов с отрезанными ушами, с выколотыми глазами, с вырванными языками, с распоротыми животами. Возле мно-

гих трупов висели надписи: «Таков удел всей Красной Армии!», «Конец большевикам!».

Продвигаясь вперед, они похоронили более двухсот китайских товарищей. Местные женщины сказали, что перед уходом казаки приказывали им передать китайцам, что, если они не уйдут от большевиков, всех их ждет такой же конец.

Ли Фу-цин среди убитых не нашел своих двоюродных братьев. Что он скажет их родителям, когда вернется домой? Вспомнилось ему, как он вместе ними покидал родимый край, как тряслись в душной теплушке. Как под ударами плетки заготовляли лес, рыли окопы, как вместе страдали в лагере для военнопленных, как потом одновременно стали партизанами и плечом плечу, никогда не разлучаясь, громили врага, прямо смотря смерти в глаза... И Ли Фу-цин зарыдал…» [180, *187—189*].

Станица Луганская накануне Октябрьской революции входила в Область Войска Донского Российской империи. В октябре 1920 г., когда активные боевые действия на фронтах Гражданской войны близились к своему завершению, земли с хуторами юрта станицы Луганской вошли в состав Украины. Это единственная на Украине станица, сохранившая в названии свою принадлежность к донскому казачеству. Среди прочего наследства Гражданской войны казаки на долгое время сохранили памятник, установленный на месте захоронения части погибших китайских красноармейцев (1919 г.). Более того, в 1985 году его реконструировали. Сами по себе памятники — не самая долговечная память: отдельные группы людей их могут уничтожить в изменившихся условиях гораздо быстрее, нежели они перестанут существовать под естественным воздействием. Разрушая памятник, мы не только укорачиваем собственную память, но и обрекаем себя на незнание и вечный круговорот трагических ошибок.

После окончания Второй мировой войны в пгт. Станично-Луганское (так теперь стала называться станица) установлен памятник погибшим воинам и партизанам в Великой Отечественной войне. Оба памятника — погибшим в Гражданской и Отечественной войнах — располагаются рядом, в одном сквере. Ежегодно 9 мая

местные жители и гости, отмечая День Победы в Великой Отечественной войне, приходят в сквер почтить память погибших и возложить цветы к постаменту. По традиции, установившейся в советские времена, некоторые граждане кладут цветы к подножию обоих памятников. Эта традиция шагнула и в третье тысячелетие. Однако уже нет в живых тех свидетелей, которые помнили о том, что здесь захоронены выходцы из Китая. В один из таких дней подходим к памятнику Гражданской войны. Читаем надпись: «Павшим героям гражданской войны». Один из журналистов задает философский вопрос: «Разве могут быть герои в гражданской войне?». Действительно, гражданский военный конфликт — трагедия, катастрофа, несущая со стороны (или сторон) активного (агрессивного) меньшинства окружаемому большинству горе и реки крови. Каждая из сторон конфликта, вооруженная собственной идеей, добивается торжества своей истины. В рядах каждой из воюющих сторон априори появляются люди решительные и бесстрашные, претендующие на звание героев в кругу победителей-единомышленников. Давая философскую оценку геройству, В. Шубарт отмечал: «Изначальный страх ничего общего не имеет с трусостью, равно как и изначальное доверие — с мужеством. Наоборот: без страха не бывает отваги. Героизм есть преодоление страха, а не отсутствие его» [136, *89*]. Таким образом, любая из сторон конфликта может иметь своих *героев*. Но их не будет иметь государственная нация. Потому что по большому счету «внешний враг родит героев, внутренний родит палачей» [230, *38*]. История сохранила массу далеко не героических фактов, имевших место на всех фронтах Гражданской войны, в том числе и на Украине.

К началу 1917 г. в России насчитывалось около 300 тысяч китайских рабочих, завезенных только в период Первой мировой войны. Не считая нелегальных китайских мигрантов из сопредельных с Россией южных государств и завезенных рабочих из Туркестана по так называемой «реквизиции» [194, *257*]. Часть из них окажется втянутыми в Гражданскую войну на огромной территории бывшей Российской империи, в том числе и на Украине.

Почему? Как повлияло участие китайцев и других «красных

интернационалистов» на исход Гражданской войны? Каким образом они вообще оказались на территории Украины? И всегда ли все происходило именно так, как описал выше Ли Фу-цин?

Поиск ответов на эти и другие вопросы потребовал анализа большого массива опубликованных и неопубликованных документов. Некоторые социально-политические проблемы того времени, рассмотренные в предлагаемом издании, оказались созвучны некоторым проблемам современности. В этой связи данное историческое исследование, на наш взгляд, заинтересует не только историков, но и других специалистов, а также широкий круг читателей.

ВВЕДЕНИЕ

В период глобализации процессы миграций рабочей силы привлекают к себе повышенное внимание не только со стороны политиков и государственных деятелей, но и общественных организаций и ученых. Для многонациональных государств мигранты несут ряд проблем, которые в периоды политических, социально-экономических кризисов могут обостриться и привести к углублению гражданского противостояния. Примером углубления такого гражданского противостояния может служить результат бесконтрольности за миграционными процессами и неразрешенности социально-экономических проблем мигрантов из Китая со стороны правительства Российской империи в период Первой мировой войны. Исторический опыт о том, каким образом китайские граждане наряду с другими иностранцами оказались втянутыми в Гражданскую войну на всей территории Российской империи, в том числе и на Украине, заслуживает подробного исследования и переосмысления с позиций сегодняшнего дня. Изучение процесса участия китайцев в революционных событиях 1917 — 1921 гг. именно на Украине актуально еще и потому, что подробно эта тема в украинской историографии не разрабатывалась.

Предметом настоящего исследования является участие мигрантов из Китая в революционных событиях на территории Украины в 1917 — 1921 гг.

Исходя из этого, данное исследование охватывает период с 1917 по 1921 гг., то есть от начала Февральской революции в Российской империи и до окончания активных военных действий на Украине, включая подавление ряда антисоветских восстаний. Однако с целью изучения отдельных важных вопросов темы, события будут рассмотрены несколько шире, то есть от начала активного отходничества китайцев накануне Первой мировой войны на территорию Российской империи, включая Украину, и до окончания перерегистрации (чисток) бывших красногвардейцев и красных партизан в соответствующих партизанских комиссиях.

Рассматривая вопрос об участии китайцев в Гражданской вой-

не именно на территории Украины, следует учитывать следующие обстоятельства при определении географических рамок региона.

Во-первых, в период 1917 — 1921 гг. и после окончания Гражданской войны статус и границы отдельных политико-административных и государственных образований на землях, которые составляют территорию современной Украины как самостоятельного государства, менялись. Поэтому в область исследования попадут и те территории, которые в различное время входили в Украину кратковременно, и те, которые относятся к современному пограничью с Беларусью и Российской Федерацией, но в тот период были связаны общим театром военных действий.

Во-вторых, рассмотрение ряда вопросов как до 1917 года, так и периода Гражданской войны, объективно будет выходить за пределы Украины, поскольку многие решения, в том числе касающиеся Украины, принимались в разное время и правительством Российской империи, и советским правительством РСФСР.

В-третьих, не представляется целесообразным и возможным проследить процесс вступления китайцев в Красную армию и их участие в боевых действиях только на Украине, поскольку происходила постоянная оперативная переброска частей. При этом некоторые интернациональные части были сформированы в Петрограде, Москве, Курске, Пензе, Архангельске, на Кавказе, в Туркестане, а затем направлены на Украину. В то время как такие же части, сформированные на Украине, под натиском противника не единожды отступали за ее пределы, переформировывались и возвращались вновь на ее территорию.

В-четвертых, при рассмотрении некоторых общих закономерностей, но с целью подчеркнуть какие-либо особенности и отличия, внимание будет уделяться фактам, имеющим отношение к театру военных действий на Кавказе, в Донской области, Сибири, Белоруссии.

Цель данной работы — на основе анализа документов, комплексного выяснения всех обстоятельств определить роль и значение участия китайцев в революционных событиях на Украине в период 1917 — 1921 гг.

Для достижения этой цели, на основе принципов историзма и объективности, пользуясь проблемно-хронологическим, сравнительным, ретроспективным, контент-анализом и другими методами, в данном исследовании следует решить такие задачи:

— исследовать причины миграции граждан Китая в Российскую империю, в том числе на Украину, в канун и в период Первой мировой войны, сферы применения и условиях труда китайских рабочих;

— определить причины и мотивы вступления выходцев из Китая в ряды Красной гвардии, в партизаны и в Красную армию;

— рассмотреть, на каких условиях и как воевали китайцы в рядах Красной армии;

— раскрыть роль китайцев-красноармейцев, служивших в интернациональных формированиях, в разных этапах Гражданской войны на Украине;

— проследить судьбу бывших китайских красноармейцев после окончания Гражданской войны;

— выяснить причины краткого и однобокого освещения темы о китайцах-красноармейцах в советской и китайской историографии.

Важную роль в решении поставленных задач в данной работе будет играть определение *мотивов* действий конкретных людей и групп. Этим объясняется обширное и подробное цитирование некоторых исторических источников, особенно свидетельств китайцев. Не исключая при этом из показаний китайцев устоявшиеся коммунистические идеологические штампы времен советской эпохи, чтобы оценить глубину их проникновения в сознание бывших участников Гражданской войны.

Украинский историк Н. Яковенко отмечала, что изучать историю о человеке «можно только от конкретного человека, от того, о чем он думал, и, поняв, о чем он думал (насколько это вообще можно понять), мы можем говорить или моделировать, предполагать, почему он действовал так, а не иначе» [268]. В основу определения таких мотивов положен, прежде всего, источник. Изменения в политической, экономической, социальной и культурной жизни людей приводят к формированию причин, по которым человек

задумывается над необходимостью предпринимать какие-либо действия для недопущения ухудшения своего положения или для улучшения. Соотнеся свои желания и возможности, человек (или социальная группа) в ходе размышлений формулирует *внутренние мотивы* для своих действий. При коренных изменениях человек может предпринять молниеносные действия ввиду резкого выделения психической энергии (например, в ходе нанесенной ему обиды). В более спокойной обстановке самые активные («пассионарии») на основании внутренних мотивов приступают к немедленной реализации своих намерений. Основная масса неактивных людей на основании постепенного накопления в подсознании информационных данных, в случае невозможности предпринять активные действия, выражает *готовность* к каким-либо действиям, если обстановка изменится. Представители политики и бизнеса, изучив наличие такой готовности и соотнеся свои мотивы с финансовыми возможностями, формируют *внешние мотивы*, направленные на людей, чтобы добиться собственных целей. Внутренние и внешние мотивы взаимодействуют между собой. Но никогда политики не рискнут начинать какие-либо агитационные и пропагандистские действия, если не будут сформированы внутренние мотивы и готовность к изменениям в больших социальных группах людей. Анализ мотиваций поступков китайцев будет сопутствовать на всем протяжении рассмотрения темы.

В данном исследовании использованы разнообразные источники, которые по форме и содержанию можно условно поделить на шесть групп.

К первой группе относятся неопубликованные документы и материалы из государственных архивов Донецкой (ГАДО), Луганской (ГАЛО) и Николаевской (ГАНО) областей и архивного фонда Краснодонского ордена Дружбы народов музея «Молодая гвардия». В свою очередь данные архивные источники по форме и содержанию условно поделены на две подгруппы, независимо от места хранения. В первой подгруппе даны личные дела бывших красногвардейцев и красных партизан из числа китайцев, числящихся в городских и районных партизанских комиссиях Луганска, Сороки-

но (г. Краснодон), Кадиевки (г. Стаханов), Горловки, Артемовска, Мариуполя, Николаева, Сталино (г. Донецк), а также личные дела бывших красноармейцев, числящихся в рядах Луганской окружной и городской милиции и уголовного розыска. Во второй подгруппе находятся все остальные архивные документы и материалы. К ним относятся паспорта китайских граждан, трудовые контракты, документы различных ведомств дореволюционного периода, списки китайских рабочих на предприятиях периода Гражданской войны, приказы, распоряжения, переписка Центральной и нижестоящих комиссий бывших красногвардейцев и красных партизан, документы Союза китайских рабочих на Украине (1922 — 1925 гг.), воспоминания участников Гражданской войны и другие.

Исторически так сложилось, что при всем многообразии применения труда китайцев в Российской империи очень большое количество рабочих было занято в каменноугольной промышленности Донбасса, и часть документов об этом находится именно в государственных архивах Донецкой и Луганской областей. После окончания Гражданской войны в угольную отрасль Донбасса как стратегическую направляются рабочие со всего Советского Союза, в том числе и бывшие китайские красноармейцы. Введение для бывших красногвардейцев и красных партизан особых льгот позволило в период с 1928 по 1935 гг. аккумулировать документы китайских добровольцев в комиссиях (городских, районных) бывших красногвардейцев и красных партизан. Ценность данных документов в том, что они рассказывают о личном участии китайцев в войне и дают представление об общих процессах. В них отображены автобиографические данные, информация о времени и месте вступления китайцев в Красную гвардию и Красную армию (не обязательно в Донбассе), под началом каких командиров и на каких фронтах воевали и прочее. Учитывая тот факт, что в большинстве своем китайцы русского языка не знали, то, за редким исключением, отсутствуют письменные архивные материалы, написанные лично ими. Практически все анкеты и заявления китайцев, включая и свидетельские показания, записаны ответственными работниками партизанских комиссий. Это сказалось на качестве информации этих архивных материалов.

Всего обработано 61 личное дело бывших китайских красногвардейцев и красных партизан, а также красноармейцев, которые служили после окончания Гражданской войны в правоохранительных органах. Из них: 32 дела размещены в фондах Р — 1100, Р — 1178, Р — 1181, Р — 1215 (ГАДО); 27 дел в фондах Р — 373, Р — 534, Р — 535, Р — 537 (ГАЛО) и 2 дела в фонде Р — 2232 (ГАНО).

Из всего многообразия первоисточников второй подгруппы следует выделить 37 паспортов китайских граждан (ГАЛО, ф. Р — 752, д. 150) и 13 именных трудовых контрактов китайских рабочих с администрацией Петро-Марьевских и Варваропольских угольных рудников Донецкого бассейна (ГАЛО, ф. Р — 752, д. 151). Документы относятся к 1916 г. и информация в них изложена на китайском языке. Перевод ее на русский язык выполнил преподаватель факультета иностранных языков Луганского национального педагогического университета им. Т. Шевченко, гражданин КНР Ванг Бинг. Документы не только позволили охарактеризовать условия найма и труда китайских рабочих, но и позволили проследить их дальнейшую судьбу, соотнеся с другим важным документом — «Списки китайских рабочих» (ГАЛО, ф. Р — 752, д. 131) на Петро-Марьевских и Варваропольских рудниках, составленных новыми властями при занятии Донбасса Добровольческой армией осенью 1918 г. Несмотря на то, что в этом документе только 217 фамилий китайских рабочих, при соотнесении информации с другими источниками это позволило проанализировать численный состав первых красногвардейских отрядов. Важным дополнением к документам первой подгруппы, раскрывающих личное участие китайцев в Гражданской войне, являются приказы, распоряжения центральной, городских и районных партизанских комиссий, различная переписка периода 1928 — 1935 гг. Отдельного внимания заслуживают рукописные воспоминания участников Гражданской войны, особенно тех, кто служил с китайскими бойцами в одних частях (ГАЛО, ф. П — 2). Уникальными, на наш взгляд, являются документы Союза китайских рабочих на Украине периода 1922 — 1925 гг. (ГАДО, ф. Р — 819). Они дают представление о нормативно-правовой базе пребывания китайских граждан на территории

УССР, условиях труда на предприятиях в первые послевоенные годы. Важным дополнением к первоисточникам, раскрывающих дальнейшую судьбу бывших красноармейцев-китайцев после окончания войны, являются документы ф. 1 Краснодонского ордена Дружбы народов музея «Молодая гвардия».

Всего по второй подгруппе архивных первоисточников обработаны и нашли свое отражение в настоящем издании 94 дела из 25 фондов.

Однако следует отметить, что при раскрытии отдельных вопросов темы, испытывались трудности из-за недостатка архивных материалов. Не все архивные документы тех лет сохранились. Часть из них была утрачена или специально уничтожена в апреле 1918 г. в ходе отступления от австро-германских войск, а часть — в 1941–1942 гг. в ходе немецкой оккупации. Например, член Луганского Совнаркома И. Николаенко об оккупации немцами Донбасса в апреле 1918 г. писал, что «в этой тревожной обстановке не знаю, кто и для чего дал распоряжение об уничтожении архива Луганской охранки, который, к слову сказать, — далеко еще не был разобран. Мне известно только то, что он был вывезен за город и там предан огню» [59, *45*]. Не сохранились архивные материалы, относящиеся к истории промышленных рабочих накануне 1917 г., что входит в предмет данного исследования. Так, архивы «Продамета» растеряны, а «значительная часть архива Совета Съезда Горнопромышленников Юга России была уничтожена в 1920 г. на переработку в бумагу» [266, *124 — 125*], вследствие чего погибли документы, относящиеся к 1900 — 1917 гг.

Важным документальным и иллюстративным материалом являются фотографии, в том числе из фондов ГАЛО. Среди них снимки китайских подданных дореволюционного времени, снимки участников Гражданской войны, сделанные в послевоенное время, снимки различных документов. Часть из них (в нашем распоряжении имеется более 70 фотоснимков) впервые печатаются в настоящем издании.

Огромный научный потенциал по данной теме находится в центральных архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Киева, что на-

шло свое отражение в уже изданных сборниках документов и научных публикациях. Анализ обработанных нами архивных документов (например, переписка городских и районных комиссий бывших красногвардейцев и красных партизан) показывает, что часть интересующей информации по заявленной теме может находиться также и в архивах таких областных центров, как Пенза, Курск, Саратов, Воронеж, Ростов-на-Дону (Россия), Минск, Гомель (Беларусь), Луцк, Одесса, Симферополь, Днепропетровск, Чернигов, Полтава, Харьков и других.

Ко второй группе источников относятся опубликованные документы и материалы в различных сборниках, специализированных научных журналах. Большинство таких документов взято из хранилищ центральных и областных государственных архивов СССР. Как отмечала историк Е. Шаталина, уже к 1938 г. в хранилище Центрального архива Красной армии насчитывалось более 1 млн. дел, из которых большинство относилось к периоду 1917 — 1924 гг. [168, *27*]. Однако, раскрывая данную тему, надо обратить внимание на следующие обстоятельства. Отмечаемый Е. Шаталиной сбор документов на примере информационно-исторического отделения штаба 14-й армии не дает ответа на некоторые конкретные вопросы (например, о количественном и списочном составе китайских формирований и прочем). Во-первых, потому что сбор таких материалов начался только в конце 1919 г. Во-вторых, качество исполнительской дисциплины командиров, докладывающих об оперативной обстановке и перемещениях частей, оказалось не на высоте, иногда по объективным причинам. Об этом говорят и многочисленные нарекания вышестоящего начальства командирам разного уровня на несвоевременные доклады и отсутствие в них конкретики. Например, в приказе № 6 от 27 марта 1919 г. по 2-й бригаде 42-й стрелковой дивизии Украинского фронта говорилось: «...Присылаемые сводки слишком пустые, не указывается точное количество боевых частей и местонахождения их [,] затем не указываются успехи, численность противника, потери и т. д.». Далее следовали конкретные предписания с угрозой смещения командиров с занимаемых должностей в случае их невыполнения [53, *92*].

Кроме этого, надо отметить характер секретности информации и постоянную угрозу попадания ее к противнику. Поэтому количественный и списочный состав партизанских китайских отрядов либо не велся, либо периодически уничтожался. Большинство использованных нами документов из сборников касается общего характера военных действий на Украине. Число документов, раскрывающих непосредственное участие китайцев в революционных событиях на территории Украины ограниченно. Тем не менее, следует указать наиболее цитируемые сборники, документы которых относятся непосредственно к периоду активных боевых действий. К ним относятся «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России» [129], «Борьба за власть советов в Донбассе» [130], «В огне гражданской войны» [132], трехтомное издание «Гражданская война на Украине» [134], трехтомное издание «Из истории гражданской войны в СССР» [139]. Из источников, раскрывающих вопросы участия китайцев в войсках внутренней охраны, заслуживает внимания сборник документов «Внутренние войска Советской республики» [131]. А важным дополнением к характеристике участия китайцев в органах ЧК являются документы из официального издания в каждой административной области Украины «Реабілітовані історією» [146]. Документы и материалы из этого издания использованы также при освещении вопроса о дальнейших судьбах китайцев в 20 — 30-е гг. Авторы сборника документов «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917 — 1922)» в 1957 году отмечали: «Имеющаяся литература на эту тему пока еще очень незначительна, а сборники документов начали выходить лишь с 1955 года» [129, *16*]. Отметим, что сборники документов, вышедших и после 1957 г., существенно не расширили базу первоисточников по данной теме. Избирательный подход к готовящимся к изданию документам, ограниченный идеологическими и политическими рамками, не позволил авторам включить материалы, характеризующие иностранцев на службе в заградительных, карательных и особых отрядах ЧК.

Монографии и другие научные издания, отнесенные к третьей

группе источников, можно условно подразделить на две подгруппы. К первой относятся работы по истории Гражданской войны тех авторов, которые сами непосредственно принимали в ней участие. Прежде всего, это работы Н. Какурина [159], [160], [161]. Обладая знанием многих европейских языков, Н. Какурин стремился, насколько это было возможно в то время, к объективному изложению фактов и их анализу, опираясь на широкий круг публикаций как в СССР, так и за рубежом. Он был непосредственным участником революционных событий на Украине, служил и в Галицкой армии, и в Красной армии, затем преподавал в Академии Генерального штаба РККА. Н. Какурин помогал А. Бубнову, М. Тухачевскому и другим авторам редактировать третий том книги «Гражданская война» (1930 г.) [200], написал более 30 работ по военной истории и о революционных событиях в Советской России. Многие из них были в дальнейшем запрещены, поскольку в начале 30-х годов он был вторично обвинен в антисоветской деятельности, арестован и умер в тюрьме.

К этой же подгруппе относятся работы, раскрывающие отдельные вопросы из истории Гражданской войны. Бывший командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко в книге «Строительство Красной Армии в революции» [149] проанализировал практические шаги партии большевиков по организации Красной армии в целом, однако процесс такой работы на Украине освещен в ограниченных рамках. Более подробно освещена тема организации первых красногвардейских отрядов на Украине в работе Д. Эрдэ «Революция на Украине» [169]. Учитывая, что она издана в период активной украинизации, внимание в ней больше уделено вопросам создания именно украинских национальных отрядов. Общий тон работе задает и предисловие, написанное лично Н. Скрыпником. События в ней освещены только до апреля 1918 г.

Более фундаментальные индивидуальные и коллективные работы историков по теме участия иностранных граждан в революции в Советской России изданы в период с 1959 по 1971 гг. В этот период изданы две книги авторских коллективов под руководством А. Манусевича: «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных

стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке Республики» [157] и «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов» [158], а также книги Л. Жарова, В. Устинова «Интернациональные части в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и гражданской войны в СССР» [156], А. Хейфеца «Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской. (1918 — 1920)» [167], Л. Яковлева «Дружба, рожденная Октябрем» [170]. Во всех этих работах внимание уделено всем представителям зарубежных стран, в том числе и китайцам, и их участию в войне на всей территории бывшей Российской империи, в том числе на Украине. Но две монографии были посвящены теме участия в Гражданской войне именно китайцев. Это работы Н. Попова «Они сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918 — 1922)» [165] и Д. Лаппо, А. Мельчина «Страницы великой дружбы: Участие китайских добровольцев на фронтах гражданской войны в Советской России (1918 — 1922)» [162]. Но опять же, информация, относящаяся к Украине, изложена в них фрагментарно и бессистемно. Характерным для всех изданных в этот период монографий является то, что все они освещали только причины миграций китайцев на территорию Российской империи, процесс вступления их в ряды красногвардейцев и красноармейцев и как хорошо они воевали за советскую власть на тех или иных фронтах. Вопросы же службы китайцев в органах ЧК, особых, заградительных и карательных отрядах не освещались вовсе по понятным идеологическим и политическим причинам. Поэтому вопросы, какую же конкретную роль сыграли китайцы в Гражданскую войну, и как повлияло их и участие в войне на общий итог, в том числе и на Украине, оказались за рамками исследований историков. Эти вопросы нашли свое частичное отражение в работах историка Д. Волкогонова [152, 153, 154, 155]. Несмотря на то, что они написаны в жанре политического портрета, эти работы отнесены к третьей группе источников, поскольку, раскрывая образ видных политических деятелей того времени В. Ленина, Л. Троцкого, И. Сталина, Д. Волкогонов приводит ряд важных, ранее неопубли-

кованных документов из центральных архивов Российской Федерации. Эти документы, их анализ и обобщения автора имеют непосредственное отношение к раскрытию отдельных вопросов темы данного исследования.

К четвертой группе источников отнесены мемуары и воспоминания участников и непосредственных свидетелей тех событий. Мемуары принадлежат перу представителей различных политических сил и конфликтующих сторон того времени на Украине.

Со стороны УНР и Директории представлены воспоминания И. Мазепы [183], В. Винниченко, Д. Дорошенко и других [184], а со стороны Добровольческой армии — А. Деникина [177, 178], М. Дроздовского [179], Б. Штейфона [186], А. Шкуро [185].

Но, прежде всего, мемуары и воспоминания о Гражданской войне интересны тех военачальников, под началом которых воевали китайские бойцы. Со стороны борцов за советскую власть интересные воспоминания оставили В. Антонов-Овсеенко, В. Затонский, И. Якир, И. Локатош. Учитывая, что многие из них были репрессированы, ссылки на их публикации долгое время были запрещены.

Большой фактический материал оставил в своих работах В. Антонов-Овсеенко и, прежде всего, в «Записках о гражданской войне». Они начали издаваться как трехтомник в 1924 году (вышел первый том [175]) и закончены как четырехтомник в 1933 г. (издан четвертый том [176]). Частично «Записки...» печатались в журнале «Летопись революции» в конце 20-х — начале 30-х годов [171, 172, 173, 174]. Здесь следует заметить, что «Записки о гражданской войне» можно в равной степени отнести как к третьей группе источников, так и к четвертой.

Сам В. Антонов-Овсеенко о недостатках «Записок...» в 1933 г. писал следующее: «Наиболее существенным пробелом является, по нашему мнению, крайняя недостаточность данных о громадной работе, проделанной нашей партией по организации советской власти на Украине, по созданию ее боевых дружин... Другим существенным недостатком данной книги является невольная односторонность и крайняя неполнота в рассказе о работе Наркомвоен Украины под руководством т. Н.И. Подвойского. Помимо недо-

статка документов, здесь мог сказаться и некоторый субъективизм, который автор не сумел преодолеть» [175, *5*]. Под последним замечанием В. Антонов-Овсеенко имел в виду его реакцию на несправедливое отношение со стороны центральных властей и главного командования к Украинскому фронту. Уделяя внимание украинскому характеру местных вооруженных сил, В. Антонов-Овсеенко зачастую обходит качественный состав частей Украинского фронта из представителей других национальностей и иностранцев. Бывший командующий Украинским фронтом мог бы поведать об участии китайцев гораздо больше.

Сугубо украинский характер вооруженных сил на Украине старался подчеркнуть также И. Якир. Он писал: «И 14-я дивизия, состоящая из харьковских и донецких рабочих, и 42-я и 44-я, сформированные из киевских рабочих и крестьян, и 45-я — из приднестровских и бессарабских крестьян, и 46-я и 58-я дивизии, и украинская конница в лице червонных казаков и дивизии Котовского оказались достойными детьми ***украинского*** (выделено нами. — Н.К.) пролетариата и коммунистической партии» [187, *34*]. Мнение И. Якира приведено из его «Воспоминаний о гражданской войне» [181], изданных в 1957 г. Несмотря на то, что воспоминания напечатаны после смерти И. Сталина, все же идеологическая цензура наложила свой отпечаток на содержание брошюры. Хотя есть и любопытные несоответствия. Например, в публикациях тех лет принято было показывать активиста формирования красногвардейских отрядов в Донбассе и Петрограде Шен Чен-хо только с положительной стороны, как образец. А у И. Якира он показан как предприимчивый делец, наживающийся на попавших в беду китайцах.

О цензуре работ, изданных в советский период, следует сказать особо. Уже во второй половине 20-х годов начали проявляться признаки партийной и редакционной цензуры. Анализируя переписку редакции журнала «Летопись революции» с областными отделами истпарта (истории партии) по поводу публикаций воспоминаний участников Гражданской войны, сравнивая рукописные тексты воспоминаний, стенограммы воспоминаний из архивных фондов с текстами официальных публикаций, замечаем действие цен-

зуры. При этом надо отметить, что воспоминания в 20-е годы более откровенны. Подробности, рассказанные одними и теми же участниками войны в 20-е годы, резко отличаются от их рассказов в 30 — 40-е годы. Действие цензуры особо отразилось на работах историков, которые хотели бы сослаться на свидетельства из мемуаров и воспоминаний бывших участников Гражданской войны. Показательными являются замечания историка Н. Супруненко, которые он в 1949 году высказал по поводу готовящегося к изданию сборника статей и воспоминаний «Борьба за власть Советов в Донбассе». Они изложены на 11 листах машинописного текста, и в каждой строке рекомендации — «опустить», «снять», «снять из-за Антонова-Овсеенко». И «снимались» не только абзацы, а и целые страницы. В таких источниках никакого упоминания о китайцах нет. Иногда доходило до смешного. Например, составитель сборника «Революция на Украине. По мемуарам белых» [184], изданного в 1930 г., С. Алексеев в предисловии пишет: «Повторяя побасенки враля Болбачана, Винниченко попадает вместе с ним в одну компанию с вралями из числа «российских» белогвардейцев, которые также с возмущением рассказывали, что их побили не русские красногвардейцы, а «латыши и китайцы». Международным Винниченкам, как и Болбачанам и Деникиным, никогда не понять интернационального характера революции; потому им предстоит и впредь много раз удивляться, когда их будут бить, наряду с «национальными», также и русские и китайские коммунисты» [184, *XI — XII*]. Но С. Алексеев настолько перестарался в сокращении материалов воспоминаний В. Винниченко, что, предупредив читателя в предисловии о неверности утверждений В. Винниченко, исключил из его «мемуаров» и сами цитаты с упоминанием о «латышах и китайцах». Хотя по другим источникам мнение В. Винниченко о роли китайцев и латышей в событиях 1919 г. на Украине будет приводиться.

Важным источником для раскрытия темы являются воспоминания самих китайцев. К 40-летию Великой Октябрьской революции в 1957 г. в СССР побывали бывшие красноармейцы, участники Гражданской войны — Лю Фу, Чэнь Бо-чуань, Цзи Шоу-шань, Ли Фу-цин, Чжан Чуань-линь и Сюй Чжэнь-цзю (здесь и далее на-

писание фамилий согласно источникам того времени. — Н.К.). Встречи бывших китайских красноармейцев с общественностью в разных городах СССР подтолкнули историков к написанию воспоминаний об их участии в Гражданской войне.

Сначала в Китае вышел сборник воспоминаний «Хунци пяопяо» («Реют красные знамена», Пекин, 1957 г.). Затем он был переведен на русский язык и в 1959 г. издан в Советском Союзе под названием «Дружба, скрепленная кровью» [180]. Общую редакцию сборника осуществил участник Гражданской войны в России, кандидат исторических наук Лю Юн-ань. В него вошли воспоминания, записанные со слов участников боевых действий журналистами и писателями Китая. Поэтому после перевода воспоминаний на русский язык следует учитывать возможные неточности в излагаемых событиях. Так, один из участников разгрома войск Н. Махно показывал, что это было «в горах Украины». Возникает вопрос, о какой местности идет речь? Если о разгроме части махновцев в Крыму, вошедшего в состав Украины в 1954 г., то, возможно, это и так. Однако известно, что некоторые ушедшие формирования махновцев на Кавказ, также подавлялись частями, в которых служили китайцы, но уже за пределами Украины. Если речь о Гуляй-Польском районе, то это либо огрехи перевода, либо записи воспоминаний со слов. Часто не упоминаются хронологические и географические привязки, что требует сравнения излагаемых событий по другим источникам. Однако в целом сборник воспоминаний китайских красноармейцев аккумулировал большой фактический материал.

В пятую группу источников включены исторические очерки, научно-популярные статьи из тематических сборников, краткие биографические очерки об участниках Гражданской войны, справочная и другая литература. Из работ, непосредственно посвященным участию китайцев в Гражданской войне, следует выделить изданную в 1959 г. брошюру бывшего красноармейца Лю Юн-аня «Люди интернационального долга» [220]. В ней обобщены воспоминания бывших китайских красноармейцев из отмечавшегося выше сборника «Дружба, скрепленная кровью».

Публикации в периодической печати разных лет сгруппированы в шестую группу источников. Для раскрытия темы данного исследования представляют интерес небольшие статьи историков, опубликованные в различных научных журналах Украины.

В 1957 г. была опубликована статья украинского историка А. Ярошенко «Участь китайських червоногвардійців у боротьбі за владу Рад на Україні в 1917 — 1920 pp.» [269]. Это единственная работа, касающаяся участия китайцев в Гражданской войне именно на Украине. В ней А. Ярошенко кратко осветила вопросы въезда китайцев на территорию Украины, некоторые причины вступления их в ряды Красной гвардии и Красной армии, где и как воевали китайцы. Однако журнальный формат статьи не позволил автору раскрыть тему более полно. Некоторые вопросы, касающиеся роли, которую играли китайцы на фронтах Гражданской войны в разных этапах, судьбы китайских интернационалистов после войны и некоторые другие оказались не освещенными. Некоторых вопросов автор не мог касаться в силу действующих идеологических запретов. Две другие статьи украинских авторов касаются данной темы лишь частично. Рамки статьи В. Гемы и Е. Скляренко «Участь трудящих зарубіжних країн в боротьбі російського і українського народів проти австро-німецької агресії в 1918 р.» [241] ограничены 1918 годом и участию китайцев в борьбе против австро-германской оккупации уделено недостаточно внимания. В статье А. Зуева «Интернациональные отряды Красной гвардии в борьбе за установление Советской власти на Украине» [243] рассматривается участие всех интернационалистов в процессе установления советской власти на Украине, в том числе и китайцев, но изложение об участии последних бессистемно и фрагментарно. Вместе с тем, обе статьи являются важным дополнением к другим источникам.

Несколько слов о терминах. В советской литературе по данной теме применялись термины в названии книг и публикаций — «китайские подданные», «китайские рабочие», «китайские трудящиеся». В данном исследовании под «китайцами» имеются в виду мигранты из Китая. В большинстве своем это китайцы по национальности. На определенных этапах исследования будут приме-

няться различные термины, адекватные статусу китайцев в той или иной обстановке. Говорить об участии в Гражданской войне только китайских подданных некорректно по следующим причинам. Часть китайцев по собственному желанию вместе с семьями мигрировали в Россию еще до начала Первой мировой войны и приняли в ней участие уже как граждане России, в то время как завезенные в ходе войны китайские подданные по договоренности между правительствами России и Китая использоваться в военных действиях на фронтах не могли и использовались только как временная рабочая сила. Часть китайцев приняла подданство РСФСР уже в ходе Гражданской войны, часть из них, подтвердив китайское подданство, после войны вернулась в Китай, часть навсегда осталась в СССР. Некоторые китайцы вообще не принимали русское подданство, оставаясь гражданами Китая на протяжении всей Гражданской войны. Часть китайцев, оказавшихся в военных формированиях после окончания войны на Украине и по разным причинам вовремя не заявивших о своем подданстве, автоматически была переведена в подданство Украинской ССР.

В современной украинской историографии по отношению к революционным событиям 1917 — 1921 гг. на Украине очень редко используется термин «гражданская война». Однако характер событий и количество противоборствующих сторон, а также неоднократное заключение и разрыв военных союзов этих воюющих сторон (например, одно время китайцы-красноармейцы будут воевать в одних рядах с воинами Галицкой армии против армии Директории) на протяжении 1917 — 1921 гг. позволяет использовать термин «гражданская война», как он в большинстве своем широко употреблялся современниками. При этом под Гражданской войной понимается не только конкретный гражданский конфликт, но и трагедия для больших социальных групп, независимо от того, каких политических воззрений они придерживались, и придерживались ли вообще.

Возможно, термин «интернационалисты» следовало бы во многих случаях по ходу изложения закавычивать. Но, учитывая, что этот термин очень часто будет присутствовать в многочис-

ленных цитатах авторов разных лет, и с целью избежать фактора субъективности автора при изложении тех или иных событий, решено этот термин не брать в кавычки. Под «интернационалистами» будут пониматься бойцы интернациональных формирований. Современники тех событий, в том числе и противники большевиков, в период военных действий (например, в донесениях, письмах родным) также очень часто применяли термин «интернационалисты», не имея в виду политический подтекст, а имея в виду только их принадлежность к интернациональным формированиям. Но следует признать, что навязанный большевиками термин «интернационалисты» политическими противниками из числа крупных политических деятелей и военачальников не принимался, и в их мемуарах нередко подавался либо закавыченным, либо в словосочетании «так называемые интернационалисты». В цитатах современных авторов этот термин часто будет подаваться закавыченным.

Используемое в названии книги словосочетание «китайский легион» — обобщение, под которым понимается историческое явление — участие китайцев в гражданской войне на территории другого государства. Названия же такого конкретного воинского формирования, как «китайский легион», в период Гражданской войны 1918 — 1921 не было. Однако участие иностранцев, в данном случае китайцев, в рядах Красной армии на принципах легионерства — при полном воинском довольствии, соответствующей оплате и прочее — позволило использовать именно термин «легион».

ГЛАВА 1.
ПРИЧИНЫ И ПУТИ МИГРАЦИИ ГРАЖДАН КИТАЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ И УСЛОВИЯ ТРУДА КИТАЙЦЕВ

К середине XIX века Китай стал объектом экспансии Великобритании, Германии, США, Японии и других капиталистических держав. В результате англо-китайской (опиумной) войны 1840 — 1842 гг., был заключен Нанкинский договор, положивший начало колониальному закабалению Китая.

Интересы России в Китае нашли свое отражение в Айгунском (1858) и Пекинском (1860) договорах — разграничение границ, плавание судов обеих стран по рекам Амур, Сунгари, Уссури, покровительство торговле.

Особый этап в усилении присутствия России в пограничных с Китаем землях занимает решение Илийской проблемы, возникшей в Китае в 60 — 70 гг. XIX века. Вследствие часто вспыхивающих восстаний мусульманского населения Синьцзяна, кокандский предводитель Якуб-бек проник из Средней Азии в район южнее Тянь-шаня и создал независимое государство. В противовес планам англичан, рассчитывавших при помощи Якуб-бека создать у границ Индии на территории Кашгара подчиненное им мусульманское государство, Россия в 1871 г. оккупировала Кульджу и прилегающие к ней районы. Предлог — цинское правительство не в силах удержать в них свою власть. После подавления цинским правительством в 1878 г. восстания, в Россию, спасаясь от казней, бежало свыше 4 тысяч дунган. В ходе ряда переговоров в 1881 г. был подписан Русско-китайский договор, по которому западная часть Илийского края закреплялась за Россией. Остальная часть возвращалась Китаю. Во время передачи Илийского края цинскому правительству 80% илийских уйгур и дунган, опасаясь преследований цинского правительства, переселилось на территорию русского Семиречья, где получили землю. В 90-е гг. XIX века, по мнению

китайского историка Пын Мина, царское правительство «усилило экспансию в Китае, стремясь создать на Востоке «Желтороссию» [228, *27*].

Ихэтуаньское восстание крестьян и городской бедноты в северной части Китая (1898 — 1901 гг.) носило также антиимпериалистический характер. В Китай были направлены войска Германии, Австро-Венгрии, Франции, США, Японии, России и Италии. Восстание было жестоко подавлено. 7 ноября 1901 г. китайское правительство подписало кабальный «Заключительный протокол», окончательно превративший страну в полуколонию [197, *305*].

В условиях ухудшения жизни китайцы начинают искать счастья за пределами своей страны. А. Снесарев в работе «Афганистан», говоря о «желтой угрозе», колонизации китайцами Европы в начале XX века, отмечал:

«Последние наблюдения специалистов показывают, что китайская переселенческая и колонизаторская волна неудержимо ползет до Монголии и Маньчжурии в направлении к северу. Более ясное ее начало отмечается в 1902 г… Куда и с какой быстротой покатится дальше желтая волна? — кто это скажет. Во всяком случае, ее угроза чувствуется уже у ворот Тибета. Во время Мировой войны целый ряд китайских поселков охватил Туркестан (обобщая под названием Китайский и Русский) и вошел в непосредственное соприкосновение с Исламом, может быть, еще единственным борцом для сдерживания желтого напора.

Как бы то ни было, но об устойчивости и неустрашимости желтой волны говорит не один факт. Бытовая неприхотливость и дешевизна жизни делают китайца в области экономических состязаний, конечно вне условий техники, непобедимым; биологическая конъюнктура тоже на его стороне. И если климатическая обстановка, до сих пор сдерживавшая китайскую массу на определенной территории, будет как-то побеждена, то для желтой волны препон, видимо, не будет. «Народы Европы, берегите свое достоинство». И здесь же: «Во всяком случае, Русский Восток есть первый буфер, смягчающий удар желтой волны о берега Белого моря; он является первой дверью, в которую будет стучать желтый вла-

стелин, прежде чем вступить тяжелой ногой на поле европейской культуры. Это обстоятельство придает русскому Востоку провиденциальное значение и делает из него тему не только лишь русского, но и общемирового значения» [190, *96 — 97*].

Анализ итогов экспансионистской политики России на Востоке делали и другие видные в будущем военачальники. Л. Корнилов считал, что России не надо стремиться к расширению границ на Востоке и присоединять Кашгарию. «Нам, — писал он, — несравненно выгоднее оставить ее во власти такого уживчивого и миролюбивого соседа, как китайцы, обеспечив за собой безусловное политическое и торговое влияние в этой стране, на что мы имеем исключительное право в силу близкого соседства с Восточным Туркестаном и близких родственных связей его населения с населением Русского Туркестана» [цит. по: 190, *596*].

А. Деникин, говоря о колонизации Востока Россией и возможной военной угрозой оттуда для России, в военно-политическом очерке «Русско-Китайский вопрос» писал следующее: «...признавая огромное значение и неизбежность наступательного движения на Восток в будущем, выход к южным портам Великого океана для современного поколения следует считать непосильным и, следовательно, преждевременным»; «Многие данные приводят к убеждению, что будущее чревато событиями и что к ним надо серьезно готовиться. Быть может, в том, что я говорил, много обидного для нашего национального самолюбия. Но мы не вправе обманывать себя, мы должны отнестись сознательно к положению вещей, т.к. чьи бы ни были ошибки прошлого, мы — вся страна, являемся за них ответственными, вся страна будет расплачиваться за них трудом и кровью народа» [цит. по: 190, *597, 598*]. Конечно, А. Деникин тогда имел в виду внешнеполитическую ситуацию, и не предвидел перипетий гражданской войны в России.

В результате подписания неравноправных договоров в начале XX в. империалистические державы укрепили привилегированное положение зарубежных коммерсантов: добились установления очень низких таможенных пошлин на ввозимые товары, права основания в Китае банков и торговых фирм. Используя политические и экономические привилегии, иностранцы захватили огромный

китайский рынок и начали контролировать внешнюю и внутреннюю торговлю страны. Китай в значительной мере оказался под влиянием иностранного капитала.

К 1912 г. население Китая составляло около 400 млн. человек. Из них 90 % населения — китайцы, остальные принадлежали к другим национальностям (уйгуры, тибетцы, шаны, лоло, монголы и др.) В городах проживало не более 17 % населения. Внутреннее социально-экономическое положение Китая продолжало осложняться. На протяжении 1914 — 1919 гг. вследствие несчастных случаев на производстве пострадали свыше 24 тысяч человек [239, *83*]. Только 11 января 1917 г. при обвале на Фушуньской угольной шахте погибло 924 человека. Пын Мин отмечал, что на предприятиях не существовало социального страхования и законодательства по охране труда, не было пособий по безработице, там царила феодальная система организации труда через подрядчиков («старшинок»); рабочие подвергались обыскам и даже ограничениям для посещения уборной. Рабочий должен был получать «бирку для уборной», причем рабочих было несколько тысяч, а «бирок» — всего две [164, *58*].

Тяжелое положение было и в селе. Плата за землю, налоги, займы, а также различные повинности довели крестьянство до грани обнищания, а непрекращающиеся войны поставили его на край гибели. Согласно материалам обследования пекинского министерства сельского хозяйства и торговли, количество заброшенных земель только с 1914 по 1917 гг. увеличилось почти в три раза [228, *59*].

Поэтому в начале XX в. многие китайские рабочие и крестьяне, гонимые нуждой и безработицей, отправлялись за рубеж, в том числе и в Россию. С 1906 по 1910 гг. из Китая на Дальний Восток России прибыло около 550 тысяч человек, часть которых осела там на постоянное место жительства. Только в Амурской и Приморской областях проживало в 1912 г. более 200 тысяч китайцев [211, *6 — 7*].

Большое значение для миграции китайцев имела Китайско-Восточная железная дорога общей протяженностью свыше 2500 км. Она была построена Россией в 1897 — 1903 гг., имела связь как с

железнодорожной сетью России, так и железными дорогами Китая, в частности с Пекин-Шэньянской железнодорожной веткой.

Въезд в Россию до 1914 г. осуществлялся отходниками бессистемно, семьями и по одиночке, как на период сезонных работ, так и на более долгий срок. Количество денег на дорогу являлось единственным регулятором глубины проникновения на громадную территорию России. Например, Сун Су-дин В. вспоминал, что его отец был рабочим в Китае; когда ему было 11 лет, семья выехала через Харбин в Россию. С 1914 по 1917 гг. он воевал в царской армии, служил на кухне [32, *1*].

Задолго до Первой мировой войны въехал в Россию и Фу Шунтево Михаил. Он в автобиографии пишет: «Я ... родился в 1892 г. в городе Пекине в семье рабочего. В 1910 г. приехал в Россию на станц [ию] Пермь и поступил работать в депо чернорабочим и работал там до 1916 г. В 1916 г. переехал в Ленинград [,] где поступил работат [ь] в патронном заводе и работал там до 1918 [г.] В 1918 г. в январе месяце вступил в партизанский отряд. Кто командовал отрядом, не знаю [,] ибо тогда по [-] русски говорить не умел» [25, *18*].

Цзи Шоу-шань по вербовке попал в 1916 г. на строительство Мурманской железной дороги, а затем в начале 1917 г. на строительство ирригационных систем под Ереваном. В дальнейшем его и Мын Чжао-сяна мобилизовали в русскую армию и отправили на турецкий фронт. В 1918 г. оба вступили в красногвардейский отряд во Владикавказе [211, *64*]. На Украине они воевали под Елисаветградом (Кировоград).

Лю Си в Россию приехал в 1911 г. В 1915 г. он «случайно поступил в дружину старой Николаевской армии по охране складов в г. Эривань [Ереван. — Н.К.]». Служил в царской армии включительно по 1917 г. После окончания Гражданской войны служил в рядах милиции на Украине [23, *5*].

А вот пример переселения отходников в угледобывающие районы Украины. Промышленная разработка близ хутора Сорокина (ныне г. Краснодон) месторождений угля началась в 1910 г. Имея в виду Сорокинский, Изваринский, Екатеринодонский, Урало-Кав-

казский и другие близлежащие рудники, Г. Чапанская отмечала, что «среди первых поселенцев рудников были китайцы, персы, корейцы, татары. Движимые единым желанием хорошо заработать на вновь открытых шахтах, люди разных национальностей срывались с насиженных мест, приезжали в одиночку, а то и семьями, обосновывались. Прекрасно ладили с местным населением, основу которого составляли казаки» [168]. Житель г. Краснодона К. Дахненко отмечал, что турки, татары, китайцы в большинстве работали на самых тяжелых работах — на погрузке угля вручную, который носили на носилках в железнодорожные вагоны, были погонщиками лошадей на «воротках» мелких шахт, на разных работах в шахтах-наклонках [242]. Как вспоминал председатель Сталинского (Донецкого) облисполкома А. Струев, первая шахта (в дальнейшем шахта № 1) на руднике Сорокино была заложена в районе Провал-балки. Поселок, построенный на его месте, позже назывался «Шанхай». Он состоял из бараков и землянок рабочих. «В районе шахты № 3, — вспоминал А. Струев, — землянки назывались турецкими — там жили грузчики, а в то время грузчиками были только турки и персы, а на старом Шанхае, попозже — в 1919 году, землянки стали называться китайскими, там жили китайцы, которых пригнали на рудники казачьи власти, как рабочую силу» [123, *1 — 15*].

Разбирая страницы истории города Краснодона, А. Фадеев в романе «Молодая гвардия» писал: «Со всех концов нашей земли стекаются люди в Донбасс. И первый вопрос у них: где жить? Китаец Ли-фан-ча (кстати, лицо реальное. О нем упоминает сестра Героя Советского Союза С. Тюленина Надежда [125, *2*]. — Н.К.) слепил себе на пустыре жилье из глины и соломы, а потом стал лепить комнатки, одна к другой, как соты и сдавать их внаем, пока пришлые люди не поняли, что незачем снимать комнатку у Ли-фан-чи, можно слепить свои. Так образовался обширный район лепящихся друг к другу мазанок — этот район назвали «Шанхаем». Потом такие мазанки-соты возникли вдоль всей балки, разделяющей город, и на пустырях вокруг города, и эти гнезда мазанок стали называть «шанхайчиками» [232, *42*].

Следует добавить, что такие поселки из землянок и мазанок китайцев появились во многих городах, и получили такое же название — «Шанхай». «Шанхай» есть и в Луганске, и в Николаеве, и во многих других местах.

По статистическим данным, превышение количества китайских граждан, прибывавших в Россию, над выехавшими из нее в 1907 — 1911 гг. составило 12,9 тыс. чел., в 1912 г. — 15,3 тыс. чел., в 1913 г. — 13,1 тыс. чел., в 1914 г. — 19,1 тыс. чел. За время Первой мировой войны, особенно после вступления в нее Китая (август 1917 г.), в Россию было отправлено для тыловых работ не менее 100 тысяч китайских рабочих [158, *110*].

Уменьшение доли промышленных рабочих в России во время войны и спрос на дополнительные рабочие руки во всех сферах хозяйства поставили на повестку дня вопрос о ввозе иностранных рабочих. М. Гильберт считал, что количество призванных промышленных рабочих на фронт составило за 1914 — 1917 гг. 1,5 — 1,75 млн. человек, что приблизительно равнялось 30 % от довоенного состава (3,5 млн.), или 40 % мужчин, занятых в промышленности. К 1917 г. число мобилизованных в стране достигло 16 млн. человек против 3,25 млн. в августе 1914 г. Увеличение общей численности промышленных рабочих в течение 1914 — 1917 гг. при одновременном отливе в армию не менее миллиона человек требовало приток в фабрично-заводскую и горную промышленность огромного количества новых рабочих [199, *211, 212*]. Так, за годы Первой мировой войны 55 % кадровых рабочих Донбасса было мобилизовано на фронт, часть за революционные выступления находилась в тюрьмах и ссылках [133, *22*]. При этом Донбасс занимал важное место в экономике страны. В 1916 г. доля Донбасса составляла 80,4 % от общей добычи угля, 75 % общероссийского производства чугуна, 63 % — железа и стали [133, *6*]. А в целом, с каждым годом войны ситуация в промышленности ухудшалась. Например, в 1917 г. производительность труда на шахтах Донбасса упала на 25 % по сравнению с 1914 г., добыча угля снизилась на 12 млн. пудов [251].

Новые рабочие нужны были повсюду. Поэтому для работы в

тылу, прежде всего, в горной промышленности, в годы войны был заметно усилен практиковавшийся и в мирное время ввоз в Россию населения из восточных стран. Далеко не в редких случаях, как отмечал М. Гильберт, ввоз осуществлялся насильно, под конвоем. В январе 1917 г. в одной только каменноугольной промышленности Донецкого бассейна, Урала и Иркутской горной области было занято свыше 7 тысяч китайцев, корейцев и персов [199, *215*]. Основную массу «желтых» рабочих составляли китайцы. По данным управления Китайско-восточной железной дороги, общее число китайских рабочих, отправленных через Харбин до 1 сентября 1917 г., составило 67 123 человека. По наиболее полным сведениям союза китайских граждан, это количество достигало 80 тысяч человек. Из общего числа китайцев, учтенных управлением Китайско-восточной железной дороги, в промышленности было использовано от 12,5 до 22 тысяч человек, остальные эксплуатировались полевым строительным управлением, железными дорогами и т. д. [199, *215*].

Для организованного ввоза иностранных рабочих уже весной 1916 г. был распространен циркуляр Совета Съезда горнопромышленников Юга России от 6 апреля 1916 г. о желательности ввоза китайских рабочих для работы на шахтах и заводах Юга России в связи с недостатком рабочей силы. К циркуляру прилагались: характеристика китайцев как рабочих; условия найма и их доставки; примерный договор найма. К докладу Совета Съезда горнопромышленников Юга России (декабрь 1916 г.), в котором содержались рекомендации по ввозу китайцев, прилагались два документа: а) «Правила о порядке использования инородцев, привлекаемых по реквизиции для работы внутри империи на государственную оборону» и б) «Правила «О найме и перевозке рабочих желтой расы» [99, *2*].

В письме ЦИК Всероссийского союза китайских рабочих в Наркоминдел от 1 декабря 1920 г. говорилось, что уже в начале 1915 г. во многих странах ощущался недостаток рабочих рук во всех отраслях промышленности. Поэтому правительства стран Антанты «в поисках дешевых рабочих рук обратили свой взор на

Китай, надеясь получить от китайского республиканского правительства разрешение на право свободной вербовки китайских кули с тем, чтобы вывезти их в Европу для заполнения недостающих рабочих рук как в тылу, так и на фронтах. Под давлением великих держав Китайское правительство принуждено было разрешить вывоз своих подданных за границу... В Европейскую Россию было увезено около ста тысяч китайских чернорабочих...» [225,*15*].

Китайский историк, проживавший в СССР, Лю Юн-ань отмечал, что в 1914 — 1916 гг. в Харбине, Чанчуне, Шэньяне, Гирине, Дальнем и других городах Северо-Восточного Китая были открыты специальные вербовочные пункты. Наряду с русскими вербовкой занимались и китайские подрядчики [220, *4*]. Эмигрировавшие же одиночные китайцы селились в основном в пограничных с Китаем городах России, поскольку на поездку в эти пункты не требовалось таких больших затрат, как, например, в центральную часть России.

Таким образом, в основе миграции китайцев в Россию лежат причины внутреннего характера (голод и нищета в самом Китае) и экономический спрос на дополнительные рабочие руки в соседней стране. Но как причины трансформировались в мотивы миграции?

Как писали Г. Новогрудский и А. Дунаевский, «в китайские села ринулась армия вербовщиков. Они соблазняли «лишние рты», которых всюду в Китае было достаточно, высокими заработками, хорошей пищей, теплой одеждой. «Вербовщики знали свое дело. Поденная оплата, ватники, кожаные башмаки производили в нищих маньчжурских деревнях неотразимое впечатление» [225, *18 — 19*].

О том, как частные вербовщики наживались на ввозе китайских кули и как последние оказывались на Украине, вспоминал бывший красногвардеец Тан Чан-сан: «...во время первой мировой войны на нас, китайских кули, появился большой спрос. Мы вдруг всем стали нужны. Когда воюют, не только много стреляют, но много работают и строят — прокладывают много новых дорог, рубят много леса, добывают много угля и руды. А для этого требуются свободные рабочие руки. Где же их искать, как не в Китае! Больше, чем у нас, людей нигде нет». Далее он говорил, что

англичане их везли «в Месопотамию, там китайцы дороги строили; американцы — на Кубу и на Гавайи, там на сахарных плантациях рабочие требовались; русские — в Приморье и в Сибирь, там лес надо было рубить, уголь копать, железнодорожные насыпи делать. Целыми пароходами и поездами людей возили — без счета. Сотни тысяч, а может быть даже миллион, китайцев оставили тогда родную землю, нанялись работать в других странах». Тан Чан-сан тоже в начале 1916 года уехал из Маньчжурии в Россию. Его и еще полторы тысячи других китайцев подрядчик Ю Вень привез сначала в Омск на земляные работы.

«Ю Вень оказался большим мошенником, — вспоминал Тан Чан-сан. — Когда в Мукдене договаривались с ним, он сказал, что будем получать по три рубля за сажень выкопанной земли. Это была хорошая цена. Мы считали, что при такой цене можно будет накопить за год немало денег.

Но на месте все получилось по-другому. Ю Вень платил нам за сажень земляных работ не три рубля, а один рубль и при этом высчитывал за все: за рукавицы, за ботинки, за ватники, за лопаты, заступы, кирки. О штрафах тоже не забывал...

В общем, когда дошло дело до получки, выяснилось, что на руки получать почти нечего. Были даже такие, кто остался должен Ю Веню.

Мы хотели вернуться домой, но Ю Вень сказал: «Куда поедете? Дома вас все равно никто кормить даром не будет. Лучше держитесь за меня. Я получил новый подряд на Украине, возле города Киева. Места там хорошие, тепло, земля легкая, еда дешевая. Вот где заработаете настоящие деньги».

Мы знали, что Ю Веню верить нельзя, но согласились ехать. Что было делать?!

Погрузились в эшелон, и поезд повез нас из Сибири на Украину».

Но в Киеве выяснилось, что теплушки оказались запертыми снаружи и китайцев привезли на румынскую границу, в прифронтовую зону. Ю Вень, оказывается, попросту продал всю партию рабочих другому китайцу-подрядчику, который взялся строить на западной границе шоссе и ставить линии проволочных заграждений. Позднее, когда нач-

нется румынская, а затем австро-германская оккупация, китайцы из этой партии окажутся на территории Украины [225, *30—32*].

Точно так же, по свидетельству Лиу Сат-сена, группа китайских рабочих из Сибири попала на Волынь. Находясь в Сибири на корчевке леса, китайских кули после начала мировой войны продал подрядчик-капиталист русскому правительству. Их в количестве 300 человек завезли товарным поездом на Волынь, где они были заняты на окопных работах в прифронтовой полосе [269, *60*]. Всего около 50 тысяч китайцев было занято в прифронтовой зоне, а только в инженерных войсках Юго-Западного фронта числилось около 6 тысяч китайцев [255, *110*].

Вот как описывались мотивы, по которым Ли Фу-цин оказался в Европейской части России, а затем на Украине. Родился он в 1898 году в городе Шэньяне. Отец его плотничал, мать ослепла и была совершенно беспомощной. Семья жила очень бедно.

По вспоминаниям Ли Фу-цина, в апреле 1916 г. «среди рабочих угольных копей пронесся слух, что в Шэньяне русские набирают рабочих, и что кое-кто уже завербовался и получил двести рублей подъемных. Сразу двести рублей! В представлении Ли Фу-цина это было невероятно. Он поехал домой, чтобы посоветоваться с родителями. Старики поддержали его намерение завербоваться. Но запротестовала бабушка. «Виданное ли дело продавать родное дитя за двести рублей? — ворчала она. — Ни за что не отпущу его!». С трудом удалось уговорить ее. Вместе с двоюродными братьями Чэнь Чжи-жуном и У Чжи-хуа [оба погибли под станицей Луганской. — Н.К.] отправился Ли Фу-цин в храм у Западных ворот Маньяна, где находился вербовочный пункт... Каждый нашел себе поручителя и получил по двести рублей. Деньги сразу же были переданы родным. В первой группе завербованных насчитывалось более трех тысяч человек. Перед самой посадкой в поезд кто-то сказал, что каждому завербованному в Россию полагается не по двести, а по пятьсот рублей. Обратились было за разъяснением к сопровождающему, но тот отрезал: «Остальные триста рублей идут на оформление и дорожные расходы». Кули заволновались, некоторые захотели остаться. Но было поздно: получив по

двести рублей, люди перестали принадлежать самим себе» [180, *174 — 175*].

Через китайских чиновников и компрадоров русские капиталисты по низким ценам провели закупку рабочей силы в Китае. Китайские же чиновники и компрадоры воспользовались этим, чтобы увеличить свои капиталы. Так, осенью 1916 г. компрадор Чжоу Мянь из Чаньчуньской компании «Ичэн» завербовал и отправил в Россию в один прием 20 тысяч китайских лесорубов. Эти китайские рабочие в основном были бедняками-крестьянами из Северо-Восточного Китая, а также из провинций Шаньдун и Хэбэй. Как сообщала в начале 1917 г. газета «Миньго жибао», вышеупомянутые 20 тысяч человек согласно договору отправлялись в Смоленскую губернию для работы на лесоразработках и не обязаны были выполнять какую-либо другую работу. Однако по прибытию в Россию их «распределили по местам, которые отнюдь не соответствовали договору… Многие попали в опасные районы, где происходили боевые действия». Материальное обеспечение было очень низким, «качество одежды и питания не соответствовало указанным договорным условиям» [228, *97*].

Чэнь Ли-дэ родился в уезде Хуансянь провинции Шаньдун. После увольнения с работы на фабрике он решил уехать в Россию нелегально. В это время многие безработные китайцы целыми группами стали направляться на станцию Маньчжурия, чтобы оттуда уехать в Россию. «Паспортов у нас не было, — вспоминал Чэнь Ли-дэ, — и один местный житель, хорошо знающий те края, помог нам ночью перейти государственную границу. В то время ***многие*** [выделено. — Н.К.] таким образом уходили в Россию» [180, *100*]. Из рассказа Лю Фу (Лю Юй-цина), уроженца провинции Хэбэй, узнаем, что он, в своем стремлении попасть в Россию и получить за вербовку денежный аванс, купил чужой паспорт: «Я раздобыл три юаня, купил старый паспорт и завербовался. Паспорт был на имя Лю Фу, вот почему я из Лю Юй-цина превратился в Лю Фу. Это произошло в июне 1916 года» [180, *152*].

Наряду с вербовкой частных китайских подрядчиков, была налажена сеть организованного, целевого найма китайских рабо-

чих по трудовым контрактам на крупные промышленные предприятия. Как писали газеты того времени, «конъюнктура на желтый труд держалась на необыкновенно высоком уровне» [225, *19*]. При поддержке царского правительства углепромышленники организовали специальный орган «Китоперс» для массового ввоза в Донбасс рабочих из Китая [133, *13*]. Порой информация о ввозе желтой рабочей силы носила характер откровенной рекламы. Так, в сообщении заместителя председателя Совета господам горнопромышленникам Юга России от 2 мая 1916 г. говорилось, что «в настоящее время на Дальний Восток отправилось очень много нанимателей для найма китайских рабочих. В виду того, что большой спрос повышает цены на китайских рабочих, Совет Съезда рекомендует предприятиям, желающим воспользоваться китайцами, не медлить с этим вопросом, имея также в виду, что отправка китайских рабочих может последовать не ранее, чем через месяц после заключения контракта благодаря отдаленности мест для вербовки рабочих» [99, *14*]. Как поступали господа предприниматели, показывает следующий документ:

«Его превосходительству главноуполномоченному
председателя Особого Совещания по топливу.

В ответ на запрос Вашего превосходительства по рабочему вопросу от 8 сентября с.г. честь имею вкратце ответить на поставленные Вашим Превосходительством вопросы на основе моих наблюдений за жизнью рабочих.

1. Вопрос: Сколько на вашей копи рабочих?

Ответ: На 15 сентября — 4 212, из них 724 — пленных.

....

6. Вопрос: Не обратить ли сейчас самого пристального внимания на ввоз китайцев, персов и т. п.?

Ответ: С моей стороны сделана соответствующая попытка. В результате личной поездки в Китай, мною наняты там, на копях, 800 китайцев: 300 для нашего рудника, 300 для Прохоровского и 200 для Свинаревского.

Несомненно [,] при применении труда китайцев встретятся затруднения, но иного выхода нет, особенно в предвидении после-

военного периода. Пока же весьма важно полностью удовлетворять требования рудников на военнопленных.

Директор распорядитель Петро-Марьевских и Варвaропольских копей (подпись), 26.09.1916 г.» [251].

Нам удалось проследить путь группы китайских рабочих, о которых шла речь в предыдущем документе. Сохранилось 37 (из 800) паспортов китайских граждан. Они свидетельствуют о порядке и условиях организованного ввоза рабочих на промышленные предприятия Донбасса. На лицевой стороне паспорта произведены записи на китайском языке, содержащие сведения о фамилии въезжающего «китайского человека», из какой он провинции, возраст, в составе какой группы въезжает. В документе также есть отметка о запрете использования данного гражданина в войне на стороне России и о возможности его использования лишь в качестве рабочего по трудовому контракту. В центре паспорта — фотография гражданина, сделанная в Русском консульстве в Харбине. На шее каждого сфотографированного — бирка с порядковым номером, под которым данный рабочий будет числиться на предприятиях России. На лицевой стороне также наклеивались две марки достоинством в один доллар об уплате пошлины. На обратной стороне паспорта ставился штамп Генерального Консула в Харбине с пометкой даты выезда, указанием фамилии выезжающего гражданина, на какое предприятие он направляется. Подпись консула заверялась печатью и наклеивалась марка об уплате пошлины (2 рубля 25 коп.). По прибытию на место работы ставился, например, такой штамп: «У Полицейского Надзирателя О-ва Петро-Марьевских и Варваропольск. Объединенных Каменноугольных Копей Славяносербск. Уезда явлен в книгу под № 137 , записан «1» декабря 1916 года. Полицейский Надзиратель (подпись)» [111, *1 — 37, оборот*]. Анализ данных в паспортах показывает, что подавляющее большинство завезенных китайцев в 1916 г. на Прохоровские, Петро-Марьевские и Варваропольские рудники являются выходцами из предместий Пекина — Чжили, Люасен, Шанси, и лишь некоторые из Шандуна, Фонжуня. Средний возраст их составляет немногим более 28 лет.

К сентябрю 1917 г. в Донбассе было закрыто более 200 шахт и выброшено на улицу до 100 тысяч человек безработных [221, *17*]. Но ввоз дешевой рабочей силы продолжался. Да и поток желающих на Востоке заработать на жизнь за пределами своих стран не прекращался, поскольку «подавляющее большинство китайских и корейских трудящихся, завербованных во время войны царским правительством для работы на Урале и в Сибири, являлись крестьянами, видевшими в уходе в Россию спасение от голодной смерти» [157, *70*]. На Ленских золотых приисках в годы войны китайцы и корейцы составляли более 70 % общего числа рабочих [211, *7*].

В. Устинов отмечал, что по неполным данным в ходе вербовки в Россию было завезено 200 — 300 тысяч китайцев [211, *39*].

Сферой применения иностранных рабочих в России было также рыболовство. Китайцы-рыбаки из Астрахани и других портов Каспийского моря будут являться источником пополнения рядов красноармейцев [211, *57*].

Для выяснения полной картины миграций, в том числе и на Украину, следует еще несколько слов сказать о населении Туркестана в данный период. К 1917 г. население Туркестана (узбеки, казахи, туркмены, киргизы, таджики, и др.) насчитывало около 9 млн. человек. Кроме них проживало 500 тысяч русских, украинцев, белорусов и свыше 40 тысяч военнопленных. К этому же времени в Средней Азии находилось не менее 300 тысяч выходцев из Западного Китая (Синьцзяна), большинство которых проживало в районе Семиречья и Ферганы. Это были тюркоязычные кашгарцы и таранчи (в 1921 г. принявшие самоназвание «уйгуры»), калмыки, монголы, казахи, дунгане, китайцы и представители других народов. Кроме того, «в Средней Азии постоянно находилось от 60 до 100 тысяч выходцев и отходников из Ирана — персов, азербайджанцев, курдов, несколько тысяч выходцев из Афганистана и Индии, сотни выходцев из других стран Востока. Основную массу переселенцев, эмигрантов и отходников из сопредельных стран составляли крестьяне, ремесленники, кочевники и рабочие» [157, *164*]. Подробное описание населения Туркестана приведено потому, что

по окончанию Гражданской войны многие представители из перечисленных народов официально подтвердят свое подданство в отделах губернских управлений УССР, что подтверждает факт миграции этих народов, включая и китайцев, из Туркестана на Украину как до начала Гражданской войны, так и в ходе ее. Они могли попасть на Украину из Средней Азии путем самостоятельного переселения в поисках работы или были завезены в числе рабочих из Туркестана в период Первой мировой войны по так называемой «реквизиции» [208, *25*], а также при переброске частей Красной армии на другие театры Гражданской войны.

Следует добавить к числу завезенных в годы мировой войны еще «многие тысячи китайских тружеников, бежавших в Россию из Месопотамии, куда их, по договору с пекинским правительством, громадными партиями доставляли англичане. Китайцы использовались в песках Междуречья на военных стройках, но условия тамошней жизни и работы были, видимо, таковы, что даже безгранично выносливые кули не выдерживали. Бросая все, они тайком пробирались в Иран, а оттуда к границам Закавказья» [225, *19*].

Еще часть китайцев прибыла в Россию вместе с китайскими купцами, как «дармовая» рабочая сила. Распродав свои товары, купцы возвращались домой, а брошенные ими на произвол судьбы китайские рабочие оставались в России [269, *59*].

Каково было общее количество китайских рабочих, использованных в народном хозяйстве России в 1914 — 1917 годах, неизвестно. В общей статистике промышленных рабочих они не учитывались. К осени 1916 г. только по официальным сведениям МВД в европейской части России уже находилось около 20 тысяч китайцев. К 1917 г. отходников из Китая можно было увидеть в европейской части России на предприятиях Москвы, Петрограда, на Северном Кавказе, Украине и в Прибалтике. «Точных данных о количестве китайского населения в России накануне 1917 г., к сожалению, не имеется, но можно предполагать, что его численность составляла около 300 тысяч человек, значительная часть которых приходится на переселенцев», — отмечали советские историки [255, *110*]. По данным уполномоченного китайского посольства по де-

лам труда в России, китайское правительство в годы мировой войны направило в Россию 150 тысяч китайских кули, из них 50 тысяч находилось в прифронтовой полосе [167, *356*]. На Урале в 1916 г. работало 10 тысяч китайцев, в Петрограде — 5 тысяч, на строительстве Мурманской железной дороги — около 10 тысяч, в инженерно-строительных дружинах Юго-Западного фронта находилось до 6 тысяч китайцев [158, *110*].

Пын Мин приводил численность китайских рабочих в России около 200 тысяч. В период Октябрьской революции в рядах Красной армии сражались, по его мнению, «главным образом рабочие, завербованные на работу в период первой мировой войны» [228, *96*]. Лю Юн-ань также приводит цифру завербованных в 1914 — 1916 гг. 200 тысяч человек в возрасте от 20 до 25 лет. Однако при этом следует учитывать, что многие китайцы попали в Европейскую часть России без паспортов — нелегально. То есть сначала они попали нелегально через границу в пограничную зону России, а затем завербовались на работу в ее Европейскую часть. Известно, что на заводах и шахтах Донбасса накануне Октябрьской революции работало около 3 тысяч китайских рабочих. Только в Макеевке в 1916 г. их работало свыше 600 человек [269, *59*]

Для того чтобы органично рассмотреть процесс втягивания китайцев в будущий гражданский конфликт на территории бывшей Российской империи и раскрыть мотивы вступления их в ряды Красной армии, следует кратко обозначить те условия труда, в которых оказались завербованные китайские рабочие.

Труд их применялся везде и без ограничений. Но обещанные блага при вербовке ничего общего не имели с последовавшей за обещаниями действительностью.

Согласно «Правилам о порядке использования инородцев, привлекаемых по реквизиции для работы внутри империи на государственную оборону» (декабрь 1916 г.), рабочие, ввезенные по реквизиции военным ведомством, за уклонение от работы и другие нарушения подвергались тюремному заключению или аресту на срок не более 3 месяцев или штрафам на общих основаниях (п.10); уголовную ответственность несли на общих основаниях, что и ос-

тальные граждане России (п.11). Каждый рабочий имел расчетную книжку (п.14); по желанию мог находиться на полном содержании (п.15). Размер их заработной платы устанавливался «не свыше оплаты, выдаваемой местным рабочим» (п.16); перевозки осуществлялись за счет предприятий (п.17); врачебная помощь — на общих основаниях (п.20). Если в рабочих потребность отпадала, дальнейшей их судьбой распоряжалось военное ведомство, через которое и осуществлялся найм (п.22). Завозимые по заявкам предприятий и частных лиц инородцы должны были селиться компактно, с учетом веры и обычаев, в виде артелей [99, *11 — 12*].

В письме ЦИК Всероссийского союза китайских рабочих в Наркоминдел от 1 декабря 1920 г. о положении завербованных китайцев говорилось: «Рабочие были обмануты, ибо им обещали работу, плату и условия жизни, вполне приемлемые на их родине. Тем не менее, рабочие не могли ни вернуться на родину, ни жаловаться, ни просить об улучшении условий своей жизни, так как на них смотрели, как на людей желтой расы. Как на покупной товар, как на рабов» [225, *16*]. Что касается обещаний «платы и условий, приемлемых *на их родине*», то это не совсем так, поскольку условия труда в Китае были зачастую еще хуже, чем в России. Иначе отходники в большом количестве по доброй воле не ехали бы на заработки в соседнее государство. Большей частью китайцы были недовольны несоответствием между обещаниями вербовщиков и последующей действительностью.

Особенно это касалось тех рабочих, которых вербовали различные ушлые посредники из числа самих же китайцев, и направлялись они не на крупные предприятия, а на самую низкооплачиваемую работу землекопов и лесорубов.

Ли Чен-тун попал в 1916 г. в числе 12 тысяч завербованных на лесозаготовки недалеко от Петрограда. Работали по 15 часов в сутки, спали в сырых землянках, в тесноте и грязи, а получали за свой труд «жалкие гроши», которых едва хватало на хлеб. Приводя эти слова, историк Ли Юн-ань добавляет, что уже по дороге к месту назначения завербованные китайские рабочие начинали понимать, что они обмануты. Как только переезжали границу, их бра-

ли под стражу отряды царской охранки. Грубыми окриками и бранью осыпали рабочих офицеры. В дороге кормили недоброкачественными продуктами, и многие тяжело заболевали. А так как никакой медицинской помощи не оказывалось, то не редки были и смертельные случаи. На просьбы рабочих улучшить питание, наладить медицинскую помощь отвечали отказом. Совсем другими становились и подрядчики. Исчезали улыбки, деликатность. Не слышно стало и медовых обещаний. Подрядчики не только не защищали интересы завербованных рабочих, а, напротив, целиком стояли на стороне царских чиновников.

«После прибытия на место назначения, — писал далее Лю Юнь-ань, — рабочие отправлялись в приготовленные для них бараки, как правило, обнесенные колючей проволокой и тщательно охраняемые солдатами. Бараки сырые, холодные и совершенно непригодные для жилья. Бывало так, что рабочих выгружали на голом месте среди тайги и заставляли их самих сооружать себе бараки... Первая же получка окончательно убеждала завербованных рабочих в том, что они жестоко обмануты. При вербовке им обещали платить по 100 — 200 рублей в месяц, а фактически платили 5 — 10 рублей, да и те выдавали нерегулярно... В довершение всего китайские подрядчики, пользуясь своим знанием русского языка и близостью к администрации, занимались вымогательством. Доведенные до отчаяния, многие рабочие требовали отправки на родину, хотя там их не ожидало ничего хорошего. Но их не отправляли. Многие бежали куда глаза глядят, но пойманных за это жестоко наказывали. А те, которым удавалось бежать, тоже ничего не выигрывали: не имея ни гроша, не зная языка, они, в конце концов, вынуждены были снова наниматься, только к другим хозяевам» [220, *6 — 7*].

Бывший красноармеец Яо Синь-чэн вспоминал, что вербовщики гарантировали ежемесячный заработок в пять цянте (так китайские рабочие называли царский рубль), бесплатный железнодорожный билет и оплату других расходов при проезде туда и обратно. В его партии завербованных китайских рабочих было примерно 2500 человек. «За каждую сажень нарубленных дров, — от-

мечал Яо Синь-чэн, — рабочим полагалось восемь рублей, однако подрядчики выплачивали нам лишь по пять. Работали мы группами по три человека и за день изнурительного труда едва нарубали по одной сажени. Бездельничавшие подрядчики и посредники-капиталисты забирали из нашего дневного заработка по три рубля, 50 копеек удерживал дагуй (главный подрядчик китаец) и 25 копеек — эргуй (нижестоящий подрядчик). Конторщик, непосредственно ведающий рабочими, также требовал по десять копеек с сажени; эти деньги назывались «расходами на переводчика». Кроме того, нужно было делать подношения приемщику по десять копеек с сажени или ставить ему магарыч водкой, в противном случае он без конца придирался к рабочим. В результате этих поборов рабочие получали всего лишь по 1 рублю 90 копеек в день... Капиталисты, чтобы выманить наши сбережения, сговаривались с подрядчиками и «старшинками» и в конце каждого месяца организовывали азартные игры, удерживая с играющих большой процент в пользу хозяина заведения; обманывали и дурачили людей и другими способами и добивались того, что в кармане у рабочих не оставалось ни гроша. Рабочий, оставшийся без денег, вынужден был снова продаваться капиталисту и работать на него... К тому же мы, китайские рабочие, помимо эксплуатации, подвергались в России еще и национальному гнету. Так, проезд по железной дороге китайским рабочим разрешался только в вагонах четвертого класса. Служащие железнодорожных вокзалов выгоняли нас из залов ожидания второго класса» [180, *67 — 68*].

Как утверждал Чжан Цзы-сюань, в 1916 г. в Шэньяне вербовку в Россию вела акционерная компания «Ичен» [видимо, имеется в виду акционерная компания «И.Я. Чурин». — Н.К.]. Разместив завербованных в товарные вагоны-теплушки, их повезли в Россию.

«Мы ехали более месяца, — вспоминал Чжан. — Кормили нас черным хлебом и русскими щами. Первое время мы никак не могли привыкнуть к новой для нас пище. К счастью, нам выдали по 10 рублей, и мы на каждой станции покупали что-нибудь поесть. Чем дальше мы ехали, тем все более менялся климат, становилось холодно. Все в вагоне старались держаться ближе к печке.

Наконец, поезд прибыл на небольшую станцию Калинковичи, где мы выгрузились. Длительное путешествие закончилось. Нам предстояло рубить деревья неподалеку от станции, окруженной безграничным лесным массивом.

Мы пробыли в этом огромном лесу около года. Каждый физически сильный рабочий мог заработать в месяц около 40 рублей, но мы не имели возможности высылать заработанные деньги на родину своим семьям и полностью тратили их на себя» [180, *93*].

Бывший красноармеец Лю Фу утверждал, что китайского рабочего в любое время ни за что мог обругать и избить русский десятник, более того, даже пленный солдат мог ударить его. «В октябре 1916 года, — вспоминал он, — мы объявили забастовку в знак протеста против избиений рабочих десятником и пленными солдатами. Забастовка продолжалась два дня. Мы возобновили работу лишь после того, как администрация дала обещание, во-первых, запретить десятникам и пленным избивать китайских рабочих, во-вторых, наказывать тех, кто будет избивать людей» [180, *153 — 154*].

Несколько в лучшем положении оказались рабочие крупных промышленных предприятий. Каждый шахтер, например, имел письменный контракт. В нем оговаривался гораздо более широкий круг условий найма, труда и оплаты.

Об этом говорят трудовые контракты китайских рабочих с администрацией предприятий в Донбассе, а точнее, с дирекцией Варваропольских рудников. В 28 статьях контракта оговорены следующие условия (смысловой перевод Ванг Бинга, КНР).

1. Настоящий контракт о найме на работу в России заключен между Петро-Марьевскими и Варваропольскими рудниками в лице представителя, с одной стороны, и наемным шахтером, гражданином Китая, с другой стороны. Контрактом оговорено следующее.

2. Компания (работодатель) обязуется оплатить проезд рабочего из Китая в Россию, а наемный рабочий обязуется выполнять все требования и правила компании.

3. Рабочий обязуется отработать 900 рабочих дней, включая больничные, но исключая прогулы или другие невыходы на работу.

4. Компания берет на себя обязательства по исполнению ус-

ловий контракта оплатить наемному рабочему дорогу из Китая в Россию и обратно в полном объеме.

5. Компания обязуется выдавать ежемесячно каждому работнику следующие продукты: 2 пуда муки, 1,5 пуда риса, 1,5 пуда овощей (капуста или картофель), 2 пуда соленой рыбы, 1,5 пуда молока, 0,4 пуда соли.

6. Кроме этого, ежемесячно выделяется на другие продукты 0,8 рубля на каждого работника.

7. На каждые 25 человек положен повар, который содержится за счет компании.

8. Контрактом установлены три категории работников и оплата их труда:

— старший (мастер или бригадир) с заработком 3 рубля за 10-ти часовой рабочий день. Он имеет в подчинении 50 шахтеров, поддерживает порядок и следит за соблюдением установленных правил, улаживает все конфликты между шахтерами;

— шахтер получает 1,9 рубля зарплаты за 10-ти часовый рабочий день, но если он может работать хорошо и больше, то и выше будет оплата труда;

— подсобный рабочий (помощник) с оплатой труда 1,65 рубля в день.

9. Компания берет на себя обязательство за свой счет предоставить общежитие, оплатить пользование питьевой водой и услуги врача.

10. Шахтер обязывался работать в ночную и дневную смены, однако по заключению врача он мог работать только в день.

11. Если шахтер не выходит на работу без уважительной причины, этот день считается прогулом. Он не засчитывается в обязательные 900 рабочих дней; шахтер за этот день должен оплатить компании (возместить убытки или за содержание) 1 рубль.

12. По истечении 900-дневного рабочего контракта рабочие могут быть отправлены в Китай, но организованно — при формировании группы минимум в 30 человек. Компания берет на себя расходы на питание и обратную дорогу до Китая.

13. Компания обязуется выплатить семье в случае несчаст-

ного случая (гибели) шахтера 500 рублей; но если несчастный случай произошел по вине работника в нарушение правил труда — компания выплачивает семье погибшего 300 рублей.

14. В случае получения шахтером увечья на производстве, и он при этом работать не может, компания выплачивает 200 рублей; а если при несчастном случае он получил травму меньшего характера, то компания выплатит 100 рублей.

15. В случае смерти шахтера компания берет на себя обязательство оплатить перевозку тела в Китай [По традиции Китая тело погибшего нужно хоронить на родине. — Н.К.]

16. Шахтер должен письменно указать адрес родственников в Китае, чтобы знать, куда переслать тело умершего рабочего.

17. Если, по оценке руководства компании, шахтер работает плохо, нарушает дисциплину, совершает прогулы, она может инициировать разрыв контракта досрочно, но тогда она обеспечивает проезд наемного рабочего из России в Китай.

18. Если в компании произошли какие-либо экономические изменения (форс-мажорные обстоятельства), она может досрочно отправить в Китай шахтеров, но обязуется в этом случае оплатить дорогу, питание в пути, а также выплатить каждому заработную плату за 3 месяца вперед.

19. Если работник хочет разорвать контракт досрочно, он обязан внести в компанию деньги, затраченные на проезд рабочего из Китая в Россию; дорогу из России в Китай он оплачивает самостоятельно.

20. Компания обязуется по желанию шахтера переводить деньги через Русско-Азиатский банк из России в Китай: либо в банк г. Пекина, либо г. Танжана (Таншан), в котором находится партнерская российско-китайская угледобывающая компания. Работник мог письменно сообщить родным о сумме пересланных денег, а родственники могли в компании в Танжане получить эти деньги на руки.

21. Компания обязывалась выдать рабочему комплект летней рабочей одежды при выезде из Китая и один комплект зимней одежды в России.

22. По заключению контракта в Китае компания выплачивала

1 доллар сразу на дорогу и некоторое время спустя еще 4 рубля [Китайский доллар перед Первой мировой войной равнялся 1 русскому рублю. — Н.К.] по пути следования через Маньчжурию до пересечения границы с Россией.

23. По окончании проезда через Манчжурию компания выплачивает семье наемного рабочего по выбору либо 10 долларов, либо 10 рублей.

24. По пути следования через Россию компания выплачивает каждому работнику по 15 долларов, а по приезду на место работы еще по 25 рублей.

25. По контракту первый раз врач осматривает рабочего при наборе в Китае, а затем уже русский врач осматривает его вторично в период проезда по Манчжурии до пересечения границы с Россией. В случае обнаружения болезней, врач может отослать рабочего обратно, но компания в этом случае берет на себя расходы на обратную дорогу наемника от данного места пути домой.

26. По пути следования от Харбина по Манчжурии рабочих сопровождает старший, который по возвращению в Китай от российско-китайской границы согласно списку убывших шахтеров передает их семьям по 10 долларов на основании п.23 контракта.

27. На границе Китая и России китайского старшего сменяет русский мастер и переводчик.

28. В контракте фиксируется, что наемный шахтер добровольно дает согласие на работу в России, а китайское правительство дает согласие на вывоз наемных рабочих в Россию в конкретном количестве на конкретное предприятие (в данном случае 800 человек на Петро-Марьевские и Варваропольские копи).

Контракт заканчивается подписями сторон в виде подписи представителя компании, с одной стороны, и двумя оттисками пальцев рук наемного рабочего (из-за неграмотности), с другой стороны. Дата подписания дублируется по китайскому и европейскому календарю [112, *1 — 13*].

Заработная плата китайцев при одинаковом характере труда действительно была меньше по сравнению с другими рабочими. На строительстве Мурманской железной дороги англичане за сход-

ную работу получали в день 7 — 8 рублей золотом, русские — 1 рубль 20 копеек, а китайцы — 80 копеек. К тому же рабочий день для англичан был установлен 8 часов, а для русских и китайцев — 10 часов и выше [265, *108*].

Однако следует сказать, что заработная плата китайских шахтеров, ввезенных по контрактам в Донбасс, была соотносима со средней заработной платой местных шахтеров (2 рубля 15 коп. в день — средняя зарплата шахтера в 1915 г. на Юзовском руднике [39, *13*], и 1 рубль 90 коп. — средняя зарплата шахтера-китайца в соответствии с приведенным выше контрактом, имея в виду, что контрактникам предоставлялись еще продукты питания), и резко не отличалась таким грабительским характером, как заработная плата чернорабочих, занятых на инженерно-строительных, лесозаготовительных и других мало оплачиваемых работах. Хотя абсолютные цифры были не в пользу китайских рабочих даже из числа «контрактников».

В 1917 г. китайские рабочие на машиностроительном заводе Михельсона (Москва) получали не более 15 — 18 руб. в месяц [199, *214]*, а уборщик бараков на Варваропольских рудниках в 1918 г — 20 руб. в месяц, в то время как китайский переводчик — 250 руб., старшинка — 185 руб. [39, *80*]. Заработная плата неквалифицированных рабочих в 1916 г. составляла и вовсе мизер — от 1 до 10 руб. в месяц [199, *214*]. Как показал Ван Фун-шань, который был завезен в 1914 г. из Харбина в г. Дубны, он, проживая в землянке и копая окопы, получал за 12-ти часовой рабочий день 35 копеек [225, *27*].

Таким образом, основные причины миграции китайцев в начале XX ст. в Россию, в том числе и на Украину, обусловлены двумя факторами — тяжелой внутриполитической и экономической ситуацией в самом Китае и растущей потребностью в дополнительной рабочей силе на территории Российской империи. Доминирующим мотивом эмиграции китайских граждан за пределы своей страны является желание улучшить свое материальное положение и спасти семьи от нищеты и голода. Устоявшимися формами миграции были: самостоятельная эмиграция на постоянное место жительства и работы, отходничество на неопределенный период, вклю-

чая участие в сезонных работах, реквизиция военным ведомством, свободные наймы по письменным контрактам, нелегальная миграция, в том числе через сопредельные страны на Юге России, ввоз китайских кули торговыми миссиями. Миграция осуществлялась по Китайско-Восточной железной дороге, через порты Черного и Азовского морей (особенно Одессу), а также через территорию Туркестана.

Условия труда завезенных китайских рабочих на территорию Российской империи разочаровали многих из них. Рабочие были недовольны нарушением не только данных ранее устных обещаний вербовщиками, но и неисполнением отдельных статей заключенных письменных контрактов со стороны администраций предприятий. Особенно тяжелыми оказались условия труда и быта тех рабочих, которые оказались на низкооплачиваемых и неквалифицированных работах: на рытье окопов в прифронтовой зоне, лесозаготовках, строительстве дорог. Такое положение должно было рано или поздно привести китайских рабочих к какому-либо протесту. Описание условий труда китайцев в *различных местностях* Российской империи продиктовано тем обстоятельством, что после их первоначального вступления там, по месту работы, в ряды красногвардейцев и красноармейцев многие из них окажутся на территории Украины.

ГЛАВА 2.
УЧАСТИЕ КИТАЙЦЕВ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: ПРИЧИНЫ И МОТИВЫ

Превращение китайцев из рабочих в бойцов Красной армии — процесс поэтапный, постепенный и неравномерный. Протестовать против кабальной системы русских капиталистов — это одно, подвергаться избиениям, будучи в плену у немцев во время военных действий Первой мировой войны, — это другое. Оказаться в положении притесняемых в период оккупации Украины румынскими, а затем австро-германскими войсками, — это третье и т.д. Каждая изменившаяся ситуация будет порождать со стороны китайцев адекватную реакцию и соответствующие мотивы поступков.

Как указывалось выше, завезенные на работу китайцы оказались в тисках двойной эксплуатации: российских и иностранных капиталистов, имеющих свой капитал в России, и китайских подрядчиков, которые по существу продавали рабочих в Россию, а затем зачастую имели свою долю доходов в качестве старшинок во время подрядных работ. Труд китайских рабочих мало чем отличался от принудительного труда военнопленных: им не разрешалось уходить с работы, трудились они под надзором вывезенной из Китая или нанятой на месте стражи, на многих из них не распространялись правила об охране труда и страхования, их обманывали при заключении контрактов, во время расчетов и т.д.

Применение труда отходников, как, впрочем, беженцев и военнопленных, играло на понижение заработной платы местных рабочих. Предприниматели при этом использовали дешевый труд китайцев-отходников для давления на местных рабочих. В большей степени это первоначально касалось тех предприятий, где доля китайцев в рабочей среде была весомой, например, на приисках Сибири. «Китайцы предлагают свой труд за самую минимальную плату, — сообщалось в журнале Союза горных инженеров Сибири, — мирятся с самыми тяжелыми условиями работы, и этим, конеч-

но, пользуется администрация приисков. При малейшем проявлении недовольства со стороны русских рабочих рабочие эти рассчитываются и на их место берутся китайцы». Как писала в 1916 г. самарская газета «Наш голос», на все требования местных рабочих администрация отвечала: «Можете уходить. Все равно китайцев найдется сколько угодно» [цит. по: 158, *31 — 32*]. Постепенно это явление стало заметным и на предприятиях Украины. В листовке Харьковского комитета большевиков, выпущенной в декабре 1915 г., сообщалось, что военно-промышленные комитеты добились на время войны неограниченной эксплуатации женского и детского труда, а также «ввоза рабочих китайцев и корейцев, что еще больше умножило безработицу» [158, *35*].

Первыми ситуацию в свою пользу начали использовать большевики. В целях расширения социальной базы своих сторонников они в рамках революционной пропаганды постепенно формировали *внешние мотивы*, направленные на вовлечение пришлых рабочих в протестное движение. В издании «Наша газета» (1915 г.) Г. Ломов писал: «Конечно, русские рабочие не будут бороться с пришлыми рабочими, наоборот. они всеми мерами будут искать с ними единения для совместной борьбы с той эксплуатацией капитала, от которой одинаково страдают и русские, и иностранные рабочие. Давно указывается на то, что по своей сущности капитал интернационален. Русский рабочий класс должен показать, что те персы, китайцы и другие несчастные кули, которых посредники готовы поставлять в «любом количестве», причем расходы по перевозке уравниваются «низкой рабочей платой», встретят братский прием со стороны пролетариата России» [158, *36*].

Китайские отходники постепенно втягивались в забастовочное движение русских рабочих. Иногда выступали с протестами самостоятельно, иногда совместно с военнопленными.

Еще 28 августа 1915 г. китайские рабочие стихийно отказались от работы на шахтах Кизиловского горного округа. В сентябре движение переросло в стачку. 110 активных ее участников, обвиненных в агитации, были высланы царскими властями в Китай. В январе 1916 г. против нарушения контракта забастовали отход-

ники Белорецкого завода. Одновременно забастовали китайские рабочие на шахтах Общества Кыштымских заводов. 26 мая 1916 г. отказались работать около 400 лесорубов-китайцев в Алапаевском лесничестве, а в октябре того же года волнениями были охвачены лесорубы, занятые на работах Полевого строительного управления в Минской губернии. Минский губернатор в письмах Департаменту полиции и начальнику снабжения Западного фронта от 24 октября 1916 г. признавал, что «администрация военно-полевого строительства грубо обращается с русскими и китайскими рабочими, игнорирует всякие законные требования рабочих, что вызывает среди них недовольство и волнения». Он предупреждал, что это может повлиять на местное население, которое «вполне солидарно с этими рабочими» [158, *38 — 39*].

Осень 1916 г. ознаменовалась полосой восстаний китайских рабочих в прифронтовой полосе в районах Орши, Минска и в Люцинском уезде Витебской губернии. На Юго-Западном фронте произошли волнения китайских рабочих в инженерно-строительных дружинах [211, *9 — 10*].

Вот как постепенно китайские кули, попавшие по обману в прифронтовую полосу на Западном фронте, поднимались, *с их слов*, на протест:

«И вот оказалось, что кули роют окопы на границе Российской и Австро-Венгерской империй. Обращение в царской армии с китайцами было чрезвычайно жестоким — стоило китайцу чуть-чуть замешкаться, как на него тут же сыпались удары нагайкой или прикладом. И многие решили бежать домой. Но как? Кули даже не представляли, в каком направлении находится Китай. Русского языка они не знали, в кармане — ни гроша...

Один рабочий заболел от непосильной работы и несколько дней не вставал с койки. Царский офицер счел это за саботаж и силой выгнал его на работу. В тот же вечер больной повесился. А другой китаец по фамилии Ван, не желая больше сносить издевательства, умышленно отрубил себе пальцы на руке...

А когда до китайцев донеслась артиллерийская канонада, они забеспокоились еще сильнее. Кули по прозвищу У Эр-ху стал аги-

тировать своих товарищей за забастовку. Все откликнулись на его призыв. Пять представителей во главе с У Эр-ху обратились к командованию с требованием отправить китайских рабочих на родину. Переговоры окончились арестом делегатов. И только через два дня, когда и китайские рабочие, и царские войска попали в плен к немцам, окружившим этот район, пять делегатов возвратились к своим товарищам» [180, *176 — 177*].

Большевики в апреле 1917 г. провели в резолюцию Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов требование прекращения ввоза восточных рабочих, привлечения к ответственности виновных за преступления, совершенные против них, пересмотра кабальных контрактов, распространения на эти категории трудящихся законов об охране труда и содействия возвращения на родину тем из них, которые не пожелают оставаться в России. Резолюция рекомендовала «товарищам на местах привлекать к участию в рабочих организациях, особенно в профессиональных союзах, ввозных рабочих, а также озаботиться изданием соответствующей агитационной литературы на языках ввозных рабочих» [158, *53*]. Большевистская печать, кроме требования немедленного введения в жизнь резолюции совещания, обратилась к рабочим, не дожидаясь, пока на призыв съезда откликнется правительство, предоставить возможность вернуться на родину ввозным рабочим, а тех, кто не пожелает уехать, ***приобщить к своей рабочей семье*** и добиться для них таких же условий труда, которых они требуют для себя.

1 мая 1917 г. в Москве, в Тушино, 300 китайских рабочих завода «Проводник» вместе с русскими рабочими участвовали в праздничной демонстрации [162, *53*].

21 октября 1917 г. горнорабочие Горловско-Щербиновского подрайона потребовали от предпринимателей уравнять заработок всех рабочих, кто бы они ни были, на всех рудниках и заводах Донецкого и Криворожского бассейнов [130, *157*].

На шахтах Донбасса большевики также вели агитацию среди китайских рабочих. Чжан Чуань-линь в 1915 г отправился на заработки в Россию и оказался на одной из шахт Донбасса. По его

воспоминаниям, осенью 1917 г. на шахту пришел русский большевик. Чжан поддержал агитатора. Благодаря агитации самого Чжана Чунь-линя ***все*** рабочие-китайцы примкнули к большевикам. Из них в дальнейшем был создан 3-й эскадрон 1-й бригады 42-й стрелковой дивизии 13-й армии, а Чжан стал командиром эскадрона. В нем насчитывалось более ста китайцев [180, *21 — 22*].

После февральской революции 1917 г., кроме прямого протеста под влиянием агитации большевиков, появляются более революционные действия китайских рабочих. Этому способствовала ситуация, когда к нуждам завербованных не было совершенно никакого дела со стороны ни Временного правительства, ни Центральной Рады конкретно на Украине. Тысячи голодных кули объективно не могли оставаться долго со своими проблемами один на один.

Влияние агитации большевиков среди китайцев на Украине было неравномерным. Среди рабочих, занятых в прифронтовой полосе, оно было слабее. Многие из них даже и не знали о февральской революции 1917 г. А вот среди рабочих, занятых на производстве в шахтах и на заводах крупных промышленных центров, информированность их была гораздо выше. Кроме Донбасса, большой сконцентрированностью китайских рабочих отличались Киев и Одесса. Одним из первых агитаторов из числа китайцев в Одессе был Пи Кай-чжан. Он выходец из Хэбэя, хорошо владел русским языком, которому его учили с детства русские христианские миссионеры. К 1917 г. китайские кули в большом количестве работали в Одесском порту, в каменоломнях, чернорабочими. «Сначала мы плохо разбирались в событиях, всколыхнувших Россию, — вспоминал Ча Ян-чи, — но потом стали разбираться. Появились листовки на китайском языке, приходили агитаторы» [224, *127*].

С массовыми расстрелами китайцы впервые встретились в Петрограде в дни Февральской революции, когда направлялись домой со стройки дороги Питер — Мурманск. Ван Хун-юань, работавший на деревоперерабатывающем заводе, вспоминал: «Как-то в феврале 1917 года часов так около восьми вечера на улицах вдруг началась стрельба. Она не прекращалась всю ночь, иногда слышалась и артиллерийская канонада. Окончательно все стихло только на следующее

утро. Вышел я из дому и вижу: всюду трупы. Потом узнал, что царя свергли — образовалось Временное правительство. Однако мы, китайцы, не придали этому особого значения, ибо *на нашем заводе* (курсив. — Н.К.) все шло по-прежнему» [180, *124*]. А вот прибывшие в Петроград китайцы из-под Мурманска оказались в центре событий.

Свидетель февральских событий в Петрограде В. Шкловский писал: «Хоронили людей, убитых во время Февральской революции. Их было много. Мало сейчас осталось людей, которые помнят, сколько китайцев было среди убитых в Февральские дни. По праву и долгу старости свидетельствую, что китайцев среди жертв Февральской революции было много. Китайские кули строили дорогу Питер — Мурманск. Ко времени революции дорога была окончена, и люди возвращались к себе на родину. Так попали китайские рабочие в Петербург, и там они вместе с нами штурмовали последние оплоты царя, и многие из них потом попали в Красную гвардию» [234, *572*].

Часть из завербованных китайцев пыталась уехать на родину. Ли Куй вспоминал, что «мы попросились [,] чтобы нас отправили в Китай [,] нас было отправили. Когда мы доехали до г. Пенза [,] там мы вступили в отряд красных партизан...» [17, *3*]. Отправка китайцев на родину активизировалась после Октябрьской революции и продолжалась до мая 1918 г. через Пензу. В первой половине 1918 г. советские власти оказали, с их слов, большое содействие в возвращении на родину находившихся в России китайских рабочих. Однако с началом мятежа чехословацкого корпуса отправка прекратилась. До восстания чехословацкого корпуса через Сибирь было эвакуировано около 40 тысяч человек [162, *100*].

В дальнейшем и власти Китая не очень были заинтересованы в возврате своих граждан на родину. На митинге китайских рабочих 24 августа 1919 г. в Москве заместитель председателя Московского отделения Союза китайских рабочих в России Тин сказал о том, что Пекинское правительство делало все возможное, чтобы воспрепятствовать возвращению на родину китайцев. Выступавшие китайские рабочие на митинге приводили в частности такой факт: в ответ на просьбу китайцев предоставить им возможность

вернуться на родину Пекинское правительство запросило: «А как много среди возвращающихся китайцев большевиков? Не будут ли они в Китае заниматься пропагандой?» [162, *58*]. И что должны были предпринять никому не нужные в чужой стране тысячи голодных кули?..

Успели ли китайцы уже в ближайшее время после Февральской революции, а затем и Октябрьской, заметить какие-то улучшения своего положения в России? Ответ, если доверять самим китайцам, скорее положительный. Но принять его можно с оговорками. Во-первых, приводимые ниже цитаты со свидетельствами китайцев относятся ко времени полного господства коммунистической идеологии, уже спустя много лет после окончания Гражданской войны. А во-вторых, многие декларации большевиков так и остались обещаниями, и практика (попытки) воплощения в жизнь многих из них была далеко неравномерна на огромной территории России. При этом трудно отделить иллюзии в оценках китайцев от реальной действительности.

Бывший красноармеец Ван Хун-сюнь отмечал: «После возвращения Ленина в Петроград я стал замечать большие перемены на нашем заводе. Заводовладелец уже не осмеливался ни с того ни с сего избивать и ругать рабочих, и зарплату мы стали получать вовремя. У народа поднялось настроение, возросла активность. Русские рабочие время от времени проводили собрания и приглашали на них нас, китайцев. Я всегда с большой охотой ходил на собрания. В мае и июне на заводе часто вспыхивали стачки. Однажды во время работы к нам в механический цех пришел какой-то человек. Он встал на скамейку и обратился к нам с речью. Рабочие окружили его и стали слушать. Сразу же после выступления незнакомец ушел. «Бросай работу! — обратились ко мне русские товарищи. — Пошли на демонстрацию против Керенского!» Я вытер руки и с колонной рабочих вышел на улицу» [180, *168 — 169*].

Идет постепенная трансформация форм протеста китайцев: они все более втягиваются в период между двумя революциями в общую с русскими ***политическую*** борьбу с установившимися новыми порядками.

Китайцы поверили обещаниям и декларациям большевиков. С приходом их к власти они связывали свои надежды выжить в России и заработать денег на обратную дорогу в Китай. А Красную гвардию они стали рассматривать как гаранта новых порядков, давших 8-часовой рабочий день.

Новым обстоятельством, улучшающим положение китайцев в России, *по мнению самих китайцев*, было устранение «расизма» и приобретение новых прав. Во всяком случае, так (с «классовых позиций») оценивали свое положение они сами. Трудно сказать, насколько их свидетельства соответствовали действительности, но поскольку они неодиночные, приведем некоторые из них. Ван Хун-юань по этому поводу вспоминал: «В России в те времена китайцы не имели никаких прав. Их презирали и жестоко эксплуатировали. В поездах китаец не мог сесть вместе с русскими, в каждом составе был специальный вагон для китайцев, причем третьего класса, а билет стоил столько же, сколько в вагоны первого класса, где ездила только аристократия да капиталисты. Случалось, что вагон для китайцев был битком набит, а вагоны для русских — полупустые. Еще пример. В гостинице, где я работал, часто останавливался какой-то русский генерал, и мне приходилось ему прислуживать. Трудно было угодить тому генералу. Попросил я управляющего, чтобы перевел меня на другой этаж, а генералу сказал, что я домой уехал. А через несколько дней я с генералом в гардеробе столкнулся. Позвал он меня к себе в номер да как кулаком по лицу стукнет. Я чуть выбитый зуб не проглотил» [180, *123*]. Вряд ли этот случай с генералом был типичен, но можно принять к сведению, что на индивидуальном уровне личная обида рано или поздно активизирует протестную позицию «обиженного».

Чэнь Ли-дэ, оценивая положение китайцев после революционных октябрьских событий 1917 г., также подчеркивал, что «в Советской России мы, китайцы, чувствовали себя свободными и равноправными. А у себя на родине мы постоянно подвергались унижению и оскорблениям. Встретишь, бывало, на улице Харбина иностранца (чаще всего русского аристократа) и спешишь заранее уступить ему дорогу, иначе он может ударить. Тебя могли пере-

дразнить, плюнуть в лицо. Оскорбленный китаец приходил в гнев, но все сносил молча. Для русских же товарищей по оружию в Советской России мы были настоящими братьями» [180, *103*].

Дипломатический чиновник пекинского правительства в телеграмме МИД Китая также признавал, что «облегчение участи китайских рабочих совпадает с моментом установления в России Советской власти, взявшей на себя защиту интересов рабочих, независимо от принадлежности их к той или иной национальности» [167, *356*].

Возврат к прошлому и угроза потерять приобретенные права (во многом обещанные большевиками на словах) — реальные и мнимые мотивы поддержать новую власть, не вникая в суть коммунизма, как идеологии. Поддержать идеи — еще не повод, чтобы взяться за оружие. Но все шло своим чередом: от протеста — к рядам Красной гвардии на предприятиях. От Красной гвардии — к регулярной Красной армии.

Но опять таки, положение в своих интересах продолжали использовать большевики, ведя агитацию. А поскольку к китайцам тогда вообще никто не обращался со словами понимания их ситуации, их слова находили в душах китайцев отклик. Так устроена психика человека: он в безвыходных ситуациях готов принять даже иллюзорное предложение, чтобы выжить. Чжан Цзы-сюань вспоминал:

«Наступила осень 1917 года. Я прожил в России уже год. Срок контракта истек, но о возвращении на родину ничего не было известно. И вот однажды от переводчика, вернувшегося из лесозаготовительной конторы, рабочие узнали, что русские служащие и чиновники-подрядчики разбежались; контора уже больше не существует. Таким образом, ***все мы лишились заработка и средств к существованию. Люди пали духом. Что делать?*** (Выделено. — Н.К.) Возвращаться домой — денег нет, к тому же железные дороги не работают. Не полетишь же домой на крыльях. В течение нескольких дней все мы бурно обсуждали создавшееся положение, но никто не знал, что же, в конце концов, предпринять. Однажды из города к нам приехал один человек, он долго беседовал с нами. Говорил он с помощью переводчика, нам не все было ясно, но основное мы поняли. Русский товарищ сказал, что рабочие все-

го мира фактически представляют собой одну семью. Они хотят, чтобы трудящиеся массы, в том числе и китайские рабочие, жили счастливо. Он говорил также о том, что мы, две тысячи китайских рабочих, в настоящее время уже не находимся под властью хозяев-подрядчиков и по своему желанию могли бы возвратиться на родину. Однако, сказал он, в данное время сделать это не представляется возможным: железные дороги не работают. И русский товарищ призвал нас вместе с русскими рабочими принять участие в революции, другими словами, вступить в ряды Красной Армии. По правде говоря, в то время мы не совсем ясно понимали, в чем смысл революции, но искренность, с которой говорил русский, покорила нас. ***Мы поверили ему*** (выделено. — Н.К.), и все вступили в Красную Армию» [180, *93—95*]. Чем и сильна пропаганда в случаях, когда человек находится в сложной ситуации.

Вот как Чжоу Жуй вспоминал о причинах вступления в Куправе в одну из частей Красной армии, которая впоследствии окажется на Украине: «В различных уголках России непрерывно возникали забастовки рабочих и восстания крестьян. Вскоре после приезда китайских рабочих хозяин завода бежал в Москву, а китайский подрядчик уехал на родину. Работа на заводе прекратилась, и нам перестали платить деньги...

Как-то рано утром в апреле 1918 года в барак, где проживали китайские рабочие, пришли три гостя. Это были Болдырев, Курманшев и Чубарович...

Болдырев, сердечно улыбаясь, сказал:

— Китайские друзья! Вы здесь терпели всяческие муки и лишения. Мы также терпели их. Наша Коммунистическая партия и Советская власть представляют интересы бедных и страдающих простых людей. Сейчас мы сами должны стать хозяевами и строить счастливое и прекрасное социалистическое общество. Однако империалисты и царские реакционные офицеры, помещики, кулаки и капиталисты не хотят мириться с тем, что мы взяли власть в свои руки. Они вошли в сговор, организовали реакционную армию и пытаются задушить нашу Советскую власть и возродить капиталистическую систему. Империалисты и белогвар-

дейцы — наши общие враги. Счастливая жизнь придет к нам только тогда, когда мы уничтожим белогвардейцев и прогоним иностранных интервентов. Все бедняки под небом — одна семья. Независимо от того, китайцы мы или русские, перед нами сейчас только один путь — идти в Красную Армию и уничтожать общих врагов. Как вы смотрите на это?..

Барак сразу же забурлил. Прошло немного времени, и все 307 китайских рабочих записались в ряды Красной Армии» [180, *105 — 107*]. Командиром батальона стал Болдырев, а заместителем — Гун-лян. Сначала китайский батальон в составе 461-го полка сражался против Н. Юденича в районе Чудово, а затем переброшен в Донбасс.

Теперь нужно рассмотреть мотивы поведения китайских рабочих промышленных предприятий с точки зрения изменяющейся социально-экономической ситуации в России.

Изменившиеся финансово-экономические обстоятельства позволяли китайцам уже не так упорно держаться за свои первые рабочие места и не расценивать заключенные ранее с царским правительством и частными владельцами контракты как гарантированный источник доходов. Была нарушена система перечислений заработанных китайцами денег через Русско-Азиатский банк. Вскоре после октябрьского переворота председатель Русско-Азиатского банка А. Путилов скрылся, а затем через некоторое время объявился в Пекине. 13 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров постановил национализировать банк А. Путилова. На другой день Русско-Азиатский банк был национализирован и влит в состав единого Народного банка Советской республики [167, *327*]. Кстати, юридическим держателем акций КВЖД был Русско-Азиатский банк. Попытка А. Путилова в Париже вернуть акции КВЖД под свой реанимированный банк успеха не имела.

Ухудшилась и экономическая ситуация на Украине. Например, к сентябрю 1917 г. в Донбассе было закрыто более 200 шахт и на улицу выброшено до 100 тысяч человек безработных, что негативно повлияло и на уровень зарплаты рабочих, и на уровень цен на товары первой необходимости [221, *17*].

Упала и платежеспособность рудников. В рапорте в Горный департамент окружного инженера Алмазного горного округа от 21 июня 1917 г. за № 2676 говорилось, что «приток нового капитала в Донецкий бассейн вовсе прекратился и охотников вложить свои деньги в угольные предприятия, как это наблюдалось в бывших размерах в прошлых годах, нет» [49, *20*]. Вмешательство рабочих в производство и непомерные требования о повышении заработной платы вели рудники к банкротству. В донесении в Горный департамент окружного инженера Бахмутского горного округа от 1 июля 1917 г. за № 2205 говорилось, что «на каменноугольных рудниках недостаток рабочих выразился в размере около 10 %, а добыча угля оказалась на 15 % ниже нормальной, причем замечалось понижение производительности рабочих, вызвавшее соответствующее повышение себестоимости угля. Вместе с тем, постоянные требования рабочих, направленные главным образом к повышению зарплаты, и значительные затруднения при получении различных необходимых материалов создают тяжелое положение для углепромышленников, ввиду чего интерес предпринимателей к каменноугольному делу падает, устройство новых копей замедляется, а для некоторых действующих копей производится поиски покупателя» [49, *21*].

Поскольку рабочие позволяли себе грубости, зачастую в нетрезвом виде, и могли вламываться в квартиры руководства шахт даже ночью, предъявляя свои требования, квалифицированное руководство стало покидать шахтоуправления [49, *58*]. Как писали представители Союза каменноугольных предприятий Донецкого бассейна господам министрам, «директора нескольких самых крупных предприятий Донбасса [,] опасаясь быть вынужденными под влиянием насилия принять настойчиво предъявляемые им требования, уже оставили рудники и предвидят необходимость оставления рудников и другими лицами высшего персонала по той же причине» [49, *23*].

Ухудшилось соблюдение правил безопасности на производстве, гораздо хуже стала охрана правопорядка на самих шахтах. Более чем за год процент умерших насильственной смертью китайцев-контрактников на Варваропольских рудниках составил около 1 %.

Они не погибли в результате несчастного случая на производстве, они были именно «убиты в шахте». Инвалидами за этот же период стали 2,3 % завезенных китайских рабочих, а умерли — 3,68 % [62, *66 — 68*]. На шахтах начал наблюдаться самосуд. Вокруг шахт начались самозахваты земель, на которых велось подсобное хозяйство, выращивались овощи, выпасался скот, добывался корм для лошадей — основной тягловой силы на рудниках. Все это, с одной стороны, ухудшало финансово-экономическое положение шахт, а с другой, подталкивало самых активных из числа китайских рабочих начать защищать свои непосредственные интересы. Для этого необходимо было иметь своих представителей в советах, рабочих комитетах, Красной гвардии.

Уже к декабрю 1917 г. китайские рабочие, ставившие своей целью заработать денег, стали заложниками ухудшения экономической ситуации и развала финансово и экономически целостного организма России вследствие «войны Севера и Юга». Юг и Север России были связаны между собою многочисленными народнохозяйственными нитями. «Борьба между Радой и Новочеркасском с одной стороны, и Советом народных комиссаров с другой стороны, — писалось в декабрьском 1917 г. номере журнала «Горнозаводское дело», — если не оборвала, то нарушила эту связь. Правительство Юга, сознавая свое «товарное» преимущество перед Севером, стремится создать препоны к проникновению на Север хлеба и топлива — и в результате обостряется полуголодное состояние населения в таких центрах, как, например, Москва. Попытки координирования границы нарушают, кроме того, установившееся течение товарообмена, обмен подвижного состава на сети железных дорог происходит в крайне ненормальных условиях… С другой стороны, Север, кроме посылки карательных отрядов на Юг, имеет в своих руках еще такое средство борьбы, как отказ в высылке денежных знаков «воюющим» правительствам и лишение их финансовой поддержки для выполнения ими их функций… Мы рискуем попасть в такое положение, что у нас будут циркулировать деньги 4-х категорий: 1) старые «деньги с портретом», 2) новые «деньги Керенского», 3) деньги Рады, 4) деньги Новочеркас-

ские... Россия представляет собою экономически-целостный организм, и всякие нарушения этой целостности смертельно-болезненно отзовется на всех частях России» [48, *92 — 93*].

Как это касается рассматриваемой темы в свете географической удаленности Украины от, скажем, Сибири?

Чэнь Ли-дэ, например, вспоминал, что с весны 1918 г. продовольственные затруднения стали еще серьезнее. На одного человека выдавали только по два с половиной фунта ржаной муки в неделю, а жиров и соли не было совсем. «Мы ходили по окрестным деревням, — вспоминал он, — и покупали картошку, а жарили ее на стеарине, по совету будочника-китайца... К концу года купить картошку стало невозможно, да и зарплату мы не получали уже несколько месяцев. Однажды прошел слух, что поблизости идет набор в Красную Армию. Многие рабочие, в том числе и я, решили вступить в нее...» [180, *100 — 101*]. Сначала эта часть была переброшена на Западный фронт, а в дальнейшем отошла к Екатеринославу (Днепропетровск).

Ван Хун-юань также вспоминал, что «в следующем, 1918, году положение в стране было особенно тяжелым... Не было сырья, и наш завод, как и многие другие, прекратил работу. Но особенно остро ощущалась нехватка продовольствия. В то время рабочие, занятые физическим трудом, получали в день четверть фунта хлеба, а служащие — всего восьмушку. Небольшой кусочек хлеба, умещающийся на ладони, не давал умереть от истощения, но и не избавлял от постоянного чувства голода...

Многие китайцы-рабочие, в том числе и мои знакомые, вступили тогда в Красную Армию. Они говорили, что ей нужны люди. Я в то время слабо разбирался в происходящих событиях, но видел, как к нам изменилось отношение. Китайцы стали пользоваться уважением, они получили возможность трудиться по восемь часов в день. И я в феврале 1918 года решил вступить в Красную Армию» [180, *125*].

Кризисное состояние экономики и финансов понижало мотивации среди китайских рабочих, приехавших работать по контрактам, в продлении своего пребывания на предприятиях. В то же время повы-

шалась психологическая готовность таких рабочих либо уехать в Китай, либо изменить свой статус пребывания, заняв социально активную позицию. В период с декабря 1917 г. до марта-апреля 1918 г. (то есть до оккупации Украины австро-немецкими войсками) на предприятиях, где работали китайцы-контрактники, произошли снова крупные изменения. Произошла национализация предприятий. Условия контрактов, заключенных с бывшими частными владельцами предприятий, морально устарели. Как будут исполняться отдельные юридические статьи контрактов, определенно не мог ответить никто. 15 января 1918 г. в Харькове состоялся учредительный съезд Южсовнархоза, органа, к которому перешли функции Совета съезда горнопромышленников Юга России. Под юрисдикцию Южсовнархоза подпадали Екатеринославская, Харьковская губернии, угольные районы Донской области, железнодорожный район Херсонской губернии и Крым. Иногда влияние нового органа распространялось на Курскую и Воронежскую губернии. По инициативе Ф. Артема комиссия из трех человек разработала проект декрета о национализации промышленных предприятий Донецкого и Криворожского бассейнов для представления на утверждение Совнаркому Донецко-Криворожской республики. 2 марта 1918 г. был опубликован список 97 рудников, национализированных Южсовнархозом. А в конце марта — еще 230 рудников и 8 металлургических заводов [209, *195*]. Китайцы в изменившихся условиях вынуждены были принимать меры к своему участию в управлении предприятиями, в работе рабочих комитетов и органах местной власти. Если опираться на опыт Гражданской войны в России, то относительно участия непосредственно китайцев в органах власти в тот период можно сказать следующее. В числе депутатов Петроградского совета были видные руководители китайских рабочих в России Лау Сиу-джау и Сю Цай, а также китайцы были в советах на Арбагарских каменноугольных копях в Забайкалье [265, *108*]. Чи Тай-кунт был депутатом Московского совета 1 созыва [224, *13*]. Пау Ти-сан был членом (1918 г.) Владикавказского горсовета [224, *103*]. Ма Сан-чи (1885-1938) был членом ЦИК Туркестанской республики, делегатом 3-го конгресса Коминтерна [157, *196*].

Причинами массового вступления китайцев в вооруженные

красногвардейские отряды были также угроза расстрелов и избиений китайцев. После того как румыны убили троих китайских рабочих под Тирасполем, к И. Якиру пришли в отряд около 450 китайцев. По этой же причине они вступили в Харьковский отряд.

Одним из мотивов вступления в рабочие боевые дружины со стороны китайцев была необходимость поддержания элементарного правопорядка. По России прокатилась волна освобождения из тюрем уголовников. Например, в Луганске уголовная тюрьма была распущена еще в апреле 1917 г. «Выпущенные уголовные, буквально занимались бандитизмом, производя убийства, кражи … среди населения». Порядок необходимо было поддерживать не только в самом Луганске, но и на рудниках, в селах всего Славяно-сербского уезда [47, *26*]. Рабочие вынуждены были создавать рабочие дружины. Этим дружинам много пришлось приложить усилий для наведения порядка. Надежды же на охрану рудников полицейскими приставами уже не было, постепенный переход в течение 1917 г на милицейскую систему поддержания порядка порождал массу недоразумений и проблем на местах.

Особенно это стало актуальным в период калединских набегов на шахтерские рудники и рабочие поселки. Процесс вступления в красногвардейские дружины китайцев и других иностранцев активизировался. В декабре 1917 г. казаки А. Каледина, ворвавшись на Ясиновский рудник, произвели жестокую расправу над 50 захваченными в плен австрийцами (бывшими военнопленными) и мирным населением. Они расстреляли австрийцев из пулемета, а затем врывались в квартиры, отыскивая мужчин. Захваченных казаки тут же на глазах семьи расстреливали, кололи штыками, рубили шашками, убивали шахтеров, выходивших из шахты. В результате на руднике погибло 172 человека [243, *52*]. При этом надо делать поправку на то, что свидетельства большевистских очевидцев несколько тенденциозны. Так или иначе, но 26 декабря 1917 г. казачьи формирования действительно совершили нападение на Дебальцевский ревком. В это время Дебальцево был одним из пунктов формирования красногвардейских отрядов. Подобные нападения в сочетании с большевистской агитацией предопределили

участие красногвардейских отрядов Донбасса, в том числе китайцев под руководством Шен Чен-хо, в походе против А. Каледина на Дон.

Частично китайцам импонировали первые заявления Советского правительства. Оно еще в ноябре 1917 г. аннулировало все тайные договоры с другими капиталистическими странами, направленные на «закабаление Китая», отказалось от контрибуции, от всех концессий и привилегий, которыми пользовалось царское правительство. 20 ноября 1917 г. было опубликовано обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В нем говорилось об отказе от захвата чужих территорий, самоопределении народов. Был аннулирован Русско-китайский договор 1896 г., Боксерский протокол 1901 г., что было с одобрением воспринято китайскими рабочими. В январе 1918 г. на китайский язык был переведен Декрет о мире.

По мнению Лю Юн-аня, «сущность нараставшего революционного движения не сразу дошла до сознания простых китайских рабочих. Совершенно неграмотные, не умеющие читать и писать не только по-русски, но и по-китайски, китайцы постепенно, с трудом вникали в события, происходившие в чужой стране» [180, *4 — 5*].

Для китайцев, занятых не на крупных промышленных предприятиях, а на тыловых и других низкоквалифицированных работах, революционные события в России были менее интересны. «При этом подавляющее большинство китайцев, — считает А. Ларин, — политикой не интересовалось. Для рабочих, завезенных в Россию, заветной мечтой было вернуться домой. Такие люди шли в солдаты просто для того, чтобы не погибнуть от голода и холода в чужой стране. В одном из донесений китайских дипломатов читаем: «Секретарь Ли пригласил завербованных в армию рабочих в посольство и откровенно поговорил с ними. Они разрыдались и сказали: «Разве можно забыть свою родину? Но в России очень трудно найти работу, а у нас нет денег на обратный путь. Мы не можем свести концы с концами, потому и записались в солдаты» [247, *56*].

Но кроме мотивов отстоять свои новые права в постреволюционной России, защитить физически свои жизни, оградить себя от

голода, следует отдельно сказать еще об одном мотиве, который искусно подогревался и раскручивался большевиками постепенно на протяжении всей Гражданской войны. Это — обещание большевиков поддержать после собственной победы в России революционный Китай, что давало китайцам надежду на экспорт революции в их страну. Участник Гражданской войны в Советской России Чэнь Ли-дэ вспоминал, что «в красные отряды мы вступали не по принуждению, как это пытались изобразить враги русской революции, а добровольно. Признаться, мы тогда не понимали, что такое марксизм и коммунизм. Так что, если судить только по этому признаку, вряд ли нас могли бы назвать сторонниками коммунизма. Но мы знали, что в России совершился такой переворот, который желали бы увидеть у себя дома трудящиеся всех стран... Мы, китайские рабочие, тогда и подумали: если так, то почему бы нам не помочь русским трудящимся отстоять их священное дело. ***А когда-нибудь, может быть, и они нам помогут в нашем собственном освобождении*** (выделено. — Н.К.). Руководствуясь этими чувствами пролетарской солидарности, мы встали в один ряд с русскими рабочими и крестьянами и вместе дрались за Советскую власть, против русских белогвардейцев и иностранных интервентов» [220, *12 — 13*].

Сами китайцы уже к лету 1918 г. стали связывать судьбу русской революции с возможностью проведения такой же революции в Китае. Газета «Красная Армия» 13 июня 1918 г. писала: «Из разговоров с китайскими красноармейцами выясняется, что последние надеются на помощь русского пролетариата для совершения революции в Китае» [129, *89*]. 24 августа 1919 г. китаец Тин на митинге заявил: «Китайцы с оружием в руках проложат дорогу в Китай, помимо союзников, через Сибирь, плечом к плечу с русским, корейским и монгольским восставшими народами» [162, *58*].

Красные командиры, ведя пропаганду среди китайских бойцов, тоже ориентировали их на продолжение борьбы за революцию в Китае. На митинге среди бойцов китайского батальона во Владикавказе С. Киров отмечал, что, «воюя на стороне красных здесь, китайские бойцы воюют не только за то, чтобы революция побе-

дила в России, но и за то, чтобы она победила в Китае, что придет час, когда на их родине тоже грянет гром пролетарской революции» [224, *95*].

Надежды китайцев на помощь Советской России в экспорте революции в Китай были не беспочвенны и подогревались соответствующими сигналами в ходе Гражданской войны. В июле 1919 г. Советское правительство в обращении «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» заявило, что русский народ горит желанием помочь китайскому народу, что он хочет заключить с Китаем равноправный договор, ликвидирует все привилегии, которыми пользовалась царская Россия, отказывается от «боксерской» контрибуции. «Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили в Версале с целью обратить его во вторую Корею или во вторую Индию, пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия», — говорилось в обращении [228, *71 — 72*].

В. Ленин в письме председателю Комиссии по делам Туркестана Ш. Элиаве 16 октября 1919 г. советовал создать в Туркестане базу снабжения колониальных народов Востока оружием, литературой, чтобы помочь «народам Востока в борьбе с империализмом». При этом указывал, что «вести дело, конечно, архиконспиративно (как умели при царе работать)». И еще: «Денег мы не пожалеем, пошлем довольно золота и золотых иностранных монет...» [153, *99*].

Таким образом, основные причины, по которым китайцы вынуждены были вступать в ряды Красной гвардии и Красной армии, вытекают из изменившейся политической и социально-экономической ситуации в Российской империи, резко ухудшившей и без того нелегкое положение китайских рабочих. Поставленные на грани смерти от голода и от физической расправы со стороны различных вооруженных формирований и иностранных оккупантов, они искали любой приемлемый для себя выход из ситуации. Под влиянием пропаганды и агитации большевиков они все чаще и чаще согла-

шаются вступать в ряды красногвардейцев, а затем и красноармейцев. Основным мотивом вступления их в Красную гвардию на первоначальном этапе является стремление защитить свои экономические интересы, чтобы заработать денег на обратную дорогу в Китай, а позднее и защитить свои жизни, выжить в период разрухи и голода. Немаловажным мотивом их вступления в Красную армию является желание экспорта русской революции в Китай и надежда на обещанную помощь большевиков из России.

При дальнейшем практическом рассмотрении темы, эти мотивы будут конкретизированы и расширены. Сейчас же отметим, что китайцы в России, не сразу уяснили себе сущность революции в России, не говоря уже об особенностях революционных преобразований на Украине. Как отмечал Пын Мин, «от полного неведения — к некоторому пониманию, от понимания меньшинством — к пониманию большинством, от частичного понимания — к полному пониманию — таков был путь развития сознания...» [228, *65*].

ГЛАВА 3.
В РЯДЫ КРАСНОЙ ГВАРДИИ

Первоначально отряды Красной гвардии (дружины) создавались на предприятиях для защиты интересов рабочих и охраны порядка.

Часть из тех китайцев, которые впоследствии окажутся на Украине, в Красную гвардию вступили уже в 1917 г. в Петрограде и Москве. Так, в феврале 1917 г. свой боевой путь в Москве начали Жан Чан-дин (родился в 1895 г. в Пекине в семье батрака, впоследствии командир 1-го Нежинского отряда) [27, *1*], Ю Шу-шай (родился в 1894 г. в Пекине в семье батрака) [37, *1*], Лю Цай Василий (родился в 1899 г. в Пекине, в Красную гвардию вступил в Москве в октябре 1917 г.) [29, *1*], Ма Си-фу Михаил (родился в 1887 г. в Пекине) [30, *1*], Фу Ви-фий Николай (родился в 1896 г. в Пекине, в феврале 1917 г. вступил в Красную гвардию в Москве) [33, *3*] и другие. Все они с московскими рабочими отрядами в конце декабря 1917 — январе 1918 гг. будут переброшены в Донскую область для борьбы с частями А. Каледина. Часть китайцев, работающих на предприятиях Донбасса, как показывают архивные документы, также во главе с Шен Чен-хо присоединятся к московским и питерским отрядам в борьбе с частями А. Каледина [255, *115*]. (В некоторых источниках фамилия Шен Чен-хо дается как Шань Тянь-хо [255, *115*] или Ше Че-хо и т.д.). Ян Фу-ша вспоминал, что «работал в Москве на заводе «Проводник». В декабре 1917 г. он вошел в красногвардейский отряд из 75 китайцев. Командир Ше-Че-хо. В начале 1918 г. отряд отправили на Украину» [22, *1*]. Ван Шен-ти показывал, что в январе 1918 г. он вступил в отряд в Никитовке. «Его товарищ» — Шан Чин-хо — стал командиром, который отобрал в отряд на их руднике (Сорокино) 36 китайцев [13, *1*]. После разгрома калединцев часть из них будет работать либо на железной дороге Луганска, либо на шахтах Славяносербского уезда, а затем весной 1918 г. вступит в Луганске в 1-й Нежинский китайский отряд. Фу Ви-фий так и пишет: «добровольно во второй раз вступил в 1-й Нежинский Китайский отряд, который формировался в Луганске» [33, *3*].

Один из первых красногвардейских отрядов, в который массово вступили китайцы на Украине, находился в Донбассе. Бывший шахтер Донецкого Бассейна С. Батароль вспоминал, что на Кондратьевском руднике работало несколько сот китайцев. При формировании красногвардейского усиленного отряда в него попросились и китайцы. Китаец-шахтер Ван Юнь привел в отряд свыше 50 китайцев [169, *60*]. Когда Ван Юнь просился в отряд, он объяснил поступок китайцев таким образом: сегодня мы вам поможем, а завтра вы нам поможете [220, *17*]. В период борьбы с частями А. Каледина в отряды Красной гвардии в Донбассе вступили и другие рабочие-китайцы, например, Чжан Чуань-линь, Чжай Юн-тан и другие [158, *121*]. В возрасте 20 лет Чжай Юн-тан, прослышав, что в России можно зарабатывать до полутора рублей в день, завербовался в 1916 г. на Кайлуаньских копях и вместе с 800 другими рабочими из Таншаня приехал на одну из шахт Донбасса. На этой шахте работало более 50 рабочих-китайцев. Во время октябрьских событий 1917 г. Чжай Юн-тан вместе с 32 другими китайскими рабочими вступил в красногвардейский отряд донецких шахтеров. Затем отряд был преобразован в китайскую роту 14-го полка 5-й армии. Командиром роты был Чжан Да-жэнь, а Чжай Юн-тан стал командиром взвода. Зимой 1917 г. он принял участие в борьбе с частями А. Каледина [180, *27—28*]. В Красногвардейском отряде Парамоновского рудника было 27 китайцев и 3 австрийца, в рядах Красной гвардии Ясиновского рудника сражались против калединцев около 50 человек немцев. Китайцы, немцы, чехи, словаки, поляки были также в рабочих отрядах Алмазной, Прохоровских рудников [219, *26*]. В ноябре 1917 г. были созданы Кадиевский, Варваропольский, Голубовский, Горно-Ивановский и ряд других рабочих отрядов.

Отряды создавались не только при заводах и рудниках, но и при советах. В июне 1917 г. такое решение принято Советом рабочих депутатов Кальмиусского горного округа, Гришинского Совета [219, *25*].

В социально-политическом и пропагандистском смысле Красная гвардия Донбасса формировалась большевиками на принци-

нах «пролетарского интернационализма», что открывало дорогу в ее ряды представителям разной национальности. «В ее ряды принимались на равных правах трудящиеся всех национальностей, в том числе рабочие из военнопленных и завербованных» [219, *25*]. О каких-либо документах, включая списки красногвардейцев, не может быть и речи, поскольку все требовало конфиденциальности и, по свидетельству А. Куринного и М. Ревина, после объединения этих отрядов, в штабе даже печать была из картофелины [60, *1*].

Действия конкретных китайских красногвардейских отрядов предлагается рассмотреть в контексте событий Гражданской войны. Как уже отмечалось выше, в январе 1918 г. на востоке Украины концентрируются китайские формирования для карательной экспедиции против казаков Дона. Это китайцы из Москвы, Петрограда и Донбасса. Какую роль они сыграли в этот период, период уже не защиты своих предприятий, а участвуя в карательной экспедиции? Для этого необходимо уточнить состав концентрируемых войск. Это тем более интересно, поскольку практически одновременно будет происходить поход красных войск отсюда же и на Киев.

Итак, с 20 декабря 1917 г. под руководством В. Антонова-Овсеенко проходило накопление сил для карательной экспедиции на Дон в количестве 6 — 7 тыс. человек, включая московские полки, части старой армии и красногвардейцев Донбасса. Как повели себя бойцы из этих условных категорий? Как отмечал историк и участник Гражданской войны Н. Какурин, «боевые стычки сменялись переговорами и самовольными перемириями, которые заключали части обеих сторон друг с другом». «В результате активно действовать начала только колонна Сиверса, и она сильно уклонилась к югу от данного ей направления, причем в среде ее частей, выделенных из старой армии, началось разложение» [161, *29*]. Отметим, что переговоры о перемирии вело не начальство на высоком уровне, а непосредственно руководство частей. Дадим краткую характеристику частей в январе 1918 г., опираясь на самого В. Антонова-Овсеенко.

1-й Петроградский сводный отряд разложился в Харькове «после реквизиций, обысков и арестов»; «Отряд Сиверса представлялся

вполне стойким» [149, *53*]. Но это по началу. Отправленные на Никитовку 2 эшелона — 300 человек — из отряда Р. Сиверса перепились и с позором были отправлены в Москву 30 декабря 1917 г. [149, *75*]. Прибывший из Твери Революционный отряд занял с матросами Чугуев, но перессорился с ними, был разоружен, большей частью отправлен в Тверь, а остатки отряда отправлены А. Егорову в Лозовую для похода на Славянск [149, *74*]. Местный контингент ненадежен и слаб. Поэтому для занятия Лозовой собрали сборный отряд Харькова, состоящий из латышей ВЭК (электрокомпания) и 30-го полка Н. Руднева общей численностью 700 штыков [127, *60*]. Прибывший 2 января в Купянск отряд Ю. Саблина, перепился, половина разбежалась, остальных с трудом разоружили и отправили обратно, 20 человек арестовали. С трудом был успокоен 192-й полк, требовавший освободить командира, арестованного за пьянство. Всего Ю. Саблин привел в Луганск не более 500 человек [149, *77*].

Р. Сиверс занял Иловайскую, но 422-й и 423-й Луцкие полки отказались повиноваться, были разоружены и отправлены в тыл. У Р. Сиверса только 500 красноармейцев. Он пишет В. Антонову-Овсеенко: «Положение создается критическое... Нужно или выбирать соответствующих людей, или вводить для войск репрессии и военно-полевые суды с применением смертной казни... Прошу идущие к вам в тыл эшелоны не только разоружать, но и раздевать с них сапоги, шинели и обмундирование, одевая изменников в рваный хлам и одевая красноармейцев, которые в общем ведут себя геройски, но которые имеют, увы, ничтожную организацию для ведения полевой войны» [149, *102*]. Наступление Р. Сиверса «выдохлось из-за дезорганизованности Финляндских полков» в ночь на 6 января 1918 г. [149, *103*].

10 — 12 января атака калединцев принесла неудачу отрядам Р. Сиверса и Ю. Саблина в Донбассе. Поэтому, как отмечал В. Антонов-Овсеенко, «для того, чтобы навести порядок в наших частях, в Донбасс был послан Муравьев, который провел там большую организаторскую работу». А 10 января произошло подавление в Харькове 2-го Украинского полка [149, *106*]. Участвовал в этом прибывший из Москвы красногвардейский отряд. Обезору-

жен Чигиринский Украинский полк и обезоружен отряд поляков в 900 человек, несший караульную службу из солдат Польского революционного полка [149, *107*].

Р. Сиверсу в помощь прибыл 2-й Петроградский (до 1 000 человек) отряд в Харьков 9 января, а 11 января прибыл из Гатчины 3-й Петроградский отряд красногвардейцев в помощь Ю. Саблину [149, *107*].

После неудач под Лихой, у Ю. Саблина попросился 3-й Московский красногвардейский отряд для «пополнения в Москву»; 31 января отряд разоружили, заклеймили в трусости и отослали в Москву и сопроводили телеграммой В. Антонова-Овсеенко о его постыдном поведении. Следом за 3-им выбыл из строя Харьковский отряд М. Рухимовича: «поддавшись нелепой панике, отряд потребовал своей отправки в тыл». М. Рухимовича Ю. Саблин обозвал дезертиром [149, *212*].

4-я Кавалерийская дивизия разложилась. В. Антонов-Овсеенко писал: «В Луганске дело осложнилось пьянством, развившимся в драгунском полку… Полк в неуравновешенном состоянии удалось вырвать из этой разлагающей обстановки только после серьезного воздействия» [149, *221*]. Личного воздействия М. Муравьева, этого «авантюриста», как отмечал В. Антонов-Овсеенко.

На рудниках Донбасса в этот период «работали до 120 тысяч военнопленных немцев, за которыми не было никакого надзора» [149, *187*]. Из местных немецких военнопленных тоже попытались создать формирования. Но когда на смотре на похвалу рота (100 человек) дружно ответила: «Гох, кайзер Вильгельм!», роту пришлось распустить, поскольку это не отвечало ни старому, ни новому, революционному, духу патриотизма. Всего на борьбу с А. Калединым направили 100 немцев в отряде Шиманского [149, *227*].

Таким образом, надежных частей нет. В. Антонов-Овсеенко отмечал, что Г. Петров топчется у Чертково, Р. Сиверс — слаб, поскольку не может удержать за собой основные станции в Донбассе, медлит; полки, идущие с Западного фронта, разлагаются и еще в пути распускаются по домам.

2-го февраля, наконец, прибыл 3-й Латышский Вяземский полк

(400 шт.) и другие части с Северного фронта. Это ответ на письмо В. Антонова-Овсеенко еще в декабре 1917 г., которое он послал в Венден с латышом П. Пурвином:

«19.12. — 1917 г. Венден. Тов. Нахимсону. — На помощь рабочим Донецкого бассейна на борьбу с калединцами, разоряющими край труда, придите, братья латышские пролетарии. Два полка латышей через неделю здесь решили бы дело. Тыл дает и может дать только красную гвардию, гарнизоны уже полураспущены или слабы духом. Помогите нам, братья латыши. Голосом тысяч семей, обездоливаемых разбойничьими бандами, голосом борьбы, поднятой Донецкими пролетариями, призываю вас на помощь. Да здравствует пролетарская солидарность. Да сгибнут враги революции. Народный комиссар Антонов. Гор. Харьков» [149, *102*].

В. Антонов-Овсеенко в другой своей работе отмечал, что «сводные отряды в значительной части оказались недееспособными, дали (***особенно Москокруга*** [выделено. — Н.К.]) большой процент дезертиров и ослушаний. Отряды красногвардейцев обнаружили, в общем, слабую выносливость, плохую маневренную способность..., но значительную моральную стойкость. Правда, значительная доля снятых с фронтов на Дон частей распалась по дороге или дезертировала уже на новом фронте. Но действия 4-го ***Латышского*** (выделено. — Н.К.) полка... настолько решительны, что создали ***определенный перелом*** (выделено. — Н.К.) в борьбе с добровольцами-корниловцами» [176, *14*].

Таким образом, на Дон выступили отряды, которые к 20 января насчитывали: у Г. Петрова — 2,5 тысяч человек; у Ю. Саблина — 2,2 тысячи; у Р. Сиверса — 700 человек. В резерве можно было рассчитывать на местных красногвардейцев по совстам Донбасса числом до 4 тысяч человек [149, *121*]. А на Киев во главе с М. Муравьевым 18 января 1918 г. выступили из Харькова бронепоезд с эшелонами червонных казаков и харьковские красногвардейцы — всего до 500 человек. Костяк составляли латыши и оставшиеся после разложений и расформирований питерские и московские красногвардейцы, разбавленные иностранцами (им-то возвращаться было некуда). Планировалось по пути на Киев их пополне-

ние отрядом Знаменского из Ворожбы (до 1 000 чел.). Курскому ревкому поручили прислать в Ворожбу 100 человек с пулеметом. Даны указания прислать подмогу из Люботина и Белгорода, с Лозовой отряд А. Егорова (1,2 тысяч штыков), в Глухов — Московский отряд особого назначения [149, *134*]. «Из Донбасса к Егорову подошел отряд рудничных партизан (до 300 человек), организованный бесшабашным смельчаком Жлобой» [149, *109*]. По другим источникам, в январе 1918 г. отряд Д. Жлобы из шахтеров численностью около 1 000 человек, имеющий в своих рядах и иностранцев [219, *147*], через Полтаву ходил на Киев, отряд назывался Донецким. Именно отряд Д. Жлобы первый захватил Дарницу и освободил из Киево-Печерской Лавры 500 пленных арсенальцев. Они влились в отряд ясиновских шахтеров. При возврате жлобинцев обратно через Днепр, они подверглись обстрелу и со стороны защитников Киева, и со стороны большевистских войск: М. Муравьев посчитал, что погибли жлобинцы, и начал обстрел Лавры.

По пути на Киев не останется в стороне и контингент китайцев из Бахмачской группировки (о ней ниже).

М. Муравьев на пути в Киев вел себя временами трусливо и неуверенно. Суммы занял 30-й полк Н. Руднева (полк в 120 человек!), М. Муравьев занял Полтаву, потеряв всего 1 человека убитым [149, *134*]. По пути следования сначала у М. Муравьева были трения с Харьковскими красногвардейцами, которые занимались пьянством и грабежами. «Он прекратил их суровыми методами» [149, *145*]. Основу дисциплинированных составили латыши из харьковской электрокомпании.

28-30 января проходил бой за Круты. М. Муравьев докладывал, что войска Рады, «предводимые самим Петлюрой», разбиты. Вот именно в бою за Круты, как отмечал сам М. Муравьев, «Петроградская красная гвардия, Выборгская и Московская гвардия вынесли почти одни весь бой на своих плечах». «Петлюра во время боя пустил поезда с безоружными солдатами с фронта навстречу наступавшим революционным войскам и открыл по несчастным артиллерийский огонь. Войска Рады состояли из батальонов офицеров, юнкеров и студентов, которые, помимо сделанного зверства

с возвращающимися с фронта солдатами, избивали сестер милосердия, попавших во время боя к ним в руки. Иду на Киев. Крестьяне восторженно встречают революционные войска» [149, *146—147*]. Трудно утверждать, полагаясь на телеграмму М. Муравьева, что бой под Крутами «вынесли на своих плечах» исключительно *русские* красногвардейцы Москвы и Петрограда, имея в виду присутствие в них иностранного компонента. Утверждения, что украинскую независимость в данный период подавили «несметные полчища» русских (московских) войск Советской России, сильно преувеличены. Как выразился историк И. Лысак-Рудницкий, эту легенду пора сдать в архив. Во-первых, названия питерских и московских красногвардейских отрядов вовсе не соответствовали их содержанию, в которых более половины были иностранцы, а также выходцы из Украины, работавшие на предприятиях Москвы и Петрограда. А во-вторых, в той же 2-й армии латышей И. Вацетиса и Р. Берзина наряду с иностранцами большую часть составляли фронтовые части, состоящие в основном (более 2 тысяч) из выходцев из Украины и Донской области (потому и выступивших беспрекословно из Белоруссии на Украину), желавших как можно быстрее отправиться по домам. Поэтому, как только Киев будет взят, армии М. Муравьева уменьшатся сразу почти вдвое — фронтовики разойдутся по домам, останутся стойкие местные большевики и те, кому некуда идти. Пока кратко скажем, что приблизительно из 5,5 тысяч штурмовавших Киев красногвардейцев иностранный компонент включал: более 1000 китайцев, группировавшихся до начала похода М. Муравьева на Киев в районе Бахмача [255, *111*], более 50 бывших военнопленных немцев [198, *147*] и более 70 военнопленных австрийцев [243, *52*] из отряда Д. Жлобы, а также китайцев, чехов, словаков Алмазных и Прохоровских рудников [219, *26*], свыше 70 китайцев Московского красногвардейского отряда [22, *1*], более 100 латышей из Харькова (рабочие электрокомпании) и свыше 40 интернационалистов из 1-го Полтавского полка [155, *60*; 191, *38*], более 50 китайцев Кондратьевского рудника [269, *80*], роту китайцев Гатчинского отряда [60, *30*], около 200 чехов из чехословацкого коммунистического отряда [243, *53*]. Ранее Союз

юго-славян направил арсенальцам Киева своих артиллеристов и пулеметчиков, а отряды Крутова, Михайловича, Николича, Дмитровича приняли участие и в борьбе против Центральной Рады, и позже против немецких войск [243, *58 — 59*]. Итого, свыше двух тысяч иностранцев, или почти каждый третий красногвардеец. Напомним, что революционный отряд из Твери, 3-й Московский, 1-й и 3-й Петроградские красногвардейские отряды (о которых М. Муравьев говорил, что они одни вынесли на своих плечах бой под Крутами) разложились еще до начала похода на Киев и, по свидетельству В. Антонова-Овсеенко, дали наибольший процент дезертиров, были расформированы и отправлены домой. Сколько из них было оставлено в сводном Петроградском отряде наиболее стойких коммунистов, латышей и китайцев, сказать трудно. Во всяком случае, вступивший в конце 1917 г. в Петрограде в красногвардейский отряд Сун Су-дин, показывает, что в январе 1918 г. он принимал участие в боях против С. Петлюры [32]. Ли Фун-са Василий, поступивший в 1-й интернациональный красногвардейский отряд в Москве еще в конце 1917 г. (командир отряда был Сын Фувен), в рассматриваемое время уже воевал в Киевской губернии [1, *6*]. Спустя десятилетия, эта *разноплеменная масса с оружием* некоторыми украинскими политиками и историками стала называться «русскими солдатами», «балтийскими моряками» (некоторые уже договорились до «вооруженных до зубов морских пехотинцев»), «подавивших украинскую независимость».

Что касается партизанского отряда Иванова (о партизанском отряде Иванова будем вести речь в отдельной главе), то двое из участников китайского батальона под командованием У Эр-ху (в частности, Тань Шань) упоминают, что они принимали в это время участие в боях против С. Петлюры под Киевом [24]. На наш взгляд, китайские бойцы из партизанского отряда Иванова в рассматриваемый период разделились и принимали участие и в бою под Крутами (часть), и в подавлении восстания польского легиона Довбор-Мусницкого под командой И. Вацетиса в Белоруссии. Иначе объяснить, каким образом двумя месяцами спустя большое количество китайцев (70 из 200 охранников) оказались в охране Кремля, в том

числе и боец отряда Иванова Ли Фу-цин, невозможно. Невозможно, если не учесть, что латыши И. Вацетиса и китайцы имели общую практику уже в январе 1918 года. Причем, китайские бойцы принимали участие в подавлении восстания поляков в Белоруссии, будучи одновременно направлены туда также из Петрограда. Например, вступивший в октябре 1917 г. в красногвардейский отряд Петрограда Ли Фун-шон В. в начале 1918 г. уже участвовал в боях против поляков в Минской губернии [2-Б, *1*]. А вторая часть китайского батальона из отряда Иванова, как и более тысячи китайцев Бахмачской группировки, принимала участие в составе 1-го Минского отряда в походе на Киев. Как известно, 1-му Минскому отряду (1-я Минская армия) И. Вацетиса и Р. Берзина было приказано двигаться по маршруту Гомель — Бахмач — Киев. И. Вацетис остался подавлять восставший польский легион, а именно колонна Р. Берзина, в дальнейшем 2-я революционная армия Украины, насчитывающая 3,5 тысячи бойцов, 28 января завязала бой под Крутами [159-А, *166*]. Сам М. Муравьев помог Р. Берзину только частично, направив часть красногвардейцев из своей колонны из Лубнов на Круты, а остальные его войска во главе с А. Егоровым, включая отряд Д. Жлобы, заняли Гребенку [159-А, *166*].

В Яготине и Борисполе войска М. Муравьева соприкоснулись с чехословацким корпусом — те заявили о нейтралитете. В то же время в распоряжении Центральной Рады находился сформированный ею из чехословаков полк [149, *148*].

По общему подсчету, гарнизон Киева насчитывал около 20 000 бойцов. Их-то и опасался М. Муравьев. Но решительно дрались только «красные» и «черные» гайдамаки. Остальные не определились или сражались на стороне наступающих революционных войск [149, *150*]. Часть петлюровских полков (Шевченко и Богуновский) перешли на сторону красногвардейцев. Видимо, это частично объясняется неподдержкой идеи отделения Украины от России, частично же данным ранее при формировании украинских национальных формирований обязательством: не выступать против Советской власти. Как отмечал В. Антонов-Овсеенко, «в связи с провозглашением права наций на самоопределение, в солдатской среде возникла мысль о выделении солдат определенной

национальности в особые части. Этому мы, как общее правило, противились. Но мы вынуждены были согласиться продолжать начатое еще при Керенском выделение в особые части и отъезд на Украину украинцев. Оружие и обмундирование при этом выделялись в пропорциональном количестве. С отъезжающих бралось выраженное в резолюции их общего собрания обязательство не поднимать оружия против Советской власти» (то же касалось белорусских частей) [176, *10*]. М. Грушевский, И. Мазепа объясняли переход частей Центральной Рады на сторону М. Муравьева пропагандой большевиков.

Можно встретить неоднократные утверждения о том, что в Киеве в феврале 1918 г. стреляли московские большевики исключительно «украинцев» по национальности и, прежде всего, носителей украинской национальной идеи и власти. Да, стреляли и представителей Центральной Рады (И. Пугач, Л. Бочковский и др.), но в большинстве бежавших из Петрограда и Москвы в Киев русских офицеров царской армии (свыше 10 тысяч). По данным Украинского Красного Креста, общее число жертв в Киеве в январе-феврале 1918 г. исчисляется в 5 тысяч человек, ***большинство*** из них офицеры — до 3 тысяч (называются также цифры от 2 до 6 тысяч). После ухода большевиков концентрация русских офицеров на Украине даже усилится. К лету 1918 г. в Киеве уже будет насчитываться до 50 тысяч офицеров, в Одессе — 20, в Харькове — 12, в Екатеринославе — 8 тысяч офицеров. Всего в 1918 г. от рук большевиков, петлюровцев и различных других формирований погибло до 10 тыс. русских офицеров. Русские офицеры, не проживавшие в Киеве до 1 января 1915 г., проходили регистрацию с получением «красных» карточек, по наивному представлению которых красноармейцы М. Муравьева их и расстреливали [188, *4, 9, 80*]. Накануне штурма Киева М. Муравьев в приказе № 9 по своим войскам четко определял: «Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожать всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции» [169, *160*]. В своей речи в Одессе М. Муравьев о взятии Киева говорил: «...Я занял город, бил по дворцам и церквам, по попам, по монахам, ***никому*** (выделено. — Н.К.) не давал пощады! 28-го января оборонческая дума просила переми-

рия. В ответ я велел бить химическими удушливыми газами. Сотни генералов, может и тысячи были убиты беспощадно. Так мы мстили...» [222, *117*]. При желании, в рамках заданной темы, исследователь может показать, что террор в Киеве был либо антиукраинским, либо антирелигиозным и пр. И найдет в подтверждение определенное количество фактов и примеров. Большевикам же, и лично В. Ленину, нужна была исключительно власть, а из чьих рук ее забирать — русских, латышей, украинцев, чехов, поляков или попов — было безразлично. По свидетельству представительства Чешского национального Совета д-ра Гирса, например, чешских солдат раздевали догола и расстреливали, собаки доедали расстрелянных [222, *117*]. При этом первую скрипку среди вошедших «питерских и московских» войск при погромах в Киеве играли местные большевики, выходцы из Украины. Говоря о разном поведении двух таких путиловских рабочих из Петрограда, киевлянин Н. Могилянский подчеркивал: «Совсем другое впечатление оставил его товарищ — рабочий Путиловского завода в Петрограде, лет 40, ***уроженец*** (выделено. — Н.К.) Новозыбковского уезда ***Черниговской*** (выделено. — Н.К.) губернии. Этот, накрест обвешанный пулеметными лентами, весь дышал злобой и мщением. Изо рта его, разившего алкоголем, вырывались непрестанно угрозы: «О! Я их всех найду, я их знаю в лицо — офицеров-контрреволюционеров»...» [188, *31*]. Именно такие пришельцы, не зная, как еще можно самоутвердиться, в квартирах и домах киевлян требовали снять портреты с изображением Т. Шевченко и хулили местное «малороссийское наречие».

Поэтому, с точки зрения национальной принадлежности пострадавших от рук большевиков, как отмечал киевский свидетель, «преследованию подверглись одинаково и русские, и евреи, и поляки, и украинцы» [188, *33*].

Нужно сказать, что, штурмуя Киев, М. Муравьев приказывал стрелять в спину картечью большевистским войскам, и далеко не «русским»: это местные, украинские, части, китайцы, латыши и представители других национальностей.

Не следует и недооценивать на протяжении всей Гражданской

войны на Украине личные характеристики таких жестких командиров («бесшабашных» «авантюристов»), как М. Муравьев, Д. Жлоба, П. Дыбенко, Н. Григорьев, Л. Фекете. От их приказов зависела судьба многих тогда на Украине вне зависимости от национальности. А волю исполняли далеко не московские полки с русским окрасом, а, прежде всего, украинские. Но и первые, и вторые густо были замешаны на иностранном компоненте. И это мы попытаемся показать в последующих главах. Точно также можно предъявлять претензии Н. Григорьеву или П. Дыбенко за жестокости якобы *московских* войск при взятии Одессы (Григорьевым в 1919 г., когда, по свидетельству китайцев, было уничтожено до 80% противника из числа пленных) или Крыма (Дыбенко в 1919 г.). Но на самом деле это были, прежде всего, местные части. С другой стороны, следует подчеркнуть, что так называемые украинские части на самом деле таковыми были чисто условно ввиду присутствия в них иностранцев. Яркий пример — «червонное казачество». А. Солженицын о корпусе Червонного казачества пишет: «Но то не было казачество, обратившееся к красному сознанию, а бандитское, образованное изо всех наций, до румын и китайцев, с латышским кавалерийским полком, с русским командиром Виталием Примаковым, а политотдел корпуса возглавлял И.И. Минц (во второй дивизии Исаак Гринберг), начальником штаба — С. Туровский, оперативную часть штаба — А. Шильман, редактор дивизионной газеты — С. Давидсон, адм. отдел штаба — Я. Рубинов» [229, *126*]. И мы еще вернемся к жестокости, неуправляемости и «авантюрности» «самородков», когда будем говорить об *интернационалисте* Л. Фекете. Так что вообще сбрасывать со счетов личные качества некоторых большевистских военачальников при оценке событий того времени на Украине нельзя.

Теперь подробнее об иностранном компоненте в рассматриваемый период на Украине. И, прежде всего, о китайском.

Часть китайцев, прибывших с московскими и петербургскими рабочими на Дон, уже в марте 1918 г. в их же составе окажутся на Украине другим путем. Как отмечали В. Гема и Е. Скляренко, после разгрома А. Каледина на Дону отряды красногвардейцев были переправлены на Украину. Когда командир 3-й колонны

Р. Сиверс узнал о наступлении немцев на Петроград, он в соответствии с приказом наркома по военным делам от 1 марта 1918 г. распорядился отрядам двигаться по железной дороге по маршруту Ростов — Харьков — Орел — Москва. Но с подписанием Брестского мира наступление немцев на Москву было прекращено, агрессия же Украины продолжалась. Поэтому 3-й колонне было приказано сосредоточиться в Курске и в дальнейшем направиться на Украину в район Конотоп — Бахмач — Гомель. Отряды 3-й колонны стали основным ядром 5-й Украинской армии [241, *78*]. Эта передислокация имеет значение, потому что в этом районе еще в январе 1918 г. сосредоточивалась крупная группировка китайских красногвардейских отрядов.

Бахмачская группировка. Это условное название. Именно китайцы этой группировки были использованы М. Муравьевым в походе на Киев, а сначала Р. Берзиным в бою под Крутами. Известно, что после того как в ноябре 1917 г. Нежин захватили войска Центральной рады, большевики именно тогда сформировали на хуторе Зайцево 1-й Нежинский красногвардейский отряд [206, *453*]. Китайские рабочие сорганизовались в свой Нежинский китайский отряд. Чин Хо-хай вспоминал, что он с 1916 г. 8 месяцев работал на рытье окопов на Румынской границе, затем его командировали на Шубинский рудник поваром. В 1917 г. там организовался Нежинский отряд красной гвардии, в котором он был переводчиком [5, *4*]. Ю Фун-ча в 1917 г. работал на лесоразработках в районе Минска. По его словам, китайские рабочие, узнав, что в Бахмаче создаются отряды Красной гвардии, послали туда своего представителя. По его возвращении более тысячи китайцев отправились в Бахмач. Часть из них была принята в красногвардейский отряд, другая была направлена на Кавказ для борьбы с контрреволюцией [255, *111*]. По другим источникам, 1200 было оставлено в Бахмаче, а вот, сколько уже к тому моменту было китайцев в красногвардейских отрядах в этой местности (Нежин — Бахмач), сказать трудно. Однако уже в начале 1918 г., по воспоминаниям того же Ю Фун-ча, китайский отряд с Кавказа был переброшен в Бахмач и его бойцы «прямо из вагонов пошли в бой» с противником [155, *121*].

Вообще же в районе Киев — Гомель — Бахмач еще до окончания 1917 г. возникли ряд партизанских и красногвардейских отрядов, в которых китайцы приняли деятельное участие и неоднократно оказывались в различных воинских формированиях, вошедших в дальнейшем либо в 5-ю, либо в 3-ю, либо во 2-ю армии. По воспоминанию Чжан Цзы-сюаня, в районе Гомеля из китайских рабочих на лесозаготовках сформировался отдельный китайский батальон, вошедший в дальнейшем во 2-ю армию [211, *79*]. Он вспоминал:

«Район лесозаготовок остался позади. Вскоре мы прибыли в окрестности города Гомеля, входившего в Киевский военный округ, где начали изучать военное дело. Кроме того, каждый день мы выделяли несколько групп на рытье окопов, ремонт железнодорожных путей и на другие работы. Каждый китаец ежемесячно получал по семь рублей. Сумма, конечно, небольшая. Но если учесть, что мы находились на полном обеспечении всеми видами довольствия, этого было вполне достаточно, и новобранцы ни в чем не нуждались.

Военная подготовка продолжалась несколько месяцев. В течение этого времени формировались воинские отряды. Я оказался в числе 1200 человек, из которых был сформирован Отдельный китайский батальон, действовавший в составе 2-й Революционной армии. Остальные 800 человек вошли в состав другого соединения [180, *95*].

Прежде чем рассматривать другие китайские формирования, следует несколько слов сказать о ***качестве местных*** красногвардейских отрядов в юго-западной части Украины в данный период. В то время как В. Антонов-Овсеенко был озабочен в Харькове, где взять надежные части для похода на Дон и Киев, и усиленно приглашал к себе революционных латышей, в Николаеве, например, было всего 840 красногвардейцев на 40 000 рабочих, а вооружить можно было до 5 000 [149, *70*].

Находившийся под Тирасполем И. Якир об этом периоде писал: «Мужик не хотел воевать, не мог, он устал… Наши митинги, уговоры на станциях не давали никаких положительных результатов, только одиночки из тысяч оставались с нами.

Крестьянство Херсонского берега также поднять всерьез на массовое движение не удавалось. Приходилось довольствоваться своими земляками бессарабцами, не имевшими дома, ненавидевшими оккупантов румын и своих помещиков. Лишь в середине февраля [1918 г. — Н.К.] Одесса понемногу начала раскачиваться и присылать отдельные отряды, но по своей организованности и дисциплине они в своем большинстве превзошли наши самые худшие ожидания» [187, *8*].

А в это время положение китайских рабочих было тупиковое, и выход из него подсказывала сама жизнь. В ноябре 1917 г. рабочий Ча Ян-чи и другие китайцы работали неподалеку от Кишинева. Сначала им было неясно, почему вдруг сбежали хозяева, почему люди стали ходить по улицам с красными флагами и повязками. Но однажды в барак к китайцам пришел один незнакомец, тоже с красной повязкой на рукаве, и разъяснил, что в России произошла революция, что народ прогнал царя, помещиков и капиталистов и отныне вся власть в стране перешла в руки трудящихся. Китайцы без колебаний решили идти воевать за Советскую Россию. Ча Янчи и его земляки вступили добровольцами в ***4-й Днепровский революционный полк*** [220, *18 — 19*].

Тираспольский отряд. Историк Н. Попов считал, что первый китайский батальон был сформирован в Тирасполе Сан Фуяном в декабре 1917 г. На наш взгляд, отряд формировался несколько позднее и постепенно. В январе 1918 г. И. Якир создал большой Тираспольский отряд, который М. Муравьев называл «Особой армией по борьбе с румынской олигархией». За основу было взято имущество царской армии [187, *7*].

Основой в кадровом отношении были остатки от прорвавшихся из Румынии 4-й и 6-й русских армий, которые вместе с формированиями из Одессы составляли не более 5 — 6 тысяч человек [159-А, *173*].

По воспоминаниям же В.А. Антонова-Овсеенко, в Тираспольский отряд входили 5-й и 6-й полки заамурцев, 2-й Днестровский батальон, группа русских моряков, подрывники, бронепоезд, две батареи, автомобильный отряд, китайский батальон Сан Фу-яна и некоторые другие части [211, *13*].

По свидетельству И. Якира, в начале 1918 г. к нему под Тирасполь Сан Фу-ян привел около 450 (на самом деле 530. — [187, *13*]) китайцев, которые вынуждены уйти с лесоразработок, поскольку троих китайцев расстреляли румынские солдаты [269, *61*]. Румыны издевались над китайцами, часто пороли их. И. Якир, в частности, писал, что китайцы пришли к нему в часть полураздетыми и голодными. «Людей у нас было мало, — вспоминал он, — а оружия много, не вывезешь, все равно придется оставлять, ну и решили мы — чем не солдаты? Будущее показало, что прекрасные солдаты были... Обули, одели, вооружили. Смотришь — не батальон, а игрушка. Вот меня и назначили ими командовать и направили нас на оборону старой Тираспольской крепости.

Сподручными у меня были — первый знакомец «Васика» и один китаец Сэн Фу-ян, именовавший себя капитаном китайской службы. Хороший солдат. Он-то собственно и командовал, а я так — верховное руководство проводил» [187, *10 — 11*].

Петроградская газета «Красная Армия» 6 июня 1918 г. писала, что «организатор китайских красных батальонов Сан Фу-ян происходит из бедной семьи пограничного коменданта. Испытавший с детства нужду и горе он примкнул к социалистической китайской партии, принимал участие в революционных выступлениях» [129, *89*].

В феврале 1918 г. на проходившем в Тирасполе съезде 3-й революционной армии «участник национально-освободительного движения в Китае революционер Сан Фу-ян предложил сформировать отряд из трудящихся-китайцев, работавших в Бендерах, Тирасполе и других местах» [129, *89*]. Предложение было принято. 23 февраля 1918 г. по предписанию штаба Тираспольского революционного отряда в распоряжение Днестровского полка направлено 35 добровольцев-китайцев, а на следующий день — еще 50. Таким образом, в составе Тираспольского отряда продолжал формироваться 1-й революционный китайский батальон, командиром которого некоторое время был И. Якир, затем А. Пестов, а заместителем — Сан Фу-ян. (Кстати, поскольку в китайском языке нет «р», китайцы называли Якира Я Ки-лау [224, *27*]). В отряд записыва-

лись и добровольцы-румыны; была в нем и группа австро-венгерских военнопленных» [158, *144*]. Одним из командиров рот в батальоне был Лю [224, *26*].

Как происходил процесс вступления других китайцев в Тираспольский отряд, вспоминал Сюй Мо-линь, который в числе других рабочих завербовался на работу в Россию в феврале 1917 г. в Харбине, работал на рытье окопов в 4-м тыловом саперном батальоне на русско-польской границе, затем в поисках лучше доли оказался на румынской границе. Он вспоминал:

«Пришли мы (нас было несколько человек — все китайцы) к какому-то хуторку, примерно в километре от северо-западной окраины Тирасполя, и видим: развевается какой-то странный флаг — красный, а у флага стоит боец-китаец. А для людей, хлебнувших горя на чужбине, встретить своего земляка — такое счастье, что словами не выразишь. Подошли мы к бойцу, поздоровались, потолковали по душам. Выяснилось, что это большевистский отряд и в нем много китайцев. Спрашиваем: «А нам можно в ваш отряд?». Боец тут же вызвал командира, тоже китайца. Рассказали мы ему, как попали в хутор, заявили, что хотим в отряд. Командир тоже был рад встрече. Услышав, что мы трое суток не ели, он тут же приказал накормить нас. Так мы стали бойцами Тираспольского отряда Красной Армии...

Вскоре наш отряд выступил из Тирасполя на Екатеринослав. Недалеко от станции Раздельная нас атаковали австрийские части. Тираспольский отряд состоял главным образом из новичков, которые в первом бою, естественно, растерялись. Отряд рассыпался и снова собрался только на одной из следующих станций. В этом бою было убито и ранено более 40 китайских бойцов...

Вскоре меня назначили командиром взвода» [180, *82 — 84*].

26 января 1918 г. произошел разрыв между РСФСР и Румынией, которая оккупировала Бессарабию (так называемое добровольное присоединение). А 16 февраля начались боевые действия. Они принесли неудачу советской флотилии у Вилково. Но за одну ночь из Киева было переброшено 3 — 4 тыс. красноармейцев М. Муравьева в Одесский район. Как уже отмечалось, из 5 — 6

тысяч человек после занятия Киева его армия уменьшилась почти вдвое, что позволило мобильно несколькими эшелонами перебросить на Румынский фронт остатки его войск [159-А, *174*].

При отступлении от немецких оккупантов китайцы по приказу М. Муравьева прикрывали остальных. Как отмечал И. Якир, «хорошо, гарантированно прикрывали. Китаец — он стоек, он ничего не боится». При этом показали себя выносливыми бойцами. При отступлении в первых боях ранили пулеметчика, так китайцы уже ночью нашли расположение и догнали отступивших — и китайца раненного и пулемет доставили: дорожили оружием [187, *12*].

Уже при обороне Одессы от австрийских войск китайский батальон понес первые существенные потери. По свидетельству И. Якира, на одной из небольших станций под Одессой китайцы, давая организованно отступить основным силам, потеряли в бою около 80 своих бойцов [269, *61*]. Во время боев на линии Раздельная — Одесса к Тираспольскому отряду присоединился еще один отряд китайцев, сформированный в Одессе. Путь Тираспольского отряда пролегал: Одесса — Березовка — Колосовка — Вознесенск [187, *17*]. В. Антонов-Овсеенко писал, что далее Тираспольский отряд отступил по железной дороге к Вознесенску, где принял участие в обороне города. В начале апреля 1918 г. добровольцы-китайцы, самоотверженно проявившие себя в бою у станции Знаменка, прикрывали вместе с ротой Княгницкого отход остальных частей к Екатеринославу» [158, *147*]. Затем через Синельниково отряд с боями отступил на Восток. По пути грузили продукты, хлеб, сахар, чтоб армия не голодала. Привели к «порядку» отряд Маруси, который всех грабил [187, *18*].

При наступлении германских и австрийских частей советские части насчитывали: около 3 000 бойцов в районе Киева; до 3 000 — в других городах Украины; во всех армиях М. Муравьева — не более 5 000; стратегические резервы Р. Сиверса и Ю. Саблина — до 4 000, то есть всего не более 15 000 человек. Мобилизация украинских сил путем призыва 3-х возрастов результата не дала. При этом колонны Ю. Саблина и Р. Сиверса также были ослаблены демобилизацией бойцов старой армии [159-А, *177*].

В. Ленин в телеграмме от 28 февраля 1918 г. просил В. Антонова-Овсеенко, «вспомнив свое украинское происхождение, принять командование над всеми советскими войсками, борющимися с германо-австрийским вторжением на Украину» [149, *198*].

Но против немцев некому было воевать, за что И. Якир обижался на командование и лично на В. Антонова-Овсеенко: «все нам одним вдоль железной дороги приходилось драться. Ежели и пришлют какой-нибудь отряд из губернского города — долго не провоюет: или побьют его — воевать не умеет, или сам уедет...». И здесь же: «Так мы до Екатеринослава добрались. Китайцы мои все таяли... Много теряли, но по дороге новых набирали. Приводили опять голых, раздетых.

Тут уже где-то к нам приблудился один совсем грамотный китаец, в штатском ходил, с револьвером большим поверх пиджака. Жулик был. Шен Чен-хо звали его. Себя представителем от всех китайцев считал.

Ему денег давали, а он поедет и с какого-нибудь завода, лесорубок или шахты приведет человек 200 китайцев. Надувал он их, все деньги себе брал, жалованье им не давал...

Когда разобрались мы в нем — выгнали к чертям.

Однако он и потом возле разных штабов болтался. Торговал китайцами, которые ему на слово верили, а он их по-прежнему обманывал. Всякие тогда жулики были. Был и такой вот — китайский» [187, *22*].

В этот период отступающим частям не давали резервов и отдыха. Но в Екатеринославе часть бойцов отправили в Мариуполь на отдых, а с остальными И. Якир приступил к формированию 3-й армии. Прибыл для пополнения 4-й Мариупольский отряд, вооруженный до зубов, и... тут же сбежал. Китайцы из Мариуполя отправились на Луганск [187, *23*].

Как отмечали советские историки, «12 апреля в Луганск прибыли Тираспольский отряд и его 1-й революционный батальон под командованием Сан Фу-яна. За несколько дней батальон пополнился большой группой китайских добровольцев, работавших на донецких предприятиях. К 24 апреля 1918 г. он насчитывал 350 бой-

цов и под Каляновкой принял участие в одной из ожесточенных схваток 3-й революционной армии с немецкими оккупантами» [158, *148*]. А ведь по свидетельству И. Якира, к нему в Тирасполе только за один раз «записалось» около 530 китайцев. Какие же потери понес батальон при своем отступлении через Украину, если после пополнения на предприятиях Донбасса он к 24 апреля насчитывал только 350 человек?!

Тираспольский отряд отступил от Колядовки на Чертково и далее на Калач — Богучар.

М. Шолохов в конце второй книги «Тихого Дона» описывал, что ставшие на постой в хуторе Сетракове Мигулинской станицы части 2-й социалистической армии, в которых были китайцы, вели себя развязно. Один из красноармейцев-кубанцев пытался изнасиловать жену казака чуть ли не в его присутствии. М. Шолохов писал: «Командир отряда, по-видимому, не хотел ночевать в хуторе, не надеясь на своих разноплеменных и разнузданных солдат» [235-А]. Далее писал о том, что Тираспольский отряд в 800 человек, остановившийся на ночевку, ночью перепился и, несмотря на угрозы и запрещения командования, бойцы начали в хуторе резать овец, изнасиловали на краю хутора двух казачек. Это и вызвало военный сбор казаков с ближайших хуторов юрта станицы Мигулинской, а в дальнейшем резню с их стороны бойцов Тираспольского отряда. Их поддержали казаки и других станиц Верхне-Донского (Донецкого) округа. У нас нет сведений, что китайцы вели себя на Украине столь развязно по отношению к женщинам. Скорее всего, это касалось слабых дисциплиной матросов. Во всяком случае, И. Якир приводил один пример об одесских красногвардейцах, прибывших в Тираспольский отряд. Тогда пьяные матросы во время несения караульной службы изнасиловали своих сослуживиц — двух девиц, одна из которых — Шура лет 16 из женского батальона охраны А. Керенского [187, *19*].

Так или иначе, но в повседневной жизни всегда найдутся поводы для того, чтобы дать первоначальный толчок сгруппироваться вокруг и общего недовольства, и общей идеи. Так вот первыми под раздачу казакам станицы Мигулинской попали именно бойцы Тираспольского отряда.

По словам И. Якира, в соответствии с условиями, продиктованными немцами после Брестского мира, вооруженные отряды при переходе из Украины в Россию должны были на пограничных пунктах сдавать оружие. Командир средней колонны, в которой шли и китайцы, отдал приказ о сдаче оружия. «Только стали сдавать оружие, — писал И. Якир, — выскочили из деревни два эскадрона [белоказаков — Н.К.] и стали обезоруженных рубить, остальных в плен брать. Китайцев — тех не миловали. Изуверы, говорят, нехристи, шпионы немецкие. Этих почти всех порубили». «Как я живой остался, — вспоминал участник тех событий Тан Чан-сан, — сам не понимаю. Совсем мало нас тогда осталось» [224, *30 — 31*]. Но полурота китайцев все же осталась в живых и продолжала идти в эшелоне штаба на Воронеж. В Лисках все отряды из Украины также разоружались — сдавали оружие, деньги, имущество. Только один отряд Загарина (1 000 бойцов) из формирования Р. Сиверса не подчинился и арестовал саму ликвидационную комиссию [187, *26*]. Всего же тогда в районе станиц Мигулинской и Казанской, по свидетельству В. Антонова-Овсеенко, погибли 500 русских и 225 китайских бойцов [211, *15*].

Сан Фу-ян оказался в Москве. Об остальных оставшихся в живых бойцах Тираспольского отряда позднее историки напишут, что к маю 1918 г. в Воронежскую губернию вступил «Тираспольский отряд, понесший значительные потери при движении через районы, занятые донскими белоказаками. Часть отряда была оставлена на станции Лиски для несения караульной службы. А 13 мая 1918 г. приказом штаба обороны Воронежского района Ж Гон-ту назначен начальником китайского отряда в Воронеже. 20 мая этот отряд пополнился 120 добровольцами-китайцами, прибывшими из Царицына. Вскоре он был превращен в Отдельный китайский батальон, которым командовал серб Г. Павлович. Красноармейцы-китайцы, несшие службу на станции Лиски, были сведены в роту, командиром которой был назначен К.Б. Карапетян, а его помощником Цин Бо-сад. С отрядом В. Киквидзе в Тамбов прибыли сражавшиеся под Харьковом красноармейцы — чехи, словаки, венгры, сербы, а также китайцы и др.» [158, *171 — 172*].

Что касается упомянутого выше И. Якиром по отношению к китайцам определения «шпионы немецкие», то Г. Новогрудский и А. Дунаевский приводят заметку из «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» от 17 марта 1918 года. В ней говорилось, что «новая петроградская газета привлечена к суду союзом китайских граждан за напечатание статьи Фомы Райляна, в коей китайцы, проживающие в Петрограде, обвинялись в шпионаже в пользу Германии. По мнению китайских граждан, этой статьей китайцам нанесено оскорбление, причем они усматривают в факте помещения вышеупомянутой статьи провокационную попытку натравить читателей газеты на китайских граждан» [224, *31*].

Судьба тираспольцев не исключение. По свидетельству луганчанина А. Куренного, Симферопольский полк царской армии в это же время шел на место стоянки с Румынского фронта к Курску. Его обманом разоружили, после сдачи оружия налетевшие 300 казаков начали всех рубить. Остатки полка, около 1500 человек, исключая офицеров, расстреляли в Новочеркасской тюрьме [60, *21*].

Одесский отряд. В октябре 1917 г. была создана интернациональная Красная Гвардия в Одессе. Она формировалась из военнопленных, иностранного населения, проживавшего в городе, а также бывших солдат 2-й Сербской дивизии, распавшейся после Февральской революции, и состояла из трех отрядов: чешского (200 человек), сербского (120 человек) и китайского (200 человек). Общее командование осуществлял бывший офицер австро-венгерской армии чех Миколаш Мельчах, а во главе его подразделений стояли китаец Пи Кай-джан, чех Адольф Шипек и серб Олеко Дундич [243, *51*].

По другим источникам, в отряде было четыре подразделения: «В него вошли чешское, югославское, венгерское и китайское подразделения» [157, *12*]. Первоначально в нем служило 200 чехов, 100 китайцев, 12 сербов и 5 немцев. Отряд подчинялся «Румчероду» (Исполнительный комитет Румынского фронта, Черноморского флота и Советов Одесской области). Затем отряд начал пополняться.

Когда в ночь на 15 (28) января 1918 года в Одессе началось вооруженное восстание, интернациональная Красная Гвардия вместе с восставшими рабочими, моряками и отдельными войсковы-

ми частями приняла в нем активное участие. В ходе боев с гайдамацкими частями восставшие овладели почтой, телеграфом и другими важнейшими государственными учреждениями. Интернациональная Красная Гвардия участвовала в захвате бывшего юнкерского училища, штаба округа и железнодорожного вокзала. Особенно горячим был бой в Александровском саду, где интернационалисты разгромили отборную сводную часть гайдамаков, состоявшую почти исключительно из офицеров.

А. Шипек вспоминал, что: «интернационалисты бились отважно и упорно, потому что знали, за что сражаются. Все мы мечтали о счастливой жизни… и верили, что Октябрьская социалистическая революция решает и судьбы наших народов — чехов, сербов, хорватов, китайцев» [157, *12*].

Как отмечалось выше, при наступлении немцев часть Одесского отряда присоединилась к Тираспольскому отряду, а вторая часть отошла к Одессе [211, *14*]. 12 марта 1918 г., перед захватом Одессы немцами, отряд был эвакуирован в Феодосию, затем пробился в Харьков [255, *114*]. Газета «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» от 28 марта 1918 г. сообщала: «В Феодосию прибыла со своим штабом одесская Красная гвардия. Город принял интернациональный характер. Расхаживают вооруженные китайцы-большевики из отряда международной гвардии» [129, *57*]. Если быть точным, то отряд не просто был эвакуирован, он выполнял важную задачу. Ча Ян-чи (родился в 1899 г. в Китае) вспоминал: «В декабре 1917 года я вступил в Красную гвардию… Получилась целая китайская рота. Командиром стал Чжан из Хэбэя. Весной 1918 года, когда началась эвакуация из Одессы, чешским, сербским и китайским бойцам, сформированным в один отряд, было поручено сопровождать золотой запас, вывезенный из Государственного банка. Много золота было. Пароходный трюм знаете? Весь трюм ящиками с золотом заставили. Очень беспокойный груз…Разные люди есть. Есть такие, которые, как про золото услышат, прямо с ума сходят. Много чего было на пароходе. И стрельба была, и бунт был. Но золота, сколько приняли, столько довезли» [224, *28*].

«Золота было, — свидетельствовал впоследствии командир чешского отряда А. Шипек, — что-то миллионов на четыреста с лишним. Когда мы выгрузились в Феодосии, понадобился целый железнодорожный состав. Охрану вагонов несли китайцы. Их в отряде было около двухсот человек. Командовал ими Чжан. Смелый, решительный человек. Я на него мог положиться во всем. Как, впрочем, и на всех китайских бойцов. Они меня иной раз просто поражали своей выдержкой, дисциплинированностью, хладнокровием и, что самое главное, высокой, будто бы от роду присущей им революционной сознательностью. На всем длинном и тяжком пути «золотого поезда», с опасностями, стычками, перестрелками, случая не было, чтобы хоть один из двухсот китайских бойцов сделал малейшую попытку нарушить свой долг». Интернационалисты сопровождали «золотой поезд» до Ртищева (Саратова). Там А. Шипек сдал ценности комиссии во главе с уполномоченным ЦК РКП(б) Д. Медведевым. Отряд разделился, китайская рота ушла на Юг [224, *28 — 29*]. В боях на Кубани рота понесла большие потери. Чжан погиб там же. Оставшаяся часть китайцев вступила в батальон Пау Ти-сана.

Одесско-Березовский отряд. Кроме батальона под командой Сун Фу-яна, от Одессы прошел всю Украину еще один отряд, в котором были китайцы. Он образовался в начале 1918 г. в Березовке. Организовал его посланец из Одессы, ставший впоследствии командиром и комиссаром, С. Лукашенко. Первоначально отряд состоял из трех групп по 50 человек и 30 разведчиков [205, *250—251*].

С. Лукашенко вспоминал, что немало обездоленных молодых китайцев осело в южном портовом городе Одессе. Они работали в прачечных, изготовляли замысловатые веера и цветы из разноцветной бумаги, становились бродячими уличными артистами — фокусниками и акробатами. С. Лукашенко часто посещал свою крестную мать, работавшую гладильщицей в прачечной. Там он познакомился и подружился с китайцами Сунь Цзы-бином, Ван Мином, Чун Фо, Ляо Чаном, Сун Хуаном и др. «Перед выступлением на фронт, — вспоминал С. Лукашенко, — я забежал на Пушкинс-

кую улицу в прачечную, чтобы проститься с крестной матерью и друзьями китайцами...

— А вы, братки, почему приуныли? — обратился я к китайским друзьям. — Давно ли сами говорили, что собираетесь ехать на родину подымать народ на революцию!

Зная, как близко к сердцу принимают они мои слова, я предложил:

— Может быть, со мной махнете, чтобы через огонь русской пролетарской революции возвратиться в родной Китай?

— До победного конца вместе! — произнесли китайцы. И мы поехали вместе» [220, *19 — 20*].

Также С. Лукашенко в воспоминаниях «Мои китайские друзья-красноармейцы», писал, что в его отряд вступило 30 китайских рабочих, которых завезли в Одессу купцы как дармовую рабочую силу. Уже в бою на ст. Сербка под Одессой китайцы показали себя смелыми и находчивыми бойцами, что позволило отряду разгромить превосходившего их вдвое противника. Как и Тираспольский, Одесско-Березовский отряд прошел с боями путь. Березовка — Вознесенск — Долинское — Екатеринослав — Луганск — Мариуполь. Невзирая на потери, количество китайцев в отряде не только не уменьшилось, а даже увеличилось вдвое. «Это, — вспоминал С. Лукашенко, — заслуга командира Сун Цзи-бина и политрука Ван Мина. Они на каждой узловой станции, в городах, где мы побывали, находили своих соотечественников и приводили их в отряд» [269, *62*].

Как и Тираспольский, Одесско-Березовский отряд попал в аналогичную ситуацию при переходе на территорию РСФСР в районе Калача. Соединение красных частей под командованием Венедиктова оказалось в центре восставших казачьих станиц — в районе Калач (Воронежского). Не подозревая, что восставшие казаки выполняют волю немецкого командования, Венедиктов приехал в станицу Казанскую с требованием пропустить отступающую с Украины группу советских войск в Россию. Казаки на площади изрубили его саблями и прислали своего гонца в расположение красных с требованием сложить оружие, угрожая в противном

случае уничтожить их. Но получили отказ. Тогда белоказаки предприняли атаку, чтобы порубить их.

«И тут, — вспоминает С. Лукашенко, — произошло то, что в народе называют чудом. В эту критическую минуту раздался окрик Сун Цзи-бина. Группа красногвардейцев-китайцев, нарушая тесную лавину, подобно заведенной пружине, единым броском бросилась вперед двойками, по два человека, против нападающих казаков... Один из каждой двойки... будто бы подставлял себя под удар казачьей сабле, виртуозно приседая и прикрываясь винтовкой, и удар вражеской сабли рикошетом отбивался на бок. В это же время второй красногвардеец-китаец подскакивал к всаднику и колол его штыком». Прошло немного времени, и белоказачья конница была разгромлена, путь вперед был открыт [269, *63*]. После боя командир отряда Скондаков подошел к Лукашенко и сказал ему: «Ну и молодцы же твои красногвардейцы-китайцы! Настоящие артисты штыкового боя. И что интересно, идем мы все время с боями, несем потери, а их в отряде не меньше, а даже больше стало» [220, *31 — 32*].

Перекопский отряд. О нем известно немного. В докладной записке инспектора пехоты Самарской губернии Семенова о ходе формирования чехословацкого, китайского и югославянского отрядов от 31 мая 1918 г. говорится следующее: «...Китайский отряд. Состав отряда — 50 человек китайцев и 14 человек русских под командой инструктора Ивана Долженко (бывший младший унтер-офицер) и заместитель его Третьяков (нигде никогда не служивший). Начал формироваться отряд с 1 марта в Перекопе. Вызван же сюда в Самару 10 дней тому назад. В настоящее время отряд несет караульную службу в тюрьме, высылая ежедневно 15 человек... [,] занятия не ведутся. Работать с русскими винтовками научились через учителя [,] китайца [-] переводчика. Служат они потому, что любят русских и нравится им русская свобода. Домой они не хотят, а хотят служить Интернационалу. Раньше был вызван отряд в 10 000 [именно так в документе — десять тысяч. — Н.К.] человек из Китая интернационалистов, но разбит на Украинском фронте, и этот отряд есть остаток от того большого отряда» [129,

78]. Скорее всего, цифра в 10 000 относится к общему числу китайцев в сводных отрядах, отступивших за пределы Украины под натиском германских оккупантов.

Более правдоподобную информацию о Перекопском отряде приводит историк Лю Юн-ань, который писал, что весной 1918 г. «силы красных в тот период были еще слабы. В Крыму не было регулярных частей Красной Армии. Существовали только отдельные красногвардейские отряды, малочисленные и плохо вооруженные. В этот трудный час на помощь трудящимся Крыма прибыл отряд китайских красногвардейцев. Это был небольшой отряд — человек 300. В нем были и русские. Поезд доставил отряд на станцию Соленое озеро, откуда он маршем перешел под Перекоп. Здесь китайские красногвардейцы и заняли позиции. В первых числах апреля 1918 г. вместе с другими частями отряд принял первый бой на крымской земле. В этом бою китайцы показали себя смелыми и стойкими солдатами революции. Атаку за атакой предпринимали вооруженные до зубов немецкие интервенты. Но не дрогнул малочисленный отряд. По-восточному, поджав ноги, сидели китайцы в окопах, а то и просто за каким-либо холмиком и, аккуратно разложив перед собой боеприпасы, сосредоточенно, спокойно стреляли в наступающих. Дисциплина в отряде была железная. Приказ командира для китайцев — священный закон. Без приказа ни один не покидал своей позиции и сражался до конца. Многие из них сложили свои головы на Перекопском валу, а позднее — на ишуньских позициях. Те же, кто остался в живых, отступили с красными частями на Кубань...» [220, *29 — 30*].

Под натиском германских войск много китайцев малыми группами вступали в различные отступающие красногвардейские отряды. Это количество учету не поддается. Примером служит вступление китайцев в ***Харьковский отряд***. В начале 1918 г. был сформирован в Харькове красногвардейский отряд, который под командой Г. Третьякова с боями в конце апреля отходил на Северный Кавказ. На одной из станций под Таганрогом харьковчанам повстречались 10 китайцев, бежавших из Приднепровья. По их словам, в Мелитополе над ними учинили расправу гайдамаки, и они

попросились к Г. Третьякову в отряд. Их приняли, а вскоре к ним присоединились еще 50 китайцев. Единственным условием Г. Третьякова было состричь некоторым китайцам косы. После свержения в 1911 г. династии Цин, многие китайские мужчины уже отказались от ношения кос — знака покорения маньчжурами Китая. На пути следования отряда от ст. Лабинской к Армавиру в мае 1918 г. им повстречались китайцы (8 вагонов), которые в количестве 180 человек вступили в отряд. В дальнейшем вышедшие с Харьковским отрядом китайцы были объединены в китайский батальон под руководством Пау Ти-сана. Командирами взводов были Сила Фу-сан, Ти Ши-шан [224, *48 — 53*].

Следует добавить, что погромы на шахтах и избиения рабочих в начале 1918 г. вынуждали рабочих браться за оружие. Вот как М. Ревин описывает рудники, в то время как китайцы попросились в отряд к Г. Третьякову: «Казаки терроризировали всех рабочих, и они бросали рудники и жилье и с вещами уходили. Рудник представлял из себя пустоту и кругом по всем улицам валялись голые трупы рабочих. Были среди рабочих и убитые казаки, валялись голые трупы и по шахтному двору, кроме этого от Петропавловского рудника и почти до хутора Ягодина [расстояние между ними около 6 верст. — Н.К.] лежали не убранные трупы, поэтому и Петропавловский рудник производил очень тяжелое впечатление» [60, *10*]. Особенно страдала восточная часть Донбасса, входившая в Донскую область, где работало большое количество пришлого населения, беженцев, иностранцев, иногородних — малоземельных и безземельных крестьян, которые в глазах обеспеченного землей и службой казачества выглядели главным источником красногвардейских отрядов. Причем, как пишет М. Ревин, «…если в Новочеркасске расправлялись белые по коже, то в Алгрушевку [город Алгрушевский, возле Новочеркасска, происходит от имени и фамилии — Александр Грушевский. — Н.К.] на рудники послали калмыков, которые действительно устроили кровавую баню рабочим и крестьянам, так называемым иногородним» [60. *15*]. Как отмечал С. Кара-Мурза, «террор является прологом к гражданским войнам, «сожжением мостов». Он повязывает кровавой пору-

кой «своих» и создает психологическую обстановку «кровавой мести» у противника» [210, *71*].

С этого момента взаимоотношения иногородних и белоказаков становятся полярными и в дальнейшем будут только ухудшаться. В результате террора в отступающие колонны из Украины влилось по пути их следования в Царицын порядка 14 тысяч иногородних [61, *18*]. Среди них оказались десятки тысяч беженцев, в том числе и из западных районов Украины. Ведь еще к 1916 г. с Западного театра военных действий выехали 2 млн. 82 тыс. беженцев и расселились в Европейской части России (центральной), Сибири, Средней Азии, Донбасса, Донской области.

Смешанные формирования. Весной 1918 г. в 1-м Полтавском советском пехотном полку наряду с украинцами и русскими, составлявшими основную часть бойцов, было 27 венгров, 10 поляков, 5 китайцев, 2 немца, 2 турка [132, *38*].

Как конкретно вступали в ряды Красной гвардии одиночные китайские рабочие, оказавшиеся на Украине и постоянно передвигающиеся по ее территории, вспоминал Ян Шу-вэнь, уехавший в Россию по вербовке до революции 1917 г. В первое время он работал кузнецом в Луганске. Поскольку жалованья не платили, а за отказ выходить на работу лишали еды, он со своим соотечественником бежал. «Я работал в Юзовке, Мариуполе, Лимане, — вспоминал далее Ян. — Однажды в начале 1918 г. в Лимане я встретился с одним китайским добровольцем — Цинь Жун-чэном. Я поинтересовался, почему он пошел в Красную Армию. Он объяснил мне многое. Я решил бросить работу и уйти вместе с ним. Цинь Жун-чэн привел меня к командиру своего полка. Тот спросил, за кого я — за белых или за большевиков? Я ответил: за большевиков. После этой беседы меня зачислили в 1-й взвод 1-й роты 1-го батальона 5-го полка (13-й армии). В полку служили семь китайцев: Чжан Фын-мин, Хэ Фын-минь, Яо Шу-цзи, Дай Шу-лань, Чжун Вэнь-фу, Сюй Дянь-юань и я. Все мы принимали участие в боях под Луганском, долго воевали на Черноморском побережье». После ранения в одном из боев на юге Украины Ян Шу-вэнь оказался на станции Александровская, где встретил соотечественника Юй

Чжэнь-цзяна и устроился пулеметчиком на бронепоезд № 5, на котором служили три китайца. Вместе с ними он воевал против войск А. Деникина и Н. Махно. Год спустя его перевели в 46-ю дивизию, в которой он нес караульную службу, будучи сначала командиром отделения, а потом — взвода [211, *71 — 72*].

Свою роль в организации красногвардейских отрядов на Украине сыграла агитация среди пришлых рабочих. Так, в период наступления австро-немецких войск на Украину было послано большое количество агитаторов Всероссийской коллегии по организации Красной армии. Наиболее широко они работали в Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Херсонской губерниях. 27 марта 1918 г. Народный комиссар по военным вопросам РСФСР Н. Подвойский приказал отделу формирования направить в Екатеринослав 50 — 100 надежных кадровых офицеров, а также по 100 офицеров в Юзовку, Никитовку и другие города. Днем ранее Н. Подвойский приказал тому же отделу направить 100 инструкторов для обучения личного состава военных частей в Харькове и 500 артиллеристов для комплектования артиллерийских батарей, а также группу офицеров-артиллеристов в Бахмут [241, *77*]. Дополнительным психологическим фактором в пользу вступления китайцев в ряды Красной гвардии являлась угроза расправ со стороны австро-германских войск. В период Первой мировой войны в результате «галицкого погрома» наблюдался приток беженцев из Галиции в рабочую среду Донбасса. Информация о том, какие зверства чинились со стороны оккупантов на территории Галиции после первого отступления русской армии, была широко известна. И это играло на руку агитаторам. При подходе австро-германских войск к Донбассу с мест снимались не только бывшие беженцы из Галиции, но частично и другие иностранные рабочие, а также бывшие военнопленные.

Украинское правительство обратилось 22 февраля 1918 г. с воззванием ко всем трудящимся Украины и приняло решение о срочном образовании Чрезвычайного комитета из пяти человек «для руководства обороной революционной Украины от западных империалистов», а также для организации набора добровольцев в Крас-

ную армию. А 23 февраля Чрезвычайный комитет объявил в Киевской, Полтавской и Волынской губерниях военное положение. Для формирования боевых частей из числа бывших военнопленных в конце февраля 1918 г. в Киеве был создан специальный штаб межнациональных революционных армий. Была организована запись добровольцев в национальные и интернациональные отряды Красной армии. При обороне Донбасса иностранный отдел при Главнокомандующем направил в распоряжение военного отдела Харьковского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов китайские отряды для зачисления их в украинские или интернациональные отряды Красной армии [241, *83*].

14 апреля 1918 г. было распространено воззвание Мобилизационного штаба Красной социалистической армии Луганского района, куда вошли отряды Киевской, Полтавской и Черниговской губерний. В нем призывалось взяться рабочим за оружие и вступать в ряды Красной гвардии. К 20 апреля они пополнились еще 8,5 тысячами новых бойцов [133, *103*]. Мобилизационный штаб работал в контакте с советом рабочих и крестьянских депутатов и военным комиссаром Луганского района. Директивы военного характера он получал от Юзовского центро-штаба. По свидетельству М. Ревина, в апреле 1918 г. был создан Мобилизационный штаб Кадиевского подрайона. При нем был отряд человек 120 — 130, из них 27 китайцев [38, *8*]. Д. Эрдэ отмечал, что практически «каждый рудник выделил свой отряд. Во многих местах Луганщины прекратились работы, так как все рабочие ушли в Красную гвардию» [237, *33*].

Во время обороны Донбасса многие китайские рабочие заявили о своем желании «защищать русскую революцию и Советскую власть». В связи с этим на совещании сотрудников штаба Главковерха Украины и мобилизационного отдела Луганского штаба Красной армии был обсужден вопрос о формировании боевых подразделений из китайских рабочих. Уполномоченным штаба Главковерха Украины «по формированию революционных батальонов из среды китайцев, работающих на заводах и рудниках Донецкого бассейна» был назначен инженер китаец Шен Чит-хо (это тот са-

мый Шен Чен-хо, о котором И. Якир говорил «жулик китайский»). Ему были предоставлены денежные средства и дано право проводить набор добровольцев из числа рабочих-китайцев, которые работали на заводах и шахтах Донбасса. Всем советским организациям предлагалось «оказывать содействие в его работе». Одновременно, 22 апреля 1918 г., Главковерх Украины В. Антонов-Овсеенко предписал фабрично-заводским и рудничным управлениям «никаких препятствий к переходу рабочих китайцев в Красную Армию не чинить» [243, *59*]. Боевые отряды, сформированные из китайских рабочих, были включены в части 3-й Украинской революционной армии.

Большой отряд китайцев из рудников Луганщины совместно с Тираспольским отрядом вместе с частями 5-й армии К. Ворошилова участвовал в боях под Сватовом 18 апреля. Этот же отряд 23 апреля 1918 г. совместно с 5-м Заамурским полком и батальоном Ставропольского полка нанес ощутимый удар частям 5-го немецкого Баварского полка в районе с. Калядовка (на юг от г. Старобельска) [241, *83*]. В боях за Донбасс китайцы «показали чрезвычайную устойчивость», — говорилось в отчете об обороне Донбасса. Значительное число китайцев входило, например, в состав Первого Грозного социалистического батальона **Донецкой республики.** Среди них Леу Цан-гуй, Ту И, Ли Чан-гу, Ван Тун-хи, Ван фу, Ван Хлан-чи, Ли бай, Шан Тиш-ин, Лю Си-фан, Чи Лин-чи и другие [243, *60*].

В этот период произошло пополнение красногвардейских отрядов из числа шахтеров-китайцев в Донбассе. Как вспоминал бывший красногвардеец А. Литвинов, в апреле1918 г. «я вступил в Гатчинский отряд. Второй Луганский батальон организовался из нескольких отрядов. Потом, когда Нежинский отряд приехал за пополнением, у нас забрали 4-ю роту… В нашем отряде была рота военнопленных немцев, рота китайцев и молдаван. Командиром был Стаценко, потом Чаусенко. Мы охраняли мост на [р.] Деркуле». Начальник пулеметной команды был Адольф Тиц. При охране моста произошел казус: арестовали кавалериста — К. Ворошилова, чуть не расстреляли [62, *30*]. Это случилось тогда, когда К. Во-

рошилов решил проехать на лошади участок от станции Ольховой до станции Миллерово, поскольку железная дорога была сплошь забита железнодорожными составами. Охранявшие мост через реку Деркул китайцы очень серьезно относились к выполнению боевого задания, да и никакого К. Ворошилова в лицо не знали. Жизнь К.Ворошилову спасла его охрана, с трудом убедившая плохо говоривших по-русски китайцев в том, что задержанный вовсе не враг, а командующий 5-й армией.

О пополнениях в Донбассе красногвардейских отрядов шахтерами говорил и И. Локатош: «Отряд начал пополняться Луганскими рабочими, а, кроме того, в штабе формирования от тов. Рожживина получил наряд: взять себе по пути на станции Варварополье 1200 шахтеров-добровольцев» [182, *78*]. Вот как оказался в ***1-м Нежинском отряде*** Кав Фу-цин (родился в 1895 г. в Пекине в семье бедняка, до 1917 г. работал на шахте № 1 Кадиевки): «Я в 1917 году поступил добровольцем в Красную гвардию в городе Москва. Наш отряд состоял из 35 человек, командир был в отряде т. Копран [в других документах Капранов. — Н.К.]. Первое наступление было в гор. Москва, Кузнецкий мост, где наш отряд был разбит белогвардейскими бандами, часть была арестована, а часть уничтожена в сражении, но я как-то уцелел и переправился в Донбасс в гор. Луганск и поступил работать на ж [елезную] д [орогу], где я проработал до начала марта месяца 1918 г., а в марте месяце поступил в партизанский Нежинский Китайский отряд, где был командир Ша Ль-фу [16, *2*]. Другие вступившие в Луганске в 1-й Нежинский китайский отряд называют командиром Ша Лу-ху. Видимо, 1-й Нежинский китайский отряд состоял из нескольких более мелких отрядов, как сказали бы позже — взводов, рот. Но в настоящий период все отряды, к сожалению, назывались одним словом: отряд. Так, шахтер Изваринского рудника Жан Ю М [ихаил], вступивший в 1-й Нежинский отряд, также называет командиром Шан Лья-ху, то есть Ша Лу-ху [14, *1*]. Напомним, что китайцы плохо владели русским языком, поэтому в записях, сделанных с их слов, наблюдается некоторое разное написание фамилий и географических названий. А вот другие красногвардейцы, также всту-

пившие в 1-й Нежинский китайский отряд в Луганске, своим непосредственным командиром называют Шен Чен-хо. Шахтер Сорокинского рудника Ко Фу Яков (родился в 1895 в Китае) называет своим командиром Шон Чун-ха [15, *1*]. Шахтеры того же рудника Ли Фин-цен [16, *1*] и Тун Чи-ча [20, *1*] называют своим командиром Шан Чун-хо. Понятно, что речь идет об одном и том же человеке — Шен Чен-хо. И, наконец, еще одним командиром подразделения внутри 1-го Нежинского отряда был Жан Чан-дин Василий Иванович. Бывший боец этого отряда Тян Тян Сергей пишет, что «вступил в апреле [19] 18 г. в Луганске в 1-й Нежинский китайский отряд. Командир *части* отряда Жан Чан-дин Василий Иванович» [21, *1*]. Скорее всего, Тираспольский и 1-й Нежинский китайские отряды после двухнедельного пребывания в Луганске были пополнены из местных китайских рабочих и подчинены единому командованию. Ван Шен-ти, уже воевавший вместе с Шен Чен-хо против А. Каледина, говорил, что во второй раз он вступил в Луганске в 1-й Нежинский отряд, а вот ротный командир у него был — Сун Фу-я. То есть Сан Фу-ян, командир Тираспольского отряда [13, *1*].

Некоторые китайцы называют своим командиром Зо Лот-ха. Речь идет об А. Золотенко. В архивах хранится неопубликованное письмо в «Луганскую правду» от 15 января 1930 г. за личной подписью «бывшего командира Нежинского отряда 5-й армии А. Золотенко». В транскрипции китайцев, Зо Лот-ха и Золотенко — одно и то же лицо [55, *30*]. Тем более, что А. Золотенко позже, с августа 1918 г., действительно командовал заградительным китайским отрядом 1-го Нежинского отряда.

Судьба китайцев из 1-го Нежинского отряда при отступлении из Украины была разная. Как пишет Ма Си-фу, «первое наше наступление было на ст[анцию] Миллерово. Второе наст[упление] было на ст. Каменская, а оттуда держали путь на ст. Лихая, где разбили наш отряд, а остатки были направлены по Сталинградской [то есть на Царицын. — Н.К.] дороге на ст. Морозовская, где сформировались вновь» [30, *2*]. Тун Чи-ча попал под ст. Миллерово в плен к белым и был отправлен в Новочеркасск [20, *1*]. Чжан Фу-у Василий (родился в 1894 г. в Пекине в семье батрака) после того как отряд разбили под

ст. Лихой, спустя два месяца, вступил в 1-й Китайский красно-партизанский отряд во Владикавказе [36, *1 — 2*]. Такова же судьба другого кадиевского шахтера из 1-го Нежинского отряда Цу Ци-вея (родился в 1895 г. в Харбине в семье батрака) [34, *1*]. Один из бойцов 1-го Нежинского отряда Тян Тян Сергей вспоминал: «Отряд имел бой 3 дня на ст. Миллерово; затем направились на станицу Каменск [,] где был сильный бой [:] с нашего отряда было убито около ***3-х-сот человек***. Со станицы Каменск наш отряд был направлен на станцию Лихая [,] где бой был около суток». Спустя три месяца Тян Тян был ранен, и после выздоровления «послан во Владикавказ в Китайский отряд под командованием Починшан Михаила» [21, *1*]. Как пишет боец 1-го Нежинского отряда Лю Ми-хин, он попал под Чертково в плен к белым, там же попал в плен к белым Ван Фу Василий [12, *1*]. В то же время раненный под Миллерово Ян Фу-ша смог беспрепятственно добраться санитарным поездом в Москву [22, *1*].

Следует более детально сказать о периоде с конца апреля до августа 1918 г. Это период выхода красногвардейских отрядов за пределы Украины и продвижение их с боями по Донской области. Это период, после которого начнется реальное переформирование красногвардейских отрядов в подразделения Красной армии.

Качество дисциплины красногвардейских отрядов при отступлении от германских войск по Украине катастрофически упало. По характеристике заведующего секретно-оперативным отделением штаба Мустафина, армия Г. Петрова после отхода от Полтавы должного сопротивления немцам и гайдамакам не оказала, по прибытию в Воронеж, в особенности броневой дивизион, занималась грабежами местного населения. Армия Ремнева, согласно телеграмме от 18 апреля, в беспорядке отступая перед разъездами гайдамаков и немцев, грабит и чинит насилия, терроризируя железнодорожников. Реальной силы не имеет. Изменения произошли и с частями Р. Берзина, которые после пополнений не обученными частями «совершенно деморализованы и при первых серьезных действиях разбегаются, не исполняя возложенных на них задач, грабя окрестное население, и по большой части в настоящий момент серьезной боевой силы не представляют» [159-А, *132 —133*].

При выходе за пределы Украины характер участия китайцев в гражданском конфликте еще больше меняется. Первоначально они вступали в Красную гвардию для защиты своих прав и интересов в рамках предприятий, каких-то населенных пунктов. С приходом на Украину австрийско-немецких войск, они оказались в рядах защитников против внешней агрессии. Но первые бои за пределами Украины многих бойцов (особенно из местного населения), отступивших в Донскую область, просто деморализовали. Как писал участник этого отступления И. Николаенко, «высших пределов эта деморализация достигла после поражения под Гундоровской, Каменской, на станции Лихой. Если при отступлении [от] г. Луганска товарищи тешили себя надеждой, что немцы дальше Донца не пойдут, то теперь психология совершенно потеряла значение. Колоссальная инерция охватила массы, они стремились вперед, куда, зачем [–] никого не интересовало. Очень часто, если не сказать всегда, начальство, то есть командиры, плелись в хвосте своих армий. В Белой Калитве уже создалось такое положение, что обстановка требовала не только арьергардной защиты наших эшелонов, которые тянулись на несколько верст, но и создания авангарда, который должен был пробивать дорогу вперед, так как казаки поднялись почти поголовно против нас... Началась взаимная резня, в Белой Калитве ни одного казака не осталось, все ушли к белым. Достаточно было попросить красногвардейцу молока, как казачки подсыпали сулемы и травили красных» [59, *47 — 48*]. Китаец, как и многие отступившие из Украины, трансформировался из защитника от агрессора в прямого соучастника гражданского конфликта, размеры которого и не представлял.

Что представлял из себя качественный состав вышедшей из Украины армады? Из 50 тысяч человек отступивших большинство составляли не красногвардейские отряды, бойцы которых были бы связаны жесткой дисциплиной и единой большевистской идеей. Это была разношерстная масса: беженцы со всей Украины, семьи отступивших рабочих и красногвардейцев, анархистские отряды, многочисленные контингенты бывших рабочих из числа «инородцев», только одних татар насчитывалось около 4 тысяч человек [61, *37*].

Каждый отряд, сформированный из числа рабочих на заводах и рудниках Украины, имел выборного, не обязательно большевика, командира, слабое вооружение, представлял собой группу из 25 — 40 человек со своим микроклиматом, моральным кодексом. Каждый вагон представлял собой неприступную, ощетинившуюся винтовками цитадель. Но каждый, кто имел хоть какое-то оружие, считал себя по рангу выше остальных. В. Затонский, находясь под Таганрогом, об этом периоде писал: «Кто-то присвоил себе имя анархистов, другие — левых эсеров, а кто-то даже большевиками называется, да все они на один манер: брюки клеш, кожаная куртка, матросская бескозырка, ходит, наспиртовавшись, и все аргументирует наганом. Иногда, ради разнообразия, пулеметом или даже трехдюймовкой. Все это пьяное, разболтанное, самоуверенное и в большинстве своем боязливое. Это просто у них тогда была бурлящая кровь, они опьянели от власти, — ведь каждый тогда мог расстреливать, а иногда и расстреливал, — захватило их бурное течение революции» [181, *134*]. Понятно, что китайцам в такой ситуации нужно было держаться за винтовку покрепче. Однако угроза исходила не только от агрессивно настроенного казачества, анархистов и других, контрреволюционных с точки зрения большевиков элементов. Врагами стали вчерашние *братья* по оружию в борьбе с австро-немецкими захватчиками. Следует сказать, что интернациональный характер красногвардейских отрядов только способствовал вступлению в них китайцев. В одних рядах оказались русские, украинцы, поляки, латыши, литовцы, а также бывшие военнопленные — немцы, австрийцы, венгры, сербы, румыны, югославяне, чехи, словаки и другие. Но не все иностранцы оказались в рядах Красной гвардии, хотя часть из них приняла участие в боях против австро-немецких войск в 1918 г. на Украине. При отступлении в Донскую область первыми взбунтовались чехословаки. Хотя недоразумения с ними начались еще ранее. «А чехословацкий корпус, отходивший с юго-западного фронта, отказался драться бок о бок с «большевиками» против немцев, вероломно покинул позицию под Бахмачем и потребовал своего пропуска из Украины», — вспоминал В. Антонов-Овсеенко [176, *15*].

На фоне слабо вооруженных и разрозненных красногвардейс-

ких и рабочих отрядов части чехословаков представляли грозную силу. Первоначально по договору, заключенному командованием чехословацкого корпуса с Центральной Радой, чехословацкие части под предлогом «поддержания общественного и административного порядка» широко использовались для охраны помещичьих имений, реквизиции продовольствия, подавления выступлений украинских крестьян, солдат и рабочих. Для этой же цели использовались и польские отряды, которыми командовал генерал Михаэлис [157, *10 — 11*]. Так, 28 — 30 октября 1917 г. «чешские солдаты в Киеве были посланы против революционного русского пролетариата, чтобы подавить его при помощи оружия» [129, *33*]. По договору чехословацкого и французского правительств в конце 1917 г. чехословацкий корпус должен был воевать на западном с Германией фронте на стороне Франции. Сформированные Чехословацким национальным советом на Украине два корпуса Чехословацкой добровольческой армии общей численностью 50 тысяч человек по договоренности с правительством РСФСР направлялись во Францию через Дальний Восток, как и остальные чехословацкие части. Как показывал А. Колчак, чехословацкий контингент, выступивший в мае 1918 г. на стороне белогвардейцев, насчитывал 40 тысяч человек. 10 тысяч на пути следования из Украины было утрачено.

Малая часть чехословаков при отступлении из Киева перейдет на сторону красных. (К концу февраля 1918 г. в самом Киеве в рядах Красной гвардии состояло до 1000 чехословаков [147, *71*]). Так, в 20-х числах апреля 1918 г. один чехословацкий батальон с батареей был направлен из Луганска в Камышеваху в резерв Донецкой армии. В дальнейшем часть чехословацких красногвардейцев влилась в формировавшуюся в Тамбове дивизию В. Киквидзе, часть отошла к Луганску и Миллерово. Этим отрядом командовал Ф. Гашек [158, *292*]. По военным донесениям из Никитовки, в отряде Гашека насчитывалось 254 человека, где были чехи, словаки, поляки, украинцы и русские. Речь не о Ярославе Гашеке, который в данное время был уже в Москве, а о Франце (или Франтишеке) Гашеке. (Отсутствие имени в упомянутом выше донесении

привело к искажению информации, что в обороне Луганска в 1918 г. принимал участие знаменитый писатель Я. Гашек).

Большая же часть чехов и словаков из отмеченной выше разницы в 10 тысяч человек просто не дойдет из Украины до РСФСР, понеся потери. И не без участия большевиков. При этом около 2 тысяч чехословаков расстреляют вследствие заговора 18 августа 1918 г. в Царицыне [61, *64*]. Часть чехов перейдет в Донской области на сторону Добровольческой армии, и уже в апреле 1919 г. будет вместе с другими белогвардейскими частями штурмовать Луганск [61, *89*].

Но до этого еще часть чехословаков, бок о бок воевавших с китайцами на Украине против немцев, погибнет в апреле 1918 г. Из Украины проследовало в Донскую область свыше 60 железнодорожных составов, в каждом из которых насчитывалось свыше 50 вагонов. В результате, когда последний состав 26 апреля во главе с К. Ворошиловым отправился из Луганска, то он, пройдя р. Северский Донец и первую казачью станицу Луганскую, намертво стал на станции Ольховая. Дальше на всем участке железной дороги от Ольховой до Миллерово все было забито составами. Они стояли так плотно, что развести их не представлялось никакой возможности. Тогда К. Ворошилов отправляет на автомобиле в Миллерово бывшего железнодорожника И. Придорожко, наделив его самыми широкими полномочиями. К. Ворошилов просчитал (наверное, это едва ли не единственный положительный пример полководческой прозорливости Климентия Ефремовича), что железнодорожная ветка Ростов — Миллерово — Воронеж — Москва может быть перерезана немцами на участке Миллерово — Воронеж с занятием ими станции Чертково. В такой неконтролируемой ситуации на железной дороге была реальная угроза потерять на ст. Чертково два самых «ценных» состава: один с золотом, вывезенным из Одессы, другой — из Харькова (бронепоезд с двумя вагонами золота и серебра под командой А. Селявкина).

Как показывал Г. Кирюхин, к этому моменту на станции Миллерово сложилось «такое положение, что по Воронежской дороге поехали Китайский Штаб, совместно с Китайской армией. Кроме

того [,] прибыл Чехо-словацкий отряд» [61, *25*]. Что касается «Китайской армии», то, видимо, такая оценка несколько преувеличена, но все же это говорит о том, что количество китайцев-красногвардейцев, вышедших из Украины, было достаточно заметным. Нежинский и Харьковский отряды вошли в колонну И. Локатоша. Часть 3-й армии успела отправиться по железнодорожному участку Миллерово — Чертково на Воронеж [62, *30*; 37, *1*]. Частично и китайским формированиям удалось прорваться через Чертково на Воронеж, но большая часть из них понесла там ощутимые потери и вынуждена была вернуться.

Посланный К. Ворошиловым на станцию Миллерово И. Придорожко вспоминал: «В Миллерово получилась закупорка движения. Чехо-словацкие отряды … имели в своем личном распоряжении 8 составов по 55 вагонов в каждом. Тут были лошади, амуниция, обмундирование и т. д. Шли они на Саратов. У них было до полутора тысячи бойцов, которые хорошо владели оружием. Видя, что они сильны, на [станции] Миллерово вдруг они заартачились, не стали подчиняться нам… Каждый отряд был своему поезду начальник. Левые эсеры и Чехо-словаки также считали себя хозяевами положения». Эсеры насчитывали около 1 000 человек, а чехословаки — 1 500. Для слабых красногвардейских отрядов они представляли угрозу. Чехо-словаки требовали отправить их со станции первыми: «Даешь Москву!». Они настаивали на этом даже после того, как были предупреждены о занятии ст. Чертково немцами. Желание избавиться от хорошо вооруженных чехословаков предопределило исход споров. «Я дал соответствующие инструкции машинистам, которые повезли Чехословацкие войска, чтобы они настроили паровозы, пустили их, а сами — удирали, — вспоминал И. Придорожко. — Не знаю, ушли ли эти машинисты, но с полустанка до Чертково нам передали, что вышедшие поезда из Миллерово на Москву с Чехо-словацкими войсками немцы щепка на щепке не оставили» [61, *32 — 34*].

Таким образом, 1500 чехов и словаков уже не смогут пополнить 40-тысячный корпус на стороне А. Колчака в Сибири. В целом следует сказать, что количество чехословаков, воевавших на

стороне Красной армии, было не столь велико, по сравнению с венграми и китайцами. А. Зуев, ссылаясь на чешские источники, называл цифру более 10 тысяч человек [243, *58*]. Но, благодаря известности Ярослава Гашека, автора «Похождений бравого солдата Швейка», информированность об участии чехов и словаков в Гражданской войне на стороне Красной армии более широкая, нежели о китайцах.

Трудно говорить о численности китайцев в красногвардейских отрядах на территории Украины. В заметке газеты «Правда» в начале мая 1918 г. бойцы одного из вышедших из Украины и прибывших в Москву китайских отрядов писали: «Нас сражалось 1800 человек против капиталистических орд румын, гайдамаков и немцев» [269, *63*]. Однако эта цифра соответствует только количеству вступивших китайцев в красную гвардию Донбасса. Если к ним прибавить количественный состав перечисленных выше отрядов, исключая китайцев из Москвы и Петербурга и исключая погибших в процессе отступления от германских войск (количество последних не поддается учету), в сумме получим — свыше 5 000 китайских красногвардейцев. 10 000 китайцев из якобы Перекопского отряда мы пока учитывать не можем. Скорее всего, речь шла об общей цифре вышедших из Украины китайских рабочих. Хотя исходные данные об общем количестве китайских граждан на территории Украины нами оцениваются на начало Гражданской войны цифрой свыше 12 тысяч, не считая одиночных отходников. Так или иначе, пять тысяч, это много или мало? Во всяком случае, это сравнимо с общим количеством красных войск в карательной экспедиции на Дон или с количеством войск в походе под командой М. Муравьева на Киев (январь-февраль 1918 г.). Количество в обоих походах было приблизительно одинаковым — по 5 — 6 тысяч бойцов.

Таким образом, китайцы постепенно были вовлечены в общую борьбу русских и иностранных рабочих сначала за экономические требования, равные права на производстве. В период между Февральской и Октябрьской революциями китайские рабочие начали вступать в ряды Красной гвардии. Первоначально их функции ограничивались рамками своих предприятий. Однако с конца

декабря 1917 г. характер их участия меняется. Они впервые сознательно берутся за оружие и отправляются на борьбу с калединскими формированиями на Дон. С точки зрения донбасских рабочих, у последних было больше мотивов взяться за оружие и защищать свои рабочие поселки от нападений отрядов казачьего есаула В. Чернецова, нежели у прибывших китайских рабочих из Москвы и Петербурга. С приходом на Украину австро-германских войск, мотивы участия китайцев в вооруженной борьбе расширяются. Основными мотивами участия китайцев в красногвардейских отрядах в рассматриваемый период являются: защита собственных экономических завоеваний, собственной жизни, общих завоеваний политических и экономических прав китайских и местных рабочих. Однако с отступлением красногвардейских отрядов в Донскую область под натиском немцев, в отличие от карательной экспедиции небольшого количества китайцев на Дон зимой 1918 г., теперь китайцы втягиваются в большой гражданский конфликт.

На этом этап красногвардейских отрядов заканчивается.

ГЛАВА 4.
КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕЙ К ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ

Процесс вступления китайцев в ряды красных партизан на Украине в 1918 г. — процесс поступательный. Статус красногвардейца, партизана, красноармейца неоднократно сменял друг друга в зависимости от развивающихся событий во времени. Прежде чем говорить о мотивах действий китайцев-партизан, а об этом периоде известно не очень много, следует уделить внимание международным и дипломатическим отношениям.

В начале XX века в крупных городах Украины заметно вырос интерес к изучению экономики, политики, истории и культуры Китая. Началось изучение китаеведения в Одессе, Киеве, Харькове. Первенство принадлежало Одессе как крупному портовому городу, через который шел большой поток людей и товаров [248]. Ряд выходцев из Украины осваивали и Дальний Восток, где формировалась украинская община. Как отмечал В. Литвин, еще «в июле 1917 г. в Харбине был создан Маньчжурский Окружной совет, в который в полном составе вошло правление Украинского клуба. Это был своеобразный орган самоуправления, действовавший до 1921 г. Ему подчинялись украинские организации на железнодорожных станциях КВЖД Маньчжурия, Хайлар, Цицикар, Бухеду, Яомынь, Именьпо, Ханьдаохецзы и Пограничная...». Из Китая «Маньчжурский Окружной совет подавал довольно серьезные предложения, изложенные его делегатом П. Твардовским, прибывшим в Киев в конце мая 1918 г. В документе, переданном в МИД Украины, в частности, предлагалось требовать от российского правительства признания принадлежности Зеленого Клина Украине, отозвать из Зеленого Клина все вооруженные российские части и назначить украинского старосту на край, с «полосой отчуждения» Маньчжурской железной дороги включительно, а в Харбин назначить украинского консула» [248].

Гетманское правительство назначило вернувшегося в конце мая 1918 г. из Зеленого Клина П. Твардовского своим консулом.

По прибытии в Харбин он приступил к выполнению своих обязанностей, но, по мнению В. Литвина, «вынужден был прекратить их из-за недружественного отношения местных властей» [248].

Массовый наплыв революционных интернациональных элементов в Красную гвардию, боровшуюся за установление Советской власти на Украине, вызвал серьезную тревогу у руководства стран Антанты. Они выступили против участия иностранцев на стороне Красной гвардии. С этой целью 15(2) февраля 1918 г. консулы 12 государств (США, Англии, Франции, Италии и др.) собрались в Киеве на совещание, где обсудили вопрос «О вступлении иностранцев в Красную гвардию». Они приняли решение «ни в коем случае не допускать вступление иностранцев, которые должны быть полностью нейтральными в политической борьбе, происходящей в России, в какие-либо политические партии». Консулы потребовали от органов Советской власти «не принимать ни одного иностранца в ряды Красной гвардии» [243, *54*].

Китайские дипломаты, ввиду своей слабости, поддержали требования своих коллег из Европы. Весна 1918 г. ознаменовалась тем, что Украина была оккупирована австро-германскими войсками, а к власти на Украине приведен гетман П. Скоропадский. Какое отношение вызвали эти события в различных слоях общества и у представителей других национальностей? Как отнеслись они к украинской идее, воплощавшейся на немецких штыках?

Слабое, не поддерживаемое местным населением украинское правительство, не удовлетворяло оккупационные власти. Германские дипломаты отмечали, что «нынешнее украинское правительство в свое время было подходящим инструментом для заключения мира, но в настоящий момент его власть не распространяется дальше власти наших штыков» [141, *36*]. Отсюда — хлеб с крестьян для Германии собрать не хочет и не может. Зачем же тогда такое правительство?

В процессе так называемого гетманского переворота, когда в здании Центральной Рады были арестованы два министра, украинские национальные силы получили публичную пощечину от германских покровителей. Причем яркие представители украинской нацио-

нальной идеи продолжали приходить к германскому послу и по-прежнему спрашивать, как же им теперь жить в своей стране после всего происшедшего? Германский посол в Киеве Мумм в докладной записке 29 апреля 1918 г. рейхсканцлеру Гертлингу в этой связи писал: «Вскоре после премьер-министра меня посетил г. Порш, бывший министр общественных работ и нынешний председатель украинской делегации, который в партийно-политическом отношении не вполне солидарен с позицией нынешнего кабинета. Он явился ко мне, чтобы узнать, что он должен сообщить на назначенном на сегодняшний вечер собрании своих политических друзей о наших дальнейших намерениях. Вслед за этим последовали разговоры с доверенными лицами, и в том числе одной толковой женщиной-агентом*, муж которой является здесь известным писателем и противником нынешнего правительства. Все они повторяли один и тот же вопрос — как должны действовать теперь люди, которые предполагали примкнуть к нам после того, как мы так сильно оскорбили украинское национальное чувство (и по заслугам!). Я ответил некоторым лично, а некоторым через генерального консула Тиля, чтобы их сторонники не теряли мужества. Ведь они все же достигли в этом деле того, к чему стремились, и не должны из происшедшего делать выводов, что мы хотели нарушить самостоятельность Украины» [141, *56*].

Местное население было недовольно не только немцами, но в большей степени австро-венграми, особенно на Западной Украине. Германское командование и после гетманского переворота не очень высоко оценивало власть на Украине. При этом в телефонограмме из штаба Эйхгорна главнокомандующему Восточным фронтом 4 мая 1918 г. говорилось: «Германским войскам будет нетрудно поддерживать порядок и спокойствие, если мы, наконец, откажемся от фикции дружественной страны, в которой мы должны просить разрешения на свои действия у бестолковых или неопрятных украинских комиссар и комендантов» [157, *62*].

Теперь о возможных мотивах поведения китайцев в момент

---

* Примечание к документу: «Имеется в виду Донцова — жена украинского националиста Донцова» [141, *196*].

оккупации немцами Украины и отношении к власти, которая пришла на ее штыках.

Ассоциативно-эмоциональный фонд — механизм, динамично и адекватно функционирующий, работающий в большей степени на подсознательном уровне. В ходе погромов в Галиции 1914 — 1917 гг. среди мирного русского населения оказалось более 60 тысяч убитых, более 100 тысяч умерших в концлагерях. При отступлении Русской армии в 1915 г. из Галиции беженцы составили около полумиллиона человек, расселившиеся от центральных районов России до Туркестана. Информация о терроре над русским населением в Галиции со стороны оккупантов широко распространялась в прессе и из уст беженцев. Кроме этого, что запомнили китайцы от первого знакомства с немцами, побывав у них в плену вместе с царскими войсками еще в период мировой войны? Ли Фуцин вспоминал:

«Немецкое командование согнало кули в концлагерь, и попали они, что называется, из огня да в полымя. В лагере с китайцами обращались еще хуже, чем в царской армии. В день выдавали по одному куску черного хлеба с чайную чашку величиной. Откусишь его, а на зубах песок скрипит. С утра до поздней ночи заставляли кули строить тюрьмы, прокладывать дороги. Не скупились немцы ни на пинок ногой, ни на удар плетью или штыком. И немало народу погибло от побоев, от непосильного труда. Ежедневно из концлагеря целыми грузовиками вывозили трупы умерших. Вот то «благодеяние», которое принесла человечеству империалистическая война!» [180, *177*]. Да если бы их собственное, китайское, правительство, шествуя в одних рядах с немецкими оккупантами, призвало китайцев в тот период к лояльности и смирению, вряд ли бы они его послушали и ему поверили.

Как должны были относиться китайцы, побывавшие в плену у немцев, к установившейся такой власти, если сами же украинские солдаты из числа бывших военнопленных не желали воевать на стороне германских оккупантов против большевиков? Австро-венгерский посол в Киеве Форгач еще 12 апреля 1918 г. доносил МИДу: «По желанию германского главного командования стоящий в мес-

тном гарнизоне украинский полк, созданный из бывших украинских военнопленных з Германии, предполагалось отправить на Восточный фронт для борьбы с большевиками. Солдатам это не понравилось, и весь полк разбежался. Такой развязкой, собственно говоря, будет удовлетворено и германское командование и украинское правительство, так как оба они питают вполне обоснованное недоверие к этим войскам» [141, *166*].

Как должны поступать китайцы в условиях проведения в жизнь жестких приказов новых властей на Украине? Например, уже в приказе № 2 от 28 февраля 1918 г. по г. Кременцу начальник германской дивизии объявлял: «...п.3. За каждого убитого или раненого германского или польского солдата будут немедленно расстреляны первые попавшиеся десять русских солдат или жителей» [141, *22*]. Или китайцев?!

Китаец Ван свое отношение к «петлюровцам и гайдамакам» определял просто: «Я — рабочий, большевики за рабочих, они хотят, чтобы рабочим было хорошо. А гайдамаки, петлюровцы — белые, они хотят, чтобы все было по-старому, чтобы несправедливость была выше справедливости и бедные оставались бедными, богатые — богатыми... Первый бой у меня был под Киевом с петлюровцами» [225, *28*]. И никакой украинской национальной идеи китайцы не воспринимали и не поддерживали. Под воздействием агитации носителей большевистской идеи, учитывая, что это были единственные «самаритяне», предложившие свои услуги, китайцы постепенно оказались втянутыми и в Красную гвардию, и в ряды красных партизан. А последнему явлению уже способствовали новые обстоятельства, новые действия новых властей.

Идея украинской идентификации даже у самих украинских коммунистов постепенно трансформировалась в украинский большевизм, а затем — в новое качество до этого нигде неизвестное — интернационализм по-ленински.

И здесь следует уделить внимание интернациональному Донбассу и такому явлению, как Донецко-Криворожская республика.

Как известно, после обсуждения 11 — 12 декабря 1917 г. в резолюции 1-го Всеукраинского съезда советов было зафиксиро-

вано компромиссное решение о том, что Донбасс неделим, он входит на правах федерации в составе Украины в единую федерацию с Россией. То есть именно единство Украины и России в одной стране позволило в дальнейшем часть Донбасса оставить в составе Украины. При этом идея украинизации в промышленных районах на Востоке Украины не поддерживалась большинством населения. Например, 5(18) декабря 1917 г. «Известия» Юзовского Совета рабочих и солдатских депутатов поместила резолюцию исполкома совета, в которой говорилось: «Юзовский С. Р. и С. Д. предлагает от имени Юзовского пролетариата в интересах всей демократии Украины и России признать целесообразной формой самоопределения Украины территориально-политическую автономию ее в этнографических границах, определяемых плебисцитом, с обеспечением прав национальных меньшинств...». И далее: «... протестуя против политики Рады, Юзовский Совет Раб. и Солд. Деп. заявляет: что теперешняя Рада не заслуживает доверия трудовых рабочих и крестьянских масс, что Совет протестует также против отдачи части Донецкого Бассейна на съедение Каледину и поддержать, если окажется необходимым даже с оружием в руках, рабочих Донской Области в их борьбе с Калединым, что расчленение Донецкого Бассейна, по каким [-] либо историческим или другим признакам, недопустимо, и что при всяких условиях нами может быть признана лишь одна власть — власть Советов» [245]. В письме К. Ворошилова в газету «Правда» от 18(5) декабря 1917 г., напечатанном также в газете «Донецкий пролетарий» говорилось:

«Наших доморощенних українізаторів не бентежить та обставина, що наша партія по місту [имеется в виду Луганск. — Н.К.] під час виборів одержала з 23 тис. 11 345 голосів, а „українці" тільки 2 122. Не біда й те, що ми в повіті одержали з 124 тис. 45 тис., а вони — 40 тис...

«Українці» у нас хочуть будь-що українізувати місто і всі його установи. Але біда в тому, що всі робітники українського і неукраїнського походження досить певно висловлюються проти такої українізації будь-що, і доводиться нашим шовіністам вдаватися до всякого роду хитрощів, тощо» [47, *1 — 2*].

Деление промышленного Донбасса, которое вытекало из переговорного процесса Центральной Рады и Германии, также не получило одобрения в Донской области и в пограничных районах. Именно из-за этого А. Каледин поссорился с Центральной Радой, которая по 3-му Универсалу считала Таганрог и Ростовский район своими [149, *63*]. Донские казаки, выступавшие против советской власти, также считали границы по-своему. Когда красногвардейские отряды Донбасса были в походе против А. Каледина, они явились в Луганск. По свидетельству луганских депутатов, в январе 1918 г к ним «пришли казацкие депутаты и заявили, что по прежнему географическому [положению] Луганск принадлежит к Донщине, а потому извольте освободить его. Была принесена карта [,] по которой они показывали свои требования. У нас не было ничего [,] чем бы мы могли оспаривать их требования...» [61, *10*].

Продвижение германских войск на Восток во время оккупации Украины породило временные мотивации у депутатов некоторых городских советов требовать единого статуса Донбасса и его единения с Донской областью.

Член Луганского городского совета И. Николаенко вспоминал:

«Наши луганские дипломаты, учитывая, что по Брестскому договору немцы должны занять Украину только до реки Северского Донца, который в этом районе граничит между Донбассом и Донобластью, следовательно, новая Донская Республика по нашим соображениям должна сохраниться», выдвинули «теорию присоединения Донбасса к Донской области.

Причем эта теория была исторически обоснована тем, что лет двести тому назад Бахмутский и Славяносербский уезды, на которых теперь развернулась промышленность Донбасса, не входили в состав Гетманской Украины, а присоединялись вместе с Донскими степями к России.

После долгих рассуждений, учета всяких, даже мелких, обстоятельств, могущих сорвать этот план, Луганский Совнарком выделил «дипломатических представителей» для посылки в Ростов, в составе т. Вобликова (других не помню), с челобитной о присоединении Луганска и Бахмута со всей промышленной террито-

рией Донбасса к Донской области, а для того, чтобы убедить немцев, наш Совнарком решил даже организовать плебисцит...

Выехала наша делегация в Ростов. Надо сказать, переговоры ее шли успешно, границы присоединяемой территории были определены без дебатов, но Донской Совнарком, учитывая, что у нас с финансами дела обстоят более благополучно, чем у него, настаивал на компенсации, на которую наша делегация согласилась» [59, *41*].

Сколь обширно поддерживалась идея самостоятельности Донецко-Криворожской Республики среди широких рабочих масс (а ввиду угрозы украинизации на это, видимо, у широких масс все же были причины), это отдельная тема. Но в свете рассматриваемой темы отметим, что китайские рабочие в свое время вступали в Красную гвардию именно Донецкой республики. Напомним, что значительное число китайцев входило, например, в состав Первого Грозного социалистического батальона **Донецкой республики.** Среди них Леу Цан-гуй, Ту И, Ли Чан-гу, Ван Тун-хи, Ван фу, Ван Хлан-чи, Ли бай, Шан Тиш-ин, Лю Си-фан, Чи Лин-чи и другие [243, *60*].

Истинные причины недовольства В. Ленина самостоятельностью Донецко-Криворожской Республики объясняются не его заботой о целостной, самостоятельной Украине, правах украинского населения. В. Ленина, как, впрочем, и многих других политиков, интересовала власть. И ничего больше. Без промышленного Донбасса власть большевиков на Украине ни завоевать, ни удержать было невозможно.

Также считал и В. Антонов-Овсеенко: «Это отделение ***рабочих*** (выделено. — Н.К.) районов от Украины, как раз в момент, когда ее Советское правительство в Киеве особенно нуждалось в политической организационной поддержке (выступление против Центральной Рады на Брест-Литовских переговорах с немцами), мне представляется и до сих пор серьезным государственным промахом» [149, *188*].

Он же 26 февраля 1918 г. Совнаркому Донбасса (копии В. Ленину и Л. Троцкому) писал, что «характер и пределы автономии До-

нецкого и Криворожского бассейна подлежит определить путем соглашения с Центральной Советской Властью, а не путем одностороннего решения областного съезда...» [149, *188 — 189*]. Это только схоластический аргумент — не «решается областным съездом», поскольку в этот момент никто уже никакого соглашения с Центральной Радой заключать в Москве не собирался и на уровне «Центральной Советской Власти» положительно и всерьез рассматривать данный вопрос не планировал. Это простое лицемерие, иначе бы И. Сталин 22 сентября 1922 г. в письме В. Ленину не написал:

«3. За четыре года гражданской войны, когда мы вследствие интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, вопреки своему желанию, настоящих и последовательных социал-незалежников, которые требуют настоящей независимости во всех смыслах и расценивают вмешательство Цека РКП и как обман и лицемерие со стороны Москвы;

4. Мы переживаем и такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упрямо принимая слова о независимости за чистую монету и так же упрямо требуя от нас воплощения в жизнь буквы конституции независимых республик» [144, *199*].

При достижении главной цели — власти, сгодятся любые аргументы. К таким аргументам относится и такой: деление Донбасса неминуемо, поскольку есть договор Центральной Рады и Германии. Ведь трудно же отрицать наличие таких фактов-аргументов.

В. Ленин в своем письме к Г. Орджоникидзе 14 марта 1918 г. писал: «Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что как бы они не ухитрялись выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину, и немцы будут ее завоевывать. Ввиду этого совершенно нелепо со стороны Донецкой республики ***отказываться от единого с остальной Украиной фронта обороны*** (выделено. — Н.К.). Межлаук в Питере, и он согласился признать Донецкий бассейн автономной частью Украины; Артем так-

же согласен с этим; поэтому упорство некоторых товарищей из Донецкого бассейна походит на ничем не объяснимый и вредный каприз, совершенно недопустимый в нашей партийной среде.

Втолкуйте все это, тов. Серго, крымско-донецким товарищам и добейтесь создания ***единого фронта обороны*** (выделено. — Н.К.). Ленин» [139, *610*]. Вот главная цель — единый фронт обороны, который обеспечит большевикам в дальнейшем завоевать и удержать власть. Без интернациональной когорты из промышленных рабочих это сделать не удастся. Не с крестьянами же Махно, в самом деле, это делать?

Теперь о метаморфозах украинских коммунистов на пути от неприятия украинской идеи к украинской принадлежности, и от нее к «интернационализму».

«Украинцев» с Донбасса вышло на территорию РСФСР до 50 тысяч рабочих и членов их семей [207, *65*]. При этом большинство рабочих Донбасса были русскими, выходцами из Европейской части России. Удельный вес их на крупных предприятиях Донбасса в конце XIX — начале XX вв. составлял от 80 до 90 %. Еще в 1885 г. в Луганской каменноугольной промышленности 72% всех рабочих были пришлым элементом, главным образом из Тульской и Орловской губерний, а в 1897 г. в Екатеринославской губернии 82,8% составляли пришлые рабочие, на предприятиях же с количеством рабочих свыше 1 000 их доля составляла 88,9% [54, *6*]. Большая часть рабочих из местных крестьян разбежалась по своим домам в близлежащие села, поскольку им было куда вернуться. Вновь к большевикам они придут в статусе красных партизан. Приехавшим же на заработки русским, как, впрочем, и китайцам, бежать из рабочих поселков было некуда, кроме как отступить из Украины то ли в роли красногвардейца, то ли в роли беженца.

Тем не менее, прибывшие в Царицын красногвардейские отряды, вдруг начали подчеркивать свой украинский характер. «С приходом в Царицын, где ***нас уже называли украинцами*** (выделено. — Н.К.), Луганский актив играл крупную роль», — писал И. Николаенко [59, *48*]. Красногвардеец И. Тузиков добавлял: «Нужно сказать, что у царицынских товарищей до поездки Ворошилова было такое

мнение, что из Украины идут какие-то бандиты. Когда наши бронепоезда прибыли на ст. Царицын, жители приходили смотреть, что из себя представляют ***украинцы*** (выделено. — Н.К.)» [61, *21*].

К. Ворошилов, забыв о том, как ранее он в своем письме в газету «Правда» отмежевался от «доморощенных украинизаторов», выступая в Царицыне по случаю вручения 1-му Луганскому коммунистическому полку Красного знамени, 10 сентября 1918 г. говорил: «Для нас, ***украинцев*** (здесь и далее выделено нами. — Н.К.), вынесших наиболее сильные удары контрреволюции, получение Красного знамени является лучшей наградой... Много преград было для нас, ***украинцев,*** на пути к отступлению из Украины, ибо буржуазия знала, что если мы соединимся с нашими братьями, живущими на Дону и на Волге, то революция будет непобедима» [51, *2*]. На это выступающий после К. Ворошилова председатель военной казачьей секции Шманов замечает: «Нет разделения по национальностям, а есть единая социалистическая Красная Армия. Дружно пойдем на капитал, ибо он одинаково угнетал и вас, и нас. Обращаюсь к вам с просьбой, тов. ***украинцы*** (выделено. — Н.К.), обвинять не трудовых крестьян, а кулачество. Да здравствует братство, равенство и свобода!» [51, *7*]. В ответ на призывы, «украинцы» — русские, татары, немцы, чехи, словаки, латыши, венгры, китайцы и другие — громко и одобрительно кричат «Ура!».

Во-первых, украинская тема не актуальна, а во-вторых, найдена идеальная революционная формула единения — интернационализм. Интернационализм по-ленински — это когда представители различных национальностей помогают коммунистам завоевывать власть в одной отдельно взятой стране. Порой сегменты «интернационализма» были присущи отдельным красноармейцам в большом изобилии. Показательным является личное дело Пекк Генриха Эдмундовича. По национальности Пекк венгр, родился во Львове, военное образование получил в Венской кавалерийской школе, родной язык польский, одинаково успешно и бескомпромиссно воевал на всех фронтах: сначала громил латышей, затем белочехов на Восточном фронте, затем белополяков на Западном фронте, находился на 10 командирских должностях, в том числе Уфимской

киргизской сотни, женат на донской казачке, место проживания после Гражданской войны — Кадиевка (Донбасс) [91, *102 — 104*]. А вот какие метаморфозы произойдут с китайцами-красноармейцами уже после Гражданской войны в период украинизации в 20-е годы: Лю Си в личном деле в графе «состав семьи» напишет — «Китайская империя, я и моя жена», а в графе «национальность» — «*украинец*, бывший под [данный] Китайской империи» [23, *4 с оборотом*]. (Если китаец под давлением пропаганды всеобщей украинизации смирился с тем, что стал украинцем, то что же говорить о тысячах русских, механически переведенных в статус украинцев только потому, что они родились или на тот момент проживали на территории Украины).

Не все китайцы вступили в Красную гвардию перед приходом австро-германских войск. Тот порядок, который установился при Гетманщине и немцах, приведет ко второй волне вступления китайцев в ряды красных партизан и красноармейцев. Чтобы понять мотивы их вступления, давайте посмотрим на общее состояние промышленных районов. Главной задачей немцев было вывезти необходимое им сырье и продовольствие. О поднятии промышленности оккупанты не заботились, что видно из некоторых данных о состоянии рудников Луганского округа в период Гетманщины и немецкой оккупации, которые приводит Д. Эрдэ:

«Лозово-Павловский район. На Новосильцевских копях расценки уменьшены вдвое и введен 12-ти часовой рабочий день. На Брянском руднике денег рабочим не платили. Из 5000 рабочих осталось не более 1000 человек, а остальные частью ушли в Красную гвардию или частью разбежались.

Кадиевский район. Рабочий день был увеличен. Жалованья не платили целых 3 месяца. В июне месяце возникла было забастовка.

Криндачевский район. 8 часовой рабочий день отменен. Третья часть рабочих разбежалась.

Ровенецкий район. Все рудники остановились за исключением двух. Из 5000 — 7000 рабочих осталось не более 1000, а остальные или разбежались или ушли в Красную гвардию» [237, *37*].

В такой ситуации хозяевам предприятий пришлось либо заво-

зить рабочих из других областей, либо упорядочить заработную плату иностранным рабочим, которые еще не разбежались. Во всяком случае, если даже и задерживалась выдача заработной платы, то хозяева старались хотя бы довести до сведения рабочих, какая заработная плата им обещана. Так, в гетманский период на шахте Мария Петро-Марьевских каменноугольных копей были обнародованы расценки труда китайских рабочих. По этим расценкам, например, откатчики поверхностные и другие, работающие на поверхности, получают за 1 упряжку 3,5 рубля, премиальные им же за один выход, если количество выходов в месяц составляет не менее 18, — 2,5 рубля, китайцы по углю за 1 упряжку — 3,5 рубля, премии им за 18 и более выходов — 1 рубль, стволовой (без премии) за 1,5 упряжки — 9 рублей, помощник стволового — 7,5 рубля, подкатчики при стволе за 1,5 упряжки — 5,25 рубля, повара за 1 упряжку — 2,7 рубля, уборщики бараков в месяц — 20 рублей, переводчик китайский — 250 рублей, старшинка китайский — 185 рублей. «Китайцы, работающие по углю, должны дать 3 вагона; за меньшее количество угля штрафовать не полагается, за большее количество доплачивается 2 рубля за каждый сверх нормы выданный вагон угля. За каждый вагон угля, выданный сверх нормы, старшинки получают с вагона 08 копеек». На расценках есть дополнение карандашом: «премия китайцам, работающим на поверхности, кроме откатчиков — 1 руб. 50 коп.» [39, *80 — 82*].

В это же время, согласно удостоверению, выданному 15 октября 1918 г. в г. Харькове на имя директора-распорядителя Петро-Марьевских и Варваропольских копей, разрешалось завезти на станцию Варварополье Екатеринославской железной дороги 50 рабочих из Великороссии. Хотя в немецкоязычной части удостоверения говорится именно о великорусских рабочих — «grossrussischen Arbeiter», что исключает иностранцев [46, *22*].

С установлением власти гетмана П. Скоропадского на предприятиях и рудниках, как уже указывалось выше, отменен 8-часовой рабочий день, не выплачивалась или задерживалась заработная плата, практиковались избиения шахтеров. Это вызвало в Горловке и Кадиевке «мертвые стачки», когда останавливались все участки,

что угрожало полной остановкой предприятий. Немецкие власти пригрозили сослать всех рабочих в концлагерь. Шахтеры, в том числе и китайские, вынуждены приступить к работе [199, *214 — 215*].

При отступлении в апреле 1918 г. часть рудников была затоплена [62, *11*]. Куда китайцам податься? Ждать, пока переведут на другую шахту? Режим, установленный на Украине в период гетмана П. Скоропадского и австро-немецкой оккупации, поставил китайских рабочих перед выбором: либо вступать в партизанские отряды, либо ждать удобного случая вступить в Красную армию, если предоставится такая возможность. А пока часть из них, оставшаяся на Украине, продолжала работать на прежних предприятиях, некоторые даже начинают сотрудничать с большевистским подпольем.

Уже с января 1918 г. при Оперативном отделе Наркомвоена был создан Центральный штаб партизанских отрядов (впоследствии — особое разведывательное отделение Оперативного отдела Полевого штаба РВСР). На Украине руководство отрядами и связь с ними осуществлялись через ЦК КП(б)У [197, *539*].

С момента германо-австрийской оккупации Украины китайские рабочие постепенно втягиваются в освободительную борьбу. В своем заявлении в Луганскую городскую партизанскую комиссию Тань Шань (родился в 1900 году в Харбине) писал, что вступил в апреле 1918 г. в партизанский Ивановский отряд в Киеве, затем участвовал в составе 4-го полка им. 3-го Интернационала в боях под Гомелем и Уманью Киевской губернии. Показания Тань Шаня удостоверили также с ним воевавшие Ван Ви-зу и Чен Шу-ин [24, *1 — 2*].

Вот об этом партизанском отряде следует сказать особо. Он считается первым на территории Украины и Белоруссии краснопартизанским отрядом. На самом деле, «красный» период у него короткий. А вот общий партизанский «стаж» очень велик, поскольку отряд организовался еще весной 1917 г. и «партизанил» он первоначально против своих же, русских (царских) войск. По сути, на момент своего возникновения, это была банда, организованная большевиком Ивановым и действовавшая в Киевской губернии по

разграблению армейских складов. Вот как об этом периоде «партизанщины» вспоминал Ли Фу-цин:

«Весной 1917 года неизвестно по какой причине немецкое командование освободило всех оставшихся в живых китайцев [имеется в виду из немецкого концлагеря. — Н.К.]. Вместе с русскими военнопленными они возвратились в Россию. Дальнейшей судьбой кули никто не интересовался, их ожидали голод и смерть. Война разорила Россию. Положение бывших военнопленных не беспокоило Временное правительство, занятое войной с Германией и подавлением нараставшего революционного движения внутри страны. Толпы голодных кули бродили по украинским степям.

Однажды группа китайцев, в которой был Ли Фу-цин, встретилась с одним русским по фамилии Иванов. Вот что услышали они от этого русского: «Товарищи, чтобы остаться в живых, надо организоваться и начать бить царские войска. У них в пакгаузах есть и хлеб, и одежда. Все подохнем с голоду, если и дальше будем болтаться, как слепые, без всякой цели!».

К этому времени Ли Фу-цин уже понимал немного по-русски, и он почувствовал, что Иванов прав. И Ли Фу- цин, Чэнь Чжи-жун и У Чжи-хуа, посовстовавшись между собой, решили идти вместе с ним. Образовался отряд из ста семидесяти — ста восьмидесяти китайцев и около трехсот русских; командиром выбрали Иванова. Вооруженные несколькими винтовками, прихваченными с фронта, они окружили однажды полицейский участок в небольшом населенном пункте и захватили более тридцати старых винтовок. Несколько позже, совершив налет на роту царской армии, отряд добыл еще около ста винтовок. Вооружившись, отряд Иванова стал совершать налеты на гарнизоны, громить склады. Когда удавалось захватывать большие трофеи, часть раздавали крестьянам. Те в свою очередь привозили в отряд картофель и кукурузу.

Между китайцами и русскими в отряде завязалась крепкая дружба. Русские партизаны очень заботились о своих товарищах по оружию. Появится в отряде белая мука — ее, прежде всего, выдают китайцам; точно так же поступали и с хорошим обмундированием; а подвернется случай разместиться на ночлег в доме

— его уступают китайцам. Китайцы на такое отношение к себе отвечали любовью и преданностью, они пекли хлеб для русских товарищей, помогали им чинить рваную одежду. Постепенно отряд сплотился в дружную семью.

Так возник и оформился боевой отряд. Позднее Ли Фу-цин понял, что отрядом руководят большевики. Это был один из первых красных партизанских отрядов, действовавших на территории Украины и Белоруссии» [180, *177 — 178*].

Число партизан пополняли и те красноармейцы, которые временно оказывались в тылу противника. Свой путь в партизаны, а точнее в ряды подпольщиков, на Украине Сюй Мо-линь описывал так: «Однажды летом 1918 года, подходя к одной деревне, мы еще издали увидели вывешенные красные флаги. Бойцы спокойно вступили в населенный пункт, жители собрались на митинг в честь нашего прихода. Судя по всему, население поддерживало большевиков. Однако случилось непредвиденное. Не успел отряд отойти от деревни, как с фронта и с флангов его начал окружать противник. Повернули обратно, а деревня на этот раз встретила нас огнем. Мы попали в ловушку. Хотя отряд не успел приготовиться к обороне, мы не растерялись. Бой был ожесточенным... Ценой больших потерь мы вырвались из окружения. Многие товарищи пали смертью храбрых, многие попали в плен. Как правило, пленных подвергали изощренным пыткам и издевательствам, после чего расстреливали или рубили шашками.

В том бою я отстал от своих. Пробрался в Киев, еще занятый белыми, и устроился грузчиком на угольный склад. Примерно месяц спустя белогвардейцы схватили всех китайских рабочих и отправили в тюрьму. Нас называли «смутьянами» и грозили расстрелом» [180, *84 — 85*].

16 октября 1918 г. департамент государственной охраны гетманского правительства направил всем губернским старостам телеграмму, в которой сообщал, что большевики ведут большую работу среди китайского населения, пользуются помощью китайцев для сбора необходимых сведений, готовят их к «активному выступлению в случае вооруженного восстания». Департамент предлагал

немедленно арестовать всех китайцев, подозреваемых в связях с большевиками, и передать их германскому командованию. Только за вторую половину октября 1918 г. в одном Киеве было арестовано 87 китайцев за связь с большевиками и «вредную деятельность против существующего государственного строя и порядка» на Украине [255, *117*]. Историк Н. Попов, ссылаясь на документ из государственного архива Киевской области «Об аресте китайцев, подозреваемых в противоправительственной деятельности», отмечал, что в этот период охранка усиленно разыскивала китайца Тин Цен-ку, который, по ее сведениям, имел связь с большевиками и руководил революционной работой в Киеве. Несмотря на то, что за поимку Тин Цен-ку была обещана награда, арестовать его не удалось [211, *31*]. Своеобразный неуловимый Олеко Дундич.

С приближением красных частей к границам Украины, активизация китайцев уже с оружием в руках в декабре 1918 г. возросла. В перехваченном красными донесении гетманского штаба главнокомандующему на Черниговщине от 10 декабря 1918 г. отмечалось, что при общей активности вооруженных партизанских частей «замечено появление китайцев» [171, *154*]. В 1918 г. на территории Украины действовало 174 партизанских отряда и соединения, а кроме них еще 800 небольших отрядов. В них активное участие принимали венгры, греки, китайцы, немцы, поляки, румыны, словаки, чехи, сербы, французы и др. Количество китайцев в них не поддается подсчету.

Параллельно с большевистскими партизанскими штабами организовываются штабы повстанцев-махновцев. В первых числах января 1919 г. организован оперативный штаб повстанцев-махновцев южного участка фронта. Было принято решение все отряды слить в полки, придать им тыловую базу, вести организацию новых частей, а также штабу распределять запасы оружия, организовать фронтовые штабы и руководить боевыми операциями. Все, не подчинившиеся отряды, подлежали разоружению, а их командиры преданию общему повстанческому суду [191, *49*].

К лету 1919 г. в юго-восточной части Левобережья активно действовало 10 500 повстанцев-партизан [231, *300*]. В это же вре-

мя создано Зафронтбюро. 15 августа были созданы 14 повстанческих штабов: Полтавский, Нежинский, Петропавловский, Голубовский и другие. Только при штабе Лозово-Синельниково в октябре 1919 г. насчитывалось около 20 тысяч партизан (40 отрядов, сведенные в 4 бригады и 2 дивизии), а в ноябре партизаны насчитывали в своих рядах около 35 тысяч человек [223, *67*].

В декабре 1919 г. Зафронтбюро ЦК КП(б)У издало приказ, по которому призывалось выступить партизанам повсеместно, не дать деникинцам взрывать коммуникации (железные дороги, мосты), продвигаться отрядам на северо-восток, чтобы отрезать отступающие силы Добровольческой армии, предписывалось согласовывать свои действия с операциями Красной армии [223, *73*].

Таким образом, в период австро-германской оккупации Украины китайские рабочие вновь оказались в сложной ситуации. Под влиянием агитации большевиков они все чаще и чаще соглашаются сотрудничать с большевистским подпольем, а затем и вступать в красно-партизанские отряды. Каждый раз, когда китайцы в дальнейшем будут оказываться по тем или иным причинам в тылу противника, они вновь будут вступать в партизанские отряды. Учитывая конфиденциальность информации, сказать, сколько партизан из числа китайцев участвовало в партизанском движении на Украине, не представляется возможным. При этом следует добавить, что ограничить партизанское движение только рамками 1918 или 1919 годов нельзя. К партизанам следует отнести и тех китайцев, которые оказались в частях Н. Махно включительно до октября 1920 г.

ГЛАВА 5.
КИТАЙЦЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ КРАСНОЙ АРМИИ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Прежде чем говорить о том, как конкретно воевали китайцы на фронтах Гражданской войны, следует рассмотреть ряд организационных вопросов, а также выяснить, как происходило переформирование частей Красной армии, на каких принципах формировались интернациональные, в том числе и китайские, части.

Китайские организации. Китайские граждане в России после победы Октябрьской революции получили возможность создать свои организации. Основанный в 1917 г. Союз китайских граждан в конце 1918 г. был преобразован в Союз китайских рабочих, который объединял все китайские организации в России и насчитывал 50 тысяч членов [165, *28*]. Одними из его руководителей были Лау Сиу-джау (Лео Сю-чжао) и Чжан Ин-чун, беседовавшие с В. Лениным 29 ноября 1918 г. Председателем Союза китайских рабочих в России в дальнейшем и стал Лау Сиу-чжау (*написание согласно документам, но, по мнению А. Хейфеца, — Лю-Цзе-жун*), а Союз китайских рабочих на Украине возглавил Теу Шао-ян (*Чжу Шао-ян. — А. Хейфец*) [167, *350*].

В биографической справке фамилия Лау Сиу-джау также дается в написании как Лю Цзе-жун. В ней в частности говорится, что он «родился в Гуанчжуо (Кантон) в 1892 г. Его отец, специалист-чаевед, был приглашен для работы на опытных чайных плантациях Грузии. В 1909 г. Лю Цзе-жун окончил Батумскую гимназию и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. С осени 1916 г. до Февральской революции 1917 г. он занимался в Петроградском политехническом институте и одновременно преподавал математику в реальном училище. После Февральской революции Лю Цзе-жун ушел в революционное движение и стал руководителем Союза китайских рабочих в России. Он принимал участие в работе 1-го и 2-го конгрессов Коммунистического Интернационала. После победы народной революции в Китае — на службе в МИД КНР» [211, *40*].

Союз имел разработанный и утвержденный устав. 24 декабря 1918 г. под непосредственным руководством союза было занято здание китайского посольства в Петрограде, и для защиты интересов китайских граждан был образован Центральный исполнительный комитет союза. Его руководство уведомило об этом Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР. Советское правительство признало за союзом право представительства китайских интересов в России. Союз проводил большую работу среди китайского населения, проживавшего в России. Он издавал газету «Китайский работник», проводил собрания и митинги, развернул коммунистическую агитацию, призывая всех китайских рабочих всегда помнить, что «судьба революции Китая тесно связана с судьбой русской рабочей революции», что «только в тесном единении с русским рабочим классом возможна победа революции в угнетенном Китае» [255, *112*]. Китайским организациям в России были предоставлены типографии, средства, помещения. В Москве существовал специальный Дом восточных союзов, в котором систематически проводились объединенные митинги восточных народов и другие мероприятия. Советским правительством были изданы официальные распоряжения, требовавшие от местных органов власти оказывать всяческое содействие китайскому населению России. В директивном письме Наркоминдел 5 декабря 1918 г., направленном в адрес ВЧК, всех Совдепов и местных ЧК, указывалось: «Необходимо разъяснить зависящим от вас органам, что китайские и других восточных стран граждане в России отнюдь не могут быть причисляемы к буржуазным классам и считаться хотя бы в малейшей степени ответственными за политику своих продажных государств» [255, *112*].

Председатель ЦИК Союза китайских рабочих Лео Сю-чжао в телеграмме на имя В. Ленина, отправленной 16 мая 1919 г., писал, что китайцы чрезвычайно высоко ценят «внимательное отношение к китайским гражданам со стороны центральных властей», и заверял вождя мировой революции, что китайцы окажут всемерную помощь русскому пролетариату в его борьбе против внешних и внутренних врагов [255, *113*].

15 декабря 1918 г. газета «Правда» сообщала о совещании китайских и корейских рабочих организаций в России: «Все китайские организации объединяются в один общий союз китайских рабочих, насчитывающий 40 — 60 тысяч рабочих. Совещание постановило выйти из рамок профессионального союза и придать ему характер революционной организации для широкой пропаганды» [129, *147*]. Отделения союза были открыты в крупнейших городах, куда прибывали китайцы. При этих отделениях были созданы Коммунистические ячейки, которые входили в местные организации РКП(б), в частности, в 1918 г. создано украинское отделение Союза с центром в Харькове [194, *127*].

В конце ноября 1918 г. в Москве состоялось неофициальное совещание по делам Востока, на котором присутствовали представители Китая, Индии, Персии, Турции, Туркестана и Бухары. На этом совещании среди других рассматриваемых вопросов, был «выработан план совместных выступлений с русским революционным пролетариатом, чтобы облегчить положение Советской России и отвлечь от нее силы Англии и других союзных империалистов» [255, *111*].

Отдел пропаганды Наркоминдел в январе 1919 г. издал 10 тысяч экземпляров Конституции РСФСР на китайском языке, в марте вышла в свет в китайском переводе программа РКП(б), принятая на 8-м съезде партии [211, *34*].

3 — 4 марта 1919 г. в Москве состоялся I Конгресс Коминтерна, на котором присутствовали представители возникших в России интернационалистических организаций народов Востока, в том числе от китайских — Лау Сиу-джау и Чжан Юн-куй [158, *223*].

Для подготовки пропагандистских кадров китайские организации РКП(б) организовали партийные курсы и школы агитаторов. Многие китайские коммунисты занимались вместе с иностранными коммунистами Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). Так, на венгерских курсах агитаторов учились 39 китайцев, хотя при Центральной федерации китайской секции не было [211, *44*].

В марте 1919 г. из Москвы в Киев переехал отдел Федерации иностранных коммунистических групп.

ЦК РКП(б) оказывал большую финансовую помощь Федерации иностранных групп, ежемесячно с мая 1918 г. предоставляя в ее распоряжение 23 тысячи рублей. В то же время ЦК рассматривал сметы и утверждал отчеты по их исполнению и добивался правильного и экономного расходования денежных средств [158, *179 — 180*].

Усилиями коммунистов и политорганов в каждом интернациональном батальоне с осени 1919 г. стали функционировать школы ликвидации неграмотности, создавались кружки по изучению русского языка, культурно-просветительские ячейки [211, *50*].

В июне 1920 г. на основе коммунистической фракции Союза китайских рабочих на третьей его конференции было создано Центральное бюро китайских коммунистов в Советской России [255, *111*]. Высшим партийным органом китайских коммунистов в Советской России являлась Всероссийская конференция китайских коммунистических организаций, которая должна проводиться не реже одного раза в год. В соответствии с уставом, исполнительным органом бюро был президиум, поддерживающий связь с ЦК РКП(б). Бюро состояло из пяти человек, в том числе в его состав вошел и Сан Фу-ян. Для усиления работы на местах Бюро направило 50 коммунистов, в том числе и на Украину. Для руководства партийными организациями были созданы местные бюро, работавшие во взаимодействии с партийными комитетами РКП(б) [211, *45 — 46*]. Летом 1920 г. в Харькове при ЦК КП(б)У создано Центральное коммунистическое бюро народов Востока, а при Одесском губкоме — специальный Восточный отдел, перед которым поставлена задача ведения агитации и пропаганды среди иностранных рабочих на территории Одесской губернии.

По просьбе китайцев в июле 1920 г. в работе 2-го конгресса Коминтерна от Центрального Организационного Бюро на правах совещательного голоса приняли участие двое китайских коммунистов. Они вошли в состав комиссий по национальному и колониальному вопросам [211, *48*].

Подданство. Советское правительство учитывало нежелание определенных групп военнопленных вернуться в свои страны и их готовность отстаивать Советскую власть и дело революции.

На заседании ВЦИК 28 марта 1918 г. был обсужден и принят декрет, провозглашавший, что все иностранцы, преследуемые за политические и религиозные убеждения, в случае прибытия в Советскую республику пользуются правом убежища и не подлежат выдаче тем государствам, подданными которых они являются. Одновременно в Народном комиссариате по делам юстиции была закончена разработка декрета о приобретении прав иностранцами российского гражданства. Статья 1 Декрета предоставляла право российского гражданства без обозначения срока давности пребывания иностранца на территории России. В статье 2-й говорилось, что для приобретения прав российского гражданства иностранец должен подать заявление в Совет рабочих и крестьянских депутатов по месту жительства, указать род занятий и сообщить, не подвергался ли судебному преследованию, а если подвергался, то за какие действия. В соответствии со статьей 3-й, личность заявителя могла быть подтверждена гражданами Советской республики. Советы рабочих и крестьянских депутатов обязаны были выдавать иностранцам, ставшим гражданами РСФСР, соответствующие удостоверения (ст. 4-я). НКВД должен был регистрировать их, и через НКИД извещать о перемене гражданства государства, подданными которых эти лица ранее состояли (ст. 6-я). 3 апреля 1918 г. Президиум ВЦИК утвердил проект, а 5-го он был опубликован в «Известиях ВЦИК» [158, *149*].

18 апреля 1918 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд военнопленных. На следующий день МИД Германии выступил с требованием распустить организации военнопленных. 20 апреля 1918 г. Совнарком постановил, что «иностранцы, желающие поступить в Красную армию, должны принять русское подданство». Наркомвоен было поручено издать соответствующий приказ, который был опубликован в печати на следующий день. «Принять в состав Красной армии, — говорилось в приказе, — только тех добровольцев из числа иностранцев, которые приняли русское гражданство». Кроме того, советская печать сообщила, что съезд созван эмигрантами и бывшими военнопленными, принявшими гражданство Советской республики [158, *164*]. Декретом ВЦИК «О

формуле торжественного обещания при вступлении в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» от 22 апреля 1918 г. в отношении подданства утверждалось следующее: «Я, сын трудового народа, ***гражданин*** Советской республики...» и далее по тексту [139, *126*].

Записываясь в интернациональные отряды Красной армии, бойцы принимали торжественную присягу. В тексте одной из распространенных в то время формул присяги говорилось: «1) обязуюсь воевать и защищать до последней капли крови власть пролетариата; 2) врагов не щадить; 3) погибнуть в бою за великое дело рабочего класса считаю высшей наградой; 4) за побег с поля боя заслуживаю расстрел; 5) за пьянство и воровство также заслуживаю быть расстрелянным» [158, *574*].

27 апреля В. Ленин подписал декрет об образовании при Наркомвоен Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) [158, *150*].

На территории Туркестана вопросы подданства решались несколько проще. К 1917 г. многие из отходников Средней Азии уже являлись русскими подданными. Большинство отходников, по-видимому, все же сохраняли подданство той страны, откуда прибыли [157, *165*]. При этом считалось, что отходники из Китая — выходцы из Синьцзяна — в российском подданстве имели самоназвание «уйгуры», а в китайском подданстве — «дунгане», хотя народ один.

Весной 1919 г. в Термез-Гиссарской организации мусульманских коммунистов имелась небольшая группа уйгуров — выходцев из Синьцзяна. В конце 1919 г. в Ташкентской партийной организации также состояли китайские подданные. В 1918 — 1919 гг. активное участие в политической жизни Средней Азии принимало участие сравнительно небольшое число выходцев из Западного Китая, преимущественно русских подданных. Благодаря интенсивной деятельности партийных и советских органов, Туркомиссии, приезду из Москвы представителей ЦИК Союза китайских рабочих, в общественную жизнь включилось немало китайских подданных. С конца 1919 — начала 1920 г. в Средней Азии создаются Союзы китайских подданных, в которых сначала объединялись представители почти всех социальных групп. Однако к концу 1920 г.

в Союзах остаются рабочие, ремесленники, крестьяне-эмигранты и отходники из Западного Китая [157, *179*]. В сентябре 1919 г. в приветственной телеграмме, направленной второй краевой конференцией мусульманских коммунистов Исполкому Коминтерна, констатировалось, что «Советский Туркестан является революционной школой для всего Востока», что в Туркестан идут «революционеры соседних государств, которые становятся здесь убежденными приверженцами Коммунистической партии» [255, *179*].

Китайское правительство под давлением Антанты тоже заняло позицию неприятия участия китайских граждан в Гражданской войне в России. Под нажимом правительств Антанты делегация пекинского правительства опубликовала протест против принятия в ряды Красной армии китайских добровольцев. Глава делегации, пекинский министр иностранных дел Лу Чжэн-сян направил специальное письмо председателю Союза китайских рабочих в России с требованием оказать соответствующее влияние на членов Союза [167, *365*]. В ноябре 1919 г. по России прошли митинги, на которых китайцы протестовали против выступления в Версале представителя Пекина, заявившего, что китайские отряды Красной армии формируются насильственным образом и что Советское правительство чинит препятствия свободному выезду китайцев на родину. Так, газета «Известия» от 19 ноября 1919 г. сообщала, что на митинге китайских красноармейцев принята резолюция, в которой говорится:

«1) Все попытки Антанты и ее агентов опорочить добровольное формирование китайских интернациональных частей в России и Сибири совершенно напрасны. 2) Советское правительство не только никогда не чинило препятствия к свободному выезду китайцев из России, но и, напротив, всеми мерами содействовало ему. До начала чехословацкого восстания эвакуировано на родину свыше 40 тысяч китайцев. Со времени перерыва сообщений через Сибирь все усилия Советского правительства и китайских рабочих организаций отправить китайцев на родину через Одессу и другие порты все время встречали противодействие Антанты, не пропускавшей зафрахтованные для вывоза китайцев пароходы. 3)

Формирование китайских красноармейских интернациональных отрядов в России происходит по почину самих китайских рабочих, организаций, их собственными силами и собственным командованием, и притом исключительно из китайских революционеров-добровольцев...» [129, *203 — 204*].

А. Ларин отмечал, что «стремление китайского правительства не допустить участия своих граждан в войне объяснялось не только враждебным отношением к советской власти. В Пекине хотели избежать роста антикитайских настроений в России» [247, *57*].

Одним из ключевых городов, где шло формирование китайских интернациональных частей, а затем из него направлялись на различные участки фронтов, являлась Пермь. В «Известиях ВЦИК» 10 октября 1918 г. писалось: «В Перми наблюдается массовый переход китайцев и корейцев в русское подданство» [162, *90*].

Как принимались решения о переходе в другое подданство, видно на примере постановления Тульского губисполкома от 21 сентября 1918 г.: «Принимая во внимание: 1) что национальные паспорта не могут просителям быть доставлены, так как они являются военнопленными, 2) что все другие формальности соблюдены, 3) что просители служат в Рабоче-Крестьянской Красной Армии и защищают Коммунистическую революцию и российскую социалистическую Советскую республику, в русское гражданство означенных в сем просителей принять...» [129, *117*]. Китайцы, самостоятельно ушедшие в Красную гвардию из рудников Украины, также попадали в разряд тех, кому «национальные паспорта не могут просителям быть доставлены». Как, впрочем, и в других случаях военного времени.

Только в октябре 1918 г. Исполнительный комитет Петроградского совета удовлетворил сто двадцать восемь ходатайств китайцев принять их в советское гражданство [211, *10 — 11*].

В целом, не все интернационалисты в период Гражданской войны переходили в подданство России. В донесении № 0494 от 17 февраля 1919 г. начальника оперативного отдела Восточного фронта начальнику оперативного отдела Реввоенсовета Республики о составе интернационального полка говорилось: «Полк состоит из ин-

тернационалистов иностранного и русского подданства — 250 человек» [129, *170*]. Некоторые получили подданство спустя десятилетие после окончания войны. Например, Ли Чен-тун, бывший боец 7-й Червонной кавалерийской дивизии, в двадцатые годы занимался восстановлением шахт Донбасса, а советское гражданство получил только в 1929 г. [211. *61*].

Срок службы. В январе 1918 г. каждый вступающий в Красную гвардию «доброволец подписывал контракт на *три месяца*, получал 150 рублей в месяц, и его семья рядом льгот обеспечивалась» [200-А, *51*].

Декретом ЦИК «О сроке службы в рабоче-крестьянской Красной Армии» от 22 апреля 1918 г. уже говорилось: «1. Всякий гражданин, добровольно вступающий в ряды Красной Армии, обязуется служить в ней не менее *6 месяцев*, считая со дня подписания обязательства. 2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет ряды армии до истечения указанного срока, подвергается ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до лишения прав гражданина Советской республики» [139, *127*]

22 сентября 1918 г. приказом РВСР № 6 был объявлен повсеместный призыв на действительную военную службу. Тем же приказом устанавливалось правило, что длительность пребывания на действительной военной службе зависит «от военного положения страны». А еще через 10 дней (1 октября) Реввоенсовет Республики особым приказом № 19 установил, что призываемые в армию военнообязанные должны служить *не менее года*, но и после срока «не подлежат увольнению с военной службы до конца военных действий» [218, *102*].

В приказе Луганского уездного военного комиссариата № 67 от 22 июня 1920 г. говорилось:

«...6. Поступившие в ряды Красной Армии добровольцы не могут увольняться с таковой по собственному желанию впредь до конца военных действий. Поступившие в ряды Красной Армии добровольцами **иностранные подданные** (выделено. — Н.К.) также не могут оставить службу до конца военных действий.

7. За поступившими добровольцами, отправившимися на фронт, сохраняется место службы и средний заработок на точном основании декрета СНК от 3 и 19 августа 1918 г.» [100, *8*].

Периодические издания на китайском языке. Как сообщала газета «Известия ВЦИК» (1919 г.), «из докладов начальников частей выяснилось, что среди отрядов широко распространены китайская газета «Китайский работник» и агитационные брошюры на китайском языке» [224, *66*]. «Китайский работник» — Орган Исполкома китайских рабочих, первый номер которого вышел в Петрограде до 16 октября 1918 г.

В дальнейшем вместо «Китайского работника» печаталась газета «Датун бао» («Великое равенство»). Как выяснили Г. Новогрудский и А. Дунаевский, она писалась от руки, а затем печаталась в литографии на Васильевском острове в Петербурге [224, *70*]. Сначала главным редактором был С. Поливанов. Его сменил товарищ председателя Союза китайских рабочих Чжан Юй-чуан, убитый, как сообщали «Известия ВЦИК», 19 января 1919 г. [224, *78*]. Затем редактором назначен Сун Ян-чуан [211, *139*].

В целом, газет на китайском языке издавалось сравнительно мало. Например, по отчету политкома Военного совета N-й армии за январь 1919 г. из общего количества распространенных газет 1 039 417 на китайские газеты приходилось 2 700 экземпляров, в то время как на эстонские — 10 300, латышские — 15 050, мусульманские — 23 700 [211, *178*].

Листовки на Юг России доставлялись из Москвы оказией. «Большинство бойцов, — писали Г. Новогрудский и А. Дунаевский, — читать не умели. Но листовку старался подержать каждый. Она бережно переходила от одного к другому» [224, *99*].

Корреспондент «Окопной правды» на страницах газеты «Правда» от 11 января 1919 г. делился наблюдениями: «На днях наш политический отдел получил листки для китайцев. Для китайцев это было событие. Собравшись кругом тех, которые умели читать, они долго и внимательно слушали. Не понимая их языка, но, видя, как оживились лица китайцев, я понял, что листок, наверно, говорит о чем-нибудь хорошем. Долго китайцы оживленно разговаривали между собою» [211, *177*].

В январе 1919 г. отделом Советской пропаганды Наркоминдел была издана Конституция РСФСР на китайском языке. В отделе международной пропаганды среди народов Востока, который существовал при Центральном бюро мусульманских коммунистических организаций, имелась специальная китайская секция, издававшая на китайском языке газеты, брошюры и воззвания и распространявшая их на фронте и в тылу [255, *120*].

Большинство газет на китайском языке выходило на Дальнем Востоке: «Пробуждение Востока» (1920 г.), Орган Центрального организационного бюро китайских коммунистов; «Коммунистическая звезда» (1920 г.), Орган китайской секции Амурского обкома РКП(б); «Рабочий путь» (1920 г.) — Орган китайской секции Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). Под редакцией Я. Гашека в Иркутске в 1920 г. издавалась на немецком, чешском, китайском, бурятском, корейском и венгерском языках газета «Совет» [224, *134*]

На Украине печатная продукция на китайском языке не издавалась.

Переформирования и наборы в Красную армию. Многие китайские рабочие уже в феврале 1918 г. изъявили желание вступить в формируемую Красную армию в Москве и отправиться на Юг России. Один из комиссаров китайского отряда В. Сокол писал, что в феврале 1918 г. на призыв «вступить в только что созданную Красную Армию откликнулись и китайские рабочие. Они приходили с заявлениями в Замоскворецкий Совет. Вначале являлись китайцы одиночки, а через некоторое время стали появляться группами — десять, пятнадцать, двадцать человек» [224, *229*].

Мотивы вступления китайцев в Красную армию в центральной части России оставались прежние. Вот как описывал набор китайских рабочих в Красную армию Ли Фу-цин зимой 1918 г. на одной из лесозаготовок под Курском, прежде чем его часть направится на Юг: «Бараки настолько вросли в землю, что мало-мальски высокий человек мог стоять в них только согнувшись. Ли Фуцина затащили в крайний барак. Здесь по обеим стенам тянулись ряды нар — каждые примерно на тридцать человек. Кое-где они были покрыты рваными матрацами, собачьими шкурами, а на не-

которых вовсе ничего не было — здесь спали прямо на голой соломе или сене. Все одеяла лежали свернутыми, изодранные вконец простыни, некогда белые, стали серыми, а то и просто черными и лоснились от грязи… Маленькие окна, оклеенные желтой бумагой, почти не пропускали света, и в бараке царил полумрак…». На замечание красноармейцев, что условия жизни рабочих нечеловеческие, последние пояснили, что три месяца назад директор лесопилки сбежал неизвестно куда и бросил их на произвол судьбы. Еще несколько дней — и рабочим питаться будет совершенно нечем. А попытаться возвратиться в Китай в условиях войны они боятся. «Чем дожидаться здесь смерти, — заявили все в один голос, — вступим лучше в Красную Армию!» Рабочие из всех трех бараков быстро собрали свои пожитки, увязали постели, и все до единого ушли в Красную армию [180, *191 — 192*].

С лета 1918 г. малочисленные красногвардейские отряды, вышедшие из Украины, переформировываются в регулярные части Красной армии. Часть китайцев отправлена на Кавказ, часть переформирована на месте в заградительные отряды, 3-й интернациональный полк, 2-й интернациональный полк 1-й Украинской особой бригады Р. Сиверса и другие. Выборность командиров отменяется. Вводится воинская повинность и дисциплина, деление частей на роты, батальоны, полки, дивизии. В 1918 г. при формировании Красной армии берется основная единица — рота в 150 человек. Дивизия состояла из трех бригад [208, *18 — 19*]. Параллельно с изменениями в центральных военных органах идет переформирование имеющихся воинских частей и формирование новых на отмеченных выше принципах. Формируются и интернациональные китайские части.

В годы Гражданской войны интернациональные части формировались в 85 пунктах — Киеве, Курске, Воронеже, Муроме, Ярославле, Полтаве, Казани и др. городах [129, *11*]. В связи с повсеместным формированием интернациональных рот, батальонов и полков в мае — июле 1918 г. по инициативе Федерации иностранных коммунистов была образована Комиссия по созданию интернациональных групп Красной армии, которая весной 1919 г. была реорга-

низована в управление. Во главе Управления находился чех Славояр Частек. До марта 1919 г. были сформированы интернациональные части общей численностью до 18 тысяч бойцов [129, *13*].

В начале мая 1918 г. в Москву прибыл бывший командир революционного китайского батальона Тираспольского отряда Сан Фу-ян. Возглавлявший в то время оперативный отдел Народного комиссариата военных и морских дел С. Аралов вспоминал: «Хорошо помню, с каким большим вниманием выслушал В. Ленин сообщения об организации китайских интернациональных частей. В Москве тогда этим занимался Сан Фу-ян, который был частым посетителем оперативного отдела, где он получал различное снаряжение для своих бойцов» [211, *16*]. 9 мая газета «Правда» опубликовала воззвание Сан Фу-яна. «Революционеры братья-китайцы! — говорилось в нем. — Кто за освобождение порабощенных — в наши ряды! Кто за защиту власти рабочих и крестьян — иди к нам... Все в ряды Красной Армии, в ее китайский батальон». Полный текст обращения был распространен и в отдельной листовке, которая попала и на Юг России. Как вспоминал командир Харьковского отряда Г. Третьяков, она была отпечатана на двух языках — русском и китайском [224, *55*].

Приказом военного комиссариата Москвы от 13 мая было предписано «всех китайцев, состоящих в рядах Советской Армии, направлять в распоряжение военного комиссариата Замоскворецкого района на пополнение формируемого китайского батальона». В батальон вступили десятки добровольцев. «В настоящее время, — рассказывал Сан Фу-ян корреспонденту газеты «Красная Армия», который посетил китайских добровольцев в первых числах июня 1918 г., — в моем батальоне 180 человек» [158, *170*]. «В Москве, — сообщала газета «Беднота» в номере от 30 мая 1918 г., — образовался красноармейский батальон, состоящий исключительно из китайцев. Командует этим батальоном китаец Сан Фу-ян. Батальон расположен на Шаболовке и занимает большой каменный трехэтажный дом.

Везде образцовая чистота, порядок, люди опрятно одеты, чувствуется дисциплина» [224, *57*].

В. Сокол вспоминал, что «запись добровольцев в батальон действительно производилась по адресу, указанному в листовке Сан Фу-яна — недалеко от храма Спасителя у Кропоткинских ворот. Что же касается китайских казарм, то они находились в двух местах — на Шаболовке и на Воробьевых горах». И здесь же: «Четвертому Московскому советскому полку, входившему во Вторую Московскую бригаду, было поручено выделить инструкторов для обучения китайцев. Китайские интернационалисты очень усердно изучали военное дело. Перед отправкой бригады на фронт в клуб «Кукушка» на Ходынке приехал В. Ленин и произнес напутственную речь. Здесь присутствовали и китайские товарищи. После митинга вся бригада, за исключением китайского отряда, отправилась грузиться в эшелоны. Китайцев задержали в Москве. Они были еще недостаточно подготовлены для предстоящих боев. Нужно помнить, какие трудности приходилось преодолевать инструкторам, обучавших китайцев военному делу: кули не знали русского языка. В жизни не держали винтовки» [224, *229*].

Сюй Мо-линь, воевавший в Тираспольском отряде, а затем партизанивший под Киевом, в 1918 г. уехал в Москву, и далее: «В Москве я встретил товарища из Тираспольского отряда и вскоре вновь вступил в ряды Красной Армии, теперь уже в 1-й Московский рабочий полк» [180, *85*].

При формировании отдельного китайского отряда в Москве в начале 1918 г. командиром назначили китайца, известного им под фамилией Борисов, а комиссаром — Пчеленкова. Борисов хорошо говорил по-русски, был хорошим организатором и неплохим оратором, пользовался среди китайских добровольцев большим авторитетом [211, *85 — 86*]. Как показывал в своем личном деле Лю Цяй, в отряде Борисова было кроме двух рот китайцев, рота русских. Отряд влился в 1-й Варшавский полк 1-й Западной стрелковой дивизии, которая состояла из польских легионеров, а позднее, уже на Украине, полк переименован в 460-й полк 52-й стрелковой дивизии. А 2-й Люблинский полк, в котором также воевали китайцы, будет переименован в 461-й стрелковый полк этой же дивизии [29, *2*]. Свою определенную роль 52-я стрелковая дивизия, состоя-

щая в большинстве из иностранцев, сыграет при блокировании и разгроме армии Н. Махно в 1920 г., поскольку местные части на это не будут способны.

В Петрограде также формировались китайские части. Еще в начале 1918 г. в соответствии с приказом Военного комиссариата Петроградского военного округа, из обученных китайцев была укомплектована и отправлена в распоряжение командующего Южного фронта маршевая рота. Во второй половине 1918 г. это делал уже известный нам Шен Чен-хо. В приказе № 12 от 29 августа 1918 г. командующего войсками Петрограда о формировании Петроградского китайского интернационального отряда говорилось: «Организатору китайского отряда Шань Чень-хо и начальнику названного отряда Будько немедленно же приступить к формированию отряда» [129, *110*]. Основным ядром его являлись китайцы, работавшие на строительстве Мурманской железной дороги. Начальниками отряда были назначены Лу Вэн и Лиу Юнг-дзю [211, *17*].

При содействии Шен Чен-хо в Петроградский китайский отряд направлялись китайцы из других частей. 17 сентября 1918 г. в отряд прибыло более 20 китайцев из Волынского полка. Вскоре в китайском отряде уже насчитывалось 410 человек [255, *115*]. В Петроградском отряде проводилась усиленная боевая учеба, поддерживалась строжайшая воинская дисциплина. Все команды подавались на китайском языке, а специальным приказом военного комиссариата строевую подготовку предложено «проходить по китайскому образцу» [255, *116*]. По приказу военного комиссара Петроградского военного округа в сентябре 1918 г. на Южный фронт отправлена рота китайцев [147, *89*]. Все оставшиеся бойцы переданы в миноподрывной отряд. А 6 августа 1918 г. на Южный фронт отправлен 1-й Варшавский революционный полк, перед отправкой которого выступал В. Ленин [147, *90*].

В сообщении газеты «Красная Армия» 13 июня 1918 г. говорилось, что красные китайские отряды набираются «исключительно из бедняков, рабочих и шахтеров. Главная масса состоит из так называемых кули (грузчиков). Торговцев, несмотря на их желание, в отряды не принимают» [129, *89*].

Во второй половине 1918 г немногочисленные китайские части стали укрупняться. Потому что «на родном языке и приказ командира, и слово агитатора звучит иначе, чем в переводе» [225, *48*].

Организатором китайских подразделений в Воронеже был Хан Си-шун. Весной 1918 г. он сформировал отряд численностью около 200 человек, который в августе 1918 г. вошел в состав бригады Р. Сиверса и вел непрерывные бои с белоказачьими частями генерала П. Краснова на Балашовском направлении. Другой китайский отряд в составе 300 бойцов сражался на Балашовском направлении Южного фронта, а в дальнейшем был переформирован во 2-ю китайскую отдельную роту [211, *19 — 20*]. В приказе от 23 августа 1918 г. по 1-й Воронежской пехотной дивизии о развертывании китайского батальона в Острогожский пехотный полк говорилось: «Китайский батальон развернуть в полк. Командира батальона Павловича [считать] временно командующим формируемым полком с сего числа». 26 августа он переименован в 6-й пехотный полк 1-й Воронежской пехотной дивизии [129, *109*]. В приказе Военного совета Воронежского района № 6 от 19 июля 1918 г. говорилось: «Формируемый Люблинский красный полк и китайский батальон поступают в распоряжение Военного Совета Воронежского района — первый с 15-го июня, второй — с 17-го июня сего года». И далее: «Китайский батальон содержать и впредь в виде отдельного батальона из штаба полка и одного не отдельного батальона по штабу пехотного полка, объявленному приказом Народного комиссариата по военным делам от 20-го апреля с. г. за № 294». Гойко Павлович назначался этим приказом с 1 июня командиром китайского отдельного батальона на правах командира полка [211, *144 — 145*].

Также в августе 1918 г. в Москве был создан штаб по формированию боевых китайских отрядов. Во главе штаба стояли комиссар Шен Чен-хо (который до этого занимался формированием китайских отрядов в Петрограде) и его помощник А. Леонов. Уполномоченные штаба находились в разных городах, где имелось китайское население, и входили в местные военные комиссариаты. Созданные китайские отряды вливались в интернациональные части и подчинялись командованию Красной армии. В организацион-

ном отношении штаб не подчинялся Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б), но он поддерживал самые тесные связи с теми органами федерации, которые занимались формированием интернациональных частей. Штаб получал также необходимую помощь от Комиссии по формированию интернациональных групп Красной армии, которой руководил чех Славояр Частек [211, *49*].

После 1 Конгресса Коминтерна формирование китайских интернациональных частей значительно усилилось. За период январь — август 1919 г. было сформировано восемь новых китайских интернациональных частей, в том числе Образцовый китайский полк [211, *27*].

В донесении штаба Московского военного округа от 21 марта 1919 г. говорилось: «При запасном интернациональном батальоне формируется китайская рота под управлением командира китайских частей тов. Ли Кит. Место пребывания комиссара по формированию китайских отрядов тов. Шен Чен-хо, по донесению командира интернационального батальона, неизвестно» [129, *173*].

В апреле 1919 г. в Нижнем Новгороде создано единое Управление по формированию интернациональных частей Красной армии из иностранцев, которые до 1914 г. не были российскими подданными. Перед С. Частеком поставлена задача, сформировать для переброски на Украину интербригаду в составе 3-х стрелковых полков, 2-х кавалерийских дивизионов и 1-го легкого артдивизиона [129, *176 — 177*].

9 мая 1919 г. в Киеве создано отдельное Управление по формированию интернациональных частей Красной армии при Наркомвоен УССР во главе с членом Исполкома Коминтерна по Югославии Б. Башковичем [261, *40*].

С июня 1920 г. формированием китайских частей начало заниматься Центральное организационное бюро китайских коммунистов [158, *580 — 581*]. 1919 год показал, что интернациональные части, как самые надежные, нужны, чтобы воевать, карать, заграждать. В 1920 г., когда основные силы интервентов и белогвардейцев (за исключением Врангеля и Польши) были разбиты, а советская

власть значительно окрепла, дальнейшее формирование интернациональных частей уже не было необходимостью. Поэтому в мае 1920 г. Военная комиссия при ЦФИГ была упразднена. Для объединения и проведения дальнейшей организационной работы среди интернациональных частей Красной армии было создано Отделение по организации интернациональных частей Организационного управления Всероссийского Главного Штаба. К этому же времени как раз и относится упразднение Центральной Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). 25 июня 1920 г. создано Центральное организационное бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б). Еще раз подчеркнем, что китайские интернациональные отряды организационно не подчинялись ЦФИГ. Отряды китайцев, корейцев, поляков и финнов входили в состав интернациональных частей и во всех отношениях подчинялись командованию Красной армии [156, *48*].

Формировались и смешанные части. В дивизии В. Киквидзе был Варшавский полк, а в нем один батальон китайцев [224, *227*]. В составе 1-го Полтавского советского полка было 5 китайцев [129, *136*]. 1-я Западная стрелковая дивизия была сформирована из польских легионеров и включала 4 полка: 1-й Варшавский, 2-й Люблинский, 3-й Минский и 4-й Варшавский [19, *2*]. Кроме 1-го Варшавского и 2-го Люблинского (по одному батальону), китайцы воевали и в 4-м Варшавском полку. О присутствии в нем китайцев говорит приказ № 37 от 27 апреля 1918 г. о зачислении в 1-ю роту девятнадцати китайцев, прибывших на службу в полк 24 апреля 1918 г. [129, *499*].

Заслуга в формировании китайских интернациональных отрядов Красной армии и партизанских соединений принадлежит самим китайским коммунистам Сан Фу-яну, Пау Ти-сану, Жен Фу-чену, Шен Чен-хо, Шан Бей-фуну и другим [158, *81*]. Представляя Шен Чен-хо к награждению орденом Красного Знамени, Н. Подвойский писал: «Тов. Шен Чен-хо является выдающимся организатором китайских красноармейских, а также интернациональных частей. С этими частями Шен Чен-хо участвовал славно в многочисленных операциях и боях, защищая РСФСР от нападений германского империализма, белых казацких банд, от петлюровщины, от наемников Антанты...»

[211, *25*]. В приказе Реввоенсовета Республики № 408 от 29 апреля 1932 г. говорилось: «...Награждается ценным подарком и грамотой от ЦИК СССР Шен Чен-хо, б. организатор китайских отрядов, за боевые подвиги в период гражданской войны» [211, *178*].

На каких принципах формировались интернациональные части? В приказе Реввоенсовета Республики от 10 ноября 1918 г. говорилось: что «интернациональные коммунистические отряды, которые находятся в пределах округов, соединяться в более крупные организационные единицы путем командирования их из одного округа в другой не должны. Все существующие интернациональные отряды должны поступать на учет соответствующих губернских военных комиссариатов и направляться на фронт в виде команд пополнения» [129, *131 — 132*]. К концу года работа по упорядочению формирования разрозненных интернациональных отрядов в более крупные соединения усилилась. В отношении начальника штаба Реввоенсовета Республики Всероссийскому главному штабу № 614 от 29 декабря 1918 г. предписывалось: «В частях действующих армий и в тылу находится много интернационалистов в виде небольших команд и отрядов. Эти части до сих пор не организованы и не входят ни в какие соединения Красной Армии, причем требуют снаряжение и вооружение. По рассмотрению этого вопроса Главком приказывает из всех интернациональных частей Вашим распоряжением сформировать организационные единицы не свыше батальона по штатам Красной Армии, причем эти единицы должны быть включены в соответствующие полки и бригады и входить в штатное число...» [129, *150*].

В программе деятельности Комиссии по созданию интернациональных частей Красной Армии от 20 января 1919 г., подписанной начальником революционной железной дивизии С. Частеком, также предписывалось сконцентрировать «все мелкие отряды интернационалистов в боеспособные единицы сначала не более одного батальона и присоединить их в русские полки Красной Армии» [129, *164 — 165*].

Приказом № 730 от 17 апреля 1919 г. Революционного Совета республики устанавливался следующий порядок формирования интер-

национальных частей Красной армии. Все органы, ведовавшие до этого времени формированием интернациональных войск и управлением ими, упразднялись, а весь личный состав этих учреждений, имущество и дела передавались в распоряжение Управления по формированию интернациональной Красной армии. Формирование интернациональных частей помимо Управления по формированию интернациональной Красной армии воспрещалось. Предписывалось комплектовать интернациональные части исключительно лицами, которые до июля 1914 г. не состояли в русском подданстве. В интернациональные части назначались политические комиссары «распоряжением Всероссийского бюро военных комиссаров по соглашению с командиром 1-го интернационального полка тов. Славояром Частском...» [129, *176*].

Местом базирования Управления определялся г. Нижний Новгород.

Согласно плану, утвержденному Реввоенсоветом Республики 7 декабря 1919 г., все формирования интерчастей производятся распоряжением командующего Западной армии и находятся в полном его подчинении [156, *145*].

В 1919 г. части из китайских рабочих продолжали формироваться. В донесении организационного управления всероссийского главного штаба военкому интернациональных частей Красной армии С. Частеку о формировании в Петрограде военным комиссаром Лю отрядов для Западного фронта от 4 июня 1919 г. говорилось: «Из имеющихся в настоящее время в Петрограде 4,5 тысяч китайских рабочих и иных китайских граждан военный комиссар Лю намечает формировать отряды, каковые подлежат назначению [для] нужд Западного фронта». На обратной стороне телеграммы пометка: «Предлагаю тов. Лю присоединить в организационный отдел Петроградского окрвоенкома и поступивших добровольцев снабжать посредством соответствующих районных военкомиссариатов на общих основаниях и части не более батальона придать русским полкам» [129, *183*]. Даже в 1920 г. предлагалось формировать интернациональные части не более батальона. Выступая с докладом по вопросу Красной армии на 1-й Всероссийской конференции венгерских секций агитации и пропаганды при ЦК РКП(б), Башкович 22 марта 1920 г. предлагал: «Ввиду недостатка

высшего командного состава формировать только батальоны или в особом случае полк» [129, *237*].

На Украине в начале 1919 г. формированию интернациональных частей уделяется пристальное внимание. Для инспектирования сформированных интернациональных частей и для наблюдения за вновь формируемыми учреждена Инспекция интернациональных войск, расформированная 5 марта 1919 г. [148, *10*].

На совещании по военным вопросам при Совнаркоме УССР от 30 января 1919 г. из рассмотренных 14 вопросов 3 относятся к комплектованию интернациональных отрядов. В 3-м пункте протокола этого совещания в частности записано: «Интернациональные отряды укомплектовывать до штата русскими в обычном порядке» [134, *74*]. Показательна телеграмма Наркомвоен УССР Н. Подвойского Одесскому окрвоенкому о формировании частей Красной армии от 26 апреля 1919 г.: «Ввиду вашего донесения о том, что имеется масса желающих вступить ряды армии, безотлагательно формируйтс эшелоны и эшелонами направляйте Киев и Харьков всех желающих поступить Красную Армию. Эшелоны должны сопровождать стойкие политические начальники эшелонов и комячейки для занятий в пути... Интернациональные части формируйте в Одессе, смешивая все нации не более как ротами из одной национальности в полках. Оружие и обмундирование мы пришлем» [134, *383*]. Вот этот отмеченный выше принцип формирования разноплеменных частей не должен вводить никого в заблуждение, когда по названию будет определяться только *русский* состав Московских, Петроградских, Орловских, Тамбовских и прочих полков.

В основе комплектации частей бойцами различной национальности лежали не только требования, но и учет психологического фактора совместимости. Так, с целью поддержания оптимального психологического микроклимата, М. Фрунзе 18 октября 1920 г. командарму 10-й Туркестанского фронта писал: «Шлите срочно в мое распоряжение пополнение туркестанскому эскадрону, из-за малочисленности туркмены ***скучают*** (выделено. — Н.К.). Жду не менее ста человек с полным вооружением и снаряжением на конях,

необходим запас соответствующего продовольствия на три месяца. Место назначения — Харьков» [216, *236*].

Внимание формированию интернациональных китайских частей в различных центрах России уделяется потому, что многие из них окажутся в различное время на Украине. Давайте сделаем короткий обзор таких перебросок, поскольку, рассматривая в дальнейшем качество местных и переброшенных на Украину войск, нужно иметь представление, из кого они состоят. Тем более, еще раз подчеркнем, что по названию полков («московский», «тульский», «петроградский», «астраханский» и пр.) еще нельзя однозначно утверждать, что они состоят исключительно из московских, питерских, астраханских или тульских рабочих.

Например, 3 мая 1919 г. Главком распорядился направить из Нижнего Новгорода интернациональный полк, а состоял он из венгров и румын, и придать им тыловые части [175, *43*]. В конце мая 1919 г. китайский батальон 292-го Дербентского полка переброшен из Астрахани на Дон. В августе 1919 г. 6-я китайская рота 1-го (137-го) Тамбовского социалистического рабоче-крестьянского полка 16-й имени В. Киквидзе дивизии полностью погибла при ликвидации прорыва конного корпуса генерала К. Мамонтова, в том числе и командир Чан Фу. В 1919 г. китайский батальон из этого полка под началом Ли Чана сражался против войск Деникина под Апостолово, при освобождении Луганска, Ростова, Северного Кавказа и в других местах [211, *63*]. 31 марта 1919 г. по распоряжению Реввоенсовета 1-й Астраханский интернациональный коммунистический полк переведен из г. Астрахани в г. Белгород Харьковской губернии. К апрелю 1919 г. 1-й Астраханский коммунистический интернациональный полк переформирован ввиду малочисленности в Особый интернациональный батальон [129, *174 — 175*]. На Украину были переброшены из Туркестана 1-й Туркестанский и 3-й интернациональный полки. Вначале — на Юго-Западный фронт, а затем они направлены на подавление восстаний. За успехи на этом «внутреннем» фронте они будут награждены орденами Красного Знамени [129, *13*].

108-й полк железнодорожных войск по борьбе с бандитизмом,

как вспоминал Чэнь Ли-дэ, расквартировывался на станции Машаньвань. Затем его в 1919 г. переправили с Восточного на Западный фронт для охраны участка железной дороги между Минском и Барановичами. Через некоторое время в связи с ухудшением обстановки на фронте часть отошла в Екатеринослав [180, *101*].

Инзенская дивизия, переброшенная в 1919 г. в Донбасс, в период своего формирования из латышей, китайцев (батальон), русских пополнялась и отрядами из Украины: летом 1918 г. под Инзу прибыли Украино-Белорусский полк (528 человек) и Корсуньский отряд (83 чел.) [214, *68*].

1-й (216) интернациональный полк (командир Д. Варга) 24-й Симбирской стрелковой железной дивизии (командир Г. Гай) сражался в составе 1-й армии Восточного фронта. После кратковременного пребывания на Юго-Восточном фронте (декабрь 1919 г. — март 1920 г.) и в войсках Донской области (март — май 1920 г.) полк был переброшен на Юго-Западный фронт в 12-ю армию, в составе которой сражался в районе г. Чернобыль [129, *491*]. С 8 августа и до ноября 1920 г. 216-й интернациональный полк 24-й дивизии сражался в составе 14-й армии Юго-западного фронта северо-восточнее Львова, а затем в районе Жмеринки. Конкретные успехи на фронтах 216-го интернационального полка летом-осенью 1920 г. даны в сборнике документов «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России» [129, *491 — 495*].

Газета «Правда» от 3 июня 1920 г. сообщала о переброске из Сибири на Украину интернационального батальона «для борьбы с польскими панскими захватчиками и для борьбы с внутренними врагами Советской власти, действующими в тылу на Украине». Проводящий смотр батальона заместитель Наркомвнудел начальник войск ВОХР В. Корнев отмечал «образец железной дисциплины и непоколебимой пролетарской твердости» бойцов, так необходимых для подавления контрреволюции на Украине [129, *253*].

Таким образом, где бы ни формировались интернациональные части, они могли оказаться на Украине либо по целевой переброске, либо вначале направлялись на какой-либо другой театр

военных действий, но ввиду сложившихся обстоятельств они затем отступали на территорию Украины.

Воевали ли китайцы «на два фронта»? «Казалось бы, материальная заинтересованность должна была привести китайских рабочих в белогвардейские части и к иностранным интервентам, которые щедро платили своим наемникам, — писал советский историк, бывший красноармеец-китаец Лю Юн-ань. — Тем не менее, китайские рабочие не пошли к ним. Во время гражданской войны ни один из китайцев, которые приехали на работу в Россию, не воевал на стороне белых. Это о многом говорит!» [220, *24*]. Однако на этом вопросе стоит остановиться подробнее.

Известно, что в период Гражданской войны на Дальнем Востоке иностранные интервенты привлекали «бандитов» из числа так называемых хунхузов (в переводе с китайского — «краснобородых») для борьбы с партизанами [197, *798*]. Фактически из числа хунхузов происходило пополнение и Красной армии.

Делались попытки вовлечь в белогвардейские отряды китайцев в Сибири. Из них был сформирован отряд полковника Маковкина. Но он не оправдал надежд белогвардейцев. Впоследствии А. Колчак показал на допросе: «Этот отряд предполагали для охраны дороги, потому что на китайцев смотрели так, что они вообще драться не будут и на них надеяться нельзя» [167, *338*]. Неудачей закончилась вербовка китайцев и атаманом Г. Семеновым. В июне 1918 г. после сильных ударов по его войскам со стороны Красной армии, навербованные в Маньчжурии китайцы «побросали орудия и ушли» [167, *346*].

Насильно же мобилизованные в белогвардейскую армию китайцы при первой же возможности переходили в ряды красноармейцев. Показателен бой, произошедший в декабре 1918 г. в Сибири. Как сообщала газета «Коммунар» 18 декабря 1918 г., на Верхотурском направлении сошлись в бою красноармейские и белогвардейские китайские подразделения. Когда китайцы-белогвардейцы услышали родную речь, они без сопротивления перешли на сторону Советов. После этого выяснилось, что белогвардейское командование насильно мобилизовало китайцев, проживавших в Сибири, и отправило их на фронт [129, *149*].

М. Шолохов в «Тихом Доне» (книга 3 — 4) упоминает, что у генерала Секретева служил «молодой сотник с монголоидным лицом». На вопрос Григория Мелехова: «А это кто с косыми глазами? Адъютант?», Мелехову объяснили: «Нет, это его вскормленник. Он его в японскую войну привез из Маньчжурии мальчишкой. Воспитал и отдал в юнкерское. Получился из китайчонка толк. Лихой черт! Вчера отбил под Макеевкой денежный ящик у красных. Два миллиона денег хапнул. Глянь-ка, они у него изо всех карманов пачками торчат! Повезло же проклятому! Чистый клад!» [235-Б, *445*].

Но это описано глазами писателя, хотя и возможно близко к реальным событиям. Известно, что Секретев в марте 1918 г. был направлен после ареста группы офицеров из Миллерово в г. Луганск. Казаки станицы Луганской отбили офицеров и разместили по домам, большая часть из которых на следующий день была все же вновь арестована и вывезена в Луганск, за исключением Секретева и нескольких офицеров. Известно также, что в этот момент в станице Луганской действительно находился один из «вскормленников-китайчат». По метрической книге Николаевской церкви станицы Луганской за 1901 г. есть одна любопытная запись. Она гласит, что 8 июля 1901 г. одному мальчику дано имя Михаил: «По удостоверению Донецкого округа Луганского станичного правления от 2 июля 1901 года за № 2549 вывезенный урядником Голиковым из Китая китайский мальчик Чван Чин-ли, язычник 9 лет приобщен Св. крещением, нареченным при крещении Михаилом в память Св. Архистр.» [123, *31, оборот*]. А в графе «Восприемники» записаны: «Луганской станицы урядник Савва Касьмин Голиков и той же станицы хутора Нижне Герасимова жена урядника Фекла Александрова Апостолова» [123, *32*].

В архивных материалах Луганска имеется единственное упоминание о том, что на стороне белогвардейцев оказался китаец. А. Куренной и М. Ревин в конце апреля 1918 г. не успели покинуть Новочеркасск вместе с вышедшими из Украины частями и были арестованы вступившими в город белоказаками. Когда их доставили на гауптвахту, то, как они пишут, их «предварительно пропустили через ***китайца*** (выделено. — Н.К.), который избивал по по-

ручению какого-то мальчишки юнкеришки. Получив по подзатыльнику под смех белогвардейцев, мы очутились в темной одиночной камере» [60, *16*].

Трудно сказать, является ли этот китаец одиночным представителем из числа «вскормленников» или речь шла об остатках отряда китайцев, навербованных еще в январе 1918 г. сотником Хоперским. Историк из Ростова-на-Дону А. Венков отмечал, что в начале 1918 г. этот отряд принимал участие в боях против карательных отрядов В. Антонова-Овсеенко при защите Ростова и Новочеркасска. Затем 12 февраля этот отряд (полусотня из 40-50 китайцев) под командой сотника 2-й пешей сотни Пашкова ушел в «Степной поход». А 1 апреля 1918 г. «Отряд Вольных Донских казаков» под общей командой походного атамана П. Попова вернулся на Дон. В том числе вернулась полусотня китайцев [195, *102, 136, 142, 154, 168*]. Возможно, что А. Куренной и М. Ревин встретили в Новочеркасске китайца именно из этого отряда. Однако трудно сказать, из числа каких китайцев сотником Хоперским был набран отряд и на каких условиях. Неизвестно, насколько долго задержались китайцы в Донской армии при дальнейших событиях.

Возможно, китайцы, ввиду угрозы пленением, временно могли перейти на сторону противника. Так, в своих воспоминаниях командир бронепоезда «Коммунист» им. Ворошилова Я. Усатов, описывая бои в 1919 г. на линии Юзовка — Мариуполь, отмечал: «...начальник 8-й дивизии дал мне в прикрытие ***роту китайцев*** (выделено. — Н.К.) и от Махно небольшой отряд под командой Мухина». После прорыва белых махновцы отошли к Мариуполю, бронепоезд попал в окружение, а оставшаяся ***рота*** пехоты из прикрытия бронепоезда «убежала к белым» [57, *11 — 12*].

Как показывал Ли Бо-сан, в отличие от А. Деникина, Н. Юденич первое время не только не преследовал китайцев, но даже старался вовлечь их в свою армию. Китайцам обещали жалование, обильную пищу, хорошее обмундирование. Однако Ли служить к белым не пошел. «И другие его сородичи... тоже не пошли» [224, *82*].

А. Шкуро невзлюбил китайцев еще в 1918 г. после событий, произошедших на Кавказе. Китайцы, вышедшие из Украины с Харь-

ковским отрядом, несли во Владикавказе охрану вагона, в котором находился под арестом А. Шкуро. Когда А, Шкуро написал покаянное письмо и пообещал не выступать против Советской власти, терское правительство сочло возможным отпустить его под честное офицерское слово. Показателен разговор часового Ти Ши-шана с полковником, когда его освободили:

« — Уходи, господин, — сказал Ти Ши-шан полковнику, когда тот вышел из вагона. — И больше нам не попадайся.

Шкуро даже затрясся от злости:

— Кому это — «нам», господин китаец? С каких пор русские дела стали китайскими?

— Революция для всех революция, — спокойно ответил Ти Ши-шан.

Тут полковник совсем рассвирепел:

— Вот и делайте ее на Янцзы, а на Терек не лезьте!

Но Ти Ши-шан за словом в карман не лез:

— На Тереке — народ и на Янцзы — народ. На Тереке — народ сделал революцию и на Янцзы тоже сделает» [224, *54*].

А. Шкуро слово не сдержал, через пару недель принял участие в вооруженном выступлении в Кисловодске на стороне белоказаков. Но к китайцам впредь относился только враждебно. Как заметил С. Кара-Мурза, «на деле за политическими категориями Белого движения стоял социальный расизм — невозможность вытерпеть власть «низших классов» [210, *119*]. Возможно, если учесть, к какому сорту относили китайцев в дореволюционной России. Да и сам А. Шкуро этот эпизод в своих воспоминаниях рассказывает иначе, исключив и само упоминание о покаянном письме.

По свидетельству Ли Чжэн-цина, отряд из 50 китайцев, прибывших из Тбилиси на помощь защитникам Владикавказа в августе 1918 г., был задержан белогвардейцами. После всех уговоров вступить в их армию «белогвардейцы расстреляли всех китайских добровольцев, отказавшихся служить в Белой армии» [211, *65*].

Во второй половине 1918 г. отношение к китайцам резко изменилось. По приказу А. Деникина все китайцы, по какой-либо причине застрявшие в тылу Добровольческой армии, подлежали воен-

но-полевому суду. «Их ловили, — писала газета «Правда» в номере за 15 октября 1918 г., — заставляли самим себе рыть могилы и расстреливали» [224, *173*].

И. Якир замечал: «Казак китайца как поймает во время гражданской войны, обязательно убьет да еще над ним и поиздевается» [187, *24*].

В станице Грозненской атаман Бабенко отрубил двум китайцам головы и посадил их на колья перед своим домом [224, *173*]. Лю Юн-ань отмечал, что белогвардейцы ненавидели китайцев, «они жестоко расправлялись с пленными китайскими бойцами, подвергая их нечеловеческим истязаниям и пыткам. Белогвардейцев озлобляло то, что ни устрашениями, ни посулами им не удавалось заставить китайцев сражаться против большевиков» [180, *7*]. Красноармеец Ван Шэн-фу, встретив на Западном фронте своего дядю, вспоминал, что после боев под Пермью в их батальоне из 800 китайцев осталось около 200. При этом он подчеркнул, «какую лютую ненависть питают враги к красноармейцам за их отвагу и упорство в боях, как жестоко расправляются они с пленными: отрезают носы, выкалывают глаза, подвешивают вниз головой. Поэтому китайские бойцы предпочитали смерть плену; расстреляв патроны, они портили оружие и вступали в рукопашную схватку» [180, *125 — 126*].

Даже местное население знало, что китайцы воюют только на стороне красных. Однажды, горские девушки на Кавказе встретили вооруженных бойцов, но, узнав, что перед ними китайцы, успокоились: «Раз китаец, значит, красноармеец» [224, *118*]. Как вспоминал один из китайцев, перешедших на сторону красноармейцев через линию фронта, ему пришлось переплыть реку. «Подплываю к другому берегу, — вспоминал он, — слышу:

— Кто?

— Своя! — кричу и встал на ноги. Под ногами, чувствую, земля.

— Кто своя? Руки вверх!

Я вышел. Красноармейцы увидели меня: «А, китаец… Иди, иди, товарищ, не бойся!» [225, *28*]. Как будто само собой разумеющийся факт: вроде коммуниста встретили! А, по сути, к ним и относились как к коммунистам или комиссарам.

Б. Штейфон об отношении командования Добровольческой армии к пленным на территории Украины в 1919 г писал, что «обычно каждая группа пленных сама выдавала комиссаров и коммунистов, если таковые находились в их числе. ***Инородцы*** (здесь и далее выделено. — Н.К.) выделялись своим внешним видом или акцентом. После выделения ***всех этих элементов***, ярко враждебных белой армии, остальная масса становилась незлобивой, послушной и быстро воспринимала нашу идеологию» [186, *307*].

В войска С. Петлюры китайцам, как и другим иностранцам, с определенного времени путь был закрыт в принципе. Еще 9 февраля 1919 г. С. Петлюра издал приказ, обязывающий командиров «проверить личный состав частей, чтобы оставить в них только тех, кто родился и постоянно проживает на Украине, а из не украинцев только тех, кто пройдет проверку его прошлой деятельности и проявит свое отношение к украинской государственности, приняв соответствующую присягу. Остальных надлежит выслать за пределы УНР, списки их необходимо отослать в штаб» [172, *110*]. Однако утверждать, что не было исключений, нельзя. Например, известно, что среди попавших в плен и затем расстрелянных 360 участников Второго Зимнего похода (Волынская группа), ходивших с территории Польши на Украину в ноябре 1921 г. под командой Ю. Тютюнника, был и китаец — Мон За-лит.

Не поддались китайцы и иностранной агитации. В конце августа 1920 г. корпус Г. Гая на польском фронте был вынужден перейти границу и оказался на землях, контролируемых Германией. Китайцев содержали отдельно, вели среди них агитацию, чтобы те не возвращались в Россию. Из нескольких сотен китайцев-красноармейцев ни один не согласился остаться в Германии [224, *203 — 204*]. В корпусе Г. Гая служили Ся Дун-фу из Мукдена, Цзи Лынго, Чжан Вин и Уан Си-фа из Шаньдуна, Ван Дин-шан из Хэбэя, Лю Чан-ю из Тяньцзиня, Лян Фу из Мукдена [224, *206*].

Хотя порой китайцам было очень трудно разобраться в нюансах политических разногласий тех, кто часто воевал в одних с ними рядах Красной армии. Трудно было сориентироваться даже гражданам бывшей Российской империи, не говоря уже о китайцах, осо-

бенно в тех случаях, когда нужно было стрелять в таких же красноармейцев, под такими же красными флагами. Вот как уже спустя годы после окончания Гражданской войны описывали бывшие красноармейцы бои против бойцов Н. Григорьева летом 1919 г.:

«При бое близ г. Крюкова бронепоезд Руднева столкнулся с 3 броневиками Григорьева — на них красные знамена с надписью: «Мир хижинам, война дворцам», «Вся власть советам!». Никто огня не открывает. ***Колеблется*** (выделено. — Н.К.). Трое наших ребят выходят из бронепоезда [и] идут к белогвардейским броневикам. Повели разговор: — Против кого вы воюете? Отвечают: — Мы за советы, но против жидов и коммунистов!..» [63, *2*].

При соприкосновении в декабре 1919 г. передовых частей Красной армии с частями Н. Махно происходили события, которые большевистское командование предвидело, но подготовиться к ним не успело. 8 января 1920 г. Махно получил в Александровске приказ из штаба 14-й армии — выступить его частям по маршруту: Александровск — Черкассы — Бровары — Чернигов — Гомель и поступить в распоряжение РВС 12-й армии. После горячих споров штаб махновской армии и РВС выдвинули контрпредложение — подписание военного договора с большевиками и предоставление независимости Екатеринославской и Таврической губерниям. Эта идея широко пропагандировалась на митингах в Александровске среди красных полков. При этом критиковалась Советская власть. И тогда произошел беспрецедентный случай: батальон китайцев перешел на сторону штаба армии Н. Махно, в войсках началось братание [191, *373*]. После этого случая 9-го января приказом командования Южного фронта Эстонской, 9 стрелковой и 11 кавалерийской дивизиям предписано перейти в резерв, а всем армиям принять энергичные меры по борьбе с «партизанщиной» и бандитизмом [191, *373*]. Причем следует подчеркнуть, что батальон китайцев надолго задержался в армии Н. Махно, что еще раз говорит о сложности для понимания политических различий внутри приверженцев коммунистической идеи. Так, после допущенных одним из командиров махновской группы Клейном ошибок, приведших к большим потерям летом 1920 г. в районе Юзовки, ему

был вынесен смертный приговор. Однако, как вспоминал начальник оперативного штаба армии Н. Махно В. Белаш, «смертный приговор, вынесенный комиссией Клейну, был заменен строгим выговором и переводом на полк, в котором был, между прочим, ***батальон (600 человек) китайцев*** (выделено. — Н.К.), латышей, повстанцев других национальностей» [191, *427*].

Наконец, чтобы перейти к рассмотрению вопроса о мотивах вступления китайцев в Красную армию на втором этапе Гражданской войны на Украине, приведем в редакции Лю Юн-аня выдержку из воспоминаний Шан Чжэня, записанную с его слов. Шан Чжэнь отмечал, что с целью заставить шахтеров идти в солдаты, белогвардейские власти осенью 1918 г. не выдавали им никакого пайка. Шахтеры вынуждены были жить за счет своих прошлых сбережений и покупать втридорога черный хлеб. А когда денег не было, «ничего другого не оставалось, как только питаться дикими кореньями». В этот период среди шахтеров-китайцев распространились два боевых лозунга: «На белых не работать!», «В белой армии не служить!». И далее он подробно рассказал следующий эпизод:

«Однажды в начале зимы 1918 года [здесь имеется в виду начало декабря 1918 г. — Н.К.] на шахте «Горняцкая» [близ современного г. Антрацит. — Н.К.] произошло такое событие. Белогвардейцы уже несколько раз безуспешно пытались заманить китайских рабочих в свою армию... И вот как-то вскоре после завтрака белогвардейский отряд окружил шахту и шахтерский поселок. Из забоев, домов и бараков на площадь согнали более пятидесяти китайцев-шахтеров. Перед ними выступил белогвардейский офицер с шашкой на боку...

— Братья! Мы знаем, как тяжело вам теперь живется. Здесь ваше положение безвыходное. Так пошли с нами, идите служить к нам! Вы подумайте только: мы получаем помощь и от французов, и от англичан, и от немцев! У нас аэропланы, пушки, танки. Продовольствия и обмундирования — хоть отбавляй. На кой же дьявол вам ждать, пока вас мобилизуют в армию красных голодранцев! Они голые и босые, они подыхают с голоду, у них совершенно нет боеприпасов. И на что только надеются эти бездомные бродяги?

Идите же к нам в солдаты! Берите винтовки, клинки, садитесь на коней - и вы заживете на славу!.

.. Переглянулись китайцы между собой, и взоры всех обратились к Шан Чжэню: он ведь бригадир.

Вышел тот вперед и говорит:

— Мы -- китайцы и приехали сюда по договору, заключенному между Китаем и Россией, работать, а не воевать. Не пойдем мы в солдаты!..

Подталкивая китайцев штыками и прикладами, белые погнали их на станцию и заперли в окованной железом теплушке...

.. Но на этот раз белые не собирались убивать китайцев. Они надеялись вынудить их на капитуляцию ***под угрозой голодной*** смерти..

Прошло два дня и две ночи. Белогвардейцы не давали шахтерам ни есть, ни пить. И только несколько отважных украинских женщин, невзирая на неослабный надзор врага, украдкой под покровом ночи пробирались к «душегубке» и через люк забрасывали внутрь куски черного хлеба, печеную картошку и морковь..

Наступила четвертая ночь. Печально завывал северный ветер, врываясь через решетку люка в «душегубку»... Всех мучил нестерпимый голод. Казалось, холодные листы железа покрылись шипами, которые со страшной болью впиваются в тело и пронизывают до самых костей. Голод и холод вконец измотали некогда крепких парней... Человек пять, самые слабые, уже потеряли сознание и беспрерывно бредили. А белогвардейские часовые, будто нарочно, распевали песни и время от времени кто-нибудь из них подходил к вагону и спрашивал: «Ну как, китайцы, пойдете в солдаты?»

Перед китайскими шахтерами было два пути: идти в солдаты и остаться в живых или же отказаться и погибнуть в «душегубке». Среди шахтеров началось брожение: одни еще больше укрепились в своем первоначальном решении, другие—заколебались. Кое-кто из колеблющихся стал роптать. Наиболее сознательные и твердые шахтеры повели против них решительную борьбу.. И твердые, решительные шахтеры резко осудили слабых духом: «Всякий, кто захочет пойти к белым, —тот не человек. Позор трусам,

испугавшимся смерти! И как только лезет им в глотку хлеб, который приносят украинские женщины?»

В результате ни один из китайцев-шахтеров «не пожелал вступить в белую армию», а на исходе четвертых суток белогвардейцы вынуждены были открыть двери вагона и отпустить китайцев на шахту[18О, 210 — *213].*

Мотивы массового вступления китайцев в Красную армию в 1919 г. Весной 19] 9 г. после освобождения Украины от белогвардейцев правительство Советской Украины сделало попытку установить официальные отношения с представителем пекинского правительства, находящимся на Украине. 1 апреля 1919 г. он был принят председателем Совнаркома и Наркоминдел Украины. На другой день китайскому дипломату была вручена нота, в которой указывалось, что до сих пор правительство УССР находилось с ним в официальных отношениях, но оно не имеет уведомления китайской стороны об аккредитовании. Правительство Советской Украины предлагало в течение десяти дней ответить, согласно ли китайское правительство признать УССР и готово ли оно принять ее представителя. Это обращение осталось без ответа. Тогда же правительство Украины направило радиограмму «Правительству Южного Китая, всем, всем, всем». В ней сообщалось о выяснившихся после освобождения Украины советскими войсками фактах «зверского отношения деникинцев, петлюровцев и интервентов к китайским рабочим» «Украинское Советское Правительство, — говорилось в радиограмме, — доводя обо всем изложенном до сведения народов и правительств, и в частности Правительства Южного Китая, предлагает ему присоединить свой протест к протесту Правительства Украинской Советской Социалистической Республики против этого возмутительного и зверского обхождения с ни в чем не повинными людьми». Правительство УССР констатировало, что ответственность за избиение китайцев падает на французское правительство, покровительствующее белогвардейцам [167, 358].

О каких избиениях идет речь? В «Известиях ВЦИК» от 27 марта 1919 г. сообщалось о телеграмме Харьковского отдела Все-

российского союза китайских рабочих Г. Чичерину. «В первых числах февраля, — говорилось в телеграмме, — в Мелитополе бесчеловечно замучено белогвардейцами свыше полусотни китайцев, уроженцев провинций Хубэй и Шаньдун. В числе погибших 11 женщин, 23 детей» [224, *48*].

Также о каторжных условиях труда донских шахтеров (это относится и к другим регионам), о еженощных расстрелах и казнях рабочих в г. Александровск-Грушевске газета «Рабочее слово» 15 августа 1918 г. писала:

«Новым учреждением обогатился теперь Александровск-Грушевск. Рабочие называют его нерчинской каторгой. Это — исправительные работы на руднике Парамонова, куда ссылаются осужденные… На рудниках Парамонова уже имеются несколько сот политических каторжан. Есть среди них и великороссы, и китайцы, и хохлы и даже казаки…

При такой обстановке [имеются в виду расстрелы. — Н.К.] вполне естественно, что шахтеры бегут с рудников, и шахтам грозит полная остановка. Обеспечить шахты арестантским трудом не удастся, т.к. для обслуживания рудников необходимо иметь до 70 тысяч рабочих. Это, впрочем, не обескураживает шахтовладельцев. Они ждут-не дождутся к себе арестантов, с коими можно не церемониться. Крупный шахтовладелец Чурилин уже вставил железные решетки в окна рабочих казарм… » [145, *251*].

Публикации в прессе подтверждаются и архивными документами. Ван Шен-ти, попавший в плен в мае 1918 г. около Черткова, «целый месяц ходил по деревне», находясь в плену, работал на шахтах Шахтинска. По его свидетельству, там было 100 китайских пленных, осталось в живых только 31, остальные убиты в августе 1918 г. [13, *1*]. Как отмечал А. Ларин, в условиях Гражданской войны белые стали смотреть на китайцев как на врагов, пособников большевиков, и соответственно обращаться с ними. «В области Войска Донского, — сообщал в апреле 1918 г. уполномоченный китайского посольства, — казаки и поныне арестовывают всех без исключения китайцев и отправляют их в ссылку, местонахождение которой нам неизвестно. Такой же режим установлен на территории, занятой доб-

ровольцами», то есть Добровольческой армией Деникина [247, *57*]. Одним из таких мест для ссылки китайцев могли быть шахты: и не видно, ***кто*** в них работает, и решается вопрос привлечения рабочей силы к опасному и очень тяжелому труду — ***кто-то*** же должен в них, шахтах, работать, когда бывшие рабочие разбежались по домам. Продолжать рабочим трудиться на рудниках и заводах было просто опасно для жизни. Вот что говорилось в приказе № 2428 осенью 1919 г. коменданта Юзовки, есаула Абрамова: «1. Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать. 2. Приказываю всех рабочих, арестованных, повесить на главной улице и не снимать три дня» [207, *80*].

В период прихода большевиков в начале 1919 г. обстановка на предприятиях была очень напряженной. Согласно декрету Совнаркома от 13 февраля 1919 г., все иностранные подданные подлежали трудовой повинности. При этом на запрос Ольховского сельского исполкома о порядке национализации мастерских и швейных машин китайцев, как иностранных подданных, объяснялось, что все должно быть национализировано на общих основаниях [109, *12*]

Положение рабочих на предприятиях с приходом большевиков не улучшилось, поскольку ухудшилось экономическое состояние предприятий. Например, командующий 2-й Украинской советской армией А. Скачко в письме командующему Украинским фронтом от 18 апреля 1919 г. просил прекратить наступление на Западном фронте и перебросить две дивизии в Донбасс. А в качестве дополнения к военной причине такого требования он отмечал «еще одно обстоятельство, которое, очевидно, не учитывает правительство, — это положение угольной промышленности. Каждый лишний день — толчея у Донбасса, толчея, продолжающаяся три месяца, непоправимо разрушает угольную промышленность. Дело обстояло лучше, когда мы не вторгались в Донбасс. Рабочие работали там под игом белогвардейцев, но работали и поддерживали шахты. Теперь мы наскочили на Юзовский район, не удержались и отскочили, и вместе с нами, боясь репрессий врага, ушли из Юзовского района 40 тысяч рабочих. Шахты брошены, а брошенная шахта в неделю разрушается так, что ее нельзя потом восстано-

вить месяцами. Еще неделю промедления, еще неделя бесполезной, безрезультатной толчеи у Юзовского района, — и он будет погублен безвозвратно и даже при будущих успехах уже не сможет дать нам угля... Когда я сейчас получаю известия, что Каменец-Подольск взят, что мы уже в пределах Галиции, не радостное, но злобное чувство овладевает мною. Мы уходим туда, куда нас вытесняет из России реакция... Оставьте запад, снимайте оттуда все силы и бросайте их на восток» [134, *355*].

Следует сказать, что согласно постановлению Совета рабоче-крестьянской Обороны от 7 мая 1919 г., при мобилизации рабочих в распоряжение Южного фронта квалифицированные рабочие не призывались. Согласно п.10 этого постановления не призывались также забойщики шахт [40, *55*]. Тем не менее, видимо, сложилась такая обстановка на шахтах, что с отступлением большевиков летом 1919 г. за пределы Украины практически все китайские шахтеры со 2-й волной ушли в ряды Красной армии.

Сколько китайцев из числа рабочих-контрактников вступило в ряды Красной гвардии в 1918 г. и сколько в ряды Красной армии в 1919 г., можно определить путем сопоставления некоторых документов. Как уже отмечалось выше, накануне австро-немецкой оккупации Украины на предприятиях Донбасса насчитывалось свыше 3 тысяч китайских рабочих. Часть из них, как описано выше, отступила с Красной гвардией в Донскую область. В период немецкой оккупации, а затем установившейся власти Добровольческой армии на шахтах Донбасса были составлены списки китайских рабочих, завезенных по контрактам на предприятия Украины до начала Октябрьской революции. Часть таких списков сохранилась. Например, из 800 китайцев, завезенных на Варваропольские объединенные копи в 1916 г., имеется список из 217 фамилий с примечаниями. Приведем часть из этого списка, составленного при белогвардейцах в конце 1918 г. [107, *68*] (см. таблицу 1).

Как видим, в графе «где работает» есть следующие отметки: «работает на шахте», «умер», «инвалид», «убит в шахте», «выбыл неизвестно куда». Из 217 приведенных в документе имен убитые в шахте составляют 0,92 % от списочного состава; умершие —

Таблица 1.

Списки китайских рабочих.

№ по порядку	№ рабочих	Фамилия	Где работает
210	1032	Чунг-ниан	Выбыл неизвестно куда
211	1038	Лиу-ши-шанг	Работает на ш. «Мария»
212	1039	Коу-шу-минг	Выбыл неизвестно куда
213	1043	Чиа-вень	Инвалид
214	1044	Лей-чинг	Выбыл неизвестно куда
215	1045	Цао-юи	Выбыл неизвестно куда
216	1047	Цу-гин-сян	Работает на ш. «Наклонная»
217	1048	Юи-те-шуй	Выбыл неизвестно куда
218	1050	Зун-лиан-тунг	Выбыл неизвестно куда
219	1052	Зун-куо-шанг	Выбыл неизвестно куда
220	1053	Вонг-фу-куй	Выбыл неизвестно куда
221	1056	Ион-хай	Выбыл неизвестно куда
222	1057	Хуанг-куй-хунг	Выбыл неизвестно куда
223	1058	Шан-та-юан	Выбыл неизвестно куда
224	1060	Лиу-цай-шанг	Выбыл неизвестно куда
225	1063	Сюч-хай	Выбыл неизвестно куда
226	1065	Жен-шан	Работает на ш. «Мария»
227	1067	Чав-пан-ю	Работает на ш. «Эрнест»
228	1068	Лю-у-тун	Работает на ш. «Эрнест»
229	1069	Куо-ю	Убит в ш. «Эрнест»
230	1071	Ку-эм-лю	Работает на ш. «Эрнест»
231	1073	Ков-гидэ	Работает на ш. «Эрнест»
232	1074	Кау-ши-чин	Работает на ш. «Эрнест»
233	1075	Мао-минг-фу	Выбыл неизвестно куда
234	1076	Ко-чин-у	Работает на ш. «Эрнест»
235	1077	Ко-че-лин	Работает на ш. «Эрнест»
236	1078	Шуй-пай-хо	Работает на ш. «Эрнест»
237	1079	Уй-пен-сюн	Работает на ш. «Эрнест»
238	1081	Зе-чинг-ю	Выбыл неизвестно куда
239	1086	Ван-и-шан	Работает на ш. «Эрнест»
240	1087	Чов-дин-сай	Работает на ш. «Альберт»
241	1088	Чанг-ю-шан	Выбыл неизвестно куда
242	1089	Чанг-цуэн-фу	Работает на ш. «Мария»
243	1090	Зунг-чанг-чинг	Выбыл неизвестно куда
244	1095	Си-ю-шинг	Выбыл неизвестно куда
245	1098	Вон-пин-шан	Умер

3,68 %; инвалиды — 2,3 %; продолжают работать на различных шахтах — 29, 95 %; выбыли неизвестно куда — 63,13 %.

Таким образом, на момент составления списков (ориентировочно — ноябрь 1918 г.) из завезенных в декабре 1916 г. на Варваропольские объединенные копи 800 китайцев продолжали работать около 30% контрактников. Поскольку срок контракта еще не истек, а документов об отправке китайских рабочих из этих рудников в Китай нет, да и характер пометки — «выбыл неизвестно куда» — говорит, что ни китайское начальство, ни начальство рудников не могут объяснить, куда исчезли завезенные китайские рабочие (оставшиеся китайцы не могли говорить правду новым властям о том, что «выбывшие» ушли именно в Красную армию, чтобы не подвергать репрессиям родственников красноармейцев в Китае), можно утверждать, что с первой волной — в период с декабря 1917 г. по апрель 1918 г. — в ряды Красной гвардии вступило свыше 63 % китайских рабочих. В пользу этого говорят и некоторые косвенные данные. Командир роты 12-го стрелкового партизанского полка из Кадиевки вспоминал, что его рота количественно доходила до 600 человек из горняков шахты «Мария» Варваропольских объединенных копей [70, *37*]. Именно на этих шахтах работали завезенные в 1916 г. китайцы. Это дает возможность предположить, что из 3 000 китайских рабочих Донбасса ушли вместе с Красной гвардией за пределы Украины в апреле 1918 г. около 60%, или около 1800 «пассионариев». Что еще позволяет утверждать, что китайцы, «выбывшие неизвестно куда», оказались в рядах Красной армии? Часть из них, спустя время, окажется именно там. К ним относятся Ван Фу [12], Ти Ши-шан [224, *54*] (он же Ти-Чинг-шан [107, *67, оборот*]), Лу Вэн и Лиу Юнг-дзю [211, *17*].

Также имеются оценочные (в процентах) показания самих китайцев о количестве ушедших в Красную армию. Шан Чжэнь вместе с другими 846 шахтерами приехал на заработки в Россию. По распределению он попал на Украину в Донецкий угольный бассейн и стал бригадиром на шахте «Горняцкая», где работало более ста пятидесяти китайцев. После Октябрьской революции, «когда ***более семидесяти процентов*** (выделено. — Н.К.) китайских шах-

теров ушли добровольцами в Красную Армию», Шан Чжэнь возглавил своих оставшихся землякоз и вместе с ними влился в красногвардейский отряд по охране шахт [180, *210*].

Тогда возникает вопрос: в связи с ухудшившейся политико-экономической ситуацией, сколько вступило китайцев в ряды Красной армии в последующие годы Гражданской войны? И вступили ли вообще? Для этого желательно иметь списки китайских рабочих, предположим, периода окончания Гражданской войны на Украине. Такие списки есть по предприятиям Луганского района Донецкой губернии, то есть, того же района, к которому относятся вышеприведенные списки по Варваропольским рудникам. В пользу правомерности сравнения таких списков говорят следующие обстоятельства. Во-первых, невозможность централизованного вывоза (таких документов и не обнаружено) китайцев из Донбасса на родину ни через Дальний Восток, поскольку с началом мятежа чехословацкого корпуса этот путь был закрыт вплоть до 1922 г., ни через черноморские порты. Во-вторых, самовольные побеги китайцев были проблематичны: в отличие от местного крестьянства, им и некуда было бежать, и трудно это было сделать ввиду военного характера сложившейся ситуации, преследования их со стороны белогвардейцев как потенциального резерва Красной армии, а также ввиду незнания русского языка. Хотя попытки, как увидим ниже, были.

Итак, о списках периода окончания Гражданской войны. Уже 23 июля 1921 г. Луганский уездный отдел Управления предложил «всем китайцам, проживающим в городе Луганске, в 3-х-дневный срок явиться в уездный отдел в уезде и в 7-дневный срок в соответствующие районные отделы Управления для регистрации» [107, *6*]. Это было сделано на основании письма Донецкого губернского исполкома № 9349303 от 25 июня 1921 г. [107, *17*]. Каждый сельский исполком, район, предприятие, рудник дали полную информацию о наличии китайцев. Анализ всех этих отчетов, а также сводного отчета, показывает, что во всем Луганском уезде к середине 1921 г. насчитывалось всего 36 китайцев. При этом два из них прибыли на Изваринский рудник из рядов Красной армии. Если предположить, что во всем Луганском уезде был единственный завоз в

1916 г. китайских рабочих в количестве 800 человек (хотя это не так), то даже по пессимистическим подсчетам выходит, что за годы Гражданской войны из этих 800 китайцев, за вычетом умерших, инвалидов, убитых в шахтах и 34 «никуда не вступивших», в ряды Красной гвардии и Красной армии могли вступить 711 человек, или почти 89 % рабочих. Учитывая хозяйственную однородность Донецкого бассейна, можно предположить, что из 3 000 только контрактников красноармейцами стали 2 670 китайцев. Косвенно о тенденции вступления китайцев в ряды Красной армии и говорят цифры о снижении количества рабочих в целом.

Эта методика подсчета не может быть распространена на всех находившихся на тот момент на Юге России китайцев. Как известно, в Тираспольский отряд И. Якира явился практически весь состав группы. Из других мест массовой занятости китайцев могло явиться в ряды Красной армии совершенно разное количество от общего числа завезенных рабочих. Понятно, что китайцы, завезенные в Россию насильно или с большим нарушением обещанных условий, прежде всего, надеялись на самостоятельный возврат домой. Те, у кого были деньги и документы, а также при содействии правительства Советской России, смогли уехать в числе 40 тысяч до начала чехословацкого мятежа. Так или иначе, можно говорить о двух волнах вступления китайцев в: а) ряды Красной гвардии (красногвардейский период 1917 — 1918 гг.) и б) ряды красных партизан и Красной армии (красноармейский период второй половины 1918 — 1920 гг.).

Кроме этого, есть свидетельские показания того, что после пережитых издевательств со стороны белогвардейцев зимой 1918 — 1919 гг. некоторые шахтеры именно с Варваропольских объединенных копей оказались в рядах Красной армии. Н. Гажалов в январе 1919 г. по заданию Екатеринославского губернского комитета партии большевиков отправился с помощниками в Юзовку для создания рабочих отрядов в тылу белогвардейцев. Они выехали по маршруту: Гришино — Мечетная — Гуляй-Поле — Юзовка. «Прибыв в Гуляй-Поле, — писал Н. Гажалов, — мы узнали, что там укрываются от преследования белых русские и китайские ра-

бочие. Китайские рабочие-шахтеры — их было 180 человек — размещались в восьми вагонах, стоявших в тупике… И я отправился разыскивать китайских товарищей. По дороге я встретил женщину — жену старшего бригадира китайцев, которая рассказала мне, что китайцы работали на шахтах «Иван и София» [правильно «Иван» и «София». — Н.К.]. За последние три месяца они не получали жалованья. Кроме того, их грабили прибывшие сюда белые и гетмановцы. Китайцы решили уехать, погрузили свои семьи и имущество в вагоны, но на станции Гуляй-Поле махновцы задержали поезд». В ходе переговоров со старшим бригадиром Чан Си китайцы согласились вступить в Красную армию. Прибыв на станцию Гришино в штаб 9-й дивизии, «комдив дал указание начальнику штаба сформировать китайский батальон и ввести его в состав 74-го полка. Командиром батальона назначили Чан Си, а командирами рот Ли и Ван Пина; меня — комиссаром батальона» [211, *117—118*]. После обучения батальон 5 мая 1919 г. прибыл в расположение 74-го полка для обороны Юзовки.

Косвенно о большом проценте притока шахтеров в ряды Красной армии говорят следующие данные. По переписи в августе 1920 г. состава Красной армии, наличие в ней шахтеров и рудокопов оказалось на 50% больше, чем их числилось в это время в гражданских отраслях [199, *229*]. Хотя шахтеры при всех властях всегда были востребованы на гражданских работах, а на такую категорию, как забойщик, советским правительством вводился мораторий на призыв в Красную армию.

Материальная заинтересованность есть важный стимул (мотив) на этапе принятия человеком решений, а затем в период практических его действий. Но когда человек нанимается на работу в относительно устойчивой политической ситуации, материальное, в том числе и денежное вознаграждение, ставится им, как правило, на первое место. А затем заработная плата соотносится нанимателем с содержанием труда и условиями выполнения возлагаемых на него обязанностей. Если учесть, в каких условиях китайцы поступали в ряды Красной гвардии, и особенно Красной армии, то заработная плата для них была не главным мотивом, а

важным составляющим после предоставления им механизма сохранения жизни и шанса выжить в новых условиях. Наряду с питанием, вещевым довольствием заработная плата китайцам в армии служила и дополнительным источником к существованию, и дополнительным стимулом в период плавного перехода из состояния труженика в бойца.

Заработная плата китайцев, как и других красноармейцев, была невелика. В разные периоды, особенно в начальном, заработная плата красногвардейцев несколько разнилась между собой. Как уже отмечалось ранее, красногвардейцам в 1917 г. заработная плата выплачивалась по средней ставке на производстве. С началом боевых действий (с отрывом от производства) она, в основном, составляла у московских и питерских красногвардейцев 150 рублей.

Красногвардейцы Тираспольского отряда в период боевых действий с румынами, а затем немецкими оккупантами на Украине получали на договорных началах всего по 50 рублей в месяц. Но от денег и такого размера они не только не отказывались, но и скрупулезно вели им учет. Если договорились об оплате в определенном размере — пожалуйста, рассчитывайтесь вовремя и в полном объеме. И. Якир писал о следующем случае, относящимся к апрелю 1918 г. при отступлении из Тирасполя к Одессе:

«Только раз неприятность одна получилась. Жалованье китайцы по 50 рублей получали и на жалованье очень серьезно смотрели. Жизнь легко отдавали, а плати вовремя и корми хорошо… Приходят это ко мне уполномоченные и говорят, что их «нанималось» 530 человек и, значит, за всех я и должен платить. А скольких нет (в бою этом мы, пожалуй, человек 80 потеряли), то ничего — остаток денег, что на них причитался, они промеж всеми поделят.

Долго я с ними толковал, убеждал, что неладно это, не по-нашему. Все же они свое получили. Другой довод привели — нам, говорят, в Китай семьям убитых посылать надо» [187, *13*].

Зарплата личного состава красногвардейцев на Украине в феврале 1918 г., как писал В. Антонов-Овсеенко, составляла 50 рублей в месяц [149, *238*]. На этих условиях принимались в отсту-

пающие от немцев отряды и китайцы из всех предприятий. В то же время зарплата служащих в штабе в январе 1918 г. составляла 150 рублей в месяц [149, *93*]. Однако в различных местностях Украины заработная плата красногвардейцам могла быть установлена и в других размерах. Например, решением Центрального штаба Красной гвардии Донецкого бассейна с января 1918 г. заработная плата красногвардейцам, которые «несли службу на постах», устанавливалась в размере 275 рублей в месяц. Предусматривалась также выплата аванса [121, *12*]

С ноября 1917 г. латышские стрелки в Петрограде несли охрану Смольного на добровольческих началах. А с середины мая 1918 г., как решили на личной встрече комиссар латышской стрелковой дивизии П. Петерсон и В. Ленин, содержание латышским стрелкам, в том числе китайцам, по охране Кремля устанавливалось в следующем виде: «всем рядовым, независимо от их семейного происхождения, платить 250 рублей в месяц» [214, *50*].

По условиям приема и устава чехословацких частей Красной армии, например, в мае 1918 г. добровольцы получали: «жалование не менее 50 рублей в месяц, приварочный оклад не менее 1 рубля 50 копеек, чай, сахар, хлеб, мыло, табак и довольствие как квартирное, так и обмундировочное» [129, *74*].

Когда Л. Троцкий получил телеграмму от комиссара Познера о том, что «вторая Петроградская конференция красноармейцев вынесла постановление о необходимости установления жалованья красноармейцам в триста рублей», Л. Троцкий пресек этот неконтролируемый диктат со стороны рядовых красноармейцев. Он дал 21 мая 1918 г. Познеру в Смольный телеграмму с отказом поддержать такое решение в нарушение «декретов советской власти». А на обороте для разъяснения красноармейцам добавил: «Вопрос о жалованье красноармейцам решается не петроградскими красноармейцами, а Советами рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов всей России… Установлено жалованье в 150 рублей. Тех красноармейцев, которые в трудные минуты для республики дни занимаются требованиями повышения платы, считаю плохими солдатами революции» [155, *200—201*].

Со времени вступления в ряды Красной армии заработная плата рядовых красноармейцев за годы Гражданской войны увеличилась в несколько раз. К концу лета 1918 г. она составляла не менее 300 рублей. В своем воззвании к гражданам Царицына, куда отступили из Украины китайские красногвардейцы, генерал П. Краснов 15 ноября 1918 г. писал: «Вот раньше люди умирали за веру и за свою родину, за свободу и счастье своих станиц и хуторов и нам легко умирать. За что умираете вы [?] За те триста рублей в месяц фальшивых, ничего не стоящих керенок» [61, *61*]. Однако уже 27 октября 1918 г. в приказе № 18 по Бронсвым колоннам 10-й армии Царицынского фронта объявлялось, что с 1 августа 1918 г. (то есть задним числом) повышается жалование машиниста броневика до 500 рублей в месяц, помощника машиниста — до 450, кочегара — до 400 рублей [120, *62*].

Уже в 1918 г появляются факты дополнительного поощрения бойцов. Л. Троцкий в сентябре 1918 г., находясь на Восточном фронте, распорядился в качестве премий (его личного подарка) выдать дважды отличившимся красноармейцам по 250 рублей [155, *252*]. Д. Волкогонов, давая оценку действиям Л. Троцкого, отмечал: «Его красивый жест по раздаче денег (на которые, наверное, можно было купить бутыль самогона да пачку махорки) одновременно отдавал чем-то купеческим, далеко не революционным... Но Троцкий знал: перед ним крестьяне, бедняки, знающие цену трудовой копейке» [155, *254*].

Ли Фу-цин вспоминал, что после успешной операции еще зимой 1918 г. под Белгородом китайцев поощрили: «Впоследствии командование партизанского отряда направило в китайское подразделение своего представителя, который, объявил всем благодарность, и каждому китайскому бойцу было вручено по полотенцу» [180, *185*].

Как показывал Чжан Цзы-сюань, осенью 1918 г. после окончания боя с поляками, «командование объявило нам благодарность за проявленные в этом сражении доблесть и отвагу и предоставило двухнедельный отдых. Кроме того, каждый боец китайского отряда получил по 300 рублей. Наши товарищи, понимавшие по-русски, говорили, что приказ о выдаче нам этой денежной награды был составлен по указанию товарища Ленина, который считал, что

китайские бойцы проявили в революционной борьбе в России высокую доблесть и отвагу и поэтому они должны быть ***особо*** (выделено. — Н.К.) отмечены» [180, *96*].

Приказом № 14 от 16 июля 1919 г. начальник правого боевого участка Сумского направления А. Пархоменко за «доблестный подвиг» — первый поднялся в атаку и захватил одно артиллерийское орудие — выдал тов. Захватуеву тысячу (1 000) рублей наградных. С целью пропаганды предписывалось: «приказ прочесть во всех ротах, батареях и эскадронах» [53, *49*]. Командующий Туркестанским фронтом М. Фрунзе по случаю награждения интернационального полка орденом Красного Знамени перед отправкой его на Западный фронт в приказе № 18 от 22 июня 1920 г. распорядился: «...ввиду исключительных заслуг и геройских подвигов, проявленных интернационалистами на территории Туркестана в борьбе рабоче-крестьянской России с белой контрреволюцией, выдать наградные всему командному составу и всем красноармейцам и комиссарам Туркестанского интернационального стрелкового полка в размере месячного оклада содержания каждому. Начснабжения отпустить соответствующую сумму согласно требований полка и отнести на расходы военного фонда» [129, *410*].

В 1919 г. заработная плата красноармейцам выдавалась дважды в месяц. Однако военный характер жизни не позволял четко придерживаться планов выдачи авансов и зарплат, а также вести строгий учет и соблюдение дисциплины в финансовой сфере. В докладе сотрудника особой комиссии Реввоенсовета 12-й армии о результатах обследования 1-й интернациональной бригады, в рядах которой воевали и китайцы, от 20 октября 1919 г. отмечалось, что «входящий и исходящий журналы ведутся аккуратно, книга приказов есть, кассовая книга есть. С 15 августа получен аванс в 300 тысяч рублей, точного подсчета сейчас нет. Так как не все суммы внесены в денежную книгу» [129, *476*].

В период обороны городов вопросы оплаты участникам временных боевых действий решались отдельно в каждом конкретном случае. Например, при обороне Донбасса и, в частности, Луганска весной 1919 г. всем привлеченным к военным действиям

рабочим из предприятий округи гарантировались определенная оплата и социальные гарантии. Это же касалось и китайских рабочих. Так, 20 мая 1919 г. заводскому комитету бывшего завода Гартмана уведомлялось: «Луганский Ревком доводит до сведения, что все рабочие и служащие предприятий и учреждений Советской Республики временно призваны в ряды войск, сохраняют за собой зарплату в тех учреждениях и предприятиях, из которых посланы. За раненными также сохраняется зарплата до полного выздоровления, семьи убитых получают полностью жалование, дети до совершеннолетия [,] а жена посмертно» [50, *33*].

С целью упорядочения хранения денег, порядка учета и выдачи жалования в 1919 г. в частях принимаются ряд мер. Так, в одном из июльских 1919 г. приказов, подписанных А. Пархоменко, указывалось: «Во избежание недоразумений и путаницы для правильного ведения отчетности предписываю всем командирам частей немедленно завести денежные ящики, каковые держать со специальным караулом при обозе. Допуск к ящику для вклада и выемки денег производить на общем основании и каждый раз по специальному разрешению командира части. Где еще нет, немедленно завести кладовые записки и денежные журналы. За правильность ведения отчетности и состояния денежной суммы отвечают командир части, заведующий хозяйством и казначей» [53, *27*].

Что касается жалованья китайцам, которые попали в ряды армии Н. Махно, то они, как и все повстанцы, денежного пособия не получали. Мотивировалось это тем, что они «служат революции исключительно по призванию, а не за жалование» [191, *345*]. Но нельзя утверждать, что не было исключений, в том числе и для китайцев. Во всяком случае, когда Н. Махно входил в состав Красной армии, на его части полагалось жалованье. Начособотделом, например, 16 апреля 1919 г. В. Антонову-Овсеенко сообщал, что Н. Махно выделено жалование на 15 тыс. человек [175, *103*]. Но грабежи у махновцев были, видимо, потому, что жалование от большевиков получали, но бойцам не выдавали. Однако к весне 1920 г. сложилась специфическая ситуация, когда под угрозой захвата заложников со стороны красных карательных отрядов крестьяне боялись пополнять

ряды повстанцев. Тогда решено было выдать разовое жалованье даже рядовым бойцам. В дневнике бывшего начальника оперативного штаба махновцев В. Белаша есть такая запись от 2 марта 1920 г.: «Было общее собрание командиров, постановили: выдать повстанцам по 1000 рублей жалования, командирам — по 1500» [191, *393*].

Весь 1919 год при всех прилагаемых усилиях командования выдача жалования и военное снабжение как фронтовых, так и партизанских частей было явно недостаточным. Так, 11 февраля 1919 г. в докладе политкома 14-го Советского полка в Реввоенсовет Украинского фронта о состоянии 13-го, 14-го и 15-го полков, формируемых в Павлограде, говорилось, что «положение полков катастрофическое. Снаряжения и обмундирования нет. Красноармейцы совершенно разуты и раздеты... Повстанцы уже воюют два с половиной месяца, а жалованья не получают. Ввиду всех этих недостатков в войсках недовольство и настроение антисемитское...» [129, *67*].

М. Шолохов в «Тихом Доне» описывает один любопытный эпизод. Герои романа Мелехов и Копылов поссорились на предмет участия иностранных пособников на стороне Белой гвардии. Мелехов был против иностранного вмешательства. На что Копылов заметил, что воюют же на стороне красных китайцы. Тогда Мелехов не нашелся, что ответить Копылову, но через несколько дней он пришел к следующему оправданию участию китайцев в Гражданской войне на стороне Красной армии: «Китайцы идут к красным с голыми руками, поступают к ним и за хреновое солдатское жалованье каждый день рискуют жизнью. Да при чем тут жалованье? Какого черта на него можно купить? Разве что в карты проиграть... Стало быть, тут корысти нету, что-то другое... А союзники присылают офицеров, танки, орудия, вон даже мулов прислали! А потом будут за все это требовать длинный рубль. Вот она в чем, разница!» [235-Б, *487*].

Это художественный взгляд на вещи. Но вот что интересно. Уже во второй половине 1918 г. заработная плата солдатами действительно оценивалась в мизер, поэтому повсеместно распространились азартные игры в карты на деньги, против чего командование частей повело борьбу. Например, в одном из приказов по

Броневым колоннам 10-й армии Царицынского фронта 27 октября 1918 г. объявлялась война азартным играм: «Мною замечено, что на некоторых броневиках процветает азартная карточная игра на деньги, вследствие которой одни обогащаются, а другие остаются совершенно без копейки, нередко проигрывают оружие и даже необходимое ему обмундирование. Считаю подобное явление преступным..., а потому приказываю командирам броневиков следить, чтобы игры в карты на деньги на броневиках не было. Захваченных на месте игры в карты на деньги красноармейца, а командира за допущение игры на броневиках — буду арестовывать и предавать Военно-революционному суду» [120, *63*].

Учитывая, что в 1919 г. снабжение воинских частей было неудовлетворительным, а размер жалованья маленьким, да и выдавали его нерегулярно, красноармейцы зачастую были вынуждены мародерствовать, воровать, даже друг у друга, а также играть в азартные игры на деньги. Например, только приказом № 15 от 17 июля 1919 г. Армейского Военно-Революционного Трибунала правого боевого участка Сумского направления было вынесено 9 приговоров красноармейцам-нарушителям. В частности, в них говорилось:

«п. 1. Рассмотрев дело по обвинению красноармейца 1-го Украинского Железнодорожного полка 5-й роты Францкевича Бронислава Людовича по обвинению в краже 237 рублей у красноармейца своей команды Каеринас, признан согласно свидетельских показаний красноармейцев той же команды, факт кражи установленным.

Приговорил:

Гр. Бронислава Людовича Францкевича, как позорящего своим поступком Красную Армию, к лишению Красноармейского звания и лишению свободы с отдачей на принудительные общественные работы сроком на пять лет.

п. 2. Рассмотрев дело [по] обвинению красноармейца 1-го легкого артиллерийского дивизиона 1-й батареи Красной Армии Николая Яковлевича Галкина [,] он же Солонин [,] в дезертирстве и подлоге документов и сомнительного приобретения денег в сумме 23 261 руб., признали факт преступления налицо [,] что и обвиняемый не отрицал.

Приговорил:

...лишить красноармейского звания, заключить тюремному наказанию пятнадцать (15) лет. Находящиеся при нем деньги в сумме 23 261 руб. распределению подлежит следующим образом: 19 761 руб. подлежит конфискации в пользу УССР, как незаконно приобретенные, а 3 500 руб. передаче семье [,] ввиду что эти деньги могли быть сохранены *как заслуженное жалование* (выделено. — Н.К.)» [53, *45*]. Далее в таком же духе.

Чтобы как-то финансово поддержать свои части, интернационалистам приходилось «в свободное от основной работы время» честно подрабатывать. Политический комиссар 2-го интернационального полка в политуправление при народном комиссариате по военным делам УССР 2 июля 1919 г. доносил, что «полк около 2-х недель находился в Золотоноше на отдыхе и на формировании. Отдых благодаря местным причинам (нахождении там же бригады Богунского), продовольственному кризису, отсутствию квартир [был] весьма скудным... Культурно-просветительским кружком был устроен концерт-митинг, который дал чистого доходу 1800 рублей» [129, *469*]. Хотя это, конечно, сумма мизерная. Не самую лучшую лошадь в это время можно было купить не менее чем за 20 тысяч рублей.

В целом же, заработная плата рядовых бойцов в течение 1918 — 1920 гг. выросла примерно в четыре раза. Так, если летом 1918 г. она составляла 300 рублей в месяц, то к концу 1920 г. возросла до 1200 рублей. Согласно красноармейской книжке Чо Фу-шуня, заработную плату в апреле 1920 г. выдавали дважды в месяц равными долями по 360 рублей, с мая выдавали уже по 400 рублей (то есть 800 рублей в месяц), а в сентябре 1920 г. — дважды в месяц по 600 рублей [25, *7*]. В то же время самые высокие советские оклады служащих на начало 1919 г. составляли 15 000 рублей в месяц [129, *154*]. В июле 1919 г. согласно приказам Реввоенсовета № 220 и № 1000, уже тогда, например, счетовод штаба правого боевого участка группы войск Сумского направления также имел месячный оклад, как и рядовой красноармеец год спустя, 1 200 рублей (а боевой — 1 600). Начальник штаба в это период имел 2 600 (боевой — 3 300) рублей, начальник боевого участка — 2 800 (боевой — 3 500) рублей [53, *22*].

Вопросы заработной платы, питания и снабжения являются взаимосвязанными. Многие участники Гражданской войны подчеркивали, что часто в ряды Красной гвардии и Красной армии, особенно в первоначальный период, приходили люди, которые смотрели на войну как на средство личного обогащения. Грабежи были присущи бойцам разных конфликтующих сторон.

А. Деникин отмечал, что «военная добыча стала для некоторых снизу — одним из двигателей, для других сверху — одним из демагогических способов привести в движение иногда инертную, колеблющуюся массу...» [177, *15 — 16*].

С грабежами с целью личного обогащения боролись как командование Красной, так и командование Добровольческой армий. За исключением военной добычи, конечно. К такой добыче, поступавшей в общее пользование, относилось: вооружение, боеприпасы, снаряжение и обмундирование, продовольствие, транспорт и фураж. Личному обогащению посредством грабежей ставился заслон. Хотя на практике все выглядело иначе.

Китаец в силу своего специфического статуса участника войны не использовал грабежи в качестве средства для личного обогащения. Все, что он добывал, было необходимо ему для выживания, это были продукты питания. Командир эскадрона Чжан Чуань-линь вспоминал (причем на фоне действий карательных и продовольственных отрядов, это свидетельство несколько разнится от действительности), что в эскадроне поддерживалась высокая воинская дисциплина, «бойцы часто помогали населению на тяжелых работах. Если кто плохо обращался с местными жителями или требовал у них продовольствия, тот подвергался строгому наказанию... Захотят бойцы купить что-либо — жители охотно продадут им свое или добудут что надо на стороне» [180, *24*]. Принципы поведения китайца объясняются традициями, высказанными еще вождем тайпинов в его обращении к народу: «Вы должны делать добро и облагораживать свое поведение; вы не должны ходить по деревням и забирать чужое добро. Если вы идете в шеренги, чтобы воевать, вы не должны отступать. Если у вас есть деньги, вы должны сделать их всеобщими, а не смотреть на них как принадлежащие тому или другому» [162, *13*].

Уже в 1918 г. с выходом отступивших из Украины в Донскую область красногвардейских отрядов процесс снабжения питанием и грабежи становятся взаимосвязанными. Один из командиров красногвардейских отрядов А. Кирюхин отмечал, что до тех пор, «пока с нашей стороны не было грабежей, со стороны казаков не наблюдались случаи отравления колодцев, молока и прочее, но когда наши отдельные части стали заниматься грабежом, эти случаи участились. У нас погибло 4 человека от отравления, и с этого момента было дано распоряжение не принимать никакие продукты питания со стороны казачества» [61, *26*].

Отступая по территории Украины, командование старалось запастись определенным количеством продовольствия, особенно муки. Однако с выходом отрядов за пределы Украины наступили «голодные» дни. Как вспоминал командир одного из отрядов М. Ревин, «нужно было тогда ловить проезжающие поезда снабжения. Отсутствие кормежки приводило к осложнению в отряде, особенно среди китайцев. Всем этим делом больше всего занимался я, и как только какой-либо поезд придет, сейчас [китайцы. — Н.К.] приходят и настаивают, чтобы я шел получать кормежку. Однажды поезд пришел рано утром... и китайцы начали кричать «***хлеба нет, война нет*** (выделено. — Н.К.)» [60, *9*]. Местные рабочие при отступлении брали с собой сухой паек на несколько дней, обеспечив себя питанием на какое-то время, у китайцев не оказалось ничего. Прицепленные в Луганске к одному из железнодорожных составов два вагона муки для красногвардейских отрядов еще при походе под Харьков были утеряны.

После двухмесячного пребывания на фронте о снабжении китайских бойцов 21-го Московского полка в ноябре 1918 г. в сообщении отделения информации и связи говорилось: «В области снабжения чувствуется большой недостаток мыла, чаю, табаку. За все время совершенно не доставлялось ничего из обмундирования, а солдаты обносились порядком» [129, *442*].

В 1919 г. питание в Красной армии было довольно скудным. Бойцам приходилось быть на положении самодобывающих пропитание. В начале 1919 г. Су Чан-хан отступал вместе с 500 полком

3-го Интернационала от наступающих белогвардейцев в Черниговском боевом районе. По его рассказу, он «с одним русским товарищем зашли в дом... Пока Чан нырял по домам — искал пищу, их полк ушел, а деревушку заняли белые» [249].

Чэнь Ли-дэ об этом периоде вспоминал, что «основная трудность заключалась в недостатке продовольствия. Люди постоянно недоедали», «наша часть однажды в течение целого месяца не могла получить продовольствия». И далее: «На Украине каждый боец получал в день фунт «сечки для лошадей». Это была ячменная мука, перемолотая с шелухой и мякиной, почему и прозвали ее «сечкой для лошадей». Хлеб, испеченный из такой муки, был горьким, кислым и совершенно непитательным» [180, *102*].

Поэтому все было обусловлено принципом самостоятельного добывания и «военной добычей», то есть захватом обозов противника. Партизанские отряды Н. Махно, Н. Григорьева практически полностью были на обеспечении гражданского населения путем реквизиций. Иногда это позволяло аккумулировать большие запасы. Так, после разгрома некоторых частей Н. Григорьева летом 1919 г. красноармейцы показывали: «В Александровской операции Григорьев потерял 1 бронепоезд, штаб и более 20 эшелонов снаряжения, обмундирования и т. д. Одних яиц 4 эшелона» [63, *33*].

Население было недовольно не столько продуктовыми реквизициями, сколько мародерством партизанских частей, когда забирались ценности и даже женская одежда и обувь. Так, в период нахождения 4-й партизанской дивизии под командованием Ф. Дыбенко в январе 1919 г. в Луганске председателю ЧК Н. Мышкову «приходилось призывать к порядку главаря партизан, который вообще своим действиями и приближенных к нему нарушал не только местные интересы и спокойствие граждан, но и в некоторых случаях поощряюще относился к своим подчиненным, которые делали незаконные реквизиции и т.п.» [67, *11*].

Хотя часто местное население, натерпевшись притеснений от предыдущих властей и возлагая надежды на новую власть, действительно оказывало гостеприимство красноармейцам, в том числе и китайцам. Приведем два примера. Вот как несколько оптими-

стично описывал этот процесс в декабре 1919 г. И. Якир на Екатеринославщине:

«Наш батальон китайцев вызывает любопытство, страха нет. В каждой деревне митинги… Крестьяне довольны, не знают, как лучше встретить, чем угостить.

— Ходя, ходя, йды до мэнэ, погрийся, — радушно встречают красноармейцев-китайцев крестьяне.

У хлопцев после Питерского порциона из пары вобл аппетит небывалый. Желудки не выдерживают напора вареников, сала, колбас и прочей украинской снеди» [191, *367*].

После освобождения сел Галиции от белополяков в 1920 г. местное население с надеждой смотрело на своих освободителей. В одном из селений местная женщина так объясняла китайским красноармейцам мотивы своего гостеприимства: «Заждались мы вас! С каких пор уже ждем! Замучили нас белополяки. У меня в этой конюшне стояли раньше две лошадки… Так ведь увели их беляки, чтоб им жизни не было! Просила я не трогать моих лошадей, как я без них пахать буду? Так один бессовестный еще меня прикладом за это. Посмотрите, какой след от его приклада остался, — говорила женщина, и по ее лицу текли слезы. — Всех свиней из хлева утащили. Были у меня две старые курочки-несушки, которых я спрятала в погребе, так и их выкрали! Не приди вы, совсем плохо бы нам стало!». Далее, как вспоминал Ли Фу-цин, «бойцы накормили коней, и женщина стала настойчиво приглашать их в хату отдохнуть. Делала она это так искренне и горячо, что отказаться было, невозможно. Вскипело молоко, хозяйка подала его на стол вместе с черным хлебом и пригласила бойцов кушать. Те снова стали отказываться.

— Как же так? — уговаривала их хозяйка. — Вы ни днем, ни ночью не знаете покоя, ради нас воюете с беляками. Разве ж могу я допустить, чтобы вы не выпили хоть по чашке молока у меня в доме?

Бойцы не стали отказываться и принялись за еду» [180, *196—197*]. То есть на фоне притеснений поляков угощение красноармейцев местными крестьянами выглядит как аванс, надежда на улучшение жизни при новой власти.

В 1920 году вопросы питания и обмундирования все еще стояли в повестке дня.

Чжан Цзы-сюань вспоминал, что осенью 1920 г. их отряд снова был отправлен на польский фронт. В течение двух недель они не имели продовольствия, и «бойцы были вынуждены, чтобы не умереть с голоду и как-то продержаться, выкапывать картошку на опушке леса и пить из канав стоячую воду» [180, *98*].

Стандартным снаряжением и обмундированием для китайцев-красноармейцев в 1920 г. было: вещевой мешок — 1, поясной ремень — 1, котелок — 1, фляга — 1, скрынчик — 1, шинель — 1, летние шаровары — 1, гимнастерка суконная — 1, фуражка — 1, гимнастерка летняя — 1, рубашки –2, кальсоны — 2, утиральник — 1, носовые платки — 1, бум. рубаха — 1, бум. кальсоны — 1. Суконная рубаха, папаха, башлык, сапоги, ботинки и обмотки, судя по красноармейской книжке Чо Фу-шуня, бойцам не выдавались [25, *11–12*].

Во избежание потерь от тифа, как это было в предыдущие годы, в 1920 г. бойцы Красной армии получают медицинские прививки. В соответствии с санитарными сведениями из красноармейской книжки китайского бойца, весной 1920 г. бойцам сделаны три прививки от брюшного тифа и три от холеры [25, *14*].

Отношение к религии. Человек — объективно религиозен. Это его точка отсчета в мотивах поведения в жизни, точка отсчета в оценках происходящего вокруг него. И это логично. Его вера как точка отсчета логична, хотя зачастую и не принимаема остальным, подавляющим большинством. Что можно сказать о мотивах действий китайцев в этом контексте в период Гражданской войны?

Есауловский станичный атаман В. Алферов в газете «Донское утро» от 19 июня 1918 г. писал, как он, посетив старообрядческий храм в х. Часовом, «ужаснулся тому кощунству и осквернению», которому он подвергся. Церковная утварь была «вся побита, подсвечники изуродованы, стекла из икон выбиты, книги церковные изорваны и разбросаны [,] и какой-то гнусный «товарищ» устроил в храме отхожее место». В х. Подстепном старообрядческий храм красногвардейцы подвергли еще большему разгрому. В. Алферов отмечал, что «царские двери были открыты, святой престол в алтаре перевернут, очевидно, что-то искали.

Крест Христа-Спасителя, стоявший около престола, изломан. У иконы Божьей матери в Иконостасе выбиты глаза и изуродовано все лицо прикладами, богослужебные книги изорваны и разбросаны, видно снимали и били об пол хоругви, ризы и др... Страшная мерзость и запустение царили в храме и трудно было предположить, что это могли сделать ***русские*** (выделено. — Н.К.) люди, но это было именно так — люди, потерявшие всякий человеческий облик и поправшие все человеческие и божественные законы, бессмысленно и кощунственно осквернили святыни русского народа» [61, *54 — 55*].

Можно предположить, что потенциально могли себя вести в православных храмах так, как описано выше, красногвардейцы из числа иностранцев, в том числе не христиане, например, китайцы. Однако никаких документальных данных о негативном отношении китайцев к православным святыням мы не имеем. Более того, нет данных об участии китайцев в публичных выступлениях против местных религиозных традиций. Та же газета «Донское утро» 16 июля 1918 г. указывает самых активных противников христианской религии в Царицыне: «Сейчас по городу в автомобилях разъезжают матросы, наводя в небо зенитные орудия с криками: «расстреляем Бога». Население города запугано...» [61, *66*]. Это не значит, что китайцы не могли быть слепым орудием в руках большевиков в период расправ со служителями церкви. Но нет данных, что наряду с местным населением, пришлыми большевиками в храмах бесчинствовали китайцы.

А. Деникин, цитируя акты «Особой комиссии», писал, что в Харькове в 1919 г. «Покровский монастырь был обращен в больницу для сифилитиков-красноармейцев. Такие сцены, как в Спасском скиту, были обычными развлечениями чиновной красноармейщины: забравшись в храм под предводительством Дыбенки, красноармейцы вместе с приехавшими с ними любовницами ходили по храму в шапках, курили, ругали скверно-матерно Иисуса Христа и Матерь Божию... После ухода бесчинствующего отряда в одном из притворов храма были обнаружены экскременты...» Вся жизнь церковная взята была под сугубый надзор безверной или иноверной власти: «Крестить, венчать и погребать без предва-

рительного разрешения товарищей Когана и Руттайзера, заведующих соответственными отделами Харьковского исполкома, было нельзя...». Интересно, что религиозные преследования относились только к православным: ни инославные храмы, ни еврейские синагоги в то время нисколько не пострадали...» [178, *65*].

Что касается христианства, то можно предположить, что часть китайцев — выходцев из Харбина, предместий Пекина, например, Чжили, а также других местностей Китая, где было распространено христианство и были христианские миссии, — либо благосклонно относилось к христианству, либо не было агрессивно настроено к чувствам верующих в принципе. Во всяком случае, нет причин говорить, что антирелигиозные настроения китайцев есть повод участия в революционных событиях и Гражданской войне, как и нет причин говорить об их неуважительном отношении к религиозным традициям народов России. Из всего многотысячного «китайского легиона» вполне осознанное негативное отношение к церкви, в том числе и христианской, имели единицы. К ним относились убежденные коммунисты, с одной стороны, а, с другой стороны, это должны быть грамотные люди. И такие исключительные примеры можно привести. Бывший красногвардеец Одесского китайского отряда Ча Ян-чи об агитаторе Чжане (Пи Кай-чжан), который с детства учился у русских миссионеров-христиан в Китае, вспоминал:

«Я знаю, чему учили Чжана в миссии. Его учили тому, что бог создал все на земле — людей, животных, растения. Создал он и порядок, который существует. Все от бога, — значит, все правильно. Правильно, что есть на свете богатые, и правильно, что есть бедные: правильно, что мандарины, фабриканты, помещики господствуют, и правильно, что народ им подчиняется. А если бывает тяжело людям, так это даже хорошо: кто мучается на этом свете, непременно попадет в рай на том...

Так морочили головы не только русские попы. Буддийские монахи учили примерно тому же. Как говорится, кто канарейку кормит, тому она и поет. А из чьих рук едят священники, муллы, монахи — известно.

Миссионеры готовили Чжана себе в помощники. Он должен

был нести их слово в гущу китайского народа. Но получилось наоборот: попав в Россию, надышавшись воздухом революции, Чжан принес китайским кули другие слова» [224, *127*].

Распространение христианства в Китае имеет давнюю историю. Еще 18 июня 1700 г. Петр издал указ об отправке в Китай «добрых ученых, непрестарелых иноков, двух или трех человек, которые могли бы китайскому, монгольскому языкам и грамоте научились». Цинское правительство учредило русский двор для приема учащихся и дало распоряжение «обеспечить учащихся питанием», а лицам духовного звания «не запрещать отправлять в храмах обряды русской церкви» [228, *17*]. Первым возглавил Русскую духовную миссию в Пекине воспитанник Киево-Могилянской академии архимандрит Иларион (Лежайский), уроженец Чернигова [248].

К 1860 г. в Китае насчитывалось не более 200 православных. В период Ихэтуаньского восстания в 1900 г. в знак протеста против европейцев и их веры было замучено 222 китайских православных. С постройкой Китайской Восточной железной дороги приток православных в Китай, особенно в Маньчжурию, усилился. До 1916 г. велось интенсивное храмостроительство, миссионерство и просвещение китайцев. К этому времени насчитывалось около 6 000 китайских православных, появились свои священники и епископы [262].

Однако подавляющее большинство китайских кули были неграмотными и в душе веровали в те религии, которые были распространены среди их предков, родственников, односельчан. Это были буддизм, конфуцианство, даосизм, ислам, в меньшей степени христианство. Воюя в России, простые кули свои верования связывали с простыми и понятными для них помыслами: как выжить, как остаться в живых и вернуться к себе на родину — в Китай. Каждый человек в душе во что-то верует. Например, будучи в разведке в горах Кавказа, «пожилой сухопарый Сунь и совсем юный Дэн, веря в судьбу, молились господину великому духу гор и лесов, взывая к его помощи. Что же касается Лу, Ю Жэня и Хао Дэ, то те в великого духа уже не очень верили... Они надеялись на людей» [224, *118*].

Другое дело, логично попытаться ответить на вопрос, всем ли китайцам, попавшим на заработки в Россию, личные религиоз-

ные убеждения позволяли взяться за оружие, чтобы убивать других людей? Анализ исторических источников показывает, что предшествовавший русской революции период истории в самом Китае, был наполнен постоянными войнами и восстаниями. Поэтому китайские крестьяне не могли стоять в стороне от жестокостей и убийств. Более того, убийства ради того, чтобы жизнь стала лучше и справедливее, морально оправдывались религиозными верованиями большинства китайцев. Можно предположить, что только глубоко верующие ортодоксальные буддисты не взялись за оружие и не вступили в Красную армию, как, впрочем, и в Добровольческую армию. Так, в списке от 6 ноября 1921 г. из 7 китайцев, проживающих в Кринчано-Николаевской волости Алчевского района, только один в графе «подданство» или «национальность» указал — «китайско-подданный». А остальные шесть в этой графе указали: «буддийск», то есть буддисты, хотя речь шла не о религии. Китайцы из этого списка в графе «откуда прибыли» не указали, что они прибыли на рудник из рядов Красной армии. Они в ней не служили принципиально, хотя были завезены на работу в качестве чернорабочих еще в 1916 г. [107, *29*]. В то же время в списках других рудников есть фамилии китайцев, вернувшихся на работу из рядов Красной армии.

При всем негативном отношении большевиков к религии, уважение к традициям жителей Востока и религиозным верованиям, особенно буддистов, с их стороны соблюдалось. Во всяком случае, местное население настраивать враждебно против себя они не хотели. Так, в инструкции Военного совета войскам Дальневосточной Республики 1 июля 1921 г. говорилось: «При вводе наших войск в Монголию действовать в полном согласии и контакте с Народно-революционной армией Монголии, с особенным вниманием относясь к нравам и быту, а также взглядам монгольских масс, ни в чем не оскорбляя национального и религиозного чувства, в особенности бережно относясь к буддийским браминам» [129, *393*].

Русские имена. Среди бывших красногвардейцев и красноармейцев из числа китайцев часто встречаются русские имена. Особенно много Василиев. Как выясняется, именно переводчики

— «васики» — в дальнейшем в упрощенном варианте стали зваться Василиями. И. Якир писал: «Сначала они меня не понимали, я их тоже не понимал, и договориться было трудно. Станешь «Васике» — переводчику толковать (он был переводчиком, ибо лучше других объяснялся)… жестами — и форменная комедия получается» [225, *36*]. Трудно сказать, как долга традиция, и откуда она берет начало, но китайцам, изучающим русский язык уже во второй половине двадцатого столетия, тоже даются русские имена. Д. Дикарев и А. Лукин, побывавшие в середине 80-х гг. в Китае, о Хэйлунцзянском университете (Харбин) писали: «Русские имена дают в Китае всем, кто изучает русский язык. Сначала студенты употребляют их на уроках, а затем и в разговорах между собой, привыкают к ним. Русские имена становятся как бы свидетельством того, что его обладатель знает русский язык» [202 *15*]. В период же Гражданской войны основной причиной появления у китайцев русских имен была потребность в простоте общения и обращений. Поэтому и давали созвучно их китайским именам близкие по звучанию имена — Иван, Василий, Яша и другие. Хотя знание русского языка некоторыми из китайцев этому процессу только способствовало. Был ли в этом элемент подражания китайцами русским революционерам? Возможно. В период проживания китайцев в СССР в 20-е и 30-е гг. русские имена уже имели большинство из бывших красногвардейцев и красных партизан, что зафиксировано в их личных делах, хранящихся в партизанских комиссиях.

Как воевали китайцы? Китайцы воевали на всем протяжении Гражданской войны и практически на всех театрах военных действий на Украине (за исключением Закарпатья). В течение войны проявились многие бойцовские качества, за что отношение к ним со стороны красного командования в процессе войны только улучшалось. Давайте сделаем обзор на основании данных ***историков советского периода***, где они воевали и за какие качества ценили и поощряли китайских бойцов большевики.

Много китайских добровольцев находилось в составе 397 полка 45-й дивизии, сформированной в 1919 г. на базе 3-й Украинской ар-

мии. Китайский отряд этого полка под командой Хан Си-шуня организовался в конце 1918 г. в Донбассе. Китайские добровольцы в составе дивизии осенью 1919 г. прошли 400-киломеровый путь от Одессы до Житомира на соединение с частями 12-й армии. За эти бои командир отряда Хан Си-шунь награжден именным оружием — шашкой и браунингом, а командир взвода за храбрость в боях под Одессой и Житомиром награжден золотыми часами и именным оружием. В истории 45-й дивизии отмечены китайские бойцы — Сын Ди-фа, Сунь Ю-юй, Чен Ю-шен, Чен Юн, Ку Хун-жу, Су Бо-тан, Тан Бо-ен, Тан Си-чи, Ван Ю-шию, Ту Бо-тэ, Чео Ю-вен, Ван Ла-лу, Чу Ху-лан, Зау Ян-лин, Дзян Ди-шунь, Ся Ю-шау и многие другие [211, *27 — 28*].

Весной 1918 г. в частях А. Автономова, наступавших на Дон, были роты китайских добровольцев. Впоследствии у погибших белогвардейцев находили письма, которые они не успели отправить. В этих письмах белые писали: «Сегодня был жуткий бой. Мы сражались с полком, состоящим из одних китайцев. Дерутся они, как черти, кажется, что их ни пуля, ни шашка не берет. Лезут и лезут без конца...» [220, *30*].

Кстати, неизвестно еще, как психологически повлияло на противника участие в войне на стороне Красной армии китайцев ввиду некой фобии, распространенной в начале XX века в Европе и России. О ней А. Снесарев в одной из своих статей писал: «Как известно, мысль о кончине мира в обиходных сказаниях и верованиях русского народа иногда связывались с каким-то конечным подъемом Китая, который должен был покорить весь мир. В средней Азии я также встречал это поверье. Я никогда не забуду, как в Китайскую войну, наткнувшись в Кашгарии на китайца, командовавшего конной лянзой, я лично мог удостовериться в том исключительном ужасе, который он внушал сопровождающему меня киргизу… «Он ужасный», — повторял мой киргиз с перекошенными от страха глазами. И вот это убеждение в могуществе Китая, его конечном пробуждении и в покорении им затем всего мира является, по-видимому, поверием многих народов, распространенным на огромной площади Европы и Азии» [цит. по: 190, *95*]. Кроме

А. Снесарева с китайцами как воинами были знакомы также и другие видные офицеры Добровольческой армии, побывавшие еще задолго до Гражданской войны в Кашгарском районе на границе с Китаем. Так, Л. Корнилов в начале XX в. отмечал, что «несмотря на неудовлетворительные качества здешних войск, их менее всего можно приписать природным качествам китайского солдата. Китаец-простолюдин обладает крепким телосложением; он хороший ходок, вынослив, неприхотлив, трудолюбив, послушен, старателен и, как показывает опыт, быстро усваивает технику военного дела». И далее он подчеркивал, что китайские войска «способны не только к стойкой обороне, но и к энергичному наступлению. Можно думать, что при хороших руках, при надлежащем обучении и воспитании в военном духе из китайца может выработаться порядочный солдат, и при благоприятных условиях в пограничных с Русским Туркестаном окраинах Китая могут создаться вооруженные силы, с которыми нам придется считаться...» [190, *595*].

Лю Юн-ань приводил показательный пример, как стойки китайцы под пыткой и умеют хранить тайну: «Был такой случай. Красные отряды были вынуждены поспешно отступить из Ново-Гуляевки. Белым удалось схватить двух китайцев. Они подвергли их жестоким пыткам, били шомполами, подвешивали вниз головой... требовали, чтобы им сказали, сколько насчитывается бойцов у красных, кто их командир и т. п. Оба китайца могли бы по-русски ответить, но они скончались под пытками, не произнеся ни слова» [220, *31*].

В апреле 1918 г. под давлением австро-германских оккупационных войск красногвардейские отряды отходили на Дебальцево — Миллерово. Красногвардейцы не знали, что немцы вместе с белогвардейцами перерезали им путь у станции Чертково. Запросив Чертково, они получили ответ: «Путь свободен». Но когда красногвардейские отряды приблизились к станции, на них обрушился артиллерийский огонь. Немцы и белоказаки атаковали красных с флангов. Закипел бой. Красногвардейцам несколько раз пришлось прорывать окружение. Китайские бойцы, отходившие последними, попали в плотное кольцо. Одним из взводов командовал Ван Юнь, о вступлении которого в красногвардейский отряд уже рассказы-

валось. «Ван Юнь под огнем отвел свой взвод к каменной ограде. Все стихло. Казаки с шашками наголо с криком ринулись на смельчаков. Расстояние быстро сокращалось. Когда осталось шагов сто, ожил пулемет китайцев. Атака захлебнулась. Так повторялось несколько раз. Наконец патроны иссякли. Остались одни гранаты. Когда казаки приблизились, китайцы забросали их гранатами. Ван Юнь долго лежал в лазарете. После выздоровления он снова командовал взводом и погиб год спустя под Царицыном» [220, *38*].

На протяжении 1918 г. газеты неоднократно сообщали о героизме китайских частей на различных фронтах Советской республики, указывали, что китайцы являются лучшими бойцами-интернационалистами, «играют важную роль» в красноармейской массе, что они дисциплинированны, выдержанны и терпеливы. «Истекая кровью, затыкая тряпками раны, ...бросаются они в атаку», из боя «уходят они последними» [255, *121*].

В сообщении отделения информации и связи Реввоенсовета Южного фронта о стойкости в бою китайцев-интернационалистов 21-го Московского полка 15 ноября 1918 г. сообщалось: «В полку 500 человек китайцев-интернационалистов. Китайцы дисциплинированы, терпеливы, стойки в бою. ***Они играют большую роль*** (выделено. — Н.К.), своим примером заражая и требуя устойчивости и храбрости от наших красноармейцев, впервые явившихся на фронт. Китайцы положительно [влияют] на рядовых красноармейцев: получившие по нескольку ранений после легкой перевязки остаются в строю» [129, *441*].

В 1919 г. в течение нескольких месяцев Н. Гажалов был комиссаром китайского красноармейского отряда, который состоял из горняков, работавших на шахтах «Иван» и «София» (300 китайских бойцов). Первый бой с белогвардейцами они приняли в пригороде Юзовки (ныне Донецк). Там был ими захвачен бронепоезд. Участник Гражданской войны А. Кусков вспоминал о подвиге (самопожертвовании) одного китайского добровольца в боях с белогвардейцами под Ясиноватой 22 мая 1919 г. Тогда красноармейский отряд 74-го полка попал под огонь деникинцев с двух сторон. В этот критический момент неожиданно по противнику с фланга уда-

рил пулемет. Один китайский доброволец взобрался на стог сена, решив отвлечь огонь противника на себя. Это спасло многих бойцов, но сам китаец, фамилия которого неизвестна, погиб [169, *65*].

В составе войск Западного фронта сражался китайский батальон Лю Гун-ляна, созданный коммунистами из рабочих-китайцев одного из заводов. Этот китайский батальон входил в состав 461-й полка. Сначала полк участвовал в боях против войск Н. Юденича, затем против частей армии А. Деникина в Донбассе, против белополяков на Западном фронте, а также выполнял различные задания командования по «борьбе против бандитизма». Китайский батальон неоднократно получал благодарность от военного командования за боевое отличие.

В ожесточенном сражении на советско-польской границе 461-му полку было приказано любой ценой удержать мост, который имел весьма важное значение для советского командования. Противник многократно бросался в атаку, чтобы овладеть мостом.

В этих боях 461-й полк понес большие потери. Только в китайском батальоне погибло более 120 человек, а во всем полку осталось немногим больше 400 человек. Штаб советского командования принял решение взорвать мост и поручил это сделать китайскому батальону.

«Глубокой ночью, — вспоминает Чжоу Жуй, — группа бойцов, взвалив на плечи пачки взрывчатки, поползла по мосту в сторону противника, но вскоре была обнаружена. Шесть товарищей были убиты, некоторые тяжело ранены. Нас охватило большое волнение: если мост не будет взорван до следующей, девятнадцатой атаки противника, то как отразить ее? Болдырев отдал приказ усилить огонь, чтобы отвлечь внимание противника от моста. Тем временем китайские бойцы продолжали движение вперед. Когда они приблизились к краю моста, враг вновь перенес огонь на них. Но взрывчатка уже была заложена. Преодолевая боль от полученных ран, герои отползли метров на 20 и запалили шнур. Раздался взрыв — мост взлетел на воздух. Китайские бойцы выполнили задание: они преградили дорогу врагу» [220, *40—41*].

А. Мищевич из Луганска также вспоминал, что летом 1919 г.

«в город Двинск прибыл сильно потрепанный китайский батальон. Ему поручили охрану железнодорожного моста через Западную Двину. Мы считали, что мост будет в надежных руках, и не ошиблись. Китайцы не подвели. Они мужественно и самоотверженно обороняли важный объект» [224, *227*].

На Южном фронте в августе 1918 — апреле 1919 гг. под Царицыным сражался 2-й Интернациональный полк 16-й стрелковой дивизии В. Киквидзе, в котором были чехи, словаки, венгры, китайцы и другие. По словам В. Киквидзе, «интернационалисты сражались, как львы, не боясь усталости и не зная страха» [158, *590*].

2-й Интернациональный полк 1-й Украинской особой бригады Р. Сиверса (август — ноябрь 1918 г.) также доблестно сражался при обороне Царицына. 1-я Интернациональная бригада, сформированная Частеком, с лета 1919 г. участвовала в боях под Киевом, Черниговом, Гомелем; в октябре 1920 г. — против частей Н. Махно [170, *158*]. Это все части, вышедшие из Украины в 1918 г., и которые вновь после переформирований оказались на ее территории.

15 июля 1919 г. «Известия» Великолуцкого Совета рабочих и крестьянских депутатов в статье «Герои» сообщала об исключительном мужестве группы китайцев-пулеметчиков, сражавшихся на Западном фронте. В тяжелом бою часть роты попала в окружение. В живых осталась лишь группа китайцев — лучших красноармейцев в роте, которые пулеметным огнем уничтожили большое количество противника. Когда у оставшихся бойцов стали кончаться патроны, они, не желая сдаваться в плен, «на глазах противника, став во весь рост, перестреляли друг друга» [255, *121 — 122*].

По свидетельству бывшего командира бронепоезда «Большевик» В. Винникова, осенью 1919 г. на помощь одной из красноармейских частей в районе Екатеринослава (нынешний Днепропетровск) прибыл батальон китайцев во главе с командиром Ли Чаном, сражавшийся ранее в составе Чапаевской дивизии. Этот батальон участвовал в боях против колчаковских войск на Дальнем Востоке и в Сибири, а потом пробился на Урал, оттуда на Украину. Здесь вместе с бойцами Красной армии китайский батальон Ли Чана участвовал в разгроме кавалерийской части генерала А. Шкуро, а 7 ноября 1919 г.

совместно с войсками 137-й стрелковой дивизии освобождал от деникинцев железнодорожную станцию и город Апостолов [143, *65*]. Особенно его бойцы отличились в бою под г. Апостолов. Не ожидая, когда появятся белые, командир направил часть своего батальона в центр полка противника. Разрезав пополам пехоту противника, батальон бросился в штыковую атаку. Штыковой удар и неожиданное появление в этом бою китайских частей настолько ошеломили белых, что они, бросая винтовки, начали сдаваться в плен. К вечеру того же дня на помощь подошла 137-я пехотная дивизия, а к утру Апостолов был взят. Впоследствии батальон участвовал в освобождении Ростова, где и погиб Ли Чан. Кстати, этот командир — кавалер ордена Красного Знамени [162, *70*]. Известно, что в составе переброшенной из Урала 25-й стрелковой дивизии им. Чапаева летом 1920 г. против белополяков воевал интернациональный полк, в котором были и китайские бойцы.

По оценкам советских историков, героически сражалась в составе 9-й стрелковой дивизии Южного фронта 18-я рота, сформированная в начале 1918 г. из китайцев-горняков Донбасса, а затем преобразованная в батальон. Командиром ее был Ли Шу-ан, его помощником — Вэй Бин-чин [162, *69*].

Самым удобным стилем стрельбы из винтовки для китайцев была стрельба сидя. «Русские красноармейцы очень удивлялись тому, что мы стреляем сидя, — вспоминал Ли Си-хун, — «Зачем сидите, — уговаривали они нас, — зачем подставляете себя под пули? Ложиться надо». Но мы не слушались. Нам сидя было удобней: видно, куда стреляешь, в кого стреляешь, попала твоя пуля или не попала» [225, *30*].

Воевали китайцы в различных родах войск. Но больше всего — в пехоте. Для некоторых китайцев служба в кавалерии была непривычна. Как объяснял Ча Ян-чи, «китайцы в кавалерию мало идут, китайцы лошадь мало знают». Поэтому служба Ча Ян-чи и еще 8 китайцев в конной разведке Таганрогского полка вызывала у красноармейцев и населения интерес, особенно элементы их казачьей одежды — «кубанки» и «черкески» [225, *173*]. Но на самом деле много китайцев служили и в 33-м полку 6-й кавдивизии Первой Конной армии.

Летом и осенью 1920 г. на Южном фронте действовал интернациональный батальон под командованием Матэ Залка. В этом батальоне на Ореховском направлении против врангелевцев, а потом под Перекопом и в Крыму, также принимала в боях участие рота китайцев [269, *65*].

Высокую оценку китайским добровольцам, где бы они ни воевали, дал комиссар Дербентского полка Ф. Яковенко:

«Китайцы оказались отличными бойцами. За них всегда можно быть спокойными: какая бы тяжелая обстановка ни создавалась, — они никогда не дрогнут, не отступят. И потом поражало их исключительное чувство воинского долга. Помню невероятно трудный переход в начале 1919 г через калмыцкие степи в Астрахань. Шли больше месяца. Мороз градусов двадцать — двадцать пять, жгучий степной ветер, и никакого жилья, чтобы укрыться, отдохнуть. Силы бойцов, одетых в худые шинельки, убывали с каждым часом. Люди еле-еле брели. Многих охватывала апатия. Прямо скажу, находились такие, которые бросали в пути винтовку, потому что не хватало сил таскать ее. Мороз и тиф косили не щадя. Убыль в частях была огромная.

Все тяготы страшного перехода несли и бойцы-китайцы. Но когда мы добрались до Астрахани, выяснилось, что китайцы не только не потеряли в пути ни одной винтовки, но подбирали оружие погибших солдат других подразделений. Они подобрали таким образом несколько десятков станковых пулеметов» [162, *72 — 73*].

Г. Новогрудский и А. Дунаевский отмечали, что у китайцев «все держалось не столько на четко отработанной воинской дисциплине, сколько на чувстве долга» [224, *98*]. В этом переходе, о котором говорил выше Ф. Яковенко, принимали участие и многие китайцы, вышедшие под натиском австро-германских оккупантов из Украины в 1918 г. Бывшая медицинская сестра в китайском батальоне под командованием Пау Ти-сана, жительница Киева Е. Черненко вспоминала, что в батальоне было 800 китайцев и 20 русских. Она и Н. Генфер были медицинскими сестрами. Во время тяжелого перехода в Астрахань медицинская сестра Н. Генфер заболела сыпным тифом. Транспорта не было, и китайские бойцы, сделав из своих шинелей носилки, десятки километров несли ее на своих руках.

Бывший участник Гражданской войны, впоследствии один из генералов Советской армии, как писал в 1953 г. Вэй Вэй, вспоминал: «Тогда в нашей дивизии было 120 китайцев, не кого-либо, а именно китайцев. В дивизии все уважали их за храбрость и колоссальную выносливость» [228, *98*].

3-й (519-й) интернациональный стрелковый полк Л. Гавро состоял из немцев, венгров и китайцев. За бои под Киевом в августе 1919 г. Л. Гавро получил орден Красного знамени. Позднее, 16 декабря 1919 г., 3-й полк отличился при взятии Киева в составе 58-й стрелковой дивизии И. Якира. В 1920 г. полк воевал вначале на польском фронте, а затем опять освобождал Киев, за что Л. Гавро получил 2-й орден Красного знамени [147, *96—97*].

Вот как описывал свой путь в Красную армию на Украину Цзян Лянь-фынь, который по вербовке в 1916 г. попал в город Мозель: «Наконец в августе 1918 г. кое-как добрались до Москвы и поступили добровольцами в 1-й интернациональный китайский отряд, где заместителем командира отряда был Ван Юй-пу. Около двух месяцев мы обучались военному делу. В конце 1918 г. отряд отправили на Восточный фронт. В рядах Красной Армии мы участвовали в освобождении Пензы, Уфы и Челябинска. Однажды в бою я сильно простудился и заболел, меня направили в госпиталь в Москву, а после выздоровления в другую часть. Я оказался один среди русских бойцов. Поскольку я плохо владел русским языком, командир части откомандировал меня в 8-ю роту Богунского полка, которым командовал Щорс. Эта рота состояла из 180 китайских добровольцев. Наш полк принимал участие в освобождении Киева от петлюровцев...» [211, *73*]. В дальнейшем 8-я рота участвовала в боях под Житомиром, Шепетовкой, Старо-Константиновым, Проскуровом. А всего в Богунском полку Н. Щорса было две роты китайцев.

Упорно штурмовали китайцы и Перекопский перешеек. Ли Фуцин, служивший в это время в рядах 1-й Конной армии, вспоминал, что однажды вечером командир полка вызвал к себе Ли Фу-цина и еще около двадцати бойцов. Командир рассказал им, что на завтра намечен штурм вражеской линии обороны. Однако на пути продвижения их полка имеется весьма серьезное препятствие — четыре

сильно укрепленных блокгауза противника, которые надлежит взорвать. Далее историки со слов Ли Фу-цина писали:

«Спрятав раненого товарища в укромном месте, Ли Фу-цин с Чжан Си-цаем поползли в обход, намереваясь приблизиться к блокгаузу слева. …но когда до него осталось каких-нибудь десять метров, противник опять обнаружил их, и им снова пришлось отойти. Наконец, Ли Фу-цин решил рискнуть и подобраться к блокгаузу по ходу сообщения, который шел слева с тыла. На этот раз ему повезло. Он заложил взрывчатку, поджег шнур и быстро скатился вниз, в траншею. Раздался взрыв, и блокгауз взлетел на воздух. Вскоре та же участь постигла и остальные три блокгауза.

Так была прорвана линия вражеской обороны, оборудованная перед Турецким валом, и части Красной Армии перешли в наступление» [180, *205 — 206*]. С подрывниками своего второго эскадрона Ли Фу-цин взорвал и Чонгарский мост.

Весной 1919 г. при обороне Луганска на передовую линию прибыл отряд китайцев. Командир батальона 9-го Краснознаменного полка 15-й Инзенской дивизии И. Сила вспоминал, что в последних числах марта 1919 г. «в районе ст. Шмитовской у железнодорожной туннели получился по фронту прорыв. Необходимо было занять этот прорыв вооруженными силами. Поступил приказ занять вышеупомянутый прорыв 1-му Луганскому полку, в этот период прибыл на подкрепление батальон до 1 000 чел. революционных китайцев, которые также заняли оборонительный рубеж» [69, *34 (обор.) — 35 (обор.)*]. Во время переформирования партизанских отрядов в полки, в подчинение И. Силы также была влита рота китайцев, которым он доверял выполнять много ответственных заданий. В бою за с. Политровка (Новосветловка) 29 апреля 1919 г. китайская рота в жестоком бою захватила штаб противника, и стало известно о судьбе ушедшего по тылам белогвардейцев отряда М. Палкина, 13 добровольцев которого попали в плен, были казнены и захоронены в соседнем с Политровкой селе Николаевка. Однако при этом погибли и китайские бойцы. И. Сила приказал «всех погибших китайцев 29 апреля у села Политровки забрать, установить их фамилии и отправить в Луганск. Похоронены они были на камбродском кладбище в

братской могиле. Фамилии тов. китайцев: 1) Лю-фа В. 2) Лю-ша М. 3) Ван-ша И. 4) Ли-хо-ю 5) Ма-ша-ци 6) Юн-ша-фи» [69, *37 с оборотом*]. Ранее И. Сила приводил еще одну фамилию. Хотя на самом памятнике, установленном в Луганске, фамилии даны по свидетельству бывшего командира 1-го Нежинского отряда Жан Чан-дина. Он их написал уже в 1936 г., поэтому фамилии, данные И. Силой и Жан Чан-дином, разнятся, и вместо всего семи фамилий (в сумме по обоим спискам) даны только пять. Согласно списку, подготовленному Жан Чан-дином, на памятнике «Борцам революции» в Луганске выбиты фамилии следующих китайцев: Лю-фа В., Лю-ша М., Ван-ша-ю И., Ли-хо-ю С., Ми-ша-ци М. [64, *1*].

В отличие от китайцев, захороненных на городском кладбище Луганска, комиссар Инзенской дивизии латыш Генрих Звейнек, погибший 12 апреля 1919 г. также при обороне Луганска, захоронен на Красной площади у Кремлевской стены в Москве.

Гражданская война имеет своим итогом героев только победившей стороны. А соответственно сохраняются братские могилы и памятники тоже только победителей. Хотя зачастую приходилось хоронить павших сообща или сжигать. Например, после одного из боев в 1918 г. под Царицыным, по свидетельству очевидцев, «была масса трупов, которые начали разлагаться. Нам пришлось собрать все эти трупы в кучу, облить смолой и зажечь» [61, *17*].

В советские времена был установлен памятник неизвестному китайскому солдату, погибшему в селе Павловка Васильковского района Днепропетровской области [224, *235*].

Самое многочисленное захоронение китайцев, которым установлен памятник на Юге России, находится на Дону. Здесь, под Морозовском, захоронены свыше 200 красноармейцев 292 Дербентского интернационального полка, погибших в июне 1919 г. Командир батальона — Ян-чжунь [225, *178-179*].

Памятник в станице Луганской возведен после окончания Гражданской войны. Первый отчет об этом встречается в «Сведениях о памятниках борцам революции в Луганском округе» (январь — март 1929 г.). По Лугано-Станичному району на основании телефонограммы № 89 районного исполнительного комитета записано: «В хуторе В.Теп-

лом имеется памятник Воровскому и в ст. Луганской — БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ, РАССТРЕЛЯННЫМ БЕЛЫМИ» [43, *6*]. Всего тогда, по свидетельству Ли Фу-цина, под станицей Луганской погибло более 200 китайцев, но захоронены они были в нескольких местах.

Непосредственно в боях за Киев есть и погибшие китайские добровольцы. Например, в январе 1919 г. во время боев за Киев советских частей против войск С. Петлюры погибло 6 китайских бойцов-красноармейцев [269, *63*].

Памятники над захоронениями иностранцев периода Гражданской войны установлены были в ограниченном количестве, еще меньше их сохранилось спустя время. Однако следует сказать, что в отдельных боях количество иностранцев было очень велико. Во всяком случае, больше, чем двести китайцев, памятник которым установлен в Морозовске.

Например, в мае 1919 г. в Киеве был сформирован из интернационалистов, прибывших из Астрахани, 1-й Интернациональный пехотный полк. После боев под Хмельницком в полку из 1500 бойцов осталось около 500 человек [261, *42*]. Вышедший из Украины в 1918 г. 1-й Нежинский отряд из более 800 китайских бойцов только в бою под Каменской потерял убитыми около 300 [21, *3*].

Плен. Если китаец попадал в плен, он старался бежать из него и все равно опять вступить в ряды красных партизан или Красной армии.

Бывший красногвардеец Лю Ми-хин Михаил в своем заявлении в партизанскую комиссию Сорокинского района (ныне Краснодонского) писал, что он прослужил с марта по май 1918 г. в 1-м Нежинском отряде, «после чего попал в плен к белым на станции Чертково. В плену был я всего полмесяца, после плена я обратно перешел к красным в городе Баку в 11 армию… Я прослужил до 20 ноября 1920 г.» [18, *2*]. Причем, прослужив какое-то время стрелком в 28 дивизии 11-й армии, увольнялся Лю Ми-хин из войск ВЧК [18, *3*].

Ли Фин-цен, вступивший в феврале 1918 г. в 1-й Нежинский отряд, при попытке отряда прорваться на Воронеж через станцию Чертково попал в числе многих китайцев в плен к белогвардейцам. Был отправлен в Новочеркасск, где 1 месяц провел в тюрьме. Затем он

направлен в шахту № 2 Парамоновского рудника, где проработал 8 месяцев. Вторично вступил в Красную армию в Юзовке и уже до 1921 г. воевал на Украине: Синельниково — Александровск — Мелитополь — Харьков [16, *1*]. Ван Шен-ти, попавший в плен также под Чертково, работал на Шахтинских шахтах, бежал в Харьков, где и вступил вновь в Красную армию в конце 1918 г. [13, *1*].

Командир роты Г. Строков, давая характеристику бойцу Лю Цаю, пишет, что Лю Цай имеет семь ранений. Последний раз ранен под Перекопом. Раненный попал в плен к белым, но все равно спустя три дня бежал к красным [19, *1*].

Бывший забойщик-шахтер Тун Чи-ча в составе 1-го Нежинского отряда в апреле 1918 г. с боями отступил в Донскую область. В бою под станцией Миллерово попал в плен к белым, переправлен в г. Шахты, затем в Новочеркасск. Работал — мел улицы. Вторично вступил в Красную армию в декабре 1919 г. в Синельниково, воевал на Украине и прослужил до 1920 г. [20, *1*].

Бывший боец 1-го Нежинского отряда Чжан Фу-у после того, как отряд разбили под Лихой в апреле 1918 г., а остатки отряда пробивались с боями к ст. Морозовская, принял с другими китайцами решение самостоятельно пробиваться на Кавказ. Цель — вступить именно в Красную армию. Чжан Фу-у пишет: «Пробрался на Кавказ. Вступил в 1-й Китайский Красно Партизанский [орфография оригинала. — Н.К.] отряд, сформированный во Владикавказе. Командир отряда — Пон Чин-ша Михаил. Служил до 1921 г.» [36, *1*]. Так же точно в этот отряд на Кавказе вступил и бывший боец 1-го Нежинского отряда Цу Ци-вей Иван [34, *1*]. Не желая попадать в плен и воевать и работать на белых, также пробрался на Кавказ и китаец Жан Ю Михаил, вступив в китайский партизанский отряд Пон Чин-ша [14, *1*].

Боец 4-го полка 3-го Интернационала Тань Шань в начале 1919 г. попал в плен к белым под украинским селом Церковное [Днепропетровской области. — Н.К.]. Но с тремя товарищами бежал из него, воевал в рядах Красной армии до окончания войны, а демобилизовался в 1923 г. в Каменец-Подольске [24, *2*].

Штурмовая группа 33-го полка 6-й кавалерийской дивизии в 70

км от Варшавы в 1920 г. по недосмотру самих китайцев попала в окружение, а затем в плен. Ночью белополяки отправили их под конвоем в тыл. Здесь шестнадцать красноармейцев были посажены в сарай, сбитый из толстых досок. Ли Фу-цину, уже хлебнувшему горя в лагере для военнопленных и понимавшему немного по-польски, показалось, будто кто-то за стеной сказал: «Отправим их к праотцам!». «Чем ждать смерти, лучше погибнуть во время побега, — предложил бойцам Ли Фу-цин» [180, *202*]. Побег им удался.

Зимой 1919 г. красноармеец 500-го полка 3-го Интернационала Су Чан-жан вместе со своим русским товарищем отстали от полка, поскольку добывали себе продукты в одной из деревень Черниговщины. В деревню вошел отряд белогвардейцев. Вот как повели себя в этой ситуации два товарища — китаец и русский:

«Сняв сумку с плеч, Чан-жан лег в снег и стал стрелять. Его товарищ ***сдался*** (выделено. — Н.К.). Но скоро и Чан попал в плен. За то, что он убил одного белого и двух ранил [,] ему изрядно набили физиономию, отправили в штаб. Там допытывались, расспрашивали: много солдат у «красных», продуктов? На все вопросы Чан отвечал пожатием плеч. Он не хотел выдавать красных, он не господин, он товарищ. В благодарность за ответы, белые отправили Чана в арестный дом с запиской: «в 12 часов ночи расстрелять». В арестном доме он встретился с товарищем, который добровольно сдался в плен». Чан не стал дожидаться расстрела, и, в отличие от своего русского товарища, бежал из плена [149].

Однако следует иметь в виду различие в мотивациях поведения в подобных ситуациях китайцев и местных красноармейцев. В отличие от условий ведения войны с внешним противником, когда русский солдат проявлял бескомпромиссность, мужество и героизм, в условиях внутреннего, гражданского конфликта он, не будучи большевиком, часто надеялся на снисхождение, на положительный для себя результат после переговоров. Поэтому очень часто солдаты противоборствующих сторон при встрече друг с другом сначала вели переговоры, митинговали, выясняли друг у друга, «за что вы воюете?», сравнивали, на чьей стороне численный и военно-технический перевес. А после этого либо принимали решение о том, кто к кому вступает в часть, либо при-

нимали бой, либо мирно расходились каждый своей дорогой «до лучших времен», когда перевес в силе будет для одной из противоборствующих сторон более благоприятный. Китаец же, зная о том, что ничего хорошего его в плену не ждет, всегда, даже в безнадежной ситуации, оказывал сопротивление до последней возможности.

Красноармеец Яо Синь-чэн вспоминал: «Смерти мы не боялись, страшнее был плен. Белогвардейцы люто ненавидели красноармейцев-китайцев. Если китайские бойцы попадали им в руки, с ними зверски расправлялись: отрезали уши, выкалывали глаза, после жестоких пыток их расстреливали. Поэтому мы твердо решили, что если враги обнаружат нас, будем биться до конца» [180, *176—177*]. Вскоре после того, как красноармейские части заняли станцию близ станицы Луганской, несколько крестьянок им сказали, что в просяном поле, сразу же за станционной уборной, уже три дня лежит раненый китаец. Ли Фу-цин с десятком бойцов отправился на поиски и действительно разыскал раненого. «Он лежал в засохшей крови; левый глаз вывалился из глазницы; правое ухо было отрезано; левая нога ниже колена превратилась в огромный нарыв; в ранах кишели черви. Раненый был до того изуродован, что совсем не походил на человека. Увидев своих товарищей, он стал громко плакать и вскоре потерял сознание». «Те же крестьянки рассказали, как казаки схватили человек десять китайских бойцов, среди которых был и этот раненый, и допрашивали их несколько ночей подряд. И, скорее всего потому, что на допросе от него ничего не добились, казаки выкололи ему шашкой левый глаз, а потом потащили в поле на расстрел. После первого выстрела боец упал замертво, но когда казаки ушли, пришел в себя. Очевидно, ухо ему оторвала пуля, когда в него стреляли, а в ногу он был ранен раньше — в бою. Впоследствии крестьянские женщины спрятали его в поле, и он не умер с голоду только потому, что они ежедневно тайком приносили ему пищу» [180, *189*]. Такие описания пыток в плену действительно настраивали китайцев на то, чтобы «биться до конца». Но здесь же надо отметить, что жестокости обращения казаков с пленными красноармейцами-китайцами в свою очередь были порождены адекватными действиями последних в составе карательных и продовольственных отря-

дов в селениях на Юге России, о чем будет говориться в следующей главе. Но относительно случая, описанного Ли Фу цином в станице Луганской, приведем свидетельские показания М. Кузюбердиной о поведении разноплеменного большевистского отряда за несколько месяцев до этого. Она говорила (аудиозапись, архив автора), что вошедшие в станицу красноармейцы (часть местного партизанского отряда и интернациональный батальон Воронежского полка) начали грабежи, насилия и убийства. Ее мать переодела мальчиков-сыновей в девичьи одежды, чтобы сохранить им жизнь. Зашедший к ним в дом с целью отдыха пожилой казак из соседнего хутора, не стал прятаться в уверенности, что таких пожилых людей не тронут. Он ошибся: его вытолкали из избы на снег, избили, отрезали уши, выкололи глаза. Ослепленный и потерявший много крови, он кричал и ползал по льду речушки. Мать М. Кузюбердиной, до этого молчавшая, чтобы не расстреляли детей за службу мужа в Добровольческой армии, но, видя, что пожилой казак уже не жилец, видя, какие муки он переносит, не выдержала, и стала стыдить, а затем просить «извергов» добить его. При этом, надо отметить одну особенность: часто активность в казнях первыми начинали проявлять из числа вошедших красноармейцев **местные** большевики. Так они самоутверждались в собственных глазах и глазах жителей. Но казаки в свою очередь уже мстили всем красноармейцам без различий.

Многочисленные примеры показывают, что китайцы за смерть и пытки своих бойцов также жестоко мстили. Нет смысла приводить их все. Приведем воспоминания Яо Синь-чэна об участии китайцев в боях за освобождение Одессы: «В город вошли части Красной Армии, но не успели они закрепиться, как превосходящие силы белых ночью внезапно начали наступление на Одессу. Части Красной Армии, в составе которых было много китайских бойцов, понеся тяжелые потери, временно оставили город. Китайские красноармейцы, попавшие в плен, были зверски убиты. Их товарищи поклялись отомстить врагу за мученическую гибель своих братьев. Вскоре, несмотря на ожесточенный огонь противника, Красная армия начала решительное контрнаступление на Одессу. В результате упорных боев город был взят, более 70-80 процентов оборонявших его бело-

гвардейцев — уничтожено» [180, *79*]. То есть китайцы в отместку за смерть своих бойцов пленных тоже не пощадили.

Только часть из попавших в плен красноармейцев была направлена на рудники для работы. Архивные документы показывают, что на фронт посылать их боялись, оставлять их в тылу было опасно, поэтому их направляли на принудительные работы. Но на таких пленных была даже очередь. Управляющий Лидиевских рудников Южно-Русского Днепровского общества 10 октября 1919 г. в Кадиевку писал: «...имеем честь сообщить, что вчера председатель Юзовской районной Комиссии лично заявил нижеподписавшемуся, что для н/копей будет отпущено в ближайшие дни вместо просимых 200 человек только 25 пленных красноармейцев» [44, *16*].

Командование Красной армии имело достаточно оснований, чтобы высоко ценить китайских бойцов. При этом хотелось бы отметить одну особенность. Н. Макиавелли в своем труде «Государь» о наемниках заметил: «Наемнические и союзнические войска бесполезны и опасны; никогда не будет ни прочной, ни долговечной та власть, которая опирается на наемное войско, ведь наемники распущены, честолюбивы, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы... Не страсть и не любое другое понуждение удерживает их в бою, а только скудное жалованье, чего, конечно, недостаточно для того, чтобы им захотелось пожертвовать за тебя жизнью. Им весьма по душе служить тебе в мирное время, но стоит начаться войне, как они показывают спину и бегут» [253]. Сколь долговечна власть, установленная на таких штыках, всегда рассудит история. Но вот что при определенных ***мотивах*** поведение легионеров может качественно отличаться от той характеристики, которую дал наемникам Н. Макиавелли, несомненно это доказали китайцы в период Гражданской войны на территории бывшей Российской империи. Учитывая обстоятельства, при которых они оказались на территории чужого государства и поступали на службу в Красную армию, следует иметь в виду их качественное отличие от того понятия о наемниках, о которых писал Н. Макиавелли. Что касается оценки качества местных формирований, то в отдельные периоды войны они были не очень высокими.

Например, Н. Какурин о мотивах вступления в Красную армию русского населения в 1918 г., отмечал: «Под видом добровольцев в Красную армию вступало значительное количество деклассированного элемента, чуждого каких-либо высоких идейных побуждений и политической сознательности и смотревшего на войну как на источник личной выгоды» [161, *19*].

По предложению Л. Троцкого летом 1918 г. при формировании армии использовался классовый признак: это означало не то, что в армию призывались только рабочие и крестьяне, а то, что «буржуа» направлялись в основном в «тыловое ополчение», при этом выдерживался другой принцип — общеобязательной воинской повинности [161, *20*]. По состоянию на 15 сентября 1918 г. численность Красной армии составляла 452 509 человек, не считая тыловых войск и войск вспомогательного назначения, исчисляемых в 95 тыс. чел. (т.е. 18 %) [161, *20*]. А уже осенью 1920 г. воевать на передовой будет только каждый десятый, а остальные (т.е. 90%), пристроившись за хороший и гарантированный паек, будут просто «едоками». Исключение будут составлять только карательные войска, на штыках которых и будет держаться советская власть в тылу.

Таким образом, на протяжении всей Гражданской войны на территории Украины активно воевали китайские бойцы-интернационалисты. Процитированные источники показывают, что советские историки и сами участники Гражданской войны высоко оценивали роль китайских бойцов. При этом отмечались самопожертвование и героизм китайцев непосредственно на передовой. Однако роль китайцев в Гражданской войне только самоотверженностью на переднем крае фронтов не ограничивается. Давайте теперь выйдем за рамки работ советских историков и посмотрим, нет ли чего такого, о чем эти историки умолчали. А если умолчали, то почему?

ГЛАВА 6.
РОЛЬ КИТАЙСКИХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА УКРАИНЕ

Это одна из самых сложных глав для изложения. В ней не ставится цель переписать каким-либо образом историю Гражданской войны с точки зрения участников конфликта. Она была и остается конфликтом достаточно больших масс, прежде всего, русского населения и других народов бывшей Российской империи. Но знакомство с большим количеством источников поставило перед нами задачу заново оценить роль и значение иностранного компонента в определенных этапах и на отдельных территориях в процессе этой войны.

Современный российский автор М. Назаров считает:

«Беспрецедентной особенностью гражданской войны в России было то, что **красными было использовано около 300 000 наемных (платных) бойцов-интернационалистов** (венгров, австрийцев, поляков, чехов, финнов, прибалтийцев, китайцев и др.) из находившихся в России военнопленных. **Эти интернационалисты составили ударное ядро Красной армии — мобильные карательные отряды. На них можно было положиться именно в карательных акциях, так как иностранцы не имели сочувствия к чуждому им населению** [все выделено автором, М. Назаровым. — Н.К.]. Наиболее активной была Латышская дивизия с комиссаром С. Нахимсоном. По советским данным, в 1918 году интернационалисты составляли 19 % Красной армии, в 1920 году, после всеобщей мобилизации — 7,6 %» [254, *199*].

Два уточнения к цитате. Первое. Китайцы, в отличие от австрийцев, немцев, венгров, военнопленными не были. М. Назаров их присовокупил по ошибке. Б. Сенников в одной из публикаций тоже по ошибке определял китайцев как бывших военнопленных, утверждая, что во всех советских учреждениях охрану несли только наемники — «китайцы, мадьяры, австрийцы, немцы и турки, попавшие в плен во время Мировой войны» [259].

Второе. М. Назаров, приводя данные о 19 % состава иностранцев в Красной армии, не указывает источник. А жаль. Поскольку, по мнению советского историка Л. Яковлева, в декабре 1918 г. общая численность Красной армии составляла 1 млн. бойцов. И если весной 1918 г. в ее рядах сражалось несколько тысяч иностранных граждан, то уже осенью их насчитывалось более 50 тысяч человек [170, *96*]. Какие цифры нужно соотнести, чтобы получить 19 %?

На основании этих замечаний можно поставить под сомнение все, что сказал выше М. Назаров об интернационалистах. Но, как отмечалось выше, изучая большой круг источников, задуматься над особой ролью иностранцев нас заставила вдруг открывшаяся относительная «легкость», с которой установилась (победила) советская власть в отдельных, не центральноевропейских, регионах России. Речь идет, в первую очередь, о тех регионах, в которые по счастливой для большевиков случайности ссылались за революционную деятельность и они сами, и направлялись большие массы военнопленных.

Для определения адекватной роли иностранцев на Юге России (включая Украину), в том числе китайцев, необходимо проанализировать в системе координат «количество — качество» социальный состав населения и людские ресурсы участников войны в различных ее этапах и наложить это все на известный фон событий.

Давайте сначала фрагментарно посмотрим на некоторые эти, удаленные от центра России, регионы. Историк и участник Гражданской войны Н. Какурин отмечал, что ***благоприятно*** складывался для советской власти Центральный и Северо-Западный театры, где больше сплоченного пролетариата, а также полупролетариатизированного и малоземельного крестьянства. А «южная часть Центрального театра и северная и северо-восточные части Южного театра давали почти исключительное преобладание крестьянства, в среде которого сказывалось влияние эсеровской идеологии». На Среднем Урале крестьянство различное, поэтому была ***неустойчивая обстановка*** ввиду распространения эсеровской идеологии. Среди казачества на Дону 50% зажиточного, столько же малоземельного элемента, что привело к расслоению. То же на Кубани.

«Население Украины в классовом отношении представляло ту особенность, что рабочий пролетариат, принадлежавший к коренному населению страны, сосредоточивался в крупных городских центрах, а также в районе рудников и шахт (Донбасс); коренное же население страны состояло из крестьянства, весьма разнородного в экономическом отношении...». По переписи 1897 г. 86,5 % составляло сельское население и только 13 % — городское. Среди сельского населения преобладало среднее крестьянство [161, *15*].

Население Сибири и Урала к началу Гражданской войны составляло приблизительно 25 млн. человек. В то же время рабочий класс Урала насчитывал около 350 тысяч человек, 80% которых работали на крупных предприятиях, а в Сибири — 288 тысяч человек, рассредоточенных вдоль Транссибирской магистрали. Таким образом, доля рабочих составляла — 2,55 %. Казачество в Западной Сибири насчитывало 170 тысяч, а в Восточной — 275 тысяч человек [157, *67*]. То есть основное население — середняки и купечество, не имеющее больших мотиваций для развязывания гражданской войны. Земли, которой пообещали большевики, достаточно было всем и до этого. Рабочий класс слаб, связь их с крестьянством Сибири слаба (середняк, кулак). На кого опираться большевикам? Более того, ***на кого опираться в среде рабочих***? В конце 1917 г., например, на 60 золотых приисках Западно-Забайкальского горного округа из 1505 рабочих было 1 207 китайцев, а на каменноугольных копях из 2 337 рабочих — 1 167 китайцев. На 1 января 1918 г. на горных предприятиях Уссурийского округа работало 4 922 китайских и только 532 русских рабочих. Даже в октябре 1922 г. почти на всех предприятиях Приамурской области среди 13 585 рабочих насчитывалось 7 000 китайцев и корейцев [162, *51*].

Далее. На территории Омского, Иркутского и Приамурского военных округов было размещено 257 695 военнопленных [157, *69*]. В Сибирь и на Урал ссылали военнопленных (на 60% — это крестьяне, 20 — 25% — бывшие рабочие) в своем преимуществе не славян, а немцев, австрийцев, как более опасных. Туда же ссылали большое количество революционно настроенных рабочих из числа активистов, работающих на предприятиях центральноевропейской

части России. Раньше их ссылали на фронт, позднее — в Сибирь и другие, отдаленные от центральной части России, местности. Если к ним причислить беженцев из Западного театра военных действий (поляков, русских и др.) и иностранных рабочих (китайцев, корейцев), то количество тех, на кого можно большевикам опереться (потенциальных красноармейцев), существенно увеличится.

Таким образом, при отсутствии революционных местных сил в Сибири сошлись воедино: революционно настроенные ссыльные, ведущие агитацию и пропаганду своих идей; военнопленные; беженцы; иностранные рабочие, желающие улучшить свое положение непосредственно в России в реальном времени. Даже советские историки отмечали, что в условиях начавшегося мятежа чехословацкого корпуса, когда формирование регулярных частей Красной армии только еще начиналось, использование отрядов интернационалистов против бело-чешских мятежников на Урале и в Сибири играло немаловажную роль. Как правило, большинство интернационалистов хорошо владели оружием и имели значительный военный опыт, приобретенный во время империалистической войны [157, *81*]. Однако те же историки отмечали, что и позже, в 1919 г., ***военнопленные и беженцы оставались главным резервом*** для пополнения Красной армии. Они писали: «Несмотря на то, что летом 1919 г. число интернационалистов в армиях Восточного фронта значительно сократилось в связи с расформированием ряда подразделений и ***переброски их бойцов на Украину*** (здесь и далее выделено. — Н.К.) для оказания прямой военной поддержки Венгерской Советской республике, их количество ***быстро пополнялось*** за счет военнопленных и беженцев, вступавших в ряды советских войск ***в районах, освобожденных от белогвардейцев***» [157, *131*].

Такое же положение было и в Туркестане, где к 1917 г. на 9 млн. основного населения (казахи, узбеки, туркмены, киргизы, таджики и др.) приходилось около 300 тысяч отходников из Западного Китая, 60 — 100 тысяч выходцев и отходников из Ирана, свыше 40 тысяч военнопленных, а также около 500 тысяч русских — выходцев из Центральной России, Белоруссии и Украины [157, *164*]. В условиях пассивности местного населения привести к победе ре-

волюцию в Туркестане без активного участия военнопленных, беженцев, иностранных рабочих было бы невозможно. Из тех же китайцев и позднее, в 1920 — 1921 гг., активно формировались различные особые и отдельные части в Ташкенте, а затем перебрасывались в нужные точки [157, *196*]. Как отмечали советские историки, «...участие в защите Советской республики на фронтах Туркестана значительного количества интернационалистов, особенно в начальный период гражданской войны, имело ***существенное значение*** (выделено. — Н.К.)» [157, *207*].

В августе-сентябре 1919 г. на Актюбинском фронте из 7,5 тысяч бойцов Красной армии более 1 тысячи были интернационалисты [157, *195*]. В конце 1918 — начале 1919 гг. на Закаспийском фронте из 6 тысячи красноармейцев всех родов войск было около 1,5 тысяч интернационалистов, включая выходцев из Ирана и Синьцзяна (Западный Китай) [157, *192*]. К середине 1918 г. во всей Туркестанской Красной армии, насчитывавшей 10 — 12 тысяч человек, служило до 2 200 интернационалистов. К сентябрю 1919 г. из 21 — 22 тысяч красноармейцев служило до 3 тысяч иностранцев [157, *207*].

Такое же положение было и на Кавказе. Например, большинство на нефтепромыслах Азербайджана составляли персы: в 1915 г. они составляли 28,9 % от всех занятых в этой отрасли рабочих [158, *30*]. Но вернемся к китайцам.

Цзи Шоу-шань в конце 1917 г. через Красный Крест попал на турецкий фронт. Вместе с другими единомышленниками он решил вступить в революционную армию. Вот как он описывает поиски этой революционной армии: «Сговорились еще с несколькими солдатами и с пожитками за спиной отправились из Тифлиса на север. В пути мы все время пытались выяснить, где находится революционная армия. К нам присоединялись все новые и новые люди. Когда мы добрались до Владикавказа, в нашей группе насчитывалось уже более ста человек. Но нам пока не удавалось разыскать революционную армию. Люди устали и начали отчаиваться... Посовещавшись, мы тут же создали красный партизанский отряд. А в конце марта 1918 г. в схватке с белогвардейцами он получил первое боевое крещение» [180, *35*]. Ли До-цай Владимир в Россию

приехал в 1916 г., работал на Кавказе на железной дороге, там вступил в красногвардейский отряд в ноябре 1917 г. [2-Г, *2, 3*]. Ли Тен-фу работал на железной дороге Северного Кавказа до октября 1917 г., затем переехал в Белозаводск, где в феврале-марте 1918 г. организовали партизанский отряд из 300 человек [4, *4*].

В июне 1918 г. известный революционер Артем [Артем (Ф. Сергеев) — бывший председатель СНК и комиссар народного хозяйства Донецко-Криворожской республики. — Н.К.] выехал из Царицына на Кавказ по вопросам снабжения. Как пишет сопровождавший его Е. Кустолян, «во Владикавказе на вокзале мы встретили отряд тов. Беленковича, состоявший преимущественно из китайцев». И далее: «Обратно [из Армавира. — Н.К.] мы возвращались уже вместе с поездом Шляпникова, который имел при себе отряд в 150 штыков, преимущественно из китайцев» [217, *201*].

«Во Владикавказе, — писал о второй половине 1918 г. Ф. Махарадзе, — красных войск в то время не было вовсе, были только красноармейцы, наполовину вооруженные, имелся также маленький батальон из китайцев, на которых Советская власть и опиралась в первую очередь» [224, *136*]. На съезде во Владикавказе один вахмистр заявил, «что Советская власть держится на китайских штыках» [224, *136*].

К 1 апреля 1919 г. среди частей Каспийско-Кавказского фронта находилось 12 тысяч интернационалистов-красноармейцев [133, *174*].

Совершенно отдельно стоит в этом ряду Крым после февральской революции 1917 г. Как отмечал В. Возгрин, «здесь сторонники планомерных радикально-репрессивных мер были в абсолютном меньшинстве: если эсеров в августе было всего 27 000, а меньшевиков — 7 000, то большевиков — едва 250 человек» [151, *385*].

Пока не будем комментировать эти факты. Но они, согласитесь, свидетельствуют о том, что есть достаточные основания более детально посмотреть и на Украину в целом. Имея в виду при этом, что Украина представляла собой относительно развитый в промышленном отношении регион.

Проанализируем военные события на Украине в 1919 г. Если были успехи Красной армии в этот период, то каков был состав войск?

Как повели себя конкретно при этом местные части и иностранцы? Если были неудачи, кто и как конкретно при этом себя проявил?

На Украине на 24 декабря 1918 г. потенциально числилось 14 085 штыков, 1350 сабель красноармейцев [139, *654*]. 27 декабря 1918 г. решением правительства Украины создана Украинская армия в составе 2 дивизий: Киевского и Харьковского направлений.

Еще до сформирования Украинского фронта в конце 1918 г. в «нейтральной полосе» находились две (1-я и 2-я) Украинские повстанческие дивизии и Кавалерийская бригада. Они состояли из повстанческих отрядов, сведенных в бригады и полки. Лучше была организована 1-я дивизия. В состав этой дивизии входили: бригада Червонного казачества, Таращанский и Богунский полки [148, *11*]. Еще в ноябре 1918 г. В. Ленин поручил особой директивой командиру Богунского полка Н. Щорсу войти в переговоры с восставшими на Украине частями и организовать совместно с ними действия против гайдамаков и гетманских войск [148, *17*]. Формирование армий Украинского фронта происходило, главным образом, путем слияния отдельных более или менее значительных повстанческих отрядов (из доклада штаба Украинского фронта в мае 1919 г.) [148, *6*]. Повстанческие формирования и красноармейские части, переданные Украинскому фронту до марта 1919 г., объединялись не в армии, а в группы войск определенного направления. Харьковское направление создано в середине января 1919 г. В середине февраля 1919 г. в составе группы войск Харьковского направления была сформирована особая группа Донецкого направления, с задачей поддерживать связь с правофланговой группой Южного фронта. Эта группа с 13 февраля 1919 г. передана в состав 13-й армии. В это же время, в середине февраля, создана группа войск Киевского направления. Приказом № 43 от 7 апреля 1919 г. эта группа реорганизована в 1-ю Украинскую советскую армию, а группа войск Харьковского направления — во 2-ю Украинскую советскую армию. 15 апреля 1919 г. войска фронта переформированы в три армии: 1-я армия — штаб в Киеве; 2-я армия — штаб в Екатеринославе; 3-я армия — штаб в Одессе. В начале мая из кадров, выделенных 2-й Украинской Советской армией, была сформирована Крымская ар-

мия. Приказом РВС Украинского фронта № 57 от 8 мая 1919 г. 2-я Украинская армия в полном составе передана в распоряжение командующего Южным фронтом [148, *7*]. Но вернемся к началу похода большевиков на Украину.

При формировании **Украинского фронта** в его состав вошли: бригада 9-й стрелковой дивизии; части 3-го Орловского округа Пограничной охраны, находившиеся в пределах фронта; все наличные партизанские ***украинские*** отряды и части, которые приказано было свести в стрелковую и кавалерийскую дивизии. А теперь расшифруем. По состоянию на 18 января 1919 г. в состав группы войск Харьковского направления входили 2-я Украинская дивизия и две отдельные группы войск Резервной армии: 1-й ***Екатеринштадский*** полк, 1-й Московский ***немецкий*** полк, Казанский ***интернациональный*** отряд, Орловский ***интернациональный*** батальон. К 1 февраля 1919 г. в резерв группы войск Харьковского направления вошли 2-й ***интернациональный*** полк, 1-й Московский ***интернациональный*** полк, Казанские полки, из которых сформирован 15-й полк, включая, кстати, интернационалистов [148, *13*]. Только в резервных войсках насчитывалось 2 637 иностранцев (немцы, поляки, чехи и другие).

Итак, В. Антонов-Овсеенко готовился к походу на Украину. Он всегда подчеркивал, что опирался, прежде всего, на украинские части. Однако еще 24 ноября 1918 г. он как командующий группой войск Курского направления удивительным образом в докладной записке на имя члена РВС Республики С. Аралова требовал себе венгерские части, венгерский кавалерийский полк, интернациональный полк, формируемый в Перми [134, *24 — 25*]. К концу 1918 г. на разных участках фронтов доля интернационалистов, в том числе и китайцев, была весомой. Так, в начале декабря 1918 г. командующий группой войск Курского направления о плане военных операций по освобождению Донбасса в докладной записке главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики писал, что в его подчинение приданы следующие части: отряд Кожевникова до 5 тысяч человек, вооруженный на 1/3; два полка из Московской рабочей дивизии, из 3 тысяч в которой примерно шестая

часть китайцы; четыре продовольственных кавалерийских полка, задача которых добыть хлеб, а не ходить в атаку в первых рядах; бронепоезд; венгерский коммунистический батальон; венгерские конные части; интернационалистические [так в документе. — Н.К.] (венгерские) части, находящиеся в распоряжении военкомов; интернациональный полк из Перми; некоторые части из состава украинских повстанческих дивизий; две батареи из Москвы и один тяжелый дивизион.

Испытывая недостаток в живой силе и будучи не уверенным в том, сколько партизан потенциально смогут поддержать на Украине наступление Красной армии, тем не менее, командование украинским добровольцам в стремлении поехать воевать на Украину отказывает. А от интернациональных частей не отказываются, наоборот, их требуют. В это же время В. Ленин получает от И. Вацетиса телеграмму от украинцев Самарщины с просьбой сформировать из них национальные полки для отправки на Украину. В ответ В. Ленин поручает И. Сталину подготовить отказ, который телеграммой, подписанной В. Лениным и И. Сталиным, был направлен 17 декабря 1918 г. в Самару. В нем говорилось: «Считаем нужным сообщить, в ответ на телеграмму украинцев Самарщины, что ввиду наплыва украинских добровольцев и обилия мобилизованных на самой Украине, не получивших еще вооружения, рабоче-крестьянское правительство Украины не считает нужным производство формирования украинцев в России и отправку их на Украину. Сообщая об этом, предлагаем от имени Совнаркома прекратить отправку украинских частей на Украину» [142, *377*]. Но уже в январе 1919 г. были сформированы и направлены Южному фронту бригада Текнеджанца и бригада интернационалистов [175, *330—331*].

В январе 1919 г., как отмечал В. Антонов-Овсеенко, на Харьковском направлении наступало всего 4 000 бойцов, а на Черниговском — 2 500. Не очень много.

Первоначально Красная армия имела успех, освободила Донбасс, подходила к Киеву. И немаловажную роль в успехах Красной армии сыграли повстанческие отряды Н. Махно в тылу Добровольческой армии. Что можно сказать об «украинском» характере

красных войск, штурмующих Киев? Оценивая положение Киева в январе 1919 г., Н. Полонская-Василенко очень кратко отмечала: «Борьба с большевиками была очень тяжелой; они использовали китайцев, которые с фанатичной твердостью шли в бой. В Киеве возобладала безнадежность» [227, *519*].

О наличии китайцев в рядах Красной армии писали и говорили и многие политические деятели украинской революции. Такие, как В. Чеховский, В. Винниченко, И. Мазепа, Г. Довженко и другие. Но выводы на основании ими приводимых фактов делались далеко не объективные. Приведем ряд цитат из книги И. Мазепы «Украина в огне и буре революции. 1917 — 1921».

Ссылаясь на Н. Какурина и В. Антонова-Овсеенко, И. Мазепа о наступлении красноармейцев на Украину в январе 1919 г. писал, что группа И. Кожевникова (Харьковское направление) включала 6 000 татар. И что В. Антонову-Овсеенко переданы, кроме группы И. Кожевникова, 2 полка ВЧК, 2 продовольственных полка из 8-й армии, интернациональные части, 4-й Кавказский продовольственный полк [здесь и далее перевод с украинского. — Н. К. – 183-А, *105*]. С мнением о наличии татар в Красной армии, идущей в январе 1919 г. на Украину, следует согласиться и добавить следующее. Еще при отступлении из Украины от германских войск в апреле 1918 г. татарские шахтеры, численностью свыше 4 тысяч, первоначально никак не проявляли своего желания вступить в красногвардейские отряды. По показаниям многих командиров красногвардейских отрядов, татар начали привлекать сначала к трудовым десантам. Поскольку донские казаки постоянно разбирали железнодорожное полотно и в момент остановки железнодорожных составов отступавших колонн 5-й и 3-й армий атаковали их, красные командиры начали предлагать татарам помочь красногвардейцам в ремонте путей и мостов. Мотивировали красногвардейцы просто — иначе вас вырежут казаки, вы погибнете вместе с нами. Поэтому татары вынуждены были первоначально числом в несколько десятков, а затем и сотнями выходить из вагонов и помогать сначала в восстановлении железнодорожного полотна, а затем и с оружием в руках помогать красногвардейцам пробиваться на Царицын.

Далее И. Мазепа приводит переписку Директории с Г. Чичериным о наступлении на Украину «московских большевиков». Глава правительства Директории В. Чеховский по телеграфу запросил Г. Чичерина, на каком основании московское войско идет на Украину. Г. Чичерин ответил, что «никаких войск Российской Социалистической Советской Республики на Украине нет. Военная акция на украинской территории проводится между войсками Директории и армией украинского советского правительства, которое является полностью независимым». В ответ на это, передает И. Мазепа, Директория 9 января послала Г. Чичерину ноту, в которой заявила, что «утверждение комиссара иностранных дел о том, что на территорию Украины ***русские*** (выделено. — Н.К.) войска не наступают, по проверенным данным является либо преднамеренным искажением действительности, либо полной неинформированностью комиссара иностранных дел». В ноте также говорилось, что «в районе Харькова оперируют регулярные войска **русской** армии. Состоят они **преимущественно из китайцев, латышей, мадьяр и частично** (здесь и далее выделено. — Н.К.) русских. Это **китайско-латышское войско**, проходя по территории Украинской Республики, опустошает, грабит у крестьян и всего населения все их имущество, укладывает на повозки, грузит на захваченные поезда и отсылает в Россию». На это, как приводит И. Мазепа, Москва ответила, что «среди войск, которые воюют против Директории, нет никаких военных частей Российской Советской Республики» и, в частности, нет «ни китайцев, ни мадьяр, ни латышей». Поскольку продвижение по Украине большевиков продолжалось, Директория 16 января 1919 г. объявила, что она находится с Советской Россией в состоянии войны. А что касается китайцев и мадьяр, о которых И. Мазепа говорил в цитатах выше, то сам он дает такое объяснение этому факту в сноске: «Речь идет здесь, **очевидно**, об упоминаемых татарских отрядах Кожевникова и об интернациональных частях — мадьярские и другие, как мы видели, действительно были в составе войск, наступавших на Украину» [183-А, *106*].

Вот и все объяснение появлению китайцев на Украине — та-

тары, *очевидно*. А ведь И. Мазепа *свидетель, современник* тех событий, которому доверяют последующие поколения украинских историков, потому что он известный политический деятель украинской революции, министр внутренних дел, а затем и глава правительства Директории. И вслед за ним эти историки, полагаясь на свидетельства *очевидца*, будут повторять такие же утверждения, не внося в них никаких корректив, об исключительно русских (московских) частях, пришедших подавить украинскую независимость. Но как говорил Л. Тихомиров («Религиозно-философские основы истории»), сказать: «я видел» — вовсе не значит, что именно таков был объективный факт. Можно подумать, что И. Мазепа говорит на белое черное без каких-либо поправок только потому, что он привел случайное, единичное упоминание об иностранцах и представителях других национальностей, пришедших на Украину. Но ведь это не так. После того как он процитировал переписку Директории с Г. Чичериным, он, не взирая на содержание новых приводимых им цитат, продолжал везде утверждать о завоевании Украины московскими большевиками и русскими. И в дальнейшем уже, приводя цитаты о составе большевистских войск и встречая в них утверждения об иностранцах, И. Мазепа эти сведения никак не комментировал и не вносил в них никаких поправок.

Например, буквально через двадцать страниц, после указанных выше цитат, И. Мазепа в своей книге приводит выступление главы Директории В. Винниченко в январе 1919 г. на Трудовом Конгрессе в Киеве. В. Винниченко говорил:

«...Самое тяжелое для нас то, что нам приходится воевать с Советской Россией. Она посылает против нас **китайцев и латышей** (здесь и далее выделено. — Н.К.). Против нас большевики проводили и проводят контрреволюционную работу...

...Нам они предлагают советы из **латышей и китайцев**, а Трудовой Конгресс называют фальсификацией.

Вот ведомости из Харькова. Там советская власть, но в ней **преимущественно китайцы и латыши**. И эти **китайцы и латыши** несут нам свою «власть» для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно вывозить наше добро на Московщину. В душе рус-

ских большевиков сидит такой же самый империализм, как и в душе Милюкова, Гучкова или **русских** черносотенцев» [183-А, *127*].

В Универсале Трудового Конгресса к Украинскому Народу (Киев, 28 января 1919 г.) также говорилось: «Народ Украинский! Будь на страже своего права! Против тебя воюют не только империалистические контрреволюционные враги, но и ты видишь, как Советская Россия, которая не по праву называет себя социалистической, тоже посылает своих наемников — **китайцев и латышей** (выделено. — Н.К.) против твоей независимости» [183-Б, *278*].

То же самое и в это же время говорил В. Чеховский на шестом съезде УСДРП, утверждая, что «власть в центре и на местах должна принадлежать трудовому народу. Нам не по дороге ни с Антантой, ни с империалистической «всемирной революцией» на штыках **китайцев**» [183-А, *115 –116*].

И. Мазепа никак не комментирует наличие китайцев и латышей как преимущественной, главной составляющей силы в рядах Красной армии (здесь речь не идет об украинских партизанских частях, составлявших большую часть войск Украинского фронта). Спустя время, он приводит мнения украинских политиков о том, что войска Директории, отступившие из Киева, не хотят сражаться с большевиками, поскольку их войска, как и большевистские, состоят из местных украинских крестьян. Что красноармейцы на Украинском фронте, преимущественно, украинские, черниговские и харьковские, а русские части сосредоточены на Южном фронте. Приводит он мнения политиков и военных, неоднократно высказанные на совещаниях у С. Петлюры, что большевики не имеют достаточно надежных украинских войск, а потому постоянно перебрасывают с одного участка фронта на другой какие-то надежные мифические части. Но о присутствии русских в надежных большевистских войсках нет ни слова в этих мнениях. Не обращая на это внимания, И. Мазепа продолжает говорить «об оккупационном русском режиме на Украине» [183-А, *174*], объясняя неуспехи «украинского дела» отсутствием «настоящих украинцев» на Украине. И приводит как бы в подтверждение своих утверждений «об оккупационном русском режиме» доклад прибывшего в середине мар-

та 1919 г. из Киева в Проскуров социал-демократа М. Драгомирецкого. И. Мазепа пересказывает его доклад о положении дел на Украине так:

«Он [Драгомирецкий. — Н.К.] утверждал, что положение **русских** (здесь и далее выделено. — Н.К.) большевиков на Украине очень сложное и что недовольство их режимом усиливается…

После оставления Директорией Киева в город вступил небольшой отряд, около 1 000 человек. Это было не войско, а банда. Начались непорядки. Была большая угроза погрома. Тогда вызвали **китайцев, которые являются наилучшими войсками**. После боя между ними и остальными войсками было свыше 80 человек расстреляно, в большинстве богунцев и таращанцев, оставшихся отправили на фронт. **Украинские войска настроены против Директории**. Говорят: сначала уничтожим Директорию, а потом расправимся с большевистскими комиссарами…

На Украине большевики имеют всего 25 тысяч войска. Из них ***меньше половины*** русских, в том числе свыше 5 тысяч ***китайцев***…» [183-А, *176*].

И. Мазепа никак не комментирует эти цифры. Он не задумывается над тем, что они не корреспондируются с его утверждениями о пришедших на Украину **русских** большевиках. Более того, они этому противоречат. Если из 25 тысяч взять меньшую половину, то выходит, что, за вычетом 5 тысяч китайцев и 6 тысяч татар, на долю венгров, латышей и русских комиссаров приходится не более 1,5 тыс. бойцов. И сколько из них русских? Тех русских, которые под угрозой красного террора латышей и китайцев, заложничества семей русских офицеров вынуждены вести свои полки и батальоны всюду, куда приказывали В. Ленин и Л. Троцкий, опять же опираясь на заградительные, карательные и другие войска ВОХР. И куда отнести иностранцев из Екатеринштадского полка Фуке, 1-го Московского немецкого полка, Орловского интернационального батальона Франца Монде и Казанского интернационального отряда (всего, как уже говорилось ранее, 2 637 человек), не говоря уже о других интернациональных и перечисленных выше венгерских частях?

Далее И. Мазепа приводит информацию, с которой выступил 5 апреля 1919 г. на совещании членов Директории и представителей различных украинских партий в Ровно уполномоченный социал-демократ Ю. Чубук. О красных войсках он сказал, что в «Жмеринке стоят большевистские части **преимущественно из китайцев и латышей** (выделено. — Н.К.) и что после ликвидации нашего юго-западного фронта главные силы большевиков брошены на Бердичев» [183-А, *212*].

Но И. Мазепа прав в том, что режим большевиков действительно с каждым днем своего пребывания терял поддержку в массах. Давайте рассмотрим этот аспект подробнее.

С занятием Киева и продвижением на юг и запад вдруг выяснилось, что кроме красных партизан, количество которых потенциально оценивалось в 14 тысяч штыков, пополнять ряды Красной армии никто не желает. Сразу все заговорили о дезертирстве и ненадежности частей.

1919 год ознаменовался тем, что крестьянство Украины не желало воевать за коммунистов. Чем было недовольно население?

6 марта 1919 г. на второй день работы 3-го Всеукраинского съезда Советов в Гуляй-Поле собрался съезд Военно-Революционного Совета повстанцев-махновцев. На нем делегаты высказали свое недовольство проводимой Временным Украинским правительством аграрной политикой, системой избрания делегатов на 3-й Всеукраинский съезд Советов (из 1719 делегатов избрано 1435 коммунистов и им сочувствующих, что не отвечало реальному политическому спектру партий на Украине), притеснениями других партий, действиями ЧК и ее особых отрядов в тылах, закрытием газет и других способов информации левых партий, отбиранием хлеба продармией, состоянием фронта, системой снабжения войск и прочее. Продработники осуществляли жестокие поборы в деревнях, а к тем, кто выражал недовольство, применяли репрессии. Крестьянство в соответствии с Декретом о земле уже поделило земли и инвентарь бывших крупных, с их точки зрения, землевладельцев. И вдруг теперь это нужно вернуть и вступить в коммуны. Неприемлемы для крестьянства и были мотивы, по которым сель-

скохозяйственная техника и инвентарь передавались, прежде всего, в коммуны. Положение рабочих с занятием Украины Красной армией не улучшилось, если не ухудшилось. 3 апреля 1919 г. председатель Донецкого губисполкома в секретариат ЦК РКП писал:

«На заводах положение прямо безвыходное. Прежние гетманские ставки малы, жизнь вздорожала невероятно. Новых ставок еще не платят; ввиду отсутствия денежных знаков не платят жалования рабочим, не дают пищи больным в больницах, не платят жалования медицинскому персоналу, который бежит. А в то же время поднимают производительность труда до уровня 1913 г., увеличивая за февраль или март производительность труда по сравнению с ноябрем 1918 г. в десять (10) раз! При этом не то что премий не платят, а вообще не платят за абсолютным отсутствием денежных знаков...

Общее положение Екатеринославской губернии печально во всех отношениях. Острый продовольственный кризис. Безработица и большая смертность среди голодных рабочих. Заводы стоят. Рабочие, ожидавшие, что Советская власть пустит заводы, сильно недовольны. Среди рабочих усиленно ведется антисемитская агитация. Общеполитический уровень сознания рабочих — низкий. Среди населения (обывателей), благодаря провокационным слухам, царит недоверчивое отношение к Советской власти.

Анархо-антисемитская агитация разлагает части гарнизона... Даже 80-й полк 9-й дивизии, прибывший из России, разложился. Части мародерствуют, расхищают народное достояние» [134, *297—299*].

Возникает вопрос, если на фоне дезертирства ситуация усугубляется еще моральным разложением частей, то кто заменит дезертиров (первое) и кто остановит бегущие от противника в боях деморализованные части (второе)?

Вот как командующий 2-й армией в своем докладе командующему Украинским фронтом писал в апреле 1919 г. о той же 9-й дивизии (а выше уже отмечалось, что в состав Украинского фронта наряду с украинскими партизанскими частями и интернациональными вошла в январе 1919 г. и эта дивизия из России): «Волноваха взята противником. Мариуполь отрезан. Прорыв расширяет-

ся... Вся серьезность положения в том, что части 9-й дивизии панически бегут... Некоторые эшелоны этих частей добежали уже до Полог. Чтобы ***задерживать*** (здесь и далее выделено. — Н.К.) в Пологах и ***для приведения их в порядок***, высылаю в Пологи мой ***последний резерв — батальон интернационалистов*** под руководством Тимошенко» [191, *144*]. А. Шкуро, сбив дивизию Н. Махно, сделал прорыв у Волновахи, и 21 мая А. Скачко сообщал: «Волновахский прорыв собственными силами армии не только не может быть ликвидирован, но не представляется возможным приостановить развивающийся успех противника... В резерве 2-й армии лишь 2-й ***интернациональный*** полк (400 шт.)» [175, *304*].

Что понимается под процессом «задерживать», советская историческая наука особо не объясняла. Все закрывалось описанием особой роли «комиссарского слова». Но простым призывом «остановиться!» к объятым массовым психозом бегущим войскам, к тому же систематически разложенным и не подкрепленным существенными мотивациями, очень проблематично. Как, впрочем, не объяснялся процесс «приведения их в порядок». Но для этого и создавались карательные и заградительные отряды, а также вводилась практика полковых трибуналов.

Все чаще интернациональные части как надежный последний резерв перебрасываются на проблемные участки фронтов. В марте 1919 г. во время обороны Донбасса В. Антонов-Овсеенко в докладной Главкому писал: «10 марта 1919 г. 21 час. Положение для меня было и есть вполне ясное. Южфронту мы передали до 10 тысяч штыков, 10 орудий, два бронепоезда, в резерве у меня ни одной сформированной части нет... Глаголев просит подкрепить Киев, куда переходит правительство. Румыны и греки усиленно прибывают в Одессу, пока могу лишь послать два полка интернационалистов — 3400 штыков... Екатеринштадцы уже двинуты, 2-й коминтернациональный полк идет через два дня» [191, *94*].

Сложившаяся тяжелая ситуация в апреле 1919 г. на участке обороны Донбасса потребовала уже переброски туда частей с Украинского фронта, в том числе интербригады численностью 5 — 6 тысяч штыков. Но в то же время при нехватке личного соста-

ва только из состава 8-й и 9-й армий выделено на подавление восстаний 16,5 тысяч штыков и сабель, так необходимых для обороны Донбасса [191, *146, 152*]. Жесткие меры подавления восстания казаков на Дону только подогревали ненависть к большевистским карательным войскам. Вот какие меры вводил своим приказом член РВС 8-й армии И. Якир: «полное уничтожение всех поднявших восстание, расстрел на месте всех имеющих оружие и даже процентное уничтожение мужского населения. Никаких переговоров с восставшими быть не должно» [191, *152*].

Директива ЦК РКП(б) от 29 января 1919 г., подписанная Я. Свердловым и Л. Троцким, предписывала «провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью», «конфисковать хлеб и заставить ссыпать излишки в указанные пункты», «выдавать оружие только надежным элементам из иногородних», «Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли». Для исполнения этой директивы Донбюро при ЦК РКП(б) предписывало: «во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить их, как заложников, в районный революционный трибунал»; «при опубликовании о сдаче оружия объявить, что в случае обнаружения по истечении указанного срока у кого-либо оружия, будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников»; «составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков, то же относится и к кулакам, всякого без исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где ***должна быть применена высшая мера наказания*** (выделено. — Н.К.)» [цит. по: 191, *114*]. Руководитель Донбюро С. Сырцов предревкому станицы Вешенской указывал: «За каждого убитого красноармейца и члена ревкома расстреливайте сотню казаков. Приготовьте этапные пути для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск

и другие места всего мужского населения в возрасте от 18 до 55 лет включительно. Караульным командам приказать за каждого сбежавшего расстреливать пятерых, обязав круговой порукой казаков, следить друг за другом» [цит. по: 191, *114*].

Такие приказания провести в жизнь, а затем и подавить восстание донских казаков, могли только самые ***стойкие***, самые ***надежные*** части. По убеждению Л. Троцкого, таких частей в крестьянской армии соседней Украины, которая уже выделила свыше 10 тысяч бойцов, не было. Но Л. Троцкого корректировал В. Ленин. Именно он, отстаивая в свое время единство Донбасса в составе Украины, возлагал надежды на рабочий класс Донбасса и интернациональные части, находящиеся на территории Украины. Поэтому 20 апреля 1919 г. он в телеграмме Г. Сокольникову писал: «Я крайне обеспокоен замедлением операции против Донецкого Бассейна и Ростова. Ускорение необходимо, но, конечно, лишь ***с серьезными силами*** (здесь и далее выделено. — Н.К.). Выработайте практические директивы для этой цели, и мы проведем через Цека ***для украинцев***, а равно для наших. Верх безобразия, что ***подавление восстания*** казаков затянулось» [142, *283*]. 24 апреля В. Ленин тому же Г. Сокольникову телеграфировал: «Во что бы то ни стало надо быстро ликвидировать, и до конца восстание. От Цека послан Белобродов. Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгости, но если Вы абсолютно уверены, что ***нет силы для свирепой и беспощадной расправы*** (выделено. — Н.К.), то телеграфируйте немедленно и подробно» [142, *289 — 290*]. В это же время В. Ленин телеграфировал на Украину X. Раковскому, В. Антонову-Овсеенко, Н. Подвойскому, Л. Каменеву: «Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков и взять Ростов, хотя бы ценой временного ослабления на западе Украины, ибо иначе грозит гибель» [142, *290*].

В итоге, всего Укрфронт передал Южфронту 35 пехотных полков, 5 кавалерийских полков, до 50 000 штыков и 4 000 сабель. В. Антонов-Овсеенко утверждал, что «взамен не получили ни одной сформированной части» [175, *331*]. В то время как «московские большевики» и «русские войска», по убеждению И. Мазепы,

завоевывали Украину, многие выходцы из Украины подавляли восстание донских казаков и покоряли Донскую область.

Выходцы из Украины, входившие в число иногородних, также явились наряду с малоземельным казачеством основным источником пополнения Красной армии на Дону в этот период. Казаки, желавшие перейти на сторону Красной армии, в письме красноармейцам еще в сентябре 1918 г. писали:

«... мы вас просим убедительно принять к себе в армию и просим вас — наступать больше ночью, тогда иногородние, т.е. хохлы будут оставаться у вас, будут отставать от кадетских банд, а то днем невозможно» [141, *284*].

Однако надежных частей в рассматриваемый период не хватало и на Украине. Когда в марте 1919 г. кто-то сообщил в штаб Заднепровской дивизии в Александровск, что на них движутся повстанческие отряды Н. Махно, хотя это не соответствовало действительности, штаб Харьковской группы охватила паника. А. Скачко в телеграмме от 26 марта 1919 г. требовал из Харькова немедленной помощи, ссылаясь на то, что все резервы на фронте. Он писал: «Сейчас в Александровск выезжает член Реввоенсовета Тищенко с политработниками и ротой ***интернационалистов***.. (здесь и далее выделено. — Н.К.). Надо принимать экстренные меры. Под угрозой оказывается левый фланг моей группы и правый фланг Донецкого Бассейна. ***На подавление восстания необходимо посылать только русские или интернациональные части. Местные войска для этого не годятся***. Прошу принять меры к самой экстренной высылке в Александровск ***надежной*** части...» [175, *98*]. А из русских была только 9-я дивизия, да и то уже разложенная, державшаяся на последнем резерве — 8-ом интернациональном полку, включая батальон китайцев. Так кто же тогда подпадал под понятие «надежных» войск?

Когда части А. Деникина теснили войска Н. Махно, Л. Троцкий 12 апреля в своем выступлении перед красными матросами обнадеживал: «На Украине победы. На Донском, Красновском фронтах все благополучно. Остатки деникинских банд окружены железным кольцом... Деникин и остатки Краснова прижаты к Кас-

пийскому морю. В ближайшую неделю наши красные войска закончат дело на этом фронте» [191, *50*]. Но это дела были хороши не везде и только до апреля 1919 г.

О неподчинении войск (начало апреля 1919 г.) сообщалось: «...вновь сформированный полк в городе Екатеринославе, дойдя до города Александровска, отказался идти на Волноваху, требуя, угрожая оружием, отправки в Мелитополь, куда один эшелон уже прошел, остальные же задержаны в г. Александровске. Туда выезжает для восстановления порядка Тищенко» [175, *53*]. Порядок как будто бы с этим полком удалось восстановить. Но возникает вопрос, единичный ли это случай в это время, и не появлялись ли для восстановления порядка такие же Тищенко во главе последних «интернациональных резервов» для других полков? Как отмечалось выше, 12 апреля такая же ситуация произошла с 9-й дивизией. Командарм 2-й по этому поводу с обреченностью докладывал: «все части 9-й дивизии... не представляют никакой боевой силы»; «нужна экстренная поддержка надежными украинскими частями...»; «Без подкрепления от фронта, состоящих из надежных украинских частей, мне восстановить положение нечем. *Скачко*» [175, *54*].

Но переброска новых надежных украинских частей была проблематичной. 18 апреля комендант станции Знаменка сообщал, что 5-й Кавалерийский полк на его станции устроил митинг, где обсуждалось — куда ехать: в Полтаву ли, где остались семьи красноармейцев, или в Екатеринослав. После настояний коменданта решили ехать в Екатеринослав, но послать делегацию в Полтаву. На просьбы А. Скачко дать надежные части В. Антонов-Овсеенко отвечал: «Сейчас идет упорный бой у Шепетовки и Тирасполя и упорная борьба с кулацкими восстаниями ***повсеместно*** (здесь и далее выделено. — Н.К.). Кроме того, ***более половины сил — местные формирования, которые рассыпаются при переброске***» [175, *60*].

В результате оборона Донбасса была сорвана. 5 мая 1919 г. В. Ленин дал от имени ЦК РКП(б) телеграмму в Киев В. Антонову-Овсеенко и Н. Подвойскому об объявлении им выговора за невыполнение указаний ЦК о мерах по освобождению Донбасса [136, *159*].

28 мая 1919 г. в директиве ЦК РКП(б), подписанной В. Лениным, Н. Крестинским и Л. Каменевым указывалось: «Сосредоточить все силы на Донбассе, снять с Западного фронта все возможное, сократив до минимума все активные действия на Вашем Западном фронте...» [136, *164*].

Когда по приказу Главкома разбросанную по Киевщине и Подолью 2-ю Украинскую дивизию решили перебросить в Донбасс, политком дивизии И. Минц 8 мая 1919 г. докладывал:

«Полки устали. Полки утомлены. Они все чаще и чаще начинают отказываться выступать на фронт, все чаще слышны ропот и все легче контрреволюции развивать свою деятельность. Надо их остановить. Мы сами подготовляем себе падение, заставляя идти части вперед. А, пополняя их наспех бывшими петлюровцами, мы подготовляем момент, когда придется с оружием в руках разоружать свои же части» [175, *186*].

Не лучшим образом выглядел и командный состав. В этот период С. Минин, член РВС Южного фронта, выступая в марте 1919 г. на заседании Военной комиссии в рамках 8-го съезда РКП, возмущался, что на Южный фронт поступают дивизии с командным составом низкого качества. При сдаче, например, Железной дивизии «оказывается, что большая часть командного состава целиком взята из нижегородской тюрьмы» [144, *154*]. Выступавшая после С. Минина начальник политотдела 8-й армии Р. Землячка [Р. Землячка (Самойлова) с 1 июля 1919 г. — начальник политотдела 8-й армии, с октября 1919 г. — 13-й армии. — Н.К.] то же сказала и о комиссарах: «К нам присылают преступный элемент. Я настаиваю на том, чтобы к нам таких комиссаров не присылали, ибо они делают величайшее зло, приносят колоссальный вред» [144, *155*].

Надо понимать так, что в отличие от Донбасса и Екатеринославщины, вокруг Киева были сосредоточены исключительно надежные украинские части.

Однако ненадежность частей здесь весной 1919 г. также выражалась в самой разнообразной форме. Например, в этот период Н. Щорс командованию сообщал, что командиру Таращанского полка В. Боженко кто-то донес, что в Киеве убита «чекой» его жена.

Боженко грозил разобраться с ЧК и двинуть походом с фронта из-под Новгород-Волынского (!) свой полк на Киев. С трудом, по словам В. Антонова-Овсеенко, удалось В. Затонскому утихомирить «разбушевавшегося батько» [175, *163*].

В конце апреля — мае в других полках происходило следующее (по данным командукра В. Антонова-Овсеенко):

4-й Нежинский полк — бойцы учинили в Казатине еврейский погром и избили железнодорожных служащих; 2-й Таращанский полк лихорадило ввиду провокации против «батько Боженко»; 6-й полк в середине апреля устроил погром в окрестностях Белой Церкви; в 3-м батальоне Осинского из 8-го полка развилась анархия и антисемитские настроения, Осинский бежал; 10-й полк в начале апреля после расстрела его командира «почти развалился»; 14-й Миргородский полк в бою под Шепетовкой перешел на сторону противника и ударил в тыл своему же красному 5-му полку, «спасая этим предательством петлюровцев от окончательного разгрома»; «мало надежны, — отмечал В. Антонов-Овсеенко, — были 1-й и 5-й кавалерийские полки»; «В пограничной дивизии — неблагополучно: 11-й полк «разлагается под влиянием влившихся пополнений» (ахтырский батальон), настроения в 12-м пограничном полку «неблагоприятны» [175, *262*]; «Открытые антисоветские действия 20-го полка: в Радомысльском уезде, по распоряжению комполка Дробенко, арестован ревком м. Иваноков и командир Черниговской роты; в полку много бандитов, перешедших от Струка. Полк впоследствии пришлось расформировать»; сразу же после подавления восстания Григорьева из-за личных обид командира 1-го полка Гребенко и комбрига Крючковского снялся с позиций 1-й кавалерийский полк в составе 950 сабель, «остальные два полка — 2-й и 3-й — недееспособны: в обоих — 160 сабель»; была заминка с 1-м полком Червонного казачества во второй половине мая 1919 г.: полтора года полк доблестно сражался на фронтах, но по прибытии из Киева в Кременчуг отказался грузиться для отправки на защиту Донбасса, запросил отдыха [175, *264*]. Основой брожения в нем явилось недовольство эскадрона из мадьяр, требовавших отправки против румын [175, *267*]. 9-й полк «доставил

много хлопот» и «для прочистки был вызван в Киев». В конце апреля полк требовал денег на жалованис и обмундирование, иначе в бой не пойдет. Затем на ст. Тетерев бойцы полка грабили, избивали пассажиров, убили нескольких евреев. В Киеве они срывали красную звезду с проходящих красноармейцев, агитировали среди бойцов 2-го полка Особого назначения (!) и 30-го полка; провели всефронтовой съезд для обсуждения вопросов «борьбы с чрезвычайкой и еврейским засильем»; состав его — 2 298 человек — преимущественно из Курской и Харьковской губерний [175, *268, 269*]. А 9 июня полк пришел к закономерному финалу — под оружием верных частей, в том числе Киевского гарнизона, он разоружен, произведены аресты, личный состав полка взят под охрану 1-го полка Особого назначения [175, *270*].

«Антисемитское и противочекистское настроение разлилось широко, — писал командующий Украинским фронтом. — На бронепоезде «Гром» в отсутствие командира (т. Алексанкина) — некоторое волнение. Интернациональный полк вдруг замитинговал, под призрачной угрозой какой-то незначительной банды отступил из Мироновки, послал делегацию к Х. Раковскому, требуя отвода в тыл на доформирование. В 22-м полку (у Бердичева) неблагополучно: 9 мая разгромил ЧК и выпустил заключенных. Один (из 9) эшелонов 5-го полка произвел грабежи на ст. Фастов». «Некоторое разложение наблюдается даже в частях и органах ЧК. 14 мая нами арестован и расстрелян председатель ЧК в Фастове. 15 мая в Белой Церкви нами арестована часть сотрудников ЧК, остальные разбежались» [175, *266*].

Теперь об интернационалистах. Здесь следует сразу сказать все, что касается «недоразумений» с интернационалистами, чтобы разобраться, о каких интернационалистах речь, в каком объеме и каковы причины их недовольства украинским командованием. Итак.

«Много неладного — об интернациональном полку (Фекете), как впрочем, о всех интернациональных частях. Здесь действовал особый мотив; части эти были сформированы из румын и мадьяров для похода в помощь Венгрии. И когда их направили на наш внутренний фронт, возникли крайнее разочарование и острое недовольство.

Вместе с тем участие интернациональных частей в подавлении кулацких восстаний на Украине крайне будоражило население, разжигая шовинизм. К этому прибавлялся избыток революционной энергии таких командиров, как т. Фекете.

То издаст приказ, грозящий расстрелом на месте, без суда, за обнаруженное оружие и уничтожением сел за сокрытие бандитов. То отдаст советским властям Винницы следующий ультиматум:

<….>Объявляю ультиматум Исполкому, Губвоенкому, Чрезвычайной комиссии и Городской советской милиции в самое короткое время принять меры к пресечению в корне преступной спекуляции и взвинчивания цен.

За неисполнение моего приказа виновные будут привлекаться к Военно-революционному трибуналу по всем строгостям осадного положения, а лица, занимающие ответственные должности, будут расстреливаться без суда и следствия. Начальник боевого Винницкого участка *Фекете*» [175, *263*].

Л. Фекете — такая же своевольная личность, как и М. Муравьев. Следует добавить, что первоначально предложил использовать венгров для поддержки революции в самой Венгрии Л. Гавро. Он, находясь в Астрахани, предложил в письме в РВСР путем обмена военнопленными заслать из России в Венгрию готовый экспедиционный корпус из революционно настроенных военнопленных венгров. Проект отклонили, но усовершенствовали. Решено было аккумулировать в Киеве венгров и румын, сформировать из них дивизии, а затем с оружием в руках направить через Румынию в Венгрию. Так венгры в большом количестве и оказались в Киеве. Но восстание Н. Григорьева в этом плане оказалось непреодолимым препятствием. Зато привело в ряды Красной армии свыше 80 тысяч венгров во всей России. Изначальный материал для этого был: около 600 тысяч военнопленных венгров. 80 тысяч бойцов (часть из которых сконцентрирована на Украине) по всей России — большая цифра. Это столько же, сколько в мае 1919 г. было сосредоточено на Украине красноармейских войск для подавления восстаний.

Далее. Разложение частей продолжилось и летом. Заведую-

щий военным отделом уездпарткома г. Проскурова 3 июня 1919 г. сообщал: «Красноармейцы 1-го Чигиринского полка дезертировали, и когда начальник 1-го Интернационального полка т. Фекете хотел их остановить, то был 1-м Чигиринским полком обезоружен и арестован; кроме того, они убили 20 мадьяр из 1-го Интернационального полка, тогда последний отказался выступать на фронт» [175, *295*]. Направленный из Жмеринки в Проскуровском направлении для поддержки командира бригады Шмидта Полтавский интернациональный полк (1 000 шт., 7 пулеметов) отказался выступать. Пришлось направить в Жмеринку из Киева 2-й полк Особого назначения (9 июня). Командарм 1-й сообщил 9 июня, что за невыполнение боевых приказов снят и предан суду командир Киевского интернационального полка Тардин [175, *296*].

В. Антонов-Овсеенко отмечал, что «брожения в наших частях не удивительны, скорее удивительно то, что они в большинстве случаев не были особенно заострены и что мы с ними справились... голой агитацией» [175, *270*]. Так ли? И какова здесь заслуга надежных особых частей, обеспечивших это «незаострение»? И с какой целью В. Антонов-Овсеенко и Н. Подвойский «договорились о создании в Киеве центра для поочередной прочистки частей, отзываемых с Укрфронта на Южный фронт»? [175, *317*]. То есть тех частей, которые направлялись на защиту Донбасса и для выполнения важных задач по подавлению восстаний на Востоке Украины и в Донской области против казаков.

Что не устраивало красноармейцев в самой Красной армии в этот период на Украине? Давайте посмотрим на состояние армии.

Снабжение. Первоначально основным источником снабжения Красной армии являлись склады имущества царской армии. Когда они начали иссякать, Красной армии пришлось рассчитывать на случайные источники пополнения, так как производительность собственной военной промышленности была еще слаба. В докладе из 1-й армии В. Антонову-Овсеенко весной 1919 г. говорилось, что «армия находилась фактически на «подножном корму». По селам посылали заготовителей — ничего из Таращанского, Сквирского, Уманского уездов не привезли: крестьяне без денег не дают. Де-

нег на закупку нет. Отсюда самочинные реквизиции проводятся без оплаты деньгами, а крестьяне недовольны. Из 1-й армии пишут: «прошу экстренных и решительных мероприятий и указать, откуда получить требуемые продукты. Категорически указываю, что положение серьезное, последствия могут быть печальными», — гласила телеграмма [175, *138*].

Киевский окружной военный комиссариат получил от Наркомпрода за период с 12 марта по 1 июня лишь 1,64 % своей потребности (заявки) в муке, около 6 % крупы, 3 % мяса, 0,1 % лука, около 5 % картофеля, 2 % жиров, куль перцу, 0,6 % чаю, 0,11 % табаку, 2 % овса, 3 % сена и 0,2 % соломы [175, *139*].

Что касается предметов обмундирования, то благополучно было лишь с теплыми вещами. Но В. Антонов-Овсеенко, говоря о снабжении товарами, подчеркивал, что «эти выдачи и заготовки поглощались, прежде всего, «тыловиками» (учрежденцами, караульными частями, формированиями Наркомвоен). Фронт же чрезвычайно страдал от недостатка вещевого снабжения» [175, *140*]. Он же в рапорте Наркомвоен 17 апреля 1919 г. сообщал: «Армия: 1) еще на подножном корму, 2) слаба командным составом, 3) слаба политическими работниками, 4) слаба техникой, 5) плохо, плохо снабжена и 6) лошади дохнут с недоеда. Это факт» [175, *143*].

15 апреля 1919 г. начснабфронта о состоянии снабжения армий Укрфронта писал: «До настоящего времени органы снабжения Украины и России войскам фронта ничего не давали. Люди кормятся тем, что возьмут от жителей» [175, *144*].

О денежном снабжении. «Фактическое открытие кредитов производится финансовым отделом Реввоенсовета РСФСР, — отмечал В. Антонов-Овсеенко. — Назначаемые кредиты обеспечили бы вполне финансовую потребность армий Украинского фронта, если бы казначейство и банки Украины имели в наличии достаточный запас денежных знаков, главным образом малой ценности — разменных кредиток. Денежных знаков в казначействах и банках Украины нет, и переводы кредитов не реализуются. Войска терпят недостаток даже в денежном довольствии» [175, *144*]. Как влияло безденежье на состояние войск в рассматриваемый период? Ко-

нечно же, негативно. Инспекция политотдела РВС о 1-й армии весной 1919 г. В. Антонову-Овсеенко докладывала: «Убедившись в критическом положении финансов армии, мы вчера точно телеграфировали вам просьбу о высылке 25 000 000 рублей, ввиду того, что красноармейцы не получали жалование за февраль и март и отсутствуют продукты, на почве чего в частях беспрерывно происходят волнения» [175, *271*]. В городах такие части даже арестовывали ЧК, забирали себе все, что было из денег и обмундирования, и даже умудрялись после такого грабежа оставить вместо всего унесенного официальную расписку, как это сделал 22-й полк в Бердичеве [175, *271*].

Санитарное снабжение. По оценке командующего Украинским фронтом, «ощущается острый недостаток медицинского персонала, санитарного имущества, интендантского и медицинского заготовления. Эвакуационный аппарат совершенно еще не налажен» [175, *145*].

Конечно, при таком состоянии армии и неутешительных вестях из деревни о проводимой там грабительской земельной и продовольственной политике, мотивы неподчинений, анархии, дезертирства красноармейцев становятся более чем убедительными.

Но В. Антонов-Овсеенко, идя походом на Украину, надеялся не только на партизанские отряды, но и на пополнения армии путем мобилизации. Он был крайне недоволен, как выполнялись планы формирований и поставок по линии военного наркома Украины. По плану командующего фронтом должно быть 8 000 командиров и 216 000 красноармейцев на Украине, а фактически к 1 июля 1919 г. было 4 000 командиров и 89 200 красноармейцев. Наркомвоен планировал в начале 1919 г. мобилизовать по своей линии — 8 000 командиров и 241 000 бойцов, фактически к 1 мая имелось — 3 000 командиров и 45 000 бойцов [175, *132*]. Таким образом, некомплект всего на фронте и в тылу составил к 1 июня 7 000 комсостава и 280 000 красноармейцев [175, *133*].

Решили провести в семи уездах Харьковской губернии призыв молодежи 1896 — 1897 годов рождения. Назначенный на 15 марта 1919 г. в течение 5 дней призыв не состоялся: не явился ни один

призывник, поэтому продлили до 1 апреля. Во вторую очередь провели повторный призыв в Харьковской губернии 1896 — 1899 годов рождения, а также в пяти уездах Полтавской губернии, г. Екатеринославе и Новомосковском уезде Екатеринославской губернии, Черниговской губернии и г. Киеве. В Киеве по этому призыву состояло на учете 13 049 призывников, явилось — 4 839 (37 %), принято в войска 2 796, что составляет 22 % состоящих на учете и около 58 % явившихся на призыв. В Черниговской губернии «ввиду отсутствия продовольствия, необходимого для обеспечения призываемых», призыв был отложен и до 1 июня не был осуществлен. В Подольской губернии «по политическим обстоятельствам и за недостатком продовольствия и фуража производить мобилизацию было невозможно». Также и в Волынской губернии, где политическая комиссия «не считает возможным произвести призывы впредь до окончания политической подготовки населения, которая только началась с 20-х чисел мая в одном уезде». Что касается Одесского округа (Херсонской и Таврической губерний), где призыв должен был начаться в апреле, то по сообщению уполномоченного рабоче-крестьянского правительства, решено «ввиду неблагоприятно сложившейся в то время обстановки, от мобилизации воздержаться; эти обстоятельства не изменились и в мае месяце» [175, *133*]. Такие же результаты дали второй и третий призывы в мае 1919 г., за исключением унтер-офицеров: их поступило на службу в Красную армию 18 344 человека. Помимо обязательных призывов была развита (преимущественно в Киеве) «агитация по привлечению добровольцев». Как отмечал В. Антонов-Овсеенко, «результат оказался мизерен: прибыло и зачислено в части войск всего лишь 887 человек» [175, *135*]. Несколько неожиданные результаты дали мобилизации командного состава из числа бывших офицеров. Так, первая мобилизация в марте 1919 г. в Харьковской, Полтавской, Екатеринославской губерниях и Донбассе дала 5 218 офицеров, что составило 171 % (!): то есть явились и те, кто не состоял на учете. А вот во вторую мобилизацию в том же Киеве явилось всего 1205 бывших офицеров, что составило 21 %. В. Антонов-Овсеенко объяснял небольшой процент явившихся в Киеве наличием подлежавших явиться специалистов

высших учебных заведений, служащих учреждений и явно негодных к службе по болезни [175, *135*]. Но если в других местностях на службу пришли оказавшиеся на Украине русские офицеры из Центральной России, то в Киеве после первого пришествия большевиков в феврале 1918 г. и «кровавой бани», устроенной М. Муравьевым русским офицерам, больше желающих дожидаться их во второй раз в Киеве не нашлось. Они уже были в войсках А. Деникина, либо в других городах, особенно в Одессе. За полгода до большевистской мобилизации в Киеве, в Одессе происходила большая концентрация русских офицеров. Так, германский консул Онесзейт рейхсканцлеру Максу Баденскому 7 ноября 1918 г. из Одессы доносил, что в городе украинские учреждения создали под началом генерала Березовского отряды самообороны — 3 тысячи (10 по 300) человек — «исключительно состоят из бывших русских офицеров» [141, *188*].

Таким образом, подводит итог мобилизации В. Антонов-Овсеенко, «учет населения произведен лишь в 41 уезде из 85, т.е. процент законченности 48; принято на учет 903 438 человек» [175, *135*]. Учитывая цифры мобилизованных в Красную армию, некомплект составил — 50 % [175, *136*].

В. Антонов-Овсеенко, жалуясь на наркома Н. Подвойского, 15 мая 1919 г. прибывшему в Харьков Л. Троцкому докладывал:

«За все время Наркомвоен послал в армию всего 8 маршевых рот…

Наркомвоен не сформировал для фронта ни одного штатного обоза, ни одной команды конных или пешеходных разведчиков, ни одной пулеметной, минометной команды, ни одного батальона связи. Ни одно из заданий фронта в этом отношении выполнено не было…

Положение почти не изменилось и в течение мая. Фронтовые части не получали никакого пополнения» [175, *136 — 137*].

То же касается формирования интернациональных частей, но еще в большей степени В. Антонова-Овсеенко возмущало волюнтаристское распоряжение такими ценными частями, как интернациональные, без согласования с командукр. Он отмечал: «Взявшись в свое время сформировать интернациональную дивизию (для

действий в помощь Венгрии), кадры для которой имелись налицо, Наркомвоен часть этих кадров без ведома командукра бросил на внутренний фронт (полк Фекете)» [175, *149*]. Наркомвоен В. Антонову-Овсеенко 28 апреля 1919 г. сообщал: «Ввиду просьбы т. Ленина, ...приказываю в кратчайший срок сформировать 5-ю Украинскую дивизию 2-бригадного состава. Для формирования используются: для управления 5-й Украинской дивизии управление 3-й интернациональной дивизии в Киеве. Начдивом назначается т. Сауvис. Для 1-й бригады — 3-я бригада 4-й Украинской дивизии в Харькове. Для 2-й бригады — 1-я бригада 3-й интернациональной дивизии, которая прибыла из Чернигова в Полтаву... Для укомплектования полков 5-й Украинской дивизии приказано использовать людей 3-го и 4-го Запасных полков Харьковского округа и людей караульных частей, которых можно взять по местным условиям» [175, *149*]. То есть В. Антонов-Овсеенко был недоволен тем, что в свое время кто-то с определенной целью готовил эти интернациональные части, а Наркомвоен Н. Подвойский, придя на готовое, быстро их переформировал по собственному усмотрению.

Анализируя личные дела бывших красных партизан и красногвардейцев что называется всплошную, приходится констатировать, что огромная масса местных крестьян из этой категории в среднем 2 — 3 раза оставляла службу в своих частях под разным предлогом — заболел, плохо себя почувствовал, решил отдохнуть, попросился в отпуск, а чаще всего — просто «остался дома» после очередного отступления Красной армии из местности его проживания. И «сидел дома» пока армия вновь не приходила в его село. В такой ситуации роль оставшихся в армии интернационалистов, которым по большому счету и идти-то было некуда, возрастала.

Оптимистичные доклады о численном росте рядов Красной армии в 1919 г. в России относительно Украины не столь оптимистичны. И среди причин, которые уже отмечались выше, следует назвать диверсионную работу агентуры противника.

Так, например, белогвардейский агент генштаба полковник Соколовский, поступивший в марте 1919 г. в Киевский губвоенкомат, в докладе полковнику Баумгердену сообщал:

«Имея в своих руках дело мобилизации и формирования Красной армии, я сразу же повел дело так, что ни одно формирование не могло пройти, а мобилизация, объявляемая в самые неподходящие моменты, не давала никакого результата. Формируемые 4-я и 5-я Укрдивизии, а также все вспомогательные и местные части так и остались на первой стадии развития. Приказы же о мобилизации пришлось все время отменять.

...Недоформированные части бросались одна за другой на внутренний фронт и окончательно гибли. Для отвлечения лучших сил был разработан доклад о формировании ***частей особого назначения*** (здесь и далее в документе выделено. — Н.К.). В полки были взяты ***лучшие*** кадры средств полевых формирований, а это окончательно нарушало весь план спешного формирования.

В итоге к концу апреля на Донской фронт почти ничего не отправлено, мобилизация дала плачевные результаты, внутренний фронт удерживал до 32 000 войск...

Что касается разрушений армии, то работа дала блестящие результаты. Подвойский, подпавший всецело под влияние моих проектов, одобрил ряд таких неосуществимых формирований, переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет. Создавалось сразу шесть дивизий... В лучшие моменты вся Украинская армия, формируемая Наркомвоен, давала такие цифры: 42 000 штыков, 2 200 лошадей. Некомплект был колоссален, официальные отчеты были другими, там цифры были до 100 000 штыков и 100 000 лошадей (***все цифры дутые***).

На почве формирования возникла целая переписка упреков между комфронта Антоновым и Наркомвоен Подвойским, переписка и ответы составлялись мною. Ответ Антонову настолько обострял отношения, что вмешался центр московский, и в результате получилась отставка Антонова» [175, *340 — 341*]. Вот при таких «дутых цифрах» местных мобилизованных оценивать роль интернационалистов сложно. Но для оценки «количество — качество» примем это обстоятельство хотя бы к сведению.

Можно предположить, что Соколовский несколько приукрасил свои заслуги, и ситуация была несколько другой. Однако В. Анто-

нов-Овсеенко приводит в записке о формировании частей Наркомвоен от 3 апреля 1919 г. по Киевскому округу такие данные:

1. Особая крымская бригада (Херсон — Николаев — Береслав) сведений нет.

Конный дивизион, саперная рота, сотня связи, и обоз — ***100% некомплекта***...(здесь и далее в документе выделено. — Н.К.)

Три минометные команды для фронта, понтонный батальон, прожекторный отдел — ***100% некомплекта***...

... Запасная сотня пограничной дивизии: 1-я запасная легкая батарея, 2-я запасная легкая батарея, 3-я запасная легкая батарея — ***100% некомплекта.***

Штабы обеих бригад оформлены на ***50%***.

4. 5-я минометная команда — ***100% некомплекта.***

5. 3-я конная бригада — штаб по одному человеку. 5-й конный полк и 6-й конный полк — ***100% некомплекта.***

6. Конный дивизион для 4-й украинской дивизии — ***100% некомплекта.***

7. Легкий артиллерийский дивизион и легкая батарея для 1-й украинской дивизии — ***100% некомплекта***.

8. Легкий артиллерийский дивизион и 2-я батарея для 2-й дивизии — ***100% некомплекта.***

9. Легкий артиллерийский дивизион для пограничной дивизии — ***100% некомплекта***.

10. ***100% некомплекта*** для трех гаубичных батарей, которые формируются (по 1 на дивизию) и двух тяжелых артиллерийских дивизионов.

11. ***100% некомплекта*** для всех артиллерийских формирований 4-й украинской дивизии.

12. ***В таком же*** положении все технические формирования и обоз...

15. Запасные конные части — ***100% некомплекта***.

16. Запасные легкие батареи — ***также.***

17. Четыре железнодорожные сотни — сведений нет.

18. Два авиаотряда — сведений нет.

Дополнительные задания для Киевского округа:

1. Первый и второй полки ***особого назначения — 100% некомплекта*** (на 7 апреля).

2. Легкий артиллерийский дивизион для 1-й дивизии — 24 командира, 301 красноармеец, 43 лошади, 4 пулемета, 12 орудий.

По остальным — сведений нет.

Дополнительно для Харьковского округа — 2 запасных батальона — сведений нет. Румынский полк — сведений нет, 3-й советский полк ***особого назначения — 100% некомплекта*** [174, *100 — 101*].

Кроме этого, формируемые в Николаеве части на смену частей П. Дыбенко в Крыму, В. Антонов-Овсеенко после инспекции 24 апреля 1919 г. оценивал очень низко: «с 22 марта [т.е. месяц прошел] для 1-го советского стрелкового Крымского полка сформирован только один батальон...». Оценивая 1-й Кавалерийский Николаевский эскадрон, он замечает: «В эскадроне 123 красноармейца и 10 командного состава. ***Лошадей нет***, имеется 50 седел» [175, *85*]. Куда поскачем?! Более или менее подготовлен караульный батальон (900 человек) и интернациональный отряд (всего 116 человек). Но зато последний вооружен полностью германскими винтовками, часть его (50 бойцов) отправляется в Гомель в распоряжение ЧК. Далее В. Антонов-Овсеенко отмечает: «По сообщениям состояние формирований в Херсоне еще хуже: из 2-го Крымского полка сформированы 2 роты, вооружения нет, там же управление бригады и кавалерийской дивизии (вооружение есть — 170 лошадей)». «В Бориславе — в зачаточном состоянии 3-й Крымский полк» [175, *86*].

К середине 1919 г. ситуация не улучшилась и плановая комплектация по Киевскому, Харьковскому и Одесскому округам по штату составляла 272 620 человек, а в наличии имелось 100 746 человек (некомплект — 63%) [166, *124*].

На фоне разложения красных частей, массового дезертирства, вновь мобилизованные красноармейцы из числа молодежи уступали качеством иностранцам из числа бывших военнопленных.

Командующий Украинским фронтом отмечал: «Только что мобилизованные массы, иногда толпы изловленных дезертиров, кое-как сколоченные в подобие частей, бросались нами прямо в бой. Конечно, под натиском более опытного и технически сильного про-

тивника, эти массы бою не выдерживали. Проходило обычно несколько недель напряженной организационной работы, работы непосредственно на самом фронте, прежде чем нам удавалось оправиться от ударов противника и организовать успешное контрнаступление» [176, *30*]. И еще: «Мобилизационная лихорадка вызывала большой рост числа дезертиров и уклонившихся. С дезертирством была проведена твердая планомерная ***борьба*** как мерами агитационного, так и ***репрессивного*** (выделено. — Н.К.) характера. И результаты вскоре сказались» [176, *33*].

Дезертирство из Красной армии началось еще весной 1918 г. Только вступив в ряды защитников, многие рабочие из числа вчерашних крестьян начали покидать ряды Красной гвардии до начала боевых действий. Позднее, когда в июле-августе 1918 г. началось переформирование вышедших из Украины красногвардейских отрядов, многие красногвардейцы, воспользовавшись принципом добровольности, и пока еще на законных основаниях покинули ряды Красной армии. Участник Гражданской войны Г. Ковалев писал, что «на Кривой Музге мы начали переформировываться из партизанских частей в регулярную Красную армию на добровольческих началах, т.е. кто не хотел, мог свободно уходить на все четыре стороны, многие товарищи ушли» [56, *28*]. Поскольку китайцам уходить было некуда, никто из них не покинул ряды Красной армии, что подтверждается материалами из их личных дел. Что касается местного населения, то это был последний шанс добровольно покинуть ряды Красной армии. В дальнейшем, особенно в 1919 г., нежелание воевать за Советскую власть приведет к таким явлениям на Украине, как обязательная мобилизация и дезертирство.

В. Ленин на заседании ЦК партии 13 апреля 1919 г. докладывал тезисы Э. Склянского, в которых говорилось: «Борьба с дезертирством из маршевых рот и отдельных частей в пути до сих пор не дала удачных результатов. Необходимо, чтобы местные партийные организации включались в каждый эшелон по нескольку товарищей специально для сопровождения до места назначения». На заседании тут же принято решение о мобилизации для этого каждым ведомством до 200 коммунистов, которые в «случае неявки будут аре-

стованы» [136, *145*]. Это требование было продублировано в решении ЦК от 23 апреля 1919 г., где предлагалось функции надзора за мобилизованными возложить на местные исполкомы [136, *153*].

Новая политика большевиков на Украине не только не была привлекательной для крестьян, но и разваливала фронт, порождала дезертиров, ставила заслон на мобилизации в Красную армию новых бойцов. Во второй половине мая 1919 г., как отмечали А. Белаш и В. Белаш, «Южный фронт трещал по швам. Солдаты устали от борьбы, пали духом, наблюдалось массовое безразличие, растущая дезорганизация войск, недавние поражения создавали критическую ситуацию. Армии Южфронта теряли стремление и способность к победе. Дезертирство росло. Так, например, при отправке из Харькова на фронт из состава бригады скрылись 1 500 бойцов» [191, *229*].

Приток добровольцев в Красную армию, как уже отмечалось выше, почти прекратился, и к концу мая 1919 г. лишь в 55 уездах был проведен учет военнообязанных. А из 900 тысяч взятых на учет, только 90 тысяч были мобилизованы в армию, то есть, как отмечал В. Антонов-Овсеенко, «принцип обязательности военной службы советскому отечеству ***остался совершенно не привитым украинскому крестьянству и рабочим*** (выделено. — Н.К.)» [175, *337*].

Показательными с точки зрения ненадежности войск весной 1919 г. являются доклады с фронта. Командир бригады Шкуть, находясь под Бердичевом, 29 марта в 10 ч. 30 мин докладывал: «Положение на фронте плохое, части бьются вяло, самовольно оставляют позицию. Вчера самовольно снялся от Пятигорок и Жидовцов 6 полк. Он пришел в город, требовал еду и обувь. С большими усилиями отправлена часть его на позицию. Сейчас Жидовцы занял противник. На житомирском направлении разбежался почти весь 21 полк… [за исключением батальона китайцев из этого 21-го Московского полка. — Н.К.]. Наши части, которые оперируют на указанных участках, сильно разлагаются под влиянием усталости, недостатка продуктов, обуви. Резервов нет. Нужно сменить кое-какие части на новые» [171, *138*]. В 15 часов 29 марта начальник 1-й дивизии также

сообщал, что «положение на бердичевском направлении ужасное. Насколько вчера было хорошо и победоносно, сегодня все бегут в панике, особенно 21 полк. Он подвергся разложению. ***Почти на всем фронте*** (выделено. — Н.К.) ужасная паника. Несмотря ни на какие приказы, расстрелы, полки, которые бегут, под револьверами заставляют направлять эшелоны на Бердичев, оставляя фронт. Принимайте меры. Или дайте мне директивы как мне быть» [171, *139*]. В. Антонов-Овсеенко 1 апреля 1919 г. распорядился «отдать под Трибунал командный состав 9-го и 21-го полка за контрреволюционные действия, что проявились в содействии разгрома Житомирского ревкома и ЧК» [171, *127*].

О дезертирстве из Красной армии было хорошо известно руководству Добровольческой армии. Публикации в белогвардейской прессе о дезертирстве из Красной армии вызывали злобу. Поэтому печатались опровержения, обвиняя белогвардейцев во лжи. Так, «Известия Луганского совета рабочих и красноармейских депутатов» 26 апреля 1919 г. опровергала заметку в газете «Донские ведомости»: «Очередная ложь... По сообщению штаба донской армии, на уральском фронте красноармейцы разошлись по домам, на место дезертиров переброшены латыши и китайцы» [244]. Хотя та же газета сообщала об отправке на фронт группы глухонемых, поскольку в трудовых частях Красной армии необходимы были ремесленники и знающие ручной труд.

Дезертирству и нежеланию самоотверженно сражаться за советскую власть нужно было поставить заслон.

Заградительные отряды вначале понимались как завеса. Например, к 7 января 1918 г. в Любутине, писал В. Антонов-Овсеенко, располагался заградительный отряд в 250 шт. при 2 пулеметах [149, *92*].

Известный приказ И. Сталина № 227 от 28 июня 1942 г., названный в армии «Ни шагу назад!», не является чисто сталинским изобретением и не был первым ни в мировой истории, ни в истории Красной армии. Еще в январе 1918 г. командующий фронтом М. Муравьев при штурме Киева отдает приказ командарму 1 Егорову: «Если же солдаты 2 полка будут действовать ***трусливо***, то

скажите Стеценко, чтобы он ***подогнал их сзади шрапнелью***. Не стесняйтесь, пусть артиллерия негодяев и трусов не щадит» [169, *160*]. Именно у Стеценко воевали и китайцы (рота).

Но вот что интересно. Подобно приказу № 227 1942 г. в 1918 г. при обороне Царицына был распространен похожий приказ за подписью К. Ворошилова, рядом с которым тогда находился член РВС И. Сталин. Он был очень короткий и гласил: «Приказываю с занимаемых позиций не отступать ***ни шагу назад***, впредь до нашего распоряжения. Не исполнившие настоящего приказания будут ***расстреляны***. *Ворошилов*» [145, *278*].

Вряд ли бы такой приказ появился без согласования, а может быть, и одобрения представителя РВС в Царицыне И. Сталина. Примечательно, что Сталинский приказ № 227 1942 г. подобного содержания, только обширнее, получил название среди солдат «Ни шагу назад» и закреплял статус заградительных отрядов. Приказ № 227 также носил сугубо карательный характер: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте. …Отступающие с боевых позиций без приказа свыше являются предателями Родины» [213, *60*].

Впервые заградительные отряды, по мнению Д. Волкогонова, появились в августе 1918 г. на Восточном фронте в 1-й армии, которой командовал М. Тухачевский [155, *292*].

Однако такие же отряды появились в августе этого же года на фронтах под Царицыным. Фу Ви-фий пишет, что летом 1918 г. их отряд под Царицыным переформировали и «назвали Заградиловский [то есть заградительный. — Н.К.] Китайский отряд», в котором он служил под командой Зо Лот-ха до 1921 г.[33, *3*]. Именно из китайцев 1-го Нежинского отряда был образован китайский заградительный отряд Зо Лот-ха, то есть Золотенко, как его называли китайцы-шахтеры из Донбасса.

В ноябре 1918 г. Л. Троцкий в телеграмме Военному совету 9-й армии и в копии В. Ленину писал: «Надо железной рукой заставить начальников дивизий и командиров полков перейти в наступление какой угодно ценою. Если положение не изменится в течение ближайшей недели, вынужден буду применить к командному составу девятой армии суровые репрессии…» [155, *255*]. В своих воспоминаниях, глубоко убежденный в своей правоте, Л. Троцкий

также отмечал, что «нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади» [155, *285 — 296*]. Д. Волкогонов отмечал, что сам предреввоенсовета на совещаниях с командным составом приказывал воздействовать на красноармейцев во время боя не только силой примера, но и «железной рукой», не останавливаясь перед применением оружия [155, *286*].

Приказ председателя РВС Республики войскам и советским учреждениям Южного фронта № 65 от 24 ноября 1918 г. был очень суров и гласил:

«1. Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет РАССТРЕЛЯН.

2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет боевой пост, будет РАССТРЕЛЯН.

3. Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет РАССТРЕЛЯН.

4. Во всякой прифронтовой полосе распределены заградительные отряды для ловли дезертиров. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть РАССТРЕЛЯН на месте.

5. Все местные советы и комитеты обязуются со своей стороны принимать все меры к ловле дезертиров, дважды в сутки устраивая облавы: в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Пойманных доставлять в штаб ближайшей части и в ближайший военный комиссариат.

6. За укрывательство дезертиров виновные подлежат РАССТРЕЛУ.

7. Дома, в которых будут скрыты дезертиры, будут подвергаться сожжению.

Смерть шкурникам и предателям!

Смерть дезертирам и Красновским агентам!

Председатель РВС Республики

Народный комиссар по военным и морским делам *Л. Троцкий*» [201, *119*].

В декабре 1918 г. Л. Троцкий отдал распоряжение повсеместно формировать специальные подразделения с функциями заградотрядов. 18 декабря 1918 г. он телеграфировал: «Как обстоит дело с заградительными отрядами? Насколько знаю, они в наши штаты не включены и, кажется, никаких постоянных кадров не имеют. Между тем безусловно необходимо иметь, хотя бы в зародышевом состоянии, сеть заградительных отрядов и точно разработать порядок их укомплектования и развертывания». Л. Троцкий требовал самой активной роли заградотрядов, как например: «По-видимому, во многих случаях заградительные отряды сводят свою работу к задержанию отдельных дезертиров. Между тем во время наступления роль заградительных отрядов должна быть более активной. Они должны размещаться в ближайшем тылу наших цепей и в случае надобности подталкивать сзади отстающих и колеблющихся. В распоряжении заградительных отрядов должны быть по возможности или грузовик с пулеметом, или легковая машина с пулеметом, или, наконец, несколько кавалеристов с пулеметами » [155, *293*].

Дезертиров было больше всего во второй половине 1918 г. и в первой половине 1919 г.

В некоторые месяцы весны 1919 г. удавалось задерживать до ста тысяч дезертиров [155, *289*]. Распространилась система заложничества семей командиров и военспецов старой армии. Последние давали личную расписку о том, что они берут на себя ответственность за судьбу членов своей семьи, которые могли быть, в случае измены, расстреляны, определены в концентрационный лагерь. В свою очередь контракты красное командование старалось заключить с военспецами, семьи которых находились в зоне досягаемости, а не за границей [155, *290*]. В приказе № 163 от 2 ноября 1919 г. Л. Троцкий предписывал: «Семьи изменников должны быть немедленно арестованы. Самих предателей занести в черную книгу армии, дабы после близкого и окончательного торжества революции ни один из предателей не ушел от кары» [155, *292*].

В рассмотренном на 8-м съезде партии (март 1919 г.) документе «Военное строительство. Тезисы» было зафиксировано:

«п.11. Военная политика: ...Аппараты предупредительного и ***карательного характера*** в виде ***заградительных отрядов*** (выделено. — Н.К.) и Военно-Революционных Трибуналов должны носить временный, исключительный характер вспомогательного партийного аппарата, отнюдь не превращаясь в постоянную бюрократическую машину [135, *185*]. Дисциплинарные же (штрафные) части, введенные для дезертиров в 1919 г., просуществовали до 1934 г., а вновь были введены в 1940 г. [138, *202*].

Л. Троцкий даже предлагал ввести мету — черные воротники — для дезертиров, пойманных первый раз. Чтобы видеть и применить при поимке во второй раз более суровое наказание (кару) [155, *294*]. Но предложение не получило поддержки в верхах.

Л. Троцкий был против освещения в газетах информации о репрессиях в армии. Он хотел тайны. Он высказал свое возмущение 14 июля 1919 г. статьями в «Известия ВЦИК» Тарасова-Родионова, который ведет в газете «постыдную и лживую травлю Красной Армии, изображая весь командный состав изменническим, членов реввоенсовета безмозглыми, неспособными использовать коммунистов, и проч. и проч....». Д. Волкогонов по этому поводу замечает, что «Троцкий не желал, как сказали бы сейчас, «очернения» армии, полагая, что репрессии, кары изменникам — вещь естественная, но совсем не обязательно, чтобы об этом писали» [155, *296*]. Тем более, Л. Троцкий еще помнил, как ему высказывали претензии на 8-м съезде партии за массовые расстрелы на Восточном фронте коммунистов. А расстрел *коммунистов*, как лучшей части революционеров, вещь недопустимая с морально-идеологической точки зрения. Никто этой огласки не хотел и после окончания Гражданской войны. Поэтому рассказывать о многофункциональной роли заградительных отрядов, а тем более участии в них иностранцев, в том числе китайцев, было нельзя.

Китайцы не оказываются в стороне от повсеместно формируемых заградительных отрядов.

В донесении штаба Южного фронта Реввоенсовету Республики об учете интернациональных частей № 2205/оп от 10 декабря 1918 г. говорилось, что «в 8-й армии из военнопленных и частью из

китайцев был составлен небольшой отряд интернационалистов, теперь уже расформированный. ***Лучшая часть интернационалистов*** влилась во вновь сформированные ***заградительные отряды*** (выделено. — Н.К.)» [129, *143*].

Начальник штаба 10 й армии 21 апреля 1919 г. просил разрешения у штаба Южного фронта о командировании в речную флотилию армии 23 моряков из 4-го интернационального заградительного отряда соседней 9-й армии [129, *177*]. Количественный состав заградительных отрядов был относительно невелик. Так, по состоянию на 24 апреля 1919 г. 1-й чрезвычайный заградительный отряд Южного фронта насчитывал 65 человек [129, *179*].

В сводке от 1 — 15 октября 1919 г. отделения информации и связи политотдела реввоенсовета Южного фронта о формировании китайской роты при ***заградительнам отряде*** 46-й стрелковой дивизии говорилось: «Настроение бодрое; дисциплина сознательная; командный состав хорош. В отряде формируется ***интернациональная рота*** (здесь и далее выделено. — Н.К.), которая состоит в ***большинстве из китайцев***. Для интернациональной роты необходимы политработники-китайцы и китайская литература» [129, *198*]. Конечно, преувеличивать роль заградительных отрядов в исходе Гражданской войны нельзя. Но следует подчеркнуть их важную роль в общем механизме функционирования Красной армии при установлении власти большевиков, а также в отдельные периоды ведения боевых действий.

5 февраля 1919 г. реввоенсовет Южного фронта приказывал ввиду немедленного осуществления мероприятий по борьбе с контрреволюцией создать полковые Военно-полевые трибуналы.

12 мая 1920 г. член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Р. Берзин доносил Л. Троцкому, что на фронте 14-й армии «были случаи позорного бегства частей во время наступления поляков. Отдан приказ расстреливать каждого десятого из бежавших» [154-А, *101*]. В приказе предкомдезертир Украины Артанова № 17 от 17 сентября 1920 г. подчеркивалось, что «от результатов работы комдезертир на 50 % зависит успех ликвидации Врангеля и польских банд и настолько же разрешения вопроса об укреплении Советской власти Украины» [100, *32*].

Репрессии в Красной армии имели двоякое последствие. Б. Штейфон, командовавший Белозерским полком Добровольческой армии, об осени 1919 г. писал:

«В Мирополье наш военный телеграф случайно соединился с каким-то большевистским комиссаром. Разговор, начавшийся с обычной в таких случаях перебранки, скоро принял серьезный характер. В силу каких соображений, я, конечно, не знаю, но комиссар, назвавший себя «убежденным коммунистом», с видимой искренностью сообщил о тяжелом положении большевиков:

— Мы в пять раз сильнее вас, а ничего с вами поделать не можем. Красноармейцы отказываются воевать, и прежде чем заставить их наступать, приходится долго уговаривать, а иногда и расстреливать» [186, *317*]. В результате, кстати, этих переговоров, часть красного полка перешла на сторону противника в бою по предварительной договоренности.

Пример Красной армии о введении практики заградительных отрядов был подхвачен (в силу объективных причин, включая насильную мобилизацию молодежи) и командованием некоторых частей Добровольческой армии. В приказе по белогвардейским полкам от 9 ноября 1919 г. генерал-майора Коноводова говорилось:

«Мною замечено, что как только начинается бой, целые кучки здоровых откормленных казаков толпятся около обозов и таким образом уклоняются от своего долга. Для прекращения этого позорного явления, уничтожающего честь и достоинство славных полков бригады, приказываю в каждом полку иметь особый конный разъезд силою 7 — 8 коней из сильных духом и сознания долга казаков, которым вменяется в обязанность загонять этих дезертиров в ряды бойцов плетями и вообще принять самые жесткие меры к искоренению этого зла» [42, *153*].

Для исполнения надлежащего качества обязанностей все чаще командование склоняется к набору иностранцев не только в заградительные, но и карательные части. В. Антонов-Овсеенко отмечал, что «для всей территории Украинской ССР требовалось сформировать при каждом губвоенкоме по одному ***карательному*** батальону и при каждом уездвоенкоме по одной караульной роте. В

таких городах, как Киев, Харьков, Екатеринослав, Симферополь, Николаев, Одесса и др., ***явилась необходимость увеличить*** (выделено. — Н.К.) число батальонов и одновременно даже сформировать караульные полки. В мае месяце оказалось, что при существующем настроении местного населения норма приказа № 25 уже недостаточна, почему округам было разрешено формировать добавочные караульные части путем разворачивания рот при уездвоенкомах в батальоны» [175, *132*].

Местные органы власти, чувствуя свою неустойчивость, не спешили расставаться с интернационалистами и отправлять их для переформирования в регулярные части Красной армии. Именно после таких переформирований интернациональные части из других городов России направлялись на Украину. Причем протестовали местные органы власти против отзыва интернационалистов и в России, и на Украине (о чем будем говорить конкретнее при анализе подавления восстания Н. Григорьева). Так, Пензенский Совет в мае 1918 г. отказал в переводе интернационалистов для переформирования в Москву и далее на Юг, мотивируя тем, «что эта часть является резервом и пополняет чехословацкий полк, находящийся на Сызранском и Уральском фронтах. Кроме того, эта часть исполняет роль ***карательного*** (здесь и далее выделено. — Н.К.) отряда при усмирении кулацких восстаний в губернии и ***ни в коем случае*** отпущена быть не может» [129, *155*]. В своем отчете немецкой секции Федерации иностранных групп РКП(б) о работе за 1918 год также говорилось об особой роли интернационалистов: «...во всех городах были созданы отряды интернационалистов, из которых большая часть сражалась на фронте, другие поддерживали Советскую власть, ***участвуя в подавлении контрреволюционных восстаний***, часть несла охрану советских учреждений в различных городах...» [129, *160*].

Давайте посмотрим, как конкретно шло подавление выступления «контрреволюции» в апреле в Киеве, прежде чем будем говорить о массовом явлении крестьянских восстаний на Украине в первой половине 1919 г.

Из донесения о положении под Киевом 10 апреля 1919 г. чита-

ем: «Для охраны порядка вызваны в штаб Киевского округа комендантская команда, взвод латышской караульной роты, инструкторские пехотные курсы и отряд Киевской чрезвычайной комиссии... В 18 часов сводной частью, состоящей из 15-го пограничного полка, китайцев и латышей, очищены от банд Куреневка и окрестности...» [175, *161*]. Позднее поступили уточнения, что в ночь на 10 апреля под Киевом выступило всего от 180 до 200 человек, а остальные были обычные грабители с мешками для награбленного имущества и подгоняемые нагайками сомневающиеся крестьяне для массовости. Поэтому «решено утром 10 апреля в 6 часов отправить отряд из 100 китайцев, 100 красноармейцев — обезоружить Пущу и Горенку...» [175, *163*]. На следующий день, утром 11 апреля, уже с юга пришла по Днепру и высадилась на Печерске банда «зеленовцев» около 400 человек и начала перестрелку с охраной моста. И в первом и во втором случае китайцы показали свою бескомпромиссность. О такой бескомпромиссности китайцев в январе 1919 г. в Киеве говорил и И. Мазепа, мнение которого уже приводилось выше. Конечно, можно задаться вопросом, какую роль мог играть малочисленный отряд китайцев, если имелся в том же Киеве многочисленный коммунистический гарнизон, превосходящий наступавших в несколько раз (в Киевском гарнизоне числилось 3 400 штыков и 3 орудия), да еще и предназначенный для подавления восстаний непосредственно? Не преувеличивается ли роль китайцев? Для оценки «количество — качество» красных войск уместно привести свидетельство В. Антонова-Овсеенко, который писал: «При вторжении банд в Киев (10 апреля) нам пришлось указывать командующему группой: «Коммунистический полк ***разбежался*** (здесь и далее выделено. — Н.К.), в городе ненадежно, двиньте ***отряд особого назначения***». И далее: «Тревога усиливалась небоеспособностью наших частей: ***не единичный это был случай*** с коммунистическим полком, разбежавшимся при первой стычке с организованной бандой. Но все это были необстрелянные, лишь формирующиеся части» [175, *163*].

Сюй Мо-линь подобную стычку с бандитами описывал как обычную «работу». Он вспоминал:

«Выйдя из госпиталя, я бросился догонять своих и прибыл в Киев. Город уже был освобожден от белых, и 1-й Московский рабочий полк ушел дальше. Киевской губернской милиции требовались люди, и я поступил в милицию. Командиром нашего отряда был Чжу Дянь-чэнь. Меня сначала назначили командиром 2-го отделения, а потом заместителем командира отряда. Я долго отказывался от этой работы (по правде говоря, боялся, что не справлюсь), но вопрос уже был решен.

В январе — феврале 1919 г. на Киев часто совершала налеты одна из банд «зеленых». Людей в банде было, правда, немного, да и вооружение неважное, но как-то в полночь «зеленым» удалось проникнуть в самый город. К утру чуть ли не треть Киева оказалась в их руках.

В эту ночь наш отряд отдыхал, и вдруг наш старшина Миша вбегает в общежитие с криком: «Тревога! В ружье». Мы моментально построились и направились на Подол (район Киева) ко 2-му отделению милиции...

Завязался бой. Внимательно изучив обстановку, мы решили разведать силы противника и обойти его.

Пробравшись на другой конец улицы, мы с Мишей обнаружили там всего шесть-семь бандитов, видимо, еще не обстрелянных новобранцев: уж очень спокойно они себя чувствовали. Мы вернулись обратно и, взяв с собой несколько человек, вновь незаметно прокрались на то же место. По заранее условленному сигналу наш отряд ударил по «зеленым» одновременно с двух сторон и сразу нагнал на них страху да такого, что те сначала смешались в одну кучу, а затем бросились бежать без оглядки кто куда. Не все, конечно, удрали, некоторых мы взяли в плен.

После ликвидации этой банды ЧК перевела китайских бойцов из милиции в караульный отряд» [180, *85 — 86*].

И далее Сюй Мо-линь отмечал, что в апреле 1919 года «караульные отряды Киева были сведены в 4-й Советский полк. 3-й батальон полка, в который входили 7-я, 8-я и 9-я роты, был сформирован из китайцев. Командиром батальона был товарищ Ван Линь, меня назначили батальонным писарем» [180, *86*].

В сводке Киевского увоенкома 14 апреля о восстаниях в округе сообщалось, что в Умани вспыхнуло восстание среди частей гарнизона. Прибывшим из Винницы отрядом восстание ликвидировано, «восставшие с оружием разбежались по деревням уезда и оттуда снова угрожают». Выступление повстанцев в Сквирском уезде подавлено. В районе Корнина выступление ликвидировано 6-м полком. По донесению Сквирского «военкома 6-й полк бесчинствует. Солдаты Богунского полка истощены физически и разбиты морально. Красноармейцы срывают кокарды, говоря, что «это жидовская звезда»». В сводке № 2 за 19 — 26 апреля Центральное бюро связи и информации при Наркомвоен подтвердило эти данные: «Киевский уезд. За исключением нескольких волостей уезд охвачен повстанческим движением. В с. Кагарлык крестьяне вооружились кто чем попало и прогнали зеленовцев... Главные силы Зеленого расположены в Триполье. Общая численность сил... доходит до 800 человек...» [175, *166*].

Такая же информация поступала и из других уездов Киевщины. Самый крупный отряд — отряд Струка, в нем 1200 стрелков, до 20 пулеметов и 4 000 невооруженных. В. Антонов-Овсеенко отмечал, что «вся эта масса идет под лозунгами: «Самостийная Украина», «Долой коммунистов и жидов». Но в отряд многих загоняют силой, под угрозой сжечь село. «В Чернобыле убито и утоплено до 400 человек одних евреев». Все мобилизованные Струком недовольны, поскольку надо грабить своих же односельчан и жителей из соседних сел, где все друг друга знают [175, *169*].

Для ликвидации этого соединения дано задание Днепровской речной флотилии «отбить пароходы, захваченные Струком, и содействовать особому отряду т. Дробинского (рота ВУЧК, Черниговский батальон и 1-й караульный полк из Киева — всего 1 100 штыков) в ликвидации банды» [175, *169 — 170*]. То же было с отрядом Соколовского в западной части Радомысльского уезда. Сложнее было с Зеленым. Зеленый — уроженец Триполья, настоящая фамилия Тарпило Д.И., был командиром 1-й дивизии у С. Петлюры. Но вместе с последним против поляков не выступил, вел переговоры о вступлении его дивизии в Красную армию, но

поскольку ее принимали не на правах самостоятельной единицы, то он взбунтовался. В апреле 1919 г. у него насчитывалось около 2,5 тысяч человек. Основной лозунг: власть должна быть у постоянно проживающих на территории Украины. Против войск Зеленого в Черкассах действовали части Богунского полка (включая две роты китайцев), 6-й полк и 1-й интернациональный полк. Поскольку надо было торопиться с походом на Румынию, и командование опасалось выступления против советской власти частей Н. Григорьева, пришлось послать против Зеленого еще значительные части — 3 600 человек, в том числе Белоцерковский карательный батальон [175, *173, 175*]. Неоднократно в течение 1919 г. на борьбу с Зеленым направлялись интернациональные части, в том числе китайские интернациональные батальоны, например, под командой Ко Гуа.

В донесении польских контрразведчиков о состоянии Красной армии и тыла в апреле 1919 г., перехваченного управлением Особого отдела, говорилось, что состояние пехотных частей в Киеве бодрое. «Но ненависть к евреям очень велика, и на этой почве пропаганда идет усиленно, и сами евреи во многом помогают. <…> Жители города и окраин: Куреневка, Приорка, Лукриновка, Шулявка, Демиевка, Зверинец — благодарный материал для антисоветской работы. Они ждут всякого, лишь бы сверг жидов и коммунистов. Оружия у населения масса». «Общее состояние советской власти на Украине таково, что ***приходится удивляться, на чем она держится*** (выделено. — Н.К.)…» [175, *284*]. А держалась она на равномерно распределенных небольших карательных, особых и заградительных отрядах из иностранного компонента.

В апреле 1919 г. на самой Украине было зарегистрировано 93 антиправительственных выступления, для подавления которых к началу мая 1919 г. использовалась 21 тысяча человек регулярных войск [191, *171*]. 3 мая 1919 г. В. Антонов-Овсеенко главкому докладывал обстановку: «В дальнейшем прошу иметь в виду, что сейчас Укрфронт выделить более ничего не может без крайнего ущерба — в 30 верстах от Киева кулацкое восстание, до трех тысяч хорошо вооруженных с 8-ю орудиями, у Шепетовки враг еще не сломлен, поляки у Ковеля наступают к Ровно, тесня теснимых и нами

петлюровцев, но угрожая и нам. Венгрия умоляет о помощи, происходит формирование расшатавшихся частей, слабо с артиллерией, обозом, части почти разуты, недостаточно дисциплинированы, нельзя их без вреда отсылать в другое командование» [175, *66*].

К середине мая 1919 г. на Южном фронте против 100-тысячного состава ВСЮР противостояло 73 тысячи красных пехотинцев и кавалеристов, в то время как на подавление восстаний на Дону и Н. Григорьева на Украине было отвлечено 30 тысяч бойцов. Кроме этого, Наркомвоен Украины вынужден был содержать во внутренних войсках для борьбы с повстанчеством более 84 тысяч человек [191, *204*].

На объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК с участием В. Ленина 2 июня 1919 г. слушался вопрос «о направлении интернациональных формирований на Украину». Постановили: «Интернациональные формирования, имеющиеся на Украине, назначаются в 12 армию для действия в Галиции и Бессарабии» [136, *166*].

Лишь только эта, 12 армия, выделила для борьбы с восстаниями из своих частей восемь экспедиционных отрядов, численностью от 150 до 200 человек каждый. Наряду с полевыми войсками борьбу с бандитизмом вели запасные части, «разбухшие» команды военкоматов и батальоны войск внутренней охраны. Разрозненные, неорганизованные усилия отдельных армий и военкоматов по ликвидации «внутреннего фронта» не давали необходимых результатов. К маю на Украине окончательно оформляется аппарат по руководству борьбой с восстаниями. При Реввоенсовете фронта учреждается должность начальника тыла, такие же должности начальников тыла создаются во всех армиях и губерниях. Политическое руководство борьбой сосредоточивается в особых органах, так называемых постоянных совещаниях по борьбе с бандитизмом, составляемых из представителей командования, ревкомов (исполкомов), партийных организаций, земельных и продовольственных органов. К осени 1920 г. на Украине все части, имеющие своим назначением борьбу с бандитизмом, будут сведены уже в 10 дивизий внутренней службы 3-х бригадного состава (войска ВНУС) [200-Б, *336*].

На Украине новая аграрная политика продолжала вызывать

недовольство. Безземельным китайцам, пребывающим в настоящий текущий момент в России, совершенно далеки и непонятны пока были недовольства украинского крестьянства. Советская власть предоставила китайцам шанс выжить, и они готовы воевать за революцию в России, чтобы продолжить ее в Китае. Эта готовность делала китайца надежным и бескомпромиссным бойцом революции.

А. Деникин о мотивах участия крестьян Украины в восстаниях писал, что «весьма важным стимулом повстанческого движения был г р а б е ж [выделено Деникиным. — Н.К.]. Повстанцы грабили города и села, буржуев и трудовой народ, друг друга и соседей. И в то время, когда вооруженные банды громили Овруч, Фастов, Проскуров и другие места, можно было видеть сотни подвод, запружавших улицы злополучного города с м и р н ы м и крестьянами, женщинами и детьми, собирающими добычу. Между «атаманами» не раз безмолвно или полюбовно устанавливались зоны их действия и не только для операций против большевиков, но и для сбора добычи...» [178, *72*]. Восставшие вели борьбу против всех режимов, и все режимы вели борьбу с крестьянскими восстаниями. На стороне поляков, например, тоже ведь действовали этапные и карательные батальоны (2 000 человек) [160, *503*]. Чей режим был при власти в данный момент, восстания крестьян играли на руку остальным — либо петлюровцам, либо красным, либо белым.

Д. Волкогонов, приводя сводные донесения о восстаниях в мае 1919 г. на Киевщине и погромах складов ЧК со стороны красноармейских частей, отмечал, что «такие же донесения поступали из Полтавской, Черниговской, Харьковской и других губерний Украины, а если посмотреть шире — то со всей России» [155, *284*].

На внутреннем фронте, как отмечал В. Антонов-Овсеенко, в одной Киевской губернии к началу мая было задействовано до 14 000 штыков, в Черниговской к концу апреля — до 2 500, в Подольской — свыше 3 000, в Волынской — до 600 штыков. Всего — 21 000, из которых фронтовых и предназначенных для фронта — до 7 500 штыков при 20 орудиях, 140 пулеметах, 3 поездах [175, *176*].

В преддверии борьбы с повстанцами Н. Григорьева на Укра-

ине форсированными темпами формируются интернациональные части. В Одессе в мае 1919 г. формировались 3-й и 9-й интернациональные полки, входящие в интернациональную дивизию, и 1-й интернациональный полк особого назначения при штабе 3-й Украинской советской Красной Армии. С 31 мая 1919 г. 1-й интернациональный полк особого назначения, оставаясь в оперативном отношении в подчинении начштаба 3-й Украинской Красной Армии, был включен в состав 1-й бригады 1-й интернациональной дивизии. В формируемую интернациональную бригаду в начале июня 1919 г. из Нижнего Новгорода в Киев переброшен 3-й интернациональный полк. По пути в Киев в полк были влиты интернационалисты в Воронеже, Орле и Туле. С 18 июня полк был слит с 3-м пехотным интернациональным полком в один полк под названием 3-й стрелковый интернациональный полк [129, *464*]. Поэтому названия батальонов и полков, переброшенных в данный момент на Украину из городов центральной России, хотя и носили имена этих городов, но по содержанию были либо полностью интернациональные, либо доля иностранцев в них была определяющей. Так, например, сформированный именно на Украине в первой половине 1919 г. 3-й Московский полк полностью состоял из интернационалистов, представителей разных национальностей. Представители русского населения европейской части России большей частью направлялись на соседний с Украинским Южный фронт, правый фланг которого располагался в восточной части Украины. Если оценивать созданные за первую половину 1919 г. на Украине интернациональные части как абсолютно новые, а не переброшенные из других местностей и переформированные, то в таких частях насчитывалось всего 5 249 новых интернационалистов, прошедших через официальную процедуру поступления в ряды Красной армии.

В приказе народного комиссара по военным делам УССР Н. Подвойского о формировании 1-й интернациональной советской дивизии от 5 мая 1919 г. говорилось:

«Одесскому окружному военкому сформировать управление 1-й интернациональной дивизии, выбрав вполне подготовленного и опытного начдива и начштаба…

При управлении дивизии в Одессе Одесскому округу формировать кавалерийский интернациональный дивизион, одну гаубичную, одну тяжелую батареи, одну саперную роту и роту связи...

2-ю бригаду, управление, вспомогательные части... формировать киевскому округу. Полки 2-й бригады составят: 4-й интернациональный румыно-венгерский полк Фекете в Киеве, 5-й интернациональный — в Киеве (бывший интернациональный полк Пеньковского), 6-й интернациональный полк (бывший коммунистический), прибывший из Харькова.

Весь командный состав от командира полка и выше должен назначаться из резервов соответствующих округов, а младший командный состав — из среды подготовленных интернационалистов» [129, *45*].

Однако до выступления против Советской власти Н. Григорьева 1-я интернациональная дивизия в указанном составе сформирована не была.

Борьба с Н. Григорьевым. Н. Григорьев в начале мая 1919 г. перестал подчиняться командованию Красной армии и планировал развивать наступление своих войск по четырем направлениям: Черкассы — Киев; Одесса; Екатеринослав; Кременчуг — Полтава. Давайте посмотрим, как шло подавление восстания Григорьева в этих направлениях.

Во время подавления выяснились недоразумения между интернационалистами и местными войсками. Начдиву 2-й Ленговскому, действовавшему на Правом Киевском участке, 13 мая 1919 г. предписывалось, чтобы политотдел дивизии развил энергичную работу по примирению: «Между интернационалистами и другими нелады. Надо мягко примирять. Ваш участок важнейший — больше энергии, и григорьевцы будут вами отрезаны и размозжены» [175, *223*]. Например, полк Л. Фекете был одно время дезорганизован после того, как Корсуньский военком Цюрупа убил политкома и некоторых других (кроме самого Фекете) командиров полка [175, *224*]. В связи с контрреволюционным выступлением атамана Н. Григорьева и восстаниями в районах Винницы, Литина, Брацлава, Вапнярки, Гайсина, Умани, Липовца приказом комфронта В. Антонова-Овсеенко 10-й, 11-й, 13-й, 14-й стрелковые полки 2-й

Украинской стрелковой дивизии, интернациональный полк под командованием Л. Фекете, 4-е Советские курсы в Киеве, 15-й пограничный полк и все отряды местных военкомов составили на правом берегу Днепра группу войск Правокиевского боевого участка.

В своем обращении к красноармейцам румыно-венгерского полка председатель Совнаркома УССР Х. Раковский 13 мая 1919 г. буквально уговаривал:

«Товарищи из интернационального полка! Ваше желание мне известно. Вы хотите скорее отправиться на помощь нашим братьям в Румынии и Венгрии. Это и мое желание, так как десяток лет я вместе с румынскими рабочими и крестьянами боролся за освобождение, с ними был в тюрьме и ссылке для того, чтобы приблизить час их освобождения. Но теперь можно идти на Румынию только через труп Григорьева. Вперед, на борьбу с новой контрреволюцией!» [129, *452*]. В этом документе дано объяснение в тот момент роли и значения любых красных интернационалистов для подавления перманентной, «новой контрреволюции» против Советской власти большевиков.

Как конкретно действовали интернационалисты против частей Н. Григорьева на Винницком направлении видно из журнала боевых действий 2-й Украинской стрелковой дивизии об операциях 1-го Полтавского интернационального полка и других интернациональных соединений:

«...16 мая. Интернациональный полк, занимающий участок по линии железной дороги Белая Церковь — Ольшаница и охраняющий тыл частей, ...занял станцию и м. Богуслав, где уничтожил до 250 человек григорьевцев... 2-й батальон интернационального полка занимал м. Корсунь и 3-й — ст. Ольшаница, в окрестностях которых уничтожил остатки разбитых по железной дороге григорьевцев, бродящих по деревням отдельными бандами, грабящими население...

17 мая. На Бобринском направлении 13-й полк, занявший Городище, продолжал наступление на Цветково, интернациональный и 10-й полки в указанных выше районах производили уничтожение рассеявшихся банд...

18 мая... Интернациональным полком очищены от банд Григорьева районы Стеблева, Корсуня, Шендеровки...

19 мая. В районе Винницы банды Саранчи, воспользовавшись малочисленностью наших частей, отступивших под их натиском, продвинулись до линии Зарванцы — Хмелевая... Прибывший из Жмеренки интернациональный батальон под командой тов. Чарова распоряжением командарма 1-й тов. Мацелецкого, несмотря на серьезность положения, задержан в Виннице на два дня для отдыха и удовлетворения некоторыми предметами снабжения...

Батальон интернационального полка, расположенный в Корсуне, спешным порядком был направлен через Цветково по направлению на Шполу, который занял ст. Сигнаевку...

20 мая. На Бобринском направлении 13-м полком занята ст. Владимировка... Батальон интернационального полка, наступающий со стороны Цветково на Звенигородку, с боем занял станцию и местечко Шпола, где захватил 13 пулеметов и 1 бронепоездную площадку...

22 мая... 10-му стрелковому полку, расположенному в районе Тараща — Богуслав, приказано немедленно передвинуться на ст. Цветково, откуда направиться на Златополь и Шполу для смены интернационального полка. Интернациональному полку приказано немедленно перегрузиться и направиться в Винницу...

23 мая. Интернационального полка эшелоны, которым было приказано двигаться в Винницу, задержаны по приказанию комфронта на ст. Фастов до особого распоряжения...

25 мая. В Винницу прибыл интернациональный полк, перейдя в стремительное наступление и сломив сопротивление противника, преследовал его до г. Литина. Для успешности действий один батальон интернационалистов направлен по узкоколейке со ст. Калиновка на Хмельник...

Начальником Винницкого боевого участка назначен командир интернационального полка тов. Фекете...

27 мая. В районе Винницы батальонами интернационального полка с боем занят гор. Литин, где захвачено 3 орудия 4 пулемета. Разбитые окончательно повстанцы отступили на Летичев...

28 мая. В районе Винницы преследование банд продолжается...

31 мая. В районе Литина и Винницы, по донесению начальника участка тов. Фекете, ***ликвидация банд закончена*** (выделено. — Н.К.). Направленный на Хмельник батальон прибыл к месту назначения, разогнав банды и очистив железную дорогу Калиновка — Хмельник...» [129, *456 — 458*].

Чтобы подчеркнуть большую надежность интернационалистов, по сравнению с местными бойцами-красноармейцами, уместно привести прозвучавшие в это тяжелое для большевиков время слова поддержки советского правительства УССР со стороны красноармейцев 1-го Полтавского интернационального полка из резолюции, принятой ими 30 мая 1919 г. в Виннице. В резолюции говорилось: «...даем свое честное пролетарское слово ***интернационалистов*** (здесь и далее выделено. — Н.К.), что все, как один спаянные товарищеской дисциплиной и сознанием переживаемого трудного времени для молодой УССР, исполним ***все*** предписания и приказы свыше, ***подавая пример революционной дисциплины и сознательности*** для победы рабочих и трудового крестьянства, отбрасывая в сторону все национальные трения и провокационные слухи» [129, *460*].

О силах, поддерживающих Н. Григорьева в районе Черкассы — Киев, узнаем из сообщения разведки красных:

«В районе Черкасс григорьевцы находятся под командой многих добровольческих и гетманских офицеров. Относительно крестьян григорьевцы ведут себя неплохо, так как в их рядах масса селян из мест, где они находятся, но евреев вырезают с «корнем»... Энергично в пользу Григорьева действуют униаты... Безалаберщина и всеобщее смятение невероятное: советские, григорьевские так спутаны, что никогда не разберешь. Переходы от одних к другим — обычная вещь... в одном все согласны: бей жидов. И что крайне печально — ***это слышно и в советских войсках*** (выделено. — Н.К.). Униатские священники работают во всю, в пользу Григорьева — это явно, а тайно для интересов Польши, на которую указывают, как на освободительницу от беспорядка. Много в уезде поляков, несомненно польских разведчиков» [175, *259 — 260*].

При наступлении Н. Григорьева по третьему направлению — на Екатеринослав — командарм 2-й А. Скачко дал обстоятельный рапорт о событиях 10 — 11 мая в Екатеринославе. В пересказе В. Антонова-Овсеенко этого рапорта события развивались следующим образом:

«...Отряды Каменских и верхнеднепровских рабочих оказались не организованными и сопротивления не оказали... В 12 часов [узнали из донесения. — Н.К.] о занятии Запорожья. Внутри города в 57-м полку ведутся безрезультатные митинги. Полк отказывается выступать. Настроение 56-го полка ненадежное, грузится неохотно... В 17 часов получается донесение, что некоторые части 56-го полка выкинули белые флаги и перешли на сторону Григорьева, другие части отступают... ***Единственная надежда на Интернациональный полк*** (здесь и далее в документе выделено. — Н.К.), держащий входы в город у железной дороги, но он не может охранять от обхода города с юга, а части 40-го полка, стоявшие у Краснополя, ***исчезли*** неизвестно куда и связи с ним нет. 57-й полк сидит в казармах и по донесению политкома волнуется. Политком боится идти в полк, чтобы его не убили [цена комиссарского слова! — Н.К.]. Докладываю Совету Обороны и прошу разрешить эвакуировать штаб... ***Интернациональный*** полк за ночь выдвинулся к Деевке и вместе с бронепоездом 10 ведет бой, ему помогают ***оставшаяся рота*** 56-го полка и разрозненные ***кучки*** коммунистов, ***прочие части разбежались***... Прибыл комендант Булгаков и доложил, что его комендантская команда арестована и обезоружена 57-м Черноморским полком, который ночью выпустил из тюрьмы арестантов и, соединившись с бандитами, под начальством Максюты и матроса Орлова захватил город и объявил его во власти Григорьева. Эта неожиданная опасность вызвана ночным уходом из города комендатуры, милиции и чрезвычайкома. Пришлось ждать подхода 5-го Кавалерийского полка... 5-й Кавалерийский полк прибыл в Нижнеднепровск к 14 часам 12 мая. 1-й эскадрон его был пущен на разведку берега к Запорожью, а остальные три с инженерными курсами, кучкой коммунистов, командой ***китайцев Особого отдела*** направлены в город для борьбы с бандитами. Командование отрядом, согласно

постановлению Совета Обороны, было поручено Губвоенкому Бергу. ***Отряд этот*** занял вокзал и ***очистил главные улицы города от бандитов***» [175, *242*]. Вот основной итог работы кучки коммунистов и китайцев «на особые случаи жизни» на фоне разложенных «прочих» красных частей — город очистили от бандитов.

Н. Григорьев настолько получил огласку и поддержку, что угроза вспышки восстания на местах после его подавления оставалась долго. Из Александрии, например, 2 июня сообщали, что распоряжением командующего Полтавской группы, «стоящей здесь в Александрии, 12-й Московский полк Всероссийской ЧК отзывается в Полтаву, что никоем образом недопустимо, так как уком совершенно безоружен и банды Григорьева гуляют по уезду группами человек по 100 — 150. Поэтому просьба Исполнительного комитета оставить этот полк до полного разоружения уезда, уничтожения банд, что может сделать эта часть, так как она приезжая из Москвы» [175, *250*]. В. Антонов-Овсеенко, кстати, отмечал, что из не украинских частей в подавлении восстания Н. Григорьева принял в мае 1919 г. только этот Московский полк ВЧК [175, *263*]. Правда, трудно установить доподлинно, сколько бойцов было в полку из числа иностранцев. И трудно сказать, было ли бы подавлено восстание Н. Григорьева без «интернационального компонента» вообще. Скорее всего, вряд ли. Иначе бы В. Антонов-Овсеенко не признал, что экзамен — подавление восстания Н. Григорьева — выдержан, «но выдержан с трудом, с надрывом» [175, *261*]. Поскольку сам Н. Григорьев находился в этом уезде, этот полк оставили в Александрии.

В это время председатель ВУЦИК Г. Петровский настоятельно просил В. Антонова-Овсеенко «отдать приказ всем командирам и начальникам частей и армий о решительном истреблении разбегающихся григорьевцев и особенно командных составов их, возымевших дерзость свергнуть советскую власть, учинивших погромы как евреев, так и коммунистов, чем принесли громадный тяжелый ущерб для Советской республики. Все эти банды, разбегающиеся по деревням, подлежат беспощадному и наибольшему преследованию и истреблению так, чтобы другим не повадно было». В. Антонов-Ов-

сеенко реагировал адекватно ситуации и пожеланиям: «Взяты тысячи пленных. Их ждет справедливый народный суд. Подстрекателям-предателям он даст смерть. Обманутые искупят свою вину на фронте Донецкого бассейна...»; население теперь «с восторгом встречает наши полки, несущие твердый порядок, охраняющие трудовую бедноту, карающие врагов народа. Солдаты Красной Армии! Преследуйте бандитов до полного уничтожения» [175, *250*]. Трудно согласиться с тем, что наступила эра всеобщего одобрения советских порядков. Если даже в таком промышленном центре, как Николаев, где было свыше 40 тысяч рабочих, советская власть держалась на таких же условиях, как и в Александрии. Что говорить тогда о других местечках и селах? Вот что писалось в «Истории городов и сел Украинской ССР. Николаевская область»:

«В мае 1919 г. трудящиеся Николаевщины, как и всей Украины, поднялись на борьбу против григорьевских банд. При поддержке анархистов и эсеров из местного флотского полуэкипажа григорьевцы захватили Николаев, во многих местах вспыхнули кулацкие мятежи... 1-я рабоче-крестьянская ***интернациональная*** (выделено. — Н.К.) бригада, подошедшая из Одессы, изгнала банды Григорьева из Николаева, вскоре мятежники были разгромлены и в уездах» [204, *36*]. И далее: «Активное участие в борьбе против мятежников принимали местные рабочие отряды и отряд спартаковцев численностью 130 человек. В июне 1919 г. исполком Николаевского Совета рабочих, красноармейских и краснофлотских депутатов сообщал наркому военных дел Украины Н. Подвойскому: «Николаевская группа спартаковцев является наиболее надежной, сознательной и дисциплинированной воинской частью, на которую может опереться Советская власть» [204, *95*]. Но документ, из которого позаимствован этот хвалебный интернационалистам-спартаковцам фрагмент, имеет совершенно другой смысл. Приводим полный текст документа. В ходатайстве исполкома г. Николаева перед народным комиссаром по военным делам УССР Н. Подвойским о разрешении формировать интернациональный полк в г. Николаеве за № 1970 от 8 июня 1919 г. говорилось:

«Распоряжением командира Железного полка тов. Голушки на

основании распоряжения тов. Кривошеева находящаяся в Николаеве группа спартаковцев переводится в Херсон для формирования интернационального полка. Исполком ходатайствует [перед] тов. Подвойским, чтобы формирование означенного полка производилось в Николаеве. Николаевская группа спартаковцев ***является самой надежной, сознательной, дисциплинированной войсковой частью, на которую может опереться Советская власть*** (здесь и далее в документе выделено. — Н.К.). В Николаеве в борьбе с григорьевскими бандами в городе и окрестностях группа спартаковцев, участвуя в операциях против григорьевских банд в районе Николаева, входя в другие войсковые части, исполняла важные боевые задания штаба Голубенко. Формирование интернационального полка может с большим успехом быть проведено в Николаеве, являющимся центром боевых операций против оперирующих григорьевских банд радиусом в 50 верст. Единственной причиной, вызывающей необходимость формирования полка в Херсоне, является то, что Херсон губернский город, но это чисто формальная причина, не оправдываемая ни военными, ни объективными условиями. Исходя из всех соображений, Николаевский исполком настойчиво просит тов. Подвойского отдать распоряжение о том, чтобы группа спартаковцев осталась в Николаеве ***и чтобы формирование интернационального полка производилось не в Херсоне, а в Николаеве, который пережил еще так недавно много потрясений военного и политического характера***» [129, *461*]. Этот документ говорит не только о важной роли интернационалистов, как самых надежных и дисциплинированных бойцах, но и о том, как исполкомы городов и местечек желали заполучить не хватающие на всех интернациональные части именно в собственное распоряжение.

Вот что сообщал в ВУЧК о погромах в Знаменке волостной военком из Кривого Рога:

«В Криворожской волости полно григорьевских отрядов, которые превратились в банды погромщиков и грабителей… Готовится контрреволюционное выступление. Мобилизация коммунистов проведена, но нет оружия, все члены Исполкома под винтов-

кой, ***необходима срочная помощь интернационального батальона латышей, китайцев*** (выделено. — Н.К.)» [173, *109*].

Обобщенно на основании докладов Особого отдела по состоянию на 1 июня В. Антонов-Овсеенко отмечал, что восстание рассосалось по всей Украине; григорьевцы бегут на юго-восток Украины с документами и печатями красных частей (т.е. законными); карательные отряды за укрытие григорьевцев и оружия очень жестоко расправлялись с крестьянами; поскольку григорьевцы заставляли крестьян принимать их у себя под угрозой оружия, то крестьяне оказались между молотом григорьевцев и наковальней карательных красных отрядов; такое положение вызывало у крестьян Украины озлобление против советской власти и советских порядков; потенция подавленного восстания — месть григорьевцев из подполья и повсеместно.

Григорьевское восстание активизировало местные громады в волостях. Например, 17 мая атаман восставших крестьян Литинского и Летичевского уездов «товарищу Подвойскому губернскому комиссару» так излагал свою позицию: «Прошу не присылать во избежание братского кровопролития войск. Если есть хорошие агитаторы (не коммунисты) христиане, прошу прислать... Красноармейское крестьянское войско, стоя за советское правительство-власть, противится лишь: 1) насильственно проводимой коммуне, на которую напрасно идут трудовые народные деньги; 2) воспрещению крестных ходов, воспрещению обрядов крещения, браков и пр.; 3) занятию ответственных должностей комиссаров евреями, которые могут занимать должности соответственно своему процентному отношению и добиваться: немедленного переизбрания уездного совета и исполкома...» [175, *252*].

Об отношении к ЧК в мае 1919 г. комиссар 2-й Украинской армии Вишневский, прикомандированный к штабу П. Дыбенко, докладывал:

«Главный лозунг Григорьева — долой ЧК — встречает отклик у мелкой буржуазии всей территории Украины. Красная армия, тоже состоящая в большинстве из середняков, определенно присоединяется к этому лозунгу. Случаи разгона ЧК на фронте, как всем известно, бывают очень часты.

...в вопросе о ЧК необходимо сделать следующее: 1) ликвидировать уездные ЧК; 2) отнять у ЧК работу по борьбе со спекуляцией, оставив ей работу только политическую по борьбе с контрреволюцией. ЧК в значительной части явно не соответствует своему назначению. Необходимо подтянуть органы советской власти вообще. Недопустимо, когда крестьяне Белоцерковского уезда (район Зеленого) считают коммуну «бараками, куда их намереваются сгонять». Недопустимо, когда Екатеринославская ЧК бежит от Григорьева в Белгород» [175, *259*].

Более того, как отмечали Л. Троцкий и его сподвижники, считавшие армию на Украине крестьянской, а значит ненадежной, проявились черты неподчинения солдат своим командирам. Вот одно из мнений троцкистов: «Благодаря ***территориальному*** (здесь и далее в документе выделено. — Н.К.) признаку формирования и расположения, когда ***войска состояли из земляков*** одной волости, уезда, губернии, сражались только на своей территории, были тесно связаны со своей семьей, естественно, настроение деревни быстро передавалось в армию. Поэтому армия была ***ненадежна***. В войсках бывали случаи выступления против ЧК, коммунистов и евреев. Митингование, отказ идти на тот или иной участок фронта, ***нежелание идти «против своих», то есть подавлять выступления***, — вот те язвы, которые надо было изжить в армии...» [191, *219*]. Однако ***кто-то*** же шел против «своих», ***кто-то*** же подавлял выступления украинских крестьян?

О подавлении восстаний летом 1919 г. на Киевщине командир 2-й дивизии Ленговский 14 июля писал, что за последние дни выяснилась «бесполезность боевых действий против повстанцев в районе Звенигородского, Чигиринского, Таращанского, Каневского, Уманского уездов, если каждый раз вслед за очищением местности войсками от бандитов в этой же местности не будет произведена зачистка местной власти от единичных личностей...». Он подчеркивал, что «есть некоторые волости, где войска уже по четыре, пять раз разбивали отряды бандитов, наносили им страшные потери, но вслед за уходом их в другие районы бандиты понемногу опять собираются. Если будем продолжать только одни боевые

операции, то дезорганизацией на местах разложим свои части и не достигнем никаких результатов» [175, *251 — 252*].

Армия Украинской Директории (лето 1919 г.) насчитывала 10 — 12 тыс. человек, тогда как повстанческие антисоветские отряды на Украине насчитывали свыше 20 000 человек [175, *23*]. Причем антисоветскими они были только в период власти большевиков, а в другое время они соответственно являлись антипетлюровскими, антипольскими, антибелогвардейскими в зависимости от того, кто устанавливал власть на их территориях посредством вооруженной силы.

Роль китайцев на фронтах Гражданской войны в конце 1918 г., особенно в первой половине 1919 г., несколько меняется. Они уже не просто любая масса солдат, их начинают ценить и беречь. Кроме функции безликого бойца на передовой, причем превратившегося в бойца самого надежного, прибавляются функции особые: заградительные и карательные. Китайцы все чаще оказываются в особых частях, отдельных, резервных, заградительных, охранных, карательных, частях ВЧК и прочее. Нельзя сказать, что в 1919 г., по сравнению с 1918 г., китайские, как и другие интернациональные части, использовались только как карательные или заградительные войска. Они использовались ***везде***, но повсюду они уже были в отличие от 1918 г., когда требовались ***любые*** бойцы революции, на ***особом*** счету. Как по ***функциональному назначению***, так и по ***тактическому использованию***, как последний, надежный оплот.

Как отмечал А. Ларин, «китайские солдаты, отличаясь особой преданностью советской власти, несли охрану Смольного и Кремля, служили в органах безопасности и разного рода охранных частях... Возможно, отчасти эта преданность была связана с тем обстоятельством, что завербованные в Россию китайцы оказались в совершенно чужой, незнакомой среде и военная служба стала единственной опорой их существования» [247, *57*]. Но не единственным стимулом жертвовать собой! Лю Юн-ань отмечал: «Не было такого фронта, где бы не сражались китайские добровольцы. Они также принимали активное участие в борьбе с бандитизмом и контрреволюцией в тылу. Китайцы вместе с русскими братьями унич-

тожали вооруженные банды Петлюры и Махно, служили в органах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК)...» [180, *6*].

Оценка китайцам повышалась постепенно, начиная со второй половины 1918 г., причем на всей территории Юга России.

Генерал Шатилов на Кавказе выставил ультиматум жителям Гойты — выдать в 24 часа большевиков и **китайцев**, иначе аул будет сметен с лица земли. Китайцев местные жители не выдали, а отправили их в горы [224, *175*].

Показательно отношение к китайцам белогвардейцев и на примере боя в одном из селений на Кавказе. Этот бой состоялся в августе 1918 г. в Курской слободке. Здесь шла «война этажей»: белоказаки захватили первый этаж дома, а во втором держались десятка два китайцев красноармейцев. Казаки сначала не знали, с кем имеют дело и, стреляя вверх, кричали: «Сдавайтесь, большевички! Русских не тронем, осетин не тронем, а если **китайцы** (выделено. — Н.К.) у вас есть — вяжите их. Вместе вешать будем» [224, *131*].

В книге Н. Меклера «В деникинском подполье» есть показательный эпизод отношения властей на Украине к китайцам. В нем рассказывается о подпольщиках-большевиках, проживающих в одной из квартир Харькова: «Третьим постоянным жильцом была Полина Семеновна Жемчужина [жена В. Молотова. — Н.К.], молодая веселая женщина, сестра милосердия одного из военных госпиталей. Она приехала из Киева, паспорт у нее был за подписью генерала Бредова, она «*ненавидела*» большевиков и вместе с мадам Брунзель вырабатывала стратегические планы решительного разгрома «латышей, евреев, **китайцев** (выделено. — Н.К.) и чрезвычаек», которые погубили Россию» [233, *231*]. То есть, чтобы в тот период продемонстрировать лояльность к белогвардейской власти, модным было показать ненависть и показное рвение к уничтожению коммунистов, евреев, чекистов, латышей и китайцев. Все это были синонимы, слова с одинаковым смыслом.

Здесь надо сказать о том, что, несмотря на массовый террор еврейского населения Украины, пик которого приходится на 1919 год, китайцы, наряду с другими интернационалистами, в среде Красной армии оставались единственными, кто не участвовал в этом.

Участвовали все — деникинцы, петлюровцы, «батьки» повстанцев всех мастей (за исключением лично Н. Махно), местные красноармейские части. Например, по данным комиссии Международного Красного Креста, с декабря 1918 г. по август 1919 г. в ходе петлюровских погромов было убито около 50 тысяч евреев [229, *143*]. А. Солженицын, обобщая данные из еврейских источников, говорил, что историки насчитывали до 900 *массовых* погромов, из которых: 40 % — от петлюровских отрядов, сторонников украинской Директории; 25 % — от отрядов украинских «батек»; 17 % — от деникинцев; и 8,5 % — от Красной армии [229, *157*]. Но китайцы считали себя с евреями и чекистами «в одной лодке», в одной команде, в одной тесной связке. В этом смысле они оставались в этот период на Украине самыми стойкими и надежными, поскольку остальные красные части, как показывалось выше, очень часто разлагались, и, разлагаясь, в первую очередь устраивали террор евреям. Н. Махно, в отличие от Н. Григорьева, имел роту евреев (150 человек), хотя и был не очень высокого мнения о них как о бойцах [191, *209*]. А. Шкуро старался пленных евреев защитить и отправить в тыл, чтобы их не успели порубить агрессивно настроенные к ним казаки. Казаки их рубили «безбожно» наряду с коммунистами и комиссарами. Он писал: «Особенно озверели казаки, когда им пришлось столкнуться с батальонами еврейских коммунистов, шедших в бой с голубым национальным знаменем. Дрались эти батальоны очень плохо и трусливо, пытались сдаваться при первом же хорошем натиске» [185, *226*]. Взятый под Екатеринославом в плен еврейский батальон казаки хотели порубить весь, но А. Шкуро не разрешил, и их отослали в тыл на работы.

О еврейских погромах знали и В. Ленин, и Л. Троцкий, но, как правило, никак не реагировали на это, отправляя докладные в архив. В. Ленин, правда, еще в апреле 1918 г. отреагировал на еврейские погромы, но своеобразно: использовать это против главного врага — черносотенцев, а точнее, против якобы ведущих черносотенную агитацию православных попов. Это зафиксировано в циркуляре «Совета народных комиссаров гор. Москвы и Московской области». Видимо, тогда же, в апреле 1918 г., рассматривался воп-

рос о создании еврейской гвардии, поскольку в п.2 циркуляра записано: «Признать необходимым не создавать особой боевой еврейской организации» [цит. по: 229, *93*]. Д. Волкогонов приводит в этом контексте нестандартный по реакции эпизод с Л. Троцким: «Будучи уже Председателем Реввоенсовета и наркомвоеном, он получил однажды в 1919 году письмо из Мурома Владимирской губернии от коммуниста-корейца Нигая, в котором тот писал, что по России ходят темные слухи: «родину завоевали жидовские комиссары». Все несчастья народ сваливает на евреев. Мол, советская власть держится «на еврейских головах, латышских стрелках и русских дураках». Чтобы спасти страну от гибели и измен, Нигай советовал Л. Троцкому «создать могучую еврейскую армию и вооружить ее с ног до головы... Чем евреи хуже татар, латышей, которые имеют свои полки...». Троцкий с любопытством повертел в руках письмо и попросил Бутова отправить Нигаю вместо ответа несколько его статей об интернациональном характере русской революции» [155, *60 — 61*]. Конечно, ведь не мог же Л. Троцкий ответить наивному Нигаю приблизительно следующее: «Так ведь нужная армия уже создана, Нигай, и в ней уже воюют такие хорошие янычары из венгров, латышей, китайцев и таких наивных коммунистов-корейцев, как ты, Нигай!».

Так или иначе, но китайцы, как настоящие чекисты, были очень стойкими интернационалистами. Не зря их среди чекистов было очень много. Но они исполняли свою черновую работу на самой низшей иерархии ЧК, не поднимаясь выше младших командиров особых отрядов. Исполняя черновую работу, тем самым погрязая в массовых расстрелах, с одной стороны, и, получая задания из первых уст от еврейских комиссаров и чекистов, с другой стороны, китайцы не могли себе позволить втянуть себя в антиеврейские погромы, а тем более проявить им неподчинение.

Число сотрудников ВЧК в конце февраля 1918 г. не превышало 120 человек, а в 1920 г., к концу войны, — 4 500 человек [210, *67*]. Напрасно С. Кара-Мурза, приводя эти данные, сомневается в том, что эта малочисленная структура не способна на массовые репрессии, которые приписывают ВЧК. Ведь чекисты опирались

на многочисленные отряды не только непосредственно подчиненных ВЧК, но и в отдельных случаях на другие формирования ВОХР. 13 июня 1918 г. решением 1-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий отряды ВЧК объединены в Корпус войск ВЧК. В состав Корпуса на территориях военных округов входило 35 батальонов. Численность их менялась. В феврале 1919 г. в них насчитывалось 22 000 штыков и сабель. 25 июня 1919 г. части ВЧК переименованы в части ВОХР. Постановлением Совета Рабоче-крестьянский Обороны от 28 мая 1919 г. «общая численность всех войск внутренней охраны временно устанавливалась в 120 000 человек» [131, *113*].

Хотя следует учитывать, что части ВОХР привлекались как к охранным мероприятиям, так и направлялись непосредственно на передовую. За второе полугодие 1919 г. было направлено на фронт 95 батальонов — 52 699 штыков, что составляло 52 % численности личного состава ВОХР [131, *115*]. В распоряжение губпродкомов направлено 45 батальонов — 27 150 человек, в заградительные отряды — 15 батальонов численностью 9 350 человек, на охрану железных дорог — 17 батальонов численностью 9 180 человек. Всего к концу 1919 г. в войсках ВОХР сформировано 173 батальона общей численностью 98 379 человек [131, *412*]. К. Волобуев на 1-м съезде делегатов коммунистических ячеек войск ВОХР 27 июня 1919 г. о роли ВОХР говорил: «Нужно помнить, что наши войска должны быть особенно прочными, ибо мы ведем борьбу со скрытой, заширмованной контрреволюцией, мы ведем борьбу с дезертирством, спекуляцией» [131, *292*].

Советские историки не расписывали (в отличие от геройских поступков китайцев в боях на передовой), как конкретно китайцы помогали бороться с внутренней контрреволюцией, хотя и признавали это, обходясь общими фразами. Так, Л. Жаров и В. Устинов в 1960 г. писали: «Китайские коммунисты в России считали своим партийным долгом защиту революционных завоеваний не только на фронтах гражданской войны, но и в тылу, в борьбе против контрреволюционных и спекулятивных элементов. Они оказывали большую помощь зоркому стражу революции — Всероссийской Чрез-

вычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК). На местах, где существовали китайские коммунистические организации, представители китайских товарищей входили в местные органы Губернских чрезвычайных комиссий (Губчека)» [156, *67*]. В этой связи историк Н. Полонская-Василенко пишет: «Для борьбы с «контрреволюцией» в Украине образована в начале 1919 г. Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия (ВУЧК) под руководством Лациса. В ЧК было много латышей и **китайцев**» [перевод с украинского, выделено. — Н.К. — 227, *525*].

Уточним. Еще декретом Временного рабоче-крестьянского правительства Украины от 3 декабря 1918 г. было утверждено постановление об образовании при Отделе внутренних дел Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности. С декабря 1918 г. по апрель 1919 г. ее возглавлял Шварц Семен (Исаак Израилевич), а с апреля по сентябрь 1919 г. — Лацис Мартин Янович (Судрабс Ян Фридрихович). Ужс 27 января 1919 г., судя по протоколу заседания президиума ВЧК, слушался вопрос «Об Украинской ЧК» и решено: «послать нужное количество надежных людей во главе с Сориным для работы в Украинской ЧК, что поручается инструкторскому отделу». За первую половину 1919 г., как уже не раз отмечалось в данной главе, на Украине ЧК натворила много такого, за что поддалась критике, и в Москву поступили из разных источников на нее жалобы. Но В. Ленин, прямолинейно идя к удержанию власти, на это реагирует еще более жестко. В своей записке М. Лацису от 3 июня 1919 г. он писал: «Дорогой товарищ! Письмо Ваше и приложения получил. Каменев говорит — и заявляет, что несколько виднейших чекистов подтверждают, — что на Украине Чека принесла тьму зла, будучи созданы слишком рано и впустив в себя массу примазавшихся.

Надо построже проверить состав, — надеюсь, Дзержинский отсюда Вам в этом поможет. Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся.

При удобной оказии сообщите мне подробнее о чистке состава Чека на Украине, об итогах работы.

Привет! Ваш Ленин» [все цит. по: 146-Б, *408 — 409*].

Но кто будет очищать состав ЧК от примазавшихся и разложившихся элементов в условиях разложения армии, восстаний, погромов самих ЧК, военных действий? Не разложившиеся же войска с фронта? Это будут делать надежные особые части и надежные солдаты ЧК, состоящие из интернационалистов и стойких коммунистов.

Когда 3-й Всеукраинский съезд Советов избрал Г. Петровского председателем ВУЦИК, он из Москвы приехал в Киев. «В Киеве, — вспоминал Г. Петровский, — меня встретил нарком внутренних дел К.Е. Ворошилов и сразу предложил поехать с ним и отрядом чекистов на подавление восстания белых на Куреневке... Скоро подошла и помощь: еще отряд чекистов и небольшая группа китайцев. Кулацкая банда была разгромлена» [169, *64*]. 9 июля 1919 г. на Новгород-Волынский напал отряд петлюровского атамана Соколовского. Немногочисленный отряд чекистов и коммунистов, в том числе несколько десятков китайцев, на протяжении 12 часов вели ожесточенный бой против превосходящих сил противника. В бою погибло 80 чекистов, в том числе и 30 китайцев [269, *64*].

В июне 1919 г. Нарком по военно-морским делам Н. Подвойский, узнав о том, что в Киеве есть китайский батальон Лю Шаолю, отдал распоряжение влить этот батальон в 1-й советский коммунистический полк, которым командовал Иван Цыпылов. Китайцы приняли участие в подавлении поднявшего мятеж 9-го киевского полка [162, *69 — 70*].

Тот порядок, который устанавливался ВЧК и карательными отрядами в армии и в тылу, строился исключительно на красном терроре. Можно подписаться под каждым словом следующего мнения. В. Аксючис замечал: «Никто, кроме Ленина не использовал для внутреннего террора в таком количестве интернациональный люмпен: из военнопленных австро-венгерской, немецкой, чешской, турецкой армий, из латышских стрелков, китайских волонтеров, революционеров-интернационалистов формировались ударные, заградительные, охранные и карательные отряды...». «Все диктаторы либо были сентиментально к чему-то или к кому-то привяза-

ны, либо искусственно создавали такую видимость. Ленин же и в этом беспрецедентен: он ненавидел все в России и не признавал ценным ничего в человечестве... Все ценности и святыни, виды и формы миропорядка, всех людей Ленин подвергал циничным насмешкам и грязной хуле». «Все лозунги, провозглашенные им в 1917 году, все его обещания по основным вопросам внутренней и внешней политики представляли собой преднамеренный обман — в полном согласии с его моралью». О терроре сам В. Ленин в своих директивах говорил: «Необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов, белогвардейцев... Надо поощрять энергию и массовидность террора... Открыто выставить принципиально и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора... Суд должен не устранить террор..., а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [238].

Летом 1919 г. перед освобождением Киева войсками А. Деникина большевистская агония, по оценке И. Родина, была жуткой. В дополнение к местным палачам Москва прислала зампредседателя ВЧК Якова Петерса. Волна террора обрушилась на мирное население. Очевидец писал: «Ежедневно отряд ***китайских*** (выделено. — Н.К.) солдат проводил по улицам 60 — 70 несчастных смертников. Это была очередная партия, предназначенная в полночь к расстрелу. Ослабленные голодом, пытками, издевательствами пьяных чекистов, они с трудом волочили ноги. Уголовных преступников тут вовсе не было. Истреблялись только культурные силы страны. В опубликованных списках перечислялись их звания и род занятий. К концу августа остались лишь чрезвычайки, в них пьяные чекисты с дьявольской жестокостью добивали по ночам несчастных мучеников. В сараях и конюшнях, по дворам чрезвычаек, их убивали холодным оружием, железными вилами и бутылками от вина...» [257].

Как отмечал В. Шульгин (1929 г.), расстреливался «русский отбор» [229, *134*]. В этот период численность ЧК в Киеве колебалось от 150 до 300 человек. Процентное соотношение евреев к остальным сотрудникам ЧК равнялось 75 : 25, а «командные долж-

ности находились исключительно в их руках». В «Материалах Следственной Комиссии на Юге России» рассказывалось об оборудованном на Институтской, № 40, уг. Левашевской, специальном сарае. В нем нагие жертвы расстреливались чекистами из револьверов в голову, положив их предварительно на живот. От выстрела в упор черепная коробка жертвы лопалась. Когда сарай набивался трупами до отказа, их убирали, и на их место сразу же приводили новые жертвы. «Все жертвы шли на казнь обыкновенно не сопротивляясь» [229, *134*]. Когда в октябре 1919 г. большевики вновь будут идти походом на Киев, никто из русских повторения их летней вакханалии дожидаться уже не будет. Этот исход русских 1 октября из Киева В. Шульгин оценивал в 60 тысяч человек и замечал, что «евреев не было в этом исходе; их не заметно было среди этих многих тысяч русских». А было тогда евреев в Киеве, замечает В. Шульгин, свыше 100 тысяч, и сколько бы не было среди них богатых, они не ушли, остались ждать большевиков [255, *136*]. На фоне усилившихся погромов евреев петлюровцами в первой половине 1919 г., а затем деникинцами, власть большевиков им представлялась предпочтительнее.

С. Мельгунов, говоря о сущности красного террора, подчеркивал: «Чтобы понять всю совокупность явления, именуемого «красным террором», нельзя пройти мимо этих фактов, происходивших непосредственно на территории войны. И даже не в момент боя, не в момент столкновения, когда разгораются звериные страсти человеческой натуры. Нельзя ограничиться отпиской, что все эти «эксцессы», причем эксцессы китайцев или интернациональных батальонов, отличавшихся исключительной жестокостью по отзыву всех решительно свидетельств. Интернациональный полк в Харькове, — говорил л.с.-р. Вершин, — творил «такие жестокости, перед чем бледнеет многое, что принято называть ужасом» («Кремль за решеткой», 177). Это не «эксцессы», потому что и здесь жестокость возведена в систему, т.е. в действие планомерное» [222, *118*].

В августе 1919 г. тюрьма в Харькове была забита в основном крестьянами. В Николаевской тюрьме ЧК, как писал один из ее

узников, «особенно тяжело было положение рабочих и крестьян, не имевших возможности откупиться: их расстреливали во много раз больше, чем интеллигенцию» [222, *131, 132*]. Так как рабочие и крестьяне могут быстро организоваться, хорошо драться физически, в отличие от интеллигенции. Причем солдаты ЧК от имени установившейся *власти рабочих и крестьян* расстреливали этих же рабочих не только на Украине, как это подчеркивают некоторые украинские историки, а повсеместно и в таких же количествах. И Украина здесь не исключение. Например, в марте 1919 г. в Астрахани потопили на баржах и расстреляли около 4 000 русских рабочих, а в Туркестане за восстание русской части населения против деспотического режима, установленного большевиками, только в ночь с 20 по 21 января 1919 г. расстреляно более 2 500 человек [222, *62, 63*]. А после занятия Киева и других городов Украины Добровольческой армией, по сообщению отдела пропаганды ВСЮР от 11 ноября 1919 г., эвакуированные ЧК из Киева, Харькова, Бахмача, Кременчуга, Миргорода развернули такой же террор в Гомеле. Они вместе с местной ЧК, опираясь на гарнизон города из 2-х рот спартаковцев и 4-х рот китайцев, ежедневно расстреливали по 40-50 человек.

В Киеве летом 1919 г. насчитывалось 16 различных ЧК: от губернской до ведомственных, например, на железно-дорожном транспорте. Была и «китайская» ЧК, в которой убито в ночь на 28 июля 1919 г. около 70 киевлян. В губернской ЧК на Садовой № 5 тогда же убито 127, в саду этой же губернской ЧК в спешке расстреляно около 100, около 70 — в уездной ЧК на Елизаветинской, 51 железнодорожник — в железнодорожной ЧК [222, *158*]. С. Мельгунов, ссылаясь на книгу Нилостонского «Кровавое похмелье большевизма», описывает казни в «китайской» ЧК: «Пытаемого привязывали к стене или столбу; потом к нему крепко привязывали одним концом железную трубу в несколько дюймов ширины...». «Через другое отверстие в нее сажалась крыса, отверстие тут же закрывалось проволочной сеткой и к нему подносился огонь. Приведенное жаром в отчаяние животное начинало въедаться в тело несчастного, чтобы найти выход. Такая пытка длилась часами,

порой до следующего дня, пока жертва умирала» [222, *160 — 161*]. В этой же ЧК практиковалась пытка, когда человека зарывали по шею в землю, пока он не терял сознание или не умирал.

Общее количество расстрелянных в 1919 г. в Киеве, по данным комиссии генерала Рерберга, по установленным именам — 4 800 киевлян. А всего погибших киевлян при большевиках — не менее 12 тысяч [222, *58*].

Красный террор был потому и эффективен, что опирался на пришлый интернациональный компонент, потому что местные крестьяне и рабочие это делать отказывались, за исключением отдельных «убежденных большевиков и чекистов». Среди одесских палачей был негр Джонстон, специально выписанный из Москвы. Авербух о нем писал: «Сдирать кожу с живого человека перед казнью, отрезать конечности при пытках и т.п. — на это способен был один палач негр Джонстон». С ним могла конкурировать в Одессе только Вера Гребеннюкова (700 расстрелянных, или 1/3 от общего числа погибших), и еще латышка, прозванная «мопсом» [222, *174,175,179*].

Большевики нервно реагировали на публикации в зарубежной прессе о жертвах красного террора. С. Мельгунов передает, что «Орган центрального комитета коммунистической партии «Правда» (20.05.1919) высмеивал сообщения английской печати о том, что во время казни играет оркестр военной музыки. Так было в дни террора в 1918 г. Тогда казнили на Ходынском поле и расстреливали красноармейцы. Красноармейцев сменили китайцы... Ряд свидетельств в Деникинской комиссии рассказывают о расстрелах в Николаеве в 1919 г. под звуки духовой музыки» [222, *182]*.

Во Всероссийской ЧК, по мнению С. Мельгунова, непосредственно служащих в 1919 г. было более 2000, из них $^{3}/_{4}$ латышей, волю которых беспрекословно исполняли китайцы в любой точке бывшей Российской империи. Он отмечал: «Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях Ч.К. [орфография оригинала. — Н.К.]. Они служат здесь целыми семьями и являются верными адептами нового «коммунистического строя». Это своего рода «чужеземная опричнина» — в Москве Ч.К. называли «вотчиной ла-

тышей». Бюллетень левых с.-р. так характеризует эту тягу к Ч.К. со стороны латышских элементов: «в Москву из Латвии в В.Ч.К. едут как в Америку, на разживу». Латыши и латышки, зачастую не владея русским языком, ведут иногда допросы, производят обыски, пишут протоколы и т.д. рассказывают «забавные» истории, но далеко не забавные для тех, кто является объектом их» [222, *223*].

Говоря о качественном составе чекистов, С. Мельгунов также отмечал, что «звали в ЧК идейных людей, а в огромном количестве шло отребье. В Ч.К. [орфография оригинала. — Н.К.] принимают «преступные элементы» — констатировал Крыленко. И слишком много и повсеместно». И здесь автор «Красного террора в России» приводит слова В. Ленина, относящиеся еще к 1905 г.: «Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец». И как иллюстрацию этому С. Мельгунов добавляет: «В Одессе, — свидетельствует один из служащих Ч.К. в 1919 г., — среди сотрудников оперативного Отдела было «много» уголовных преступников», которые «сами писали ордера обысков, вымогали и похищали» [222, *224*].

Многие участники массовых расстрелов и пыток в ЧК заканчивали «революционную» жизнь в домах для сумасшедших, в том числе и иностранцы. Как и многие другие палачи, в январе 1922 г. в Киеве была арестована следователь-чекистка, венгерка Ремовер. Она обвинялась в «самовольном расстреле 80 арестованных», большинство из которых была молодежь. «Ремовер признана душевнобольной на почве половой психопатии» [222, *180-181*].

Причем «инородцев» с нарушенной психикой большевики использовали и после окончания войны, включая их в общую систему пыток по отношению к «врагам революции». Опираясь на сообщение «Соц. Вестника» (1923, № 5), С. Мельгунов писал, что с.-д. Трейгер был посажен в Семипалатинске в «ящик» — длиной в три шага и шириной в два, где он «сидел вместе с сумасшедшим китайцем-убийцей». Тогда нередко можно было услышать о пытке через заключение в «желтый дом» среди сумасшедших [222, *171, 172*].

«Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков» исчисляла число жертв террора за 1918 — 1919 гг. в 1 700 тысяч

человек [178, *79*]. Те, кто погиб не «***за что-то***», или «***против***», а «***из-за***» последствий борьбы первых и вторых, им все равно из-за чего лилась кровь приверженцев непримиримых идей. И красный террор в январе в Киеве М. Муравьева, и террор в том же Киеве в декабре 1918 г. С. Петлюры — одинаковы. Без учета жертв, погибших «***из-за***», примирения, согласия и прогресса в доме быть не может. И историческую справедливость никами законами не установить, пока ее будут устанавливать по очереди одна или другая (а в данном случае и третья, и четвертая, и пятая) из сторон конфликта, приверженцы какой-либо одной претендующей на власть кучки политиков. Особенно, если эти политики вооружены одинаковыми методами — большевистскими. И используют один большевистский подход — разрушить все ненавистное до основания. И построены на одном мотиве — ненависти. С ненавистью наперевес не только примирения не достичь, но и не сотворить нечто созидательное. Можно только ходить по кругу мести, разрушения и установления никому из народа не нужной ***в таком виде*** исторической справедливости. Справедливость кроется в созидании. Еще в 1918 г. еврейский депутат в выступлении в Малом Национальном Собрании предупреждал С. Петлюру, что «на антисемитизме им не удастся построить государство» [229, *143*]. Так оно и вышло…

Работа чрезвычайных комиссий часто сводила на нет успехи на фронтах, особенно на юге Украины. 16 апреля 1919 г. командующий 2-й армией А. Скачко докладывал командукр, что работа местных чрезвычаек «определенно проваливает фронт и сводит на нет все военные успехи, создав такую контрреволюцию, какой ни Деникин, ни Краснов никогда сделать не могли. Ввиду безвыходности положения, создавшегося неимением подходящих работников для чрезвычаек, обстановка властно диктует необходимость сведения чрезвычаек на русское положение, т.е. уничтожение всех уездных и прифронтовых и оставление одних губернских и передачи всей борьбы с контрреволюцией во всех пределах армии в руки военных особых отделов, подчиненных командармам» [191, *143*].

Особые отряды. Определенное место среди общих формирований в период Гражданской войны занимают различные осо-

бые отряды для борьбы с контрреволюцией как в армии, так и в тылу. Поэтому их формирование идет в двух сферах: в армии и при органах власти. И участию в них китайцев, как и других иностранцев, отводится определенная роль. В данной главе неоднократно упоминалось о различных особых формированиях. В каком бы уголке России ни формировались особые отряды, они для выяснения особенностей войны на Украине (с точки зрения участия в ней иностранцев) требуют и нашего внимания.

Например, в ноябре 1918 г. в Андижан-Ошском районе по инициативе местных коммунистов был сформирован 2-й Интернациональный полк К. Либкнехта. Одновременно при полке ***Особого*** назначения была организована ***рота китайских интернационалистов*** [170, *149*].

С сентября 1919 г. командованием Туркестанского фронта уделяется большое внимание ***китайским*** и другим интернациональным частям. Появляются «отдельные подразделения из китайцев и иранцев. В конце 1919 г. в составе полка особого назначения Туркфронта из ***добровольцев-китайцев*** (здесь и далее выделено. — Н.К.) была сформирована рота» [129, *400 — 401*]. Еще 30 октября М. Фрунзе в своем приказе писал: «Приказываю начальнику Упраформа немедленно приступить к формированию ***китайской*** роты из добровольцев-китайцев при полку ***особого*** назначения. Роте именоваться 10-й ротой полка особого назначения...» [162, *75*].

Директивой ЦК партии с марта 1918 г. при всех партийных организациях созданы отряды особого назначения для борьбы с контрреволюцией и охраны объектов. В 1919 г., когда борьба с контрреволюцией достигла большого напряжения, отряды были переименованы в части особого назначения (ЧОН) [164, *39*]. До 8 мая 1919 г. в части принимали всех, но командирами могли быть только коммунисты, а с этого периода — все бойцы-чоновцы должны быть коммунистами. Кроме этого, теперь такие отряды создавались не при всех партийных организациях, а в столичных и губернских городах [164, *40*]. На Украине и Юге России ЧОНы начали создаваться весной 1919 г. при наступлении частей А. Деникина

[164, *41*]. С 20 апреля 1919 г. Наркомвоен решил еще сформировать 3 полка Особого назначения и 1 коммунистический (резервный) полк [175, *132*]. В августе 1919 г. некоторые части особого назначения центральных губерний России были переброшены в район Киева «для борьбы с бандами и охраны районов правобережной Украины, которые нужно было удержать до перехода в наступление на Южном фронте». К концу декабря 1919 г. в ЧОН служили 30,5 тысяч человек [164, *42*].

Как показывал Чжан Цзы-сюань, в 1919 г. его часть с Западного фронта переброшена на Украину «для несения службы по охране общественного порядка и борьбы с контрреволюционными бандами». «В то время на Украине было очень неспокойно, — вспоминал он. — Постоянно действовали крупные отряды белобандитов и мелкие контрреволюционные банды, которые нарушали движение железнодорожного и водного транспорта и совершали другие диверсионные акты. Поэтому нам пришлось работать в исключительно напряженной обстановке. ***Мы почти не имели времени для отдыха*** (здесь и далее в документе выделено. — Н.К.). Иногда нас посылали охранять заводы и учреждения. Мы несли патрульную службу, ходили в ночные дозоры, часто сопровождали поезда и пароходы с государственным имуществом и охраняли безопасность пассажиров.

Выполняя служебные задания, мы бывали в Киеве, Харькове и в других городах и населенных пунктах. Китайские бойцы не понимали украинского языка, и это сильно затрудняло их общение с местным населением. К выполнению своих обязанностей китайские бойцы всегда относились исключительно честно и добросовестно и ***поэтому завоевали большое доверие к себе со стороны командования***. Также и украинцы с похвалой отзывались о наших бойцах, говоря, что китайцы «за деньги не продаются».

Далее Чжан Цзы-сюань свидетельствовал, что ему много раз приходилось сопровождать пароходы. Каждый раз на выполнение задания выделялось примерно от 30 до 50 бойцов. Приняв судно, они отплывали и до самого места назначения не приставали к берегу ни в одном населенном пункте. При встречах с местными

вооруженными формированиями, они «вытаскивали на палубу пулеметы и открывали ураганный огонь. Бандиты, неся потери, каждый раз отступали. Впоследствии, как только бандиты обнаруживали в бинокль, что судно сопровождают китайцы, они старались уклониться от встречи с нами. ***Китайские бойцы были высоко дисциплинированными и среди украинского населения пользовались большим авторитетом***» [180, *96 — 97*].

Свою нишу китайцы в охранных и караульных частях нашли еще в 1918 г. Лучше и надежнее, чем иностранцы, эту обязанность не исполнял никто. Как уже отмечалось, китайцы приняли деятельное участие в сопровождении золота и драгоценностей из госбанка Одессы в 1918 г. при отступлении от немцев. Любопытно, но даже золотой запас РСФСР, попавший в руки А. Колчака, охраняли иностранцы — чехословаки. По сути, они его и захватили. Причем, когда А. Колчак был в Сибири арестован и передан в руки местных властей, то чехословаков попросили (!) продолжать еще определенное время нести охрану золотого запаса.

Китайцы отличались надежностью при несении охраны государственных объектов. Охранную службу китайцы несли хорошо, никого не пропускали и к себе не подпускали. Как писал об охраннике-китайце И. Якир, винтовку наведет и кричит благим матом: «Не ходи» [187, *11*]. Б. Сенников верно подметил отношение китайцев к порученным обязанностям. Приказано охранять, они охраняют объект до конца, до тех пор, пока командование не снимет с объекта. Например, при занятии Тамбова конницей К. Мамонтова осенью 1919 г. был такой случай. В здание городской управы, после того, как красноармейцы в спешном порядке покинули город, вошли белогвардейские офицеры. Каково же было их удивление, «когда из-за стола поднялся красноармеец-китаец и, вытянувшись в струнку, лихо откозырял, отдавая честь... Поспешно убегающие большевики забыли впопыхах снять своих часовых!... Комиссары русским не доверяли свою безопасность. В ту ночь дежурил китайский взвод охраны». Такой же случай произошел и в других местах города [259].

Как уже указывалось ранее, в составе охраны В. Ленина служило более 70 китайцев. Надежность диктовалась как дисципли-

ной, так и врожденной недоверчивостью азиата к европейцу, что усугублялось незнанием русского языка.

А. Снесарев, практически изучавший черты народов Персии, Афганистана, Индии, Китая подчеркивал, что по отношению к европейцу азиат недоверчив, враждебен, какие бы не были внешние признаки взаимоотношений, ввиду «устойчивости основных черт характера наций». «И чем дальше отстоит эта национальность, тем враждебное к ней чувство азиата растет по размерам, глубине и страстности» [190, *24*]. Это чувство недоверчивости и враждебности переделать (изменить) нельзя, сколько бы азиат в другой стране не проживал. Но недоверие азиата при несении им охранных функций использовалось большевиками в полном объеме в своих целях. Особенно, если китайца за хорошую службу еще и не забывать хвалить. Как отмечал А. Снесарев, чтобы добиться к себе большего расположения азиата, «по неволе приходится быть лицемерным» [190, *25*]. То есть надо хоть за что-нибудь да хвалить. Китайцев и так было за что хвалить и ценить.

Лето и осень 1919 г. принесли для большевиков еще больше разочарований и неудач.

Украинский фронт «для лучшего обеспечения единства командования и руководства всеми фронтами социалистических республик» приказом РВС РСФСР № 104 от 4 июня 1919 г. расформирован. 2-я Украинская Советская армия реорганизовывается в 14 ю армию и переходит в подчинение РВС Южного фронта (командарм К. Ворошилов). 1-я и 3-я армии объединяются и образуют 12-ю армию, которая включена в состав Западного фронта. Крымская армия расформировывается, а ее части сведены в 58-ю Крымскую дивизию с подчинением РВС 14-й армии [148, *8*].

Как отмечалось выше, формирование 1-й интернациональной бригады не состоялось. Приказом народного комиссара по военным делам УССР № 130 от 20 июня 1919 г. предписывалось управление дивизии и управление 1-й и 2-й бригад в Одессе расформировать. Весь личный состав указанных управлений со всей отчетностью должен выехать в Киев в распоряжение начальника интернациональной дивизии. Туда же переводились управление 1-й

бригады, 1-й и 2-й интернациональные полки, артиллерийский дивизион, кавалерийский дивизион, рота связи, саперная рота. Управление 2-й бригады, 3-й, 4-й интернациональные полки, кавалерийский дивизион, артиллерийский дивизион, рота связи, саперная рота размещалась в Черкассах. Предписывалось «немедленно и энергично приступить к формированию 1-й бригады дивизии, сосредоточив на ней все внимание, и закончить к 1 июля. Формирование 2-й бригады вести параллельно, но не в ущерб срочному формированию 1-й бригады...» [129, *466 — 467*].

А уже 22 июня приказом Реввоенсовета Республики за № 1046/197 предписывалось сформировать в районе Киева 1-ю интернациональную бригаду и интернациональный запасной батальон. При этом отмечалось, что «на сформирование бригады и запасного батальона обратить интернациональные части, имеющиеся и формирующиеся в Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде, Черкассах и 2-й Украинской дивизии» [129, *467 — 468*].

В докладе политотдела 1-й интернациональной стрелковой бригады в политуправление 12-й армии о политико-просветительской работе говорилось, что «части состоят из венгерцев, немцев, чехов, румын, ***китайцев*** (выделено. — Н.К.) и русских». Что политическая и культурно-просветительская работа среди них ведется таким образом: красноармейцы группируются по своей национальной принадлежности, и в этих национальных единицах ведутся беседы и «лекции на всех языках». Также организована школа русской грамоты для иностранных красноармейцев [129, *471*]. Несколько позже, 20 октября 1919 г., в докладе сотрудника особой комиссии Реввоенсовета 12-й армии о 1-й интернациональной бригаде указывалось, что «красноармейцы главным образом приходят учиться писать по-русски, так как в подавляющем числе они не грамотны на своем родном языке: немецком, венгерском и т. д., но от изучения письма они незаметно переходят к изучению политических вопросов, так как одно с другим преподавателем связывается довольно искусно» [129, *478*].

Политико-просветительская работа в интернациональных частях давала свой результат. Когда в августе 1919 г. военная обста-

новка для Красной армии резко ухудшится, интернациональные части по-прежнему останутся верным и надежным оплотом Советской власти. В докладе агиторганизатора М. Власова в политуправление 12-й армии о политической работе в 1-й интернациональной стрелковой бригаде говорится: «Довожу до сведения, что настроение интернациональных частей бригады бодрое, революционное. Клянутся, как один в момент вызова встать каждый на защиту пролетарской революции. Довожу до вашего сведения, что необходимо принять самые энергичные меры для удовлетворения товарищей красноармейцев всеми необходимыми предметами, как таковое наблюдается недостаток во всем» [129, *472 — 473*]. Надо отметить, что по состоянию на 1 августа в отделе снабжения 1-й интернациональной бригады в числе 272 человек состояли венгры, русские, немцы, евреи, чехи, поляки, румыны, греки, латыши, один литовец и один перс. Китайцев среди снабженцев не было. Они воевали непосредственно на передовой [129, *472*].

Свою преданность и надежность демонстрировали и другие интернациональные части. В политической сводке политкома северного боевого участка Шереметьева в политотдел 12-й армии о революционном подъеме в 3-м интернациональном полку от 22 августа 1919 г. отмечалось, что 18 августа «прибыл интернациональный полк, которому я выехал навстречу. Настроение бодрое, в революционном духе настроены превосходно. 19-го был устроен мною митинг интернационалистов совместно с жителями Малина, где я указал относительно Деникина и поляков. Они вынесли резолюцию, что не отступят ни шагу назад, пока не покончат с этой белогвардейской сворой и этими повстанцами» [129, *480*]. Именно этот интернациональный полк накануне был направлен из Киева на подавление крестьянского восстания. В сентябре он включен в группу Голикова и действовал против деникинцев в районе г. Малина на Киевском направлении. В интернациональную бригаду он не входил.

Далее особенности участия интернационалистов, включая китайцев, в Гражданской войне со второй половины 1919 г. и до ее окончания рассмотрим на фоне периодической борьбы против войск Н. Махно. Рассмотрение действий других интернациональных ча-

стей продиктовано тем, что во многих из них китайские бойцы служили разрозненно.

Л. Троцкий, обремененный навязчивой идеей о том, что украинское крестьянство есть только временный попутчик Советской власти и что интересы крестьян в дальнейшем неизбежно столкнутся с интересами пролетариата, был враждебно настроен к повстанческой армии Н. Махно, состоящей, в основном, из крестьян. Поэтому, форсируя процесс выдавливания махновцев вслед за григорьевцами в стан врагов Советской власти, Л. Троцкий в своем приказе от 6 июня 1919 г. № 107 объявил о жестком подавлении «контрреволюции» и определил, ***кто*** это будет делать:

«Всем военным властям и ***заградительным отрядам*** (здесь и далее в документе выделено. — Н.К.), высланным по моему распоряжению, отдан приказ ловить всех предателей, которые самовольно покидают свои части и перебегают к Махно, и предавать их Революционному Трибуналу, как дезертиров, для суда по законам военного времени.

Их кара может быть только одна — расстрел.

Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом России и Украины мне приказано навести порядок на фронте в Донецком бассейне и в ближайшем тылу.

Объявляю, что этот ***порядок будет наведен железной рукой***. Враги рабочей и крестьянской Красной армии, шкурники, кулаки, погромщики, махновцы, григорьевцы, будут ***беспощадно раздавлены регулярными стойкими, надежными частями***» [191, *245*].

Однако, судя по тому, как сподвижники Л. Троцкого определяли местные войска как ненадежные, можно предположить, что это будут либо интернационалисты, либо части, прибывшие из совершенно далеких от Украины регионов, например, Урала, Сибири или Туркестана.

Как вспоминал участник Гражданской войны А. Жидивка, он, командуя ротой, был направлен в 1919 г. в составе 1-го Луганского интернационального полка в Гуляй-Поле для подавления махновцев [96, *24*]. Ян Фу-ша в 1919 г. со своей частью был направлен в Екатеринославскую губернию на борьбу против Н. Махно. В этом

же году 2-й интернациональный полк расформировали и Ян Фу-ша служил в особом отделе 14-й армии до 1920 г. [22, *1*].

А что же надежные части, о которых выше писал Л. Троцкий?

В оперативной сводке штаба Южфронта еще от 12 июня 1919 г. сообщалось: «...8-я армия... Один из наших полков арестовал часть командного состава и, оставив позицию, ушел на Старобельск...». Приводя этот пример, В. Белаш подчеркивал, что «подобных фактов можно привести много. Это разложение армий, естественно, началось не в июне, поэтому любимые Троцким заградительные отряды и ударные батальоны не обеспечивали армиям победоносности, да и, судя по документам, сами заградительные отряды нуждались в заграждениях» [191, *251*].

Как отмечали советские историки, за семь месяцев 1919 г. отправлено в запасные части Красной армии 982 тысячи дезертиров и маршевыми ротами на фронт — 286 тысяч. Это результат работы и заградительных отрядов, которые, на первый взгляд, были не многочисленными. К январю 1920 г. Красная армия на всех фронтах насчитывала 3 млн. человек, в то время как мобилизовано было около 5 млн., то есть разницу в 2 028 тысяч человек составили дезертиры, прямые потери и больные. При направлении мобилизованных на фронт доля бежавших из эшелонов в среднем составляла 25-30 %. В исключительных случаях — 50-70 % [200-А, *85, 86*].

Еще 13 июня 1919 г. К. Ворошилов в своем письме X. Раковскому информировал:

«Вкратце сообщаю состояние армии:

Армии, как организма, нет. Штабы и разные учреждения при армии это в лучшем случае толпа бездельников, а в худшем — пьяниц и саботажников.

В довольствующих органах ни снабжения, ни вооружения, ни обмундирования: части до смешного небольшие, разложившиеся, босые, с распухшими и окровавленными ногами, оборванные. Артиллерии никакой. Кавалерия не многочисленная, сильно напоминает своих предков из Запорожской сечи» [191, *253*].

В результате ухода в неизвестном направлении двух полков бригады Богунского, белые 29 июля без боя заняли г. Полтаву. В

политсводке Политотдела РВС 14-й армии от 31 июля 1919 г. говорилось о бригаде Богунского:

«Комсостав подстрекал красноармейцев к открытому выступлению против коммунистов. Арест Богунского послужил поводом к выступлению командсостава, пользующегося громадным авторитетом среди красноармейцев.

Полки снялись с позиций (10 — 15 верст северо-восточнее Конграда) и дезорганизовано пошли по направлению к Золотоноше. Они на пути грабят население, убивают коммунистов и сотрудников ЧК, и намерены соединиться с зеленовцами» [191, *286*]. Комбриг Первой Украинской советской дивизии Щорса, Богунский, был заподозрен в ненадежности, 27 — 29 июля 1919 г. арестован и убит по личному указанию Л. Троцкого. Как отмечал А. Белаш, вскоре подобным коварным способом будут умерщвлены и комбриг 3-й бригады Т. Черняк (10 августа), комбриг 2-й бригады В. Боженко (21 августа), а 30 августа 1919 г. инспектором Танхиль-Танхилевичем будет убит и сам Н. Щорс [191, *286*].

30 августа 1919 г. после сдачи Киева командующий группой Северного участка с целью задержать деникинцев в районе Малина сказал Л. Гавро: «Части на нашем участке потрепанные, мало полностью боеспособных единиц. ***Надеюсь на интернационалистов*** (выделено. — Н.К.), нужно организовать заслон» [193, *70*]. Л. Гавро под угрозой расстрела из отступающих, мобилизованных, отставших от своих частей бойцов сформировал смешанный интернациональный Радомышльский полк, в котором воевали и китайцы. Задачу свою полк выполнил. За успешные бои Радомышльского полка уже 10 октября 1919 г. приказом РВСР Л. Гавро награжден первым орденом Красного Знамени.

С наступлением осенних холодов психическое состояние бойцов ухудшилось. И это касается бойцов всех конфликтующих сторон. Долго ведь боец находиться в стрессовых ситуациях не может.

Б. Штейфон о Добровольческой армии (это касается и Красной армии) во второй половине 1919 г. писал:

«Оперативная сводка штаба дивизии от 22 августа дает точное и полное представление о состоянии войск вверенной мне груп-

пы. Она говорит о «подавляющем превосходстве сил противника и чрезвычайной усталости войск, уже 1,5 месяца ведущих бои с сверхчеловеческим напряжением. Люди по ночам галлюцинируют. Лучшие, наиболее опытные офицеры и солдаты, выбиты, и требуются невероятные усилия командного состава для руководства войсками и выполнения поставленных задач».

...К концу операции офицеры и солдаты стали тенями: глубоко запавшие глаза, землистый цвет лица и вместо человека — сплошной комочек нервов. Истомленный до крайности организм желал лишь одного: спать, спать и спать. И эту телесную слабость мог побеждать только горящий дух с властным, все преодолевающим сознанием: надо держаться» [186, *314 — 315*].

Тот же Б. Штейфон о непрерывных боях осенью 1919 г. на направлении Киев — Курск отмечал, что «люди совершенно выбились из сил... Снаряжение и обмундирование оборвались. Офицеры и солдаты месяцами не раздевались и не мылись. О нормальном питании не приходилось думать... После длительных бессменных боев, от хронического недоедания все мы превратились в каких-то неврастеников» [186, *319*].

Отпугивающая земельная политика на Украине, террор чрезвычаек и карательных отрядов с психологической точки зрения разрывали связи солдата Красной армии с тылом. А. Снесарев в статье «Наследие Мировой войны» подчеркивал, что с психикой современного человека, его «нервами, усталостью, наконец, просто желанием воевать теперь приходится считаться бесконечно больше, чем когда бы то ни было раньше. Вы усеете все поле техническими аппаратами..., все подготовите для победы, а он — человек — решит про себя: «довольно», как красиво говорит М.Д. Бонч-Бруевич, и, перекинув винтовку за плечо или бросив ее в первую попавшуюся канаву, уйдет с кровавых полей... поближе к своим родным полям». Поэтому, по мнению А. Снесарева, «человеком надо заниматься серьезно, проникновенно и всесторонне, думая о тех ***мотивах*** (выделено. — Н.К.), которые могут еще императивно повести человека на войну и окрылят его на подвиги и самопожертвование, думая об его духовной организации, его не-

рвной системе и пределах упругости, думая и о том человеке, который остался в тылу, который, идя за плугом в поле или работая за станком на фабрике, несет на своих плечах ту же боевую ношу, как и его соратник в далеких сырых окопах» [190, *285*]. Большевики первоначально вопросам связи фронта и тыла, устройства там психологического комфорта не уделяли должного внимания. Отсюда дезертирство, недовольство политикой В. Мещерякова в 1919 г., крестьянские восстания.

Хотя были и исключения. С 23 июля 1919 г. по 5 августа 1921 г. А. Снесарев становится начальником Академии Генерального штаба РККА. Среди прочих нововведений он открывает при кафедре военной психологии Опытную психологическую лабораторию. Она была призвана определить стратегию исследований морального состояния армии, воинских коллективов и личности; придать определенную устойчивость таким доселе неопределенным понятиям, как «моральное состояние», «дух армии», «настроение войск»; изучить проблему воли в связи с психологией дисциплины и воспитания военных масс, внушение и воздействие — в связи с психологией командования; опытным путем оценить эффективность специальных методов (генетического, психологического, экспериментально-психологического и других); дать надежные критерии отбора личного состава [190, *403*]. К сожалению, неизвестно, какие практические наработки удалось А. Снесареву воплотить уже на фронтах Гражданской войны. Но то, что эти наработки легли в основу воспитательной работы в армии в дальнейшем, несомненно. Нас же интересует изучение психологического микроклимата в интернациональных частях, как добивался моральный дух у китайцев, как у бойцов, находящихся вдали от своей родины, чтобы переносить тяготы и невзгоды, стрессы. Как взаимодействует *закон мотивации* человеческих поступков и психика мигрантов в стрессовых, нестандартных ситуациях? Неизвестно, сумел ли А. Снесарев изучить практические вопросы психологии именно китайцев-красноармейцев, которые обучались в Академии на Восточном отделении, и обобщить опыт их участия в Гражданской войне. Эти и другие вопросы остаются без ответа и открыты для исследования.

Украинское крестьянство, пополнявшее ряды как красноармейцев, так и рабочих промышленных предприятий, при каждом удобном случае покидало и промышленные предприятия ввиду разрухи и бардака при любой власти — петлюровцев, белогвардейцев, большевиков, — и Красную армию при каждом ее отступлении. Еще раз подчеркнем, что анализ личных дел бывших красногвардейцев и красных партизан свидетельствует о том, как они под разными оправданиями — болезнь, ранение, окружение, отступление Красной армии и прочее — бежали по домам с целью пересидеть до подхода красных, а потом вновь вступали в партизаны, организовывали ревком и брали власть в свои руки в хуторах и селах. Это подтверждается автобиографиями, подробным описанием в заявлениях событий и своего личного участия в разных этапах Гражданской войны. При этом что-либо скрывать перед партизанскими комиссиями бывшим красногвардейцам и партизанам было нельзя — все подтверждалось свидетельскими показаниями, документами ЧК, а затем НКВД. Поэтому писали так, как было. Также это подтверждается документами партизанских комиссий, в которых зафиксированы доносы, жалобы, различные нелицеприятные для вчерашних сотоварищей по оружию, а теперь непримиримых оппонентов, характеристики. На переломе 20-х и 30-х годов, когда бывшим красногвардейцам и красным партизанам государство предоставило существенные льготы, ссоры между последними возникали по самым различным вопросам — начиная от земельной межи и заканчивая «моральными дивидендами»: кто из них где воевал, сколько сделал для победы на фронтах Гражданской войны и кто из них «наибольший герой». Учитывая, что прошлое вообще очень поддается позолоте, с одной стороны, мы, с другой стороны, говоря только о тенденциях на фронтах Гражданской войны, делаем свои заключения с поправкой, о которой говорил И. Солоневич: «Мертвые не свидетельствуют ни о чем. Свидетельствуют те, кто ухитрился остаться в живых. Их свидетельства, конечно, несколько оптимистичнее, чем всамделишная реальность» [261, *114*]. Однако показания бывших участников Гражданской войны подтверждаются и теми цифрами и фактами,

которые приводились выше. Поэтому, учитывая, что китайцам некуда было дезертировать, можно говорить о том, что в 1919 г. они были самыми стойкими, самыми ценными, может быть даже, оберегаемыми, в отличие от их положения в 1918 г., войсками. То есть, наряду с венграми и латышами, китайцы становятся самым надежным резервом Красной армии на фронтах и надежным исполнителем ряда специфических функций в борьбе за установление Советской власти на территории Украины. При этом надо иметь в виду, что, несмотря на то, что во многих документах венгры, латыши и китайцы упоминаются в одном ряду, латыши иностранцами для народов бывшей Российской империи не являлись.

На чьих штыках держалась власть большевиков, отчетливо показывает и телеграмма Н. Махно от 28 июля 1919 г., в которой он объявлял об убийстве атамана Н. Григорьева. В телеграмме, перехваченной большевиками и отправленной в Киев, в частности говорилось: «Имеем надежду, что после этого не будет кому санкционировать еврейские погромы, а честно повставать трудовому народу против контрреволюционеров как Деникина и других, так и против большевиков-коммунистов, насильно вводящих диктатуру посредством наймитов мадьяров, ***китайцев*** (выделено. — Н.К.) и латышей» [191, *297*].

Что касается китайцев, то многие из них, понеся от махновцев какие-то обиды, свои обязанности исполняли хорошо. Например, в конце 1919 г. эскадрон Чжан Чуань-линя вел бои против войск Н. Махно. В одном из ожесточенных боев, когда численный перевес был на стороне противника, Чжан Чунь-линь вместе с некоторыми своими сослуживцами попал в руки махновцев, которые сняли с них всю одежду и оставили мерзнуть на морозе. Но «через некоторое время Чжан Чунь-линю и его товарищам с большим трудом удалось бежать к своим. В начале осени 1920 г. Чжан Чуань-линь и его боевые друзья сполна ***отомстили*** (выделено. — Н.К.) махновцам, нанеся им большой урон и едва не захватив в плен самого батьку Махно» [180, *25*].

Местные отряды, включая бывших махновцев, упорства при карательных операциях против отрядов Н. Махно не проявляли, в отличие от бойцов-интернационалистов. Например, красные командиры о

действиях красноармейского отряда Бубенца в июне 1919 г. на Полтавщине доносили, что «не доходя 2 х верст до Нехзороща (в районе Соколова балка), отряд сблизился с бандой на дистанцию, позволяющую перейти в атаку, и начальник отряда т. Бубенец, подав команду, с незначительной группой, состоявшей преимущественно из командного состава, бросился вперед, но отряд за ним не последовал, и многие из красноармейцев даже стали поворачивать обратно своих лошадей». В результате атаки отряд потерял несколько человек убитыми и ранеными и 2 пулемета. За этот «позорный случай весь личный состав отряда был передан суду Военно-Революционного Трибунала и виновные в трусости был расстреляны» [191, *561*].

В свою очередь огромный потенциал бывших красных партизан-махновцев к концу 1919 г. — началу 1920 г. переводился в статус дезертиров и врагов советской власти на Украине. Так, постановлением Всеукраинского Революционного Комитета от 9 января 1920 г., «Махно со всей своей группой объявляются вне закона, как дезертиры и предатели» якобы за то, что Махно не подчинился приказу выступить на польский фронт [191, *373*]. А вместе с Н. Махно такими врагами объявлялись и китайцы, перешедшие на его сторону. Показателен пример разного исполнения приказов по блокированию и уничтожению войск Н. Махно в январе 1920 г. в Александровске со стороны 41-й и 45-й дивизий. Бойцы 41-й стрелковой дивизии состояли, в основном, из местных крестьян (она сформирована из 1-й, 2-й и 4-й бывших партизанских дивизий), а бойцы 45-й Волынской стрелковой дивизии, сформированные под командой И. Якира, имели достаточное количество иностранцев, включая китайцев, а также приобрели ряд революционных и боевых традиций. В результате блокирование этими двумя дивизиями войск Н. Махно в Александровске не состоялось по вине 41-й дивизии, выпустившей повстанцев из города. Комбриг 45-й дивизии Левензон отмечал: «Должен сознаться, что уехал я с тяжелым настроением [имеется в виду отъезд комбрига после совместного планирования операции командованием обеих дивизий. — Н.К.]. Части 41-й дивизии не сумели, подобно нашей дивизии использовать передышку для укрепления своих рядов, не было у них и тех

традиций, что у 45-й, были они, видно, ***значительно слабее и кадрами»*** (выделено. — Н.К.) [191, *374*]. Одним словом, задачи по блокированию и уничтожению махновцев выполнены не были.

В такой ситуации оперативным приказом 13-й армии № 014 от 23 января 1920 г. для ликвидации в кратчайший срок штаба и войск Н. Махно предписано уже 42-й дивизии, в которой служили и китайцы, блокировать Гуляй-Польский район с севера и востока, а Эстонской дивизии — с юга и запада [191, *376*]. Интернационалисты из этих частей действовали проще и надежней. Уже на третий день командование Эстонской дивизии в штабы 13-й армии и Юго-Западного фронта сообщило: «По пути наступления и следования Эстонской дивизии ни одного махновского отряда не было оставлено, а были ликвидированы сразу же» [там же].

С целью избежать разложения регулярных частей в результате их соприкосновения с партизанскими и повстанческими отрядами еще 11 декабря 1919 г. был издан секретный приказ Реввоенсовета Республики № 180. В нем, в частности, говорилось:

«В том случае, когда пришедший в соприкосновение с нами партизанский отряд отказывается подчиниться порядку, проявляет разнузданность и своеволие, грабит местное население или пытается поднять смуту в регулярных частях, этот отряд должен быть подвергнут беспощадной каре. Причины расправы должны быть ясны и понятны каждому крестьянину, рабочему и красноармейцу... Для учинения ***расправы*** должны быть назначены вполне и ***безусловно надежные части. Разоружение, следствие и расправа должны совершаться в кратчайший срок, по возможности не более 24 часов*** (выделено. — Н.К.) . Самой строгой ***каре*** подвергать командный состав и кулацкие верхи отряда...» [191, *378*].

В ущерб наступлению на А. Деникина против повстанцев-махновцев направляются как внутренние войска, так и регулярные части. «Это действия, которые говорят, что повстанчество, для господ Троцких и компании, более ненавистно, чем деникинщина, — говорил бывший махновец Куриленко. — Только поэтому сняты с белого фронта дивизии 13-й и 14-й армий и брошены в наш район. Но ***красноармейцы знают, кто мы, и убивать нас не хотят***

(здесь и далее в документе выделено. — Н.К.), несмотря на принуждения комиссаров. ***Поэтому красные считают надежными, карательными войсками те, в состав которых входят или которыми командуют***: эстонцы, латыши, ***китайцы,*** татары, евреи. В январе на Крым, против Слащева, послана только одна 46-я дивизия. В наш же район были брошены: ВНУС, ВОХР, ЧОН, милиция, части местного формирования, особые отряды, продовольственные отряды, чрезвычайные комиссии…» [191, *382*].

4 января 1920 г. в Москве был выработан проект директив о военной политике на Украине, а 22 января уже как собственная декларация Украинского Советского правительства одобрена Всеукрревкомом. В ней, в частности, говорилось:

«…Ликвидация профессионального украинского партизанства является не только предварительным условием создания боеспособности Украинской армии, но и вопросом жизни и смерти для Украины… Партизаны должны немедленно отправляться или подвергаться внутренней чистке, лучшие элементы должны включаться в запасные части, бандитские элементы предаваться трибуналу.

…В области, занятой Красной армией, не должно оставаться ни одной регулярной части. Все партизанские отряды должны быть немедленно разоружены, сопротивляющиеся должны быть ***истреблены.***

…Непременным условием осуществления этой цели является ***выдержка, настойчивость и беспощадное отвержение*** (выделено. — Н.К.) всяких компромиссов и сделок с партизанами и партизанщиной…» [191, *379*].

Под «истребление» подпадало большое количество украинского населения. Только в повстанческой армии Н. Махно в октябре 1919 г. служило свыше 100 000 вооруженных бойцов [191, *316*].

В приказе командования 13-й армии от 6 февраля 1920 г. начальнику Эстонской дивизии и местным военным комиссариатам предписывалось:

«2. Начдиву Эстонской безотлагательно направить в район Гуляй-Поле для окончательного разгрома махновцев ***лучшую по своему боевому составу*** (здесь и далее выделено. — Н.К.) бригаду, каковую там и расквартировать.

3. Командарму 13, начдиву Эстонской и всем губернским и уездным военкомам немедленно отдать распоряжение ***о беспощадной расправе*** с бандитами и прикрывающим их населением» [191, *386*].

В одной из листовок повстанцы-махновцы, обращаясь непосредственно к красноармейцам, писали: «...Товарищи, взгляните сами, что творят Чрезвычайки и Карательные отряды в Великороссии и, в особенности, на Украине. И кто же им помогает? Вы, красноармейцы, и только Вы... Неужели сердце ваше не сжимается, когда Вы под руководством этих насильников идете в села и деревни карать трудящихся, протестующих против засилья Ваших вождей» [191, *391*].

Внутренний фронт оттягивал на себя много сил. Поэтому 14 марта 1920 г. командующий Юго-Западным фронтом А. Егоров докладывал главкому С. Каменеву, что «острота внутреннего фронта не позволяет не только выделить что-либо для усиления внешнего фронта, но требует для ликвидации бандитизма назначения новых сил... При этом докладываю, что для этой последней цели ни Латдивизия, ни 42 дивизия не могут быть использованы: первая как ***единственная*** (выделено. — Н.К.) часть, ведущая борьбу за закрепление тыла, столь же важного, как и внешний фронт, вторая так же как единственная часть, втянутая в трудовую работу по добыче необходимых для фронта и страны угля и хлеба...» [191,*386*].

С целью усилить карательные меры против повстанцев на Украине и закрепить достигнутые результаты, привлекаются регулярные части с других фронтов. В. Ленин в этот период в своих предложениях Совету Труда и Обороны предлагал разработать следующее постановление:

«1. Войскам Кавфронта идти пешком через всю Украину, рассчитав маршрут так, чтобы в каждую волость (из 1 900 приблизительно волостей Украины) заходила дважды, через определенный промежуток времени, сначала конная, потом пешая часть для выполнения (и затем проверки выполнения)...

2. В «упорных» волостях или селах воинские части организуют «третье посещение» (войском), либо остаются на постой подольше (до 2-х недель) для наказания и исправления...» [191, *397*].

Поскольку за годы Гражданской войны украинские дороги пришли в негодность, и Красная армия после ликвидации войск Деникина на Кавказе перебрасывалась на польский фронт пешим ходом, она получила задание проутюжить непокорные повстанческие районы на Украине еще раз.

К лету 1920 г. на Украине насчитывалось свыше 20 тысяч человек в войсках ВОХР. Сами крестьяне о своем положении рассказывали так:

«В течение месяца нас посетило множество продовольственных отрядов. Луганск совсем зарезал. В одну неделю к нам приезжали отряды от армии действующей и трудовой, от союза металлистов, горняков, совслужащих, от губкома и ревкома, от заводов и продкома. Все эти отряды выкачивали хлеб, которого нет у нас, даже семян для посева не достает! Все они нам не верили, обыскивали, брали заложников, расстреливали. Сейчас от нас требуют: мясо, жиры, картофель, и все-все, что можно съесть…

Они создали целые армии для изъятия продуктов питания, а ведь у нас давно уже ничего нет, сами на овощах сидим. Да к тому же засуха, год неурожайный, все горит — будет голод.

Село хотят поссорить, «расслоить» на бедняков, середняков, кулаков, и для этого участникам, которые лазят по чердакам и подпольям, выдают 10 % отобранного» [191, *437*].

С введением продразверстки уже к концу 1918 г. продовольственная армия насчитывала в своих рядах 41 505 человек [131, *14*]. И здесь уместно сделать географический и временной срез событий в свете рассматриваемой темы. Чтобы подчеркнуть, во-первых, взаимосвязь событий на всей территории бывшей Российской империи. А во-вторых, показать неисключительность Украины в своем отношении к себе диктатуры коммунистов. Речь идет о масштабном восстании крестьян в Тамбовской губернии, получившем в истории название «антоновщина» (по определению В. Ленина). Приведем несколько цитат из статьи И. Руденко-Миниха, характеризующих период, начиная с 1918 по 1921 гг.:

«В мае 1918 года Ленин подписал декрет «О продовольственной диктатуре»… В поход за хлебом двинулись целые армии. В

состав продовольственных и карательных отрядов часто включали так называемых «интернационалистов» — по сути, наемников из немецких, австрийских и турецких военнопленных, мадьяр, китайцев и латышей...

Не было в губернии [Тамбовской. — Н.К.] села, где продотрядовцы и каратели не замучили бы кого-то из жителей. Убивали не только за «провинности» перед новой властью, но и просто для устрашения «несознательных» селян. Пылали села. Безжалостные латыши и китайцы не щадили даже стариков и детей. Тамбовская губерния поднялась на борьбу...

Перебрасывались из других районов отборные отряды чекистов и «интернационалистов» (выделено. — Н.К.)...

Таяли ряды повстанцев, и на смену отцам приходили подростки. «Они не щадят себя в бою, а также своих жен и детей, смело бросаясь на пулеметы, как волки», — признавали красные командиры. «Борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением, — вспоминал Тухачевский, уже будучи маршалом Советского Союза. — Советской власти в деревне не существовало»...

Красная артиллерия стирала с лица земли сопротивляющиеся села. В другие деревни врывались чекисты и «интернационалисты», безжалостно расправляясь с семьями партизан...

Видя, как растворяется в массе восставшего народа армия карателей, подгоняемый приказами Ленина о «беспощадном терроре», Тухачевский решился на не имеющую аналогов в мировой истории жестокость — применил против крестьян удушающие газы. Сохранилась масса документов о доставке, подготовке и расходовании химического оружия. Артиллерийские расчеты латышей и мадьяр били снарядами с удушающими газами по селам и лесным лагерям, китайцы добивали бегущих...

Стариков, детей, женщин с грудными младенцами сгоняли в концентрационные лагеря, где большевики на 20 лет раньше нацистов испытывали различные методы уничтожения узников. Особенно ужасными были условия в Тамбовском «полевом» лагере. Его узникам запрещалось даже вставать с места. Установив вокруг пулеметы,

китайцы то и дело стреляли по толпе... Очевидцы вспоминали о неудачном побеге группы детей, скошенных пулеметными очередями чекистов с балкона бывшей Духовной семинарии. Жители рассказывали, как сходили с ума и бросались на охрану матери, на руках которых умирали грудные дети. Каратели изощрялись в пытках, жгли, рубили, закапывали в землю живыми своих жертв» [258].

Отношение местного населения к китайским интернационалистам иллюстрирует следующий факт. Во время занятия Тамбова конницей К. Мамонтова в бывшей уездной управе был взят китаец. Как пишет Б. Сенников, «когда казаки выводили его, жители отняли этого «красного интернационалиста» и буквально разорвали его на части. Именно китайцы, выполнявшие у красных функции палачей и охранников, отличались наибольшей жестокостью по отношению к русским. В Тамбове их звали «ходя-ходя» — когда они конвоировали арестованных в ЧК и на расстрелы, то обычно подгоняли прикладами и покрикивали «Ходя! Ходя!». Китайцы жестокостью превосходили других наемников-интернационалистов — кроме, разве что, карателей мадьяр. И те, и другие вели себя по отношению к местному населению по-хамски, высокомерно, русского языка знать не хотели...» [259].

Посланцы из Великороссии не однажды предупреждали таких же крестьян на Украине о кровавых последствиях диктатуры большевиков. На втором съезде фронтовиков-повстанцев, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов Гуляйпольского района еще 12 февраля 1919 г. левый социалист-революционер Костин говорил следующее:

«Товарищи! Я хочу рассказать вам немного о том, что делается в Великороссии. Вы можете мне не поверить, но вы должны поверить тысячам ваших братьев крестьян, которые, видя свое тяжелое рабское положение, свою голодную, подавленную жизнь, часто восстают без оружия, без винтовок, с вилами, топорами и голыми руками. Восстают там не отдельные личности, а крестьяне многих волостей, и с женами, детьми и стариками идут под пули и штыки латышей и ***китайцев*** (выделено. — Н.К.), ибо другого выхода не видят перед собой...

Это все ваши братья, такие же крестьяне, бедняки, такие же угнетенные, как и Вы, здесь на Украине...» [191, *82—83*].

Теперь о той роли, которую играли выходцы из Украины в купе с интернационалистами при подавлении тамбовских крестьян. Председателем специальной комиссии ВЦИК РСФСР по подавлению тамбовского восстания с самыми широкими полномочиями был назначен украинец, бывший командукр В. Антонов-Овсеенко. Он не единственный украинец-командир, не говоря уже о переброшенных украинских частях, кто участвовал в подавлении восстания тамбовских крестьян, так же, как в 1919 г. донских казаков. Начальник Академии генерального Штаба А. Снесарев отправил туда в 1921 г. по собственной настоятельной просьбе Федько Ивана Федоровича. И. Федько родился в с. Хмелов Полтавской губернии. Занимал ряд командных должностей во время Гражданской войны на Украине. Третий орден Красного Знамени получил за подавление восстания в Кронштадте. В подавлении этого мятежа, кстати, участвовали представители разных национальностей. Питирим Сорокин (1925 г.) отмечал: «Три дня латышское, башкирское, венгерское, татарское, русское, еврейское и международное отребье, свободное от всех ограничений, обезумевшее от кровавой похоти и спиртного, убивало и насиловало» [цит. по: 229, *122*]. Для эффективного подавления крестьян в Тамбовской губернии И. Федько, проявив инициативу, предложил использовать против собственного народа мобильный автоотряд, посадив на восемь грузовых автомобилей пехоту. На этих автомобилях отряды И. Федько врывались в села и усиленным вооружением — пулеметами — расстреливали восставших без разбора и «под корень». Как восхищенно писали советские историки, мобильные отряды И. Федько гнали восставших под сабли конницы Г. Котовского и винтовки китайцев. «Тактико-техническая новинка, предложенная начдивом, сыграла важную роль в разгроме главных сил Антонова, — писали историки. — Заслуги Ивана Федоровича в ликвидации кулацко-эсеровского восстания были отмечены четвертым орденом Красного Знамени. Он стал вторым после Яна Фабрициуса четырежды краснознаменцем» [198, *208*].

Мена украинцев на русских — практика большевиков с движением в обе стороны. Да, муравьевых присылали из-за пределов Украины, но опирались муравьевы, прежде всего, на местные и интернациональные части из всех уголков России. А в Россию отправлялись Антонов-Овсеенко, Федько, Котовский и другие большевики, опираясь на надежные украинские и тоже интернациональные части. Кстати, анализ архивных документов и личных дел украинских бывших красногвардейцев показывает, что демобилизованные красноармейцы на Украине в 1920 году, уже в 1921 году вновь призваны в те же интернациональные части и направлены на подавление крестьянского восстания в Тамбовской губернии. (Сами участники подавления восстания называли свои формирования «истребительными отрядами»). А в отдельные периоды функционирования Украинского фронта (май-июнь 1919 г.) применялась практика, когда все мобилизованные на Украине местные призывники отправлялись на формирование частей в РСФСР. По донесению И. Вацетиса В. Ленину в мае 1919 г. сообщалось, что сформированные в РСФСР части из мобилизованных на Украине, направляются на Южный фронт, Восточный или Западный, но только не на Украинский [159-Б, *366*].

Процесс обмена войсками касался и всех перешедших на сторону Красной армии бывших царских офицеров. На заседании Политбюро ЦК еще 23 апреля 1919 г. было принято решение: «15) Потребовать от Украинского командования присылки сюда из Украины всех сдавшихся офицеров для использования их на других фронтах с тем, что нужное количество для украинской армии командного состава будет послано Наркомвоен из России» [136, *153*].

Уроженец Украины Л. Троцкий, мечтая о расширении пролетарской революции на Восток, в 1919 г. украинцам отводил в грандиозном плане определенную роль: «...нужно туда направить лучшие элементы Украинской партии, освободившиеся ныне по независящим причинам от работы. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для Советской революции Сибирь...» [155, *10*].

В свою очередь Н. Махно после своего разгрома красными карательными и регулярными войсками зимой 1921 г. имел желание, но не присоединился к восставшим в Тамбовской губернии.

Во-первых, после своих встреч с И. Пархоменко (братом известного командарма А. Пархоменко) Н. Махно был проинформирован, что А. Антонов порвал с эсерами. Во-вторых, попытки Пархоменко и Каменюка (засланных Нестором Махно еще в октябре 1919 г. на Луганщину для борьбы в тылу Добровольческой армии) соединить усилия с восставшими в Тамбовской губернии не увенчались успехом из-за идейно-политических противоречий с А. Антоновым. И об этом Нестору Махно было сказано. А в-третьих, к этому моменту восставшие, как доложено Н. Махно, были, в основном, разгромлены. Видя, как не удалось поднять восстание в свое время на Дону, Н. Махно, возможно, наряду с другими причинами (неурожай, отсутствие пищи и кормов для лошадей), принял решение отказаться от своих первоначальных планов и вернулся на территорию Украины. И нашел там те же карательные отряды из латышей, венгров и китайцев, о которых еще в начале 1919 г. предупреждали посланцы из Великороссии.

Вот как поступали в 1921 г. карательные отряды в районах повстанцев-махновцев. В селе Новоспасовка (18 верст севернее г. Бердянска) красные войска взяли заложников, в основном, несовершеннолетних подростков. Потребовали сдачу оружия и выдачи махновцев. В результате всех заложников расстреляли. Жена повстанца Мартына Фоменко, как передает А. Белаш, вспоминала, что поскольку никто из семьи не мог ничего сказать о Мартыне, то сначала расстреляли его отца и мать. Затем старший дал команду расстрелять и ее, его жену. Она рассказывала: «Все это время я была полураздетая и держала на руках грудную дочь. Ко мне подошел какой-то невзрачный командир с *монголоидным лицом*, вынул наган, наставил на меня и проговорил: «На них еще два патрона тратить?» И выстрелил... Моя девочка была убита. Пуля прошла ее насквозь и остановилась у меня под сердцем. Так вот и живу с пулей в груди, одна сиротой. Когда меня уже бог заберет к ним?!» [191, *550*].

А. Деникин, говоря об Украине этого периода, очень точно заметил: «Если понятие «москаль» становилось одиозным, то вовсе не по признаку национальному, родовому, а по отождествлению его с теми пришлыми людьми — комиссарами, членами военно-револю-

ционных комитетов, чрезвычаек и карательных отрядов, с теми «кровопийцами и паразитами народными», которые сделали жизнь вконец непереносимой» [178, *74*]. В это число «москалей» входили наряду с другими иностранцами из карательных отрядов и китайцы. С позиции позднего периода истории экстраполяция этого понятия во времени, вряд ли корректна. Во всяком случае, на наш взгляд, вольные манипуляции с понятием «москали» к объективному историческому процессу Гражданской войны на Украине, особенно 1919 года, в данном контексте не имеют никакого отношения.

Но вернемся в 1920 год. Район восстания крестьян в это время на Украине не ограничивался только рамками Екатеринославской губернии. Начальник красных войск ВОХР Республики о боевых действиях против собственного народа в июле-августе 1920 г. докладывал:

«Параллельно с операциями Махно на территории левого берега Днепра начали усиленно возрастать бандитские группы и повстанческие движения по правому берегу Днепра на Украине…

Со стороны Польского фронта в Киевский район брошен бандит Струк с широким заданием терроризировать район Киева, который, действуя совместно с Мордалевичем, начал распространяться к югу, подняв восстание в Белоцерковском и Фастовском районах.

Одновременно с ним ведет активные операции в Таращанском и Звенигордском районах бандит Тютюнник и Грызло, именующий себя атаманом вольного казачества.

Южнее банды Дергача, Калиберды, Хмары и Квашы объединенными действиями захватили район Чигирина и Георгиевска, 20 верст северо-западнее Кременчуга, делая налеты на станции и порывая железнодорожное сообщение и телеграфную связь.

Объявленный на осадном положении Александрийский уезд полон также активными бандами, которые не распространяются уже более к югу, а как бы, перекидываясь через Днепр в район Кобеляки — Полтава, связываются тем самым с махновскими бандами.

Несмотря на самостоятельные операции каждого из отрядов и банд и их видимую необъединенность в действиях, район Киев — Бахмут можно считать сплошной полосой восстания, поддер-

живаемого белыми, лишающего Советскую власть возможности нормально работать на Украине и на Дону» [131, *491*].

Чэнь Ли-дэ вспоминал, что в связи с ухудшением обстановки на фронте его часть отошла в Екатеринослав. Сначала ей поручили охрану заводов и советских учреждений, а потом перебросили в Киев, где преобразовали в Особый железнодорожный батальон по борьбе с бандитизмом. На бойцов батальона была возложена охрана и поддержание порядка на всех железнодорожных линиях и ветках Украины.

«В то время на Украине было неспокойно, — вспоминал Чэнь Ли-дэ, — Всюду орудовали вооруженные банды по 70 — 80 человек, а иногда и по 300 — 500. Так что ***работы было много и очень напряженной*** (выделено. — Н.К.). Едва вернемся с одного задания, как получаем очередной приказ и немедленно уходим на другое. Иногда приходилось сопровождать железнодорожные составы до Харькова или Одессы. В самом Киеве нас назначали в ночной патруль или на посты. Выполнив задание, бойцы забирались в свободные дома и ложились спать, не раздеваясь, прямо на грязном полу. Домов таких на Украине тогда было много, но они были совершенно пусты». «Иногда приходилось подниматься по тревоге три — четыре раза в неделю. На задание обычно выходили по ночам. Если банды орудовали у железной дороги, мы выезжали на бронепоезде. Большей частью противник скрывался в лесах, находить и уничтожать его было нелегко... Бои с противником обычно длились часа два-три, и нам, как правило, удавалось не только уничтожить часть банды, но и захватить пленных. Часть, в которой мы служили, имела хорошее по тому времени вооружение: станковые пулеметы (водяного охлаждения), полевые орудия малого калибра и даже пушки крупных калибров, устанавливаемые на бронепоездах. Враг не раз испытал на себе храбрость и боеспособность бойцов-китайцев и чаще всего отступал при первом же их появлении» [180, *101 — 103*].

По официальным данным, в конце 1920 — в начале 1921 гг. только в больших повстанческих отрядах насчитывалось свыше 100 тысяч человек, на борьбу с которыми было направлено две трети регулярных войск, действующих против Врангеля [192, *13*].

Бывший красноармеец 8-й роты Богунского полка Цзян Лянь-фынь. воевавший в свое время под началом Н. Щорса, весной 1920 г. конвоировал с другими китайскими добровольцами грузовые суда по Днепру. Затем служил в 1-ом десантном отряде Днепровской военной флотилии. Вместе с другими 50 китайцами он был зачислен в 116-й батальон ВЧК. Основной их задачей стала ликвидация так называемой банды Маруси (Никифоровой), насчитывавшей в различных местах Украины более 3 тысяч человек. Несмотря на то, что общее название банды носит женское имя «Маруся», в различных местах формированиями руководили мужчины, даже уже после смерти Никифоровой. Но были в отдельных отрядах и свои «Маруси» (например, сестра братьев Соколовских Александра и другие). В январе 1921 г. 116-й батальон получил приказ выступить на ликвидацию одной из групп этой банды. «В батальоне, — вспоминал Цзян, — насчитывалось около 2 000 человек, в том числе 20 китайских добровольцев. Сотня бандитов из шайки «Маруси» расположилась на берегу Днепра. Мы незаметно подошли, окружили их и вынудили сдаться. На допросе выяснили местонахождение главаря шайки и узнали, что личным секретарем «Маруси» является какой-то поп». Секретарь был захвачен в плен. В конце 1921 г. в 116-м батальоне демобилизовали всех старше 30 лет. Многие китайские добровольцы не хотели уходить из армии, скрывая свой возраст. Тем не менее, Цзян в 1922 г. был демобилизован. Но еще восемь лет он проработал в органах милиции в Полтаве, где принимал по-прежнему самое активное участие в подавлении крестьянских восстаний [211, *73 — 75*].

Чжан Юн-тан осенью 1920 г. был переведен в Екатеринослав также на борьбу с бандитизмом и контрреволюцией. Там же он получил очередное ранение в руку при следующих обстоятельствах. Получив задание обезвредить вооруженную группу, он с 20 китайцами окружил дом в Екатеринославе. «Сжимая маузер, он одним прыжком очутился в прихожей. Обернулся — а бандит, спрятавшийся за дверью, уже подскочил к нему и приставил к его виску наган. Решение пришло мгновенно: сделав резкое движение головой вбок, Чжан Юн-тан одновременно схватил левой рукой дуло вражеского нагана.

Выстрелы прозвучали одновременно. Но пуля Чжай Юн-тана угодила врагу прямо в висок, а вражеская пуля прошла через левую ладонь Чжай Юн-тана». Так, смело идя под пули, китайцами было арестовано семь человек, прятавшихся в подполье дома. Описание этой стандартной операции заканчивается так: «А потом из погреба достали пять пулеметов, десятка полтора револьверов, несколько ящиков патронов и пачки контрреволюционных листовок, которые враги не успели разбросать. Так была ликвидирована подпольная контрреволюционная группа» [180, *31 — 32*].

Бывший доброволец 108-го железнодорожного полка Чэнь Лидэ после разгрома белогвардейцев на Украине служил в отрядах особого назначения при ВЧК, принимал также «активное участие в ликвидации бандитизма» [211, *78*]. После участия в боях на Польском фронте другой красноармеец Чжан Цзы-сюань также служил в войсках внутренней безопасности в Киеве, Харькове и других городах. При этом ему не однажды «приходилось участвовать в борьбе с контрреволюционными бандами» [211, *79*].

Если посмотреть на состояние Красной армии в 1920 г., то мобилизация в нее на Украине была на прежнем уровне (всего за все годы войны было мобилизовано на Украине 252 тысячи местных рабочих и крестьян), роль иностранцев при наведении порядка в ненадежных войсках по-прежнему велика. Галицкая армия к апрелю 1920 г. была переформирована и придана побригадно 41-й, 44-й и 45-й дивизиям. В 44-й и 45-й дивизиях галичане и китайцы около месяца провоевали плечом к плечу против войск Директории. Но 23 апреля из сформированных восстала 2-я бригада из 45-й дивизии, а 24 апреля — 3-я бригада. 14-я армия была направлена на подавление мятежников. Командюж просил у главкома для подавления восстаний в тылах до 5 стрелковых дивизий [160, *93, 97*].

Учитывая втягивание территории Украины в войну с Польшей, переброска частей из других фронтов резко усилилась. Согласно оперативным данным, в строевые части Юго-Западного и Южного фронтов в 1920 г. было направлено Всероссийским Главным штабом 243 500 человек, из Запасной армии Республики — 129 348, из Запасных частей фронтов и армий — 29 718 человек [160, *Приложение*]. Всего на

Южный фронт с сентября 1920 г. направлено 68 тыс. шт. и 12 тыс. сабель, не считая 1-й Конной армии [189, *105*]. А вот по призыву 1-го Всеукраинского съезда незаможных селян в октябре 1920 г. прибыло из Екатеринославской, Харьковской и Донецкой губерний всего около 3 тыс. незаможников [189, *122*]. Из бюллетеня Донецкого губкома от 1 октября 1920 г. узнаем, что из мобилизованных на фронт против Врангеля 75 % — 18-летние юноши [223, *101*].

Роль интернационалистов повышалась каждый раз, когда возникали кризисные явления на тех или иных фронтах, что требовало неоднократной переброски таких частей. В своем донесении № 1784 от 15 мая 1920 г. командующий Туркестанским фронтом М. Фрунзе главнокомандующему Республики о формировании интернационального полка доносил, что «не позднее половины июня из интернационалистов будет сформирован целый стрелковый полк в полном штатном составе и артдивизион по расчету на две 3-орудийные батареи… Интернационалисты полка ходатайствуют об отправке их состава, целого полка не разбивать побатальонно. Прошу указать, куда, в чье ведение должны будут отправиться интернациональные части, и ходатайствую о заготовке для этих частей в пункте назначения вооружения, обоза и всего другого снабжения. Пользуясь случаем, вновь убедительно прошу срочным порядком прислать пополнение, надобность в котором особенно обострилась в связи с необходимостью выделения интернационалистов и вновь начатыми операциями в Фергане» [129, *407*].

В приказе № 18 от 22 июня 1920 г. М. Фрунзе по случаю награждения интернационального полка орденом Красного Знамени отмечал: «Изъявляя этим признательность российского пролетариата, Реввоенсовет Туркестанского фронта выражает твердую уверенность, что товарищи интернационалисты, проливавшие свою кровь на далекой азиатской окраине, будучи ***переброшены*** (выделено. — Н.К.) на западную границу Советской России, окажутся столь же стойкими бойцами за правое дело защиты всех трудящихся» [129, *408*].

Газета «Правда» от 3 июня 1920 г. сообщала о переброске из Сибири на Украину интернационального батальона «для борьбы с польскими панскими захватчиками и для борьбы с внутренними

врагами Советской власти, действующими в тылу на Украине». Проводящий смотр батальона заместитель Наркомвнудел начальник войск ВОХР В. Корнев отмечал «образец железной дисциплины и непоколебимой пролетарской твердости» бойцов, так необходимых для подавления «контры» на Украине [129, *253*]. Кстати, половина личного состава батальона (около 400 человек) — члены РКП(б) и кандидаты в партию большевиков.

Такие части на Украине были для большевиков на вес золота. Командир 3-й стрелковой бригады ВОХР командующему войсками внутренней службы Московского военного округа 13 ноября 1920 г. докладывал: «...21 июля под моим личным наблюдением и ответственностью был приведен в боевую готовность и отправлен в г. Харьков с полуэскадроном от батальона МЧК и взводом от 1-й отдельной легкой батареи 24-й (интернациональный) батальон; недостающий комсостав влит из частей бригады...» [129, *288*].

19 ноября 1920 г. общее собрание Казанской югославской секции коммунистов обратилось к бойцам, направляющимся на Украину, с призывом «помогать соответствующим органам ЧК в борьбе с тайными агентами, шпионами и провокаторами, следить за темными и подозрительными личностями, передать немедленно злоумышленников надлежащим органам Советской власти...» [129, *289*].

Красная армия в 1920 г. состояла из полевых войск и Внутренней службы ВОХР, в последствии ВНУС. Число последних к весне 1920 г. — 65 стрелковых отдельных бригад, в составе 4 — 6 отдельных стрелковых батальонов при 1 или нескольких кавалерийских эскадронов каждая. Задача — борьба с бандами, охрана объектов. ВОХР иногда привлекали к боевым операциям. Например, на Украине 2-я Московская бригада ВОХР принимала участие в обороне Киева в апреле — мае 1920 г. при наступлении белополяков [160, *47*]. А при взятии Киева в мае 1920 г. 2-я Московская бригада ВОХР была придана 45-й дивизии И. Якира. В группу штурмующих Киев входила и Днепровская флотилия, насчитывавшая до 1 000 человек. Участие в операции принимала также группа Голикова в составе 7-й и 25-й стрелковых дивизий. Во всех из них воевали и китайцы [160, *144*].

Интернационалистов в этот период очень широко использовали в различных особых частях для подавления контрреволюции. В свое время для борьбы против врангелевцев в октябре 1920 г. была создана отдельная интернациональная кавалерийская бригада. Из 1 880 человек ее состава 827 были интернационалистами. Ее основу составили части 1-й Отдельной интернациональной бригады, которыми командовал Э. Кужело. Переброшены они были на Украину из Средней Азии. После разгрома врангелевцев в конце ноября 1920 г. интернациональная бригада была переведена в распоряжение начальника тылового района 4-й армии для «очищения тыла армии от всякого рода контрреволюционных элементов» [129, *442*]. А уже 26 ноября бригада приступила к уничтожению формирований Н. Махно в районе Гуляй-Поле — Бердянск — Ногайск и вела непрерывные бои по разгрому махновцев до конца 1920 г. [157, *64*]. Даже советские историки не могли скрыть, не приводя подробностей, чьими же руками шло подавление восстаний в такой центральной губернии Украины, как Екатеринославская. В «Истории городов и сел Украинской ССР. Днепропетровская область» говорилось, что осенью 1920 г. активное участие в подавлении восстаний здесь приняли: Отдельная интернациональная бригада, 1-й Туркестанский интернациональный полк, 52-я Западная польская стрелковая дивизия, 3(519-й) интернациональный полк» [203, *47*]. Во всех из них служили и китайцы.

Советская власть держалась только на штыках карательных отрядов. Однако не всего можно было достичь даже и силой самых надежных интернациональных частей. В отличие от 1919 г., когда венгры рвались на помощь Венгерской революции «через труп Григорьева», в 1920 г. часть из них оказалась менее активной и более разборчивой. Так, 3 октября 1920 г. венгерский красный отряд отказался участвовать в карательных экспедициях, и заявил о своем желании об отправке его с внутреннего фронта на врангелевский или польский, так как они не могут ориентироваться в данной обстановке. Уговоры не помогли — отряд разоружили и отправили в Харьков. В этот же день В. Ленину была послана телеграмма, в которой говорилось:

«...Части армии надломлены предшествующими неудачами

и, несмотря на значительные подкрепления, ударов врага не выдерживают.

...Наша задача — во что бы то ни стало продержаться на левобережном участке и прикрыть Донбасс, не вводя в бой пока не готовой правобережной группы. Задача крайне трудная, ибо дух войск надломлен, среди масс идут разговоры об измене, свежих же резервов нет, положение усугубляется дезорганизацией тыла. В самом Харькове у меня сейчас нет ***ни одной надежной части*** (выделено. — Н.К.). Настроение запасных частей, почти совершенно раздетых и плохо питаемых, определенно скверное. Чувствую себя со штабом фронта окруженным враждебной стихией... *Фрунзе*» [129, *452*].

И это сказано тогда, когда Красная армия в Советской России в целом имела наибольший количественный состав — около 5,5 млн. человек! Но все дело в том, что в этот период на одного бойца на передовой приходилось 10 едоков в тыловых формированиях: обслуживающих, охранных, железнодорожных, трудовых, запасных и прочих частях. То есть из этих 5,5 млн., как заметили А. Бубнов, М. Тухачевский и другие авторы второго тома «Гражданской войны» (1928) [200-А, *17*], только около 580 тысяч бойцов из полевых войск ковали победу на передовой. И среди них и интернационалисты. Но поскольку интернационалисты служили и в охранных и карательных частях, то к этим 580 тысячам следует добавить еще и более 300 тысяч активных штыков из ВНУС. И выходит, что почти на 900 тысяч активных бойцов на внешнем и внутреннем фронте приходится, даже по советским меркам, около 300 тысяч иностранцев, в том числе служивших и на Украине. А поскольку интернациональные войска, что на передовой, что на внутреннем фронте, были не самые худшие, то это обстоятельство и заставило нас уделить столько внимания данной главе и заострить вопрос, какова же истинная роль интернационалистов в Гражданской войне на Украине. Но вернемся к карательным отрядам на Украине и подавлению восстаний.

17 ноября 1920 г. для «очищения тыла армии от всякого рода контрреволюционных элементов» в непосредственное подчинение

начальника тыла 4-й армии передаются 42-я стрелковая дивизия, 4-я отдельная Богучарская бригада и Отдельная интернациональная кавалерийская бригада. [129, *444*]. Задача поставлена частям конкретная — блокировать район повстанцев Н. Махно и разгромить их. После завершения боев за Чонгар Первую Конную армию, как пишет Ли Фу-цин, также «перебросили на ликвидацию махновских банд, которые впоследствии были полностью уничтожены ею в *горных* районах Украины» [180, *208*].

В Крыму расправа с бывшими попутчиками борьбы против П. Врангеля шла своим чередом. Но уже описанными выше методами и понятно, чьими руками. По определенным причинам подробно карательные меры интернационалистов в Крыму рассматриваться не будут. Приведем только слова отставного офицера Советской армии Н. Лисняка, который в рукописи «Караяшник» (М., 1996 г., не опубликована) заметил: «вы почитайте книгу И.А. Курганова «Сратегия коммунизма» о зверствах интернационалистов в Крыму!..» [И. Курганов — американский историк. — Н.К.]. Командующий Южным фронтом 17 ноября 1920 г. командармам 4-й и 6-й предписывал «в районах Сальского и Перекопского перешейков поставить ***особые заградительные отряды с представителями от Особых отделов армий*** (выделено. — Н.К.)» [129, *484*]. Действовали заградительные отряды согласно разработанной Крымским ревкомом инструкции. Наряду с русскими красноармейскими частями к карательным действиям были привлечены и интернациональные формирования. Для заграждения и разгрома махновцев 409-й полк 46-й дивизии выделил батальон надежных интернационалистов, которые блокировали Перекоп, а надежные части из 19-го полка 3-й стрелковой дивизии блокировали Арабатскую стрелку. Интернационалисты, в том числе и китайцы, из уже упоминавшегося 137-го полка 46-й бригады составили костяк 4-го так называемого отряда по борьбе с бандитизмом в Крыму (1 000 бойцов).

Весь 1921 год интернационалисты в составе других воинских особых частей и милиции активно подавляли многочисленные очаги восстаний. При этом власти старались одиозных в глазах местно-

го населения интернационалистов постепенно демобилизовать, а части распустить, но последние часто протестовали и высказывали свое намерение еще повоевать. Показательны рапорты командира 1-го Туркестанского интернационального полка, протестующего против его расформирования. Он 16 февраля 1921 г. писал: «...считаю долгом донести, что вверенный мне 1-й Туркестанский интернациональный полк за беспримерные геройские подвиги награжден орденом Красного Знамени, что видно из прилагаемых при сем документов, а потому согласно статусу о наградах расформирован быть не может» [129, *497*]. Более того, полк играет большую роль в разгроме банд на территории Старобельского уезда Харьковского военного округа. Например, как пишет командир интернационалистов в другом документе, «17 сего февраля одной из рот полка и пулеметной командой был разбит отряд бандитов в числе 27 кавалеристов и 50 человек пехоты, причем предводитель отряда Шаповалов взят в плен» [129, *498*].

В апреле 1921 г. в Таврической губернии действовал Глазунов, собравший вокруг себя местные повстанческие отряды до 1 000 человек. В Изюмском уезде оперировал Общий и пехотный отряд Савонова. Возле Славянска — отряды Сыроватского (Серобабы) и Колесниченко. К 20 апреля они насчитывали до 2 000 штыков и сабель. В Старобельском уезде действовала группа (до 1 000 сабель и штыков) Каменева (Каменюка), в Миллеровском районе казачий отряд (до 500 сабель) Фомина, в Богучарском уезде отряд (300 сабель) Пархоменко. На Херсонщине действовал отряд (200 штыков) Павловского, которого сменили Свищ и Черный Ворон. На Полтавщине оперировал отряд Иванюка, общей численностью до 500 сабель. Общей численностью махновские отряды доходили до 15 000 человек [129, *555, 556*]. В 1921, да и в 1922 гг., ввиду восстаний карательные части были по-прежнему востребованы. В декабре 1921 г. в ЧОН насчитывалось:

в пехоте: 10 бригад, 31 полк, 100 батальонов, 260 рот. Численность кадрового состава — 39 637 и переменного (коммунистов-чоновцев) — 323 372 человека;

в кавалерии: 10 полков, 5 дивизионов, 17 эскадронов и 1 от-

дельный взвод. В частях и подразделениях конницы числилось 1 100 человек кадрового и 6 260 человек переменного состава;

в артиллерии: 13 батарей и 1 взвод. Кадровый состав — 510 человек и переменного — 990 [164, *53*].

В 1922 г. ЧОН еще в большей степени, чем в 1921 г., вели боевые операции против повстанцев. Уже в январе 1922 г. на военное положение было переведена часть войск особого назначения. На Украине на военном положении находились ЧОН Николаевской и Подольской губерний. В то же время в боевых операциях участвовали некоторые части особого назначения, например, Донской и Кубанско-Черноморской областей. Согласно указаниям ЦК РКП(б), тысячи чоновцев Украины, Северного Кавказа и Поволжья участвовали в проведении продразверстки. С марта 1922 г. части особого назначения нельзя было использовать для подавления мелких банд, предписывалось, что пусть занимается ими милиция [164, *55, 56*].

В послевоенный период на Украине части особого назначения продолжали играть важную роль. По сравнению с другими регионами России, в 1922 г. на Украине и в Крыму в рядах ЧОН состоял 4 851 боец, тогда как в Сибири — 2 584, в Грузии — 602, на Западном фронте — 568 человек. Всего, по данным командования, с 1 января по 1 августа 1922 г. в боях участвовало свыше 20 тысяч бойцов ЧОН [215, *11*]. Причем подавлялись в 1921 — 1923 гг. представители рабочего класса, диктатура которого якобы и была установлена. В Екатеринославе 2 июня 1921 г. по итогам подавления восстания железнодорожников 51 человек расстрелян, 200 арестовано, а в декабре 1921 г. в Елисаветграде по факту «заговора» арестовано 85, расстреляно 55 чел. В ходе разгрома «заговора» 1922 г. в Проскурове расстреляно около 200 человек, причем это не приверженцы украинства, большинство из них были противники его. В Киеве за восстание в 1922 г. расстреляно 148 казаков. В Одессе (Одесский морской заговор) расстреляно в 1922 г. 260 человек [222, *95, 100, 101*]. Неспокойная обстановка была на крупных промышленных предприятиях и в 1923 г. Только за январь — март на солевых и угольных рудниках Донбасса было 1 076 выступлений рабочих, в которых участво-

вало 14 262 горняка [256, *137*]. Расформированы части особого назначения были только в 1924 — 1925 годах.

Части же Красной армии начали переводить на территориально-милицейскую систему только в 1921 г. на основании решения X съезда партии [164, *45*].

Таким образом, с окончанием боевых действий на фронтах Гражданской войны на Украине, роль интернациональных частей в подавлении внутренней контрреволюции оставалась значимой. Это диктовалось наличием восстаний крестьян на Западной Украине, подогреваемой военно-политическими кругами Польши. Это диктовалось и активностью вчерашних сподвижников Н. Махно на Левобережной Украине, которые с окончанием боевых действий против А. Деникина и П. Врангеля оказались предоставленными сами себе. Бывшие красные партизаны и *братья* по оружию в борьбе с белогвардейцами теперь перешли в разряд бандитов с точки зрения советской власти. И таковыми они стали в глазах ими же терроризированного крестьянства, которое уже устало от ужасов и тягот гражданской войны.

Кроме этого, роль интернациональных частей оставалась важной по следующей причине: нужно было в условиях крестьянских восстаний обеспечить Советскую Республику необходимым продовольствием. Уже 18 мая 1921 г. В. Ленин писал: «Тов. Фрунзе. Копии тт. Петровскому и Раковскому и ЦК КПУ… Тов. Бухарин говорит, что урожай на юге превосходный. Теперь главный вопрос всей Советской власти, вопрос жизни и смерти для нас, — собрать с Украины 200-300 миллионов пудов. Для этого главное — соль. Все забрать, обставить тройным кордоном войск все места добычи, ни фунта не пропускать, не давать раскрасть. Это вопрос жизни и смерти…» [191, *52*].

Чтобы оценить роль интернациональных, в том числе и китайских, формирований в период 1919 — 1921 гг. на Украине, необходимо попытаться ответить на следующий конкретный вопрос: сколько же всего принимало участие китайских бойцов в этот период на территории Украины в частях Красной армии? Действительно, если в красногвардейский период 1917 — 1918 гг., как указывалось ранее, участвовало свыше 5 тысяч китайцев, большин-

ство из которых погибло, то, сколько их приняло участие в военных действиях на территории Украины в последующий период? Мы произвели следующий подсчет: сложили количество упоминаемых в настоящем издании китайских бойцов в отдельных формированиях. Если указывалось в источниках точное количество китайцев в ротах, эскадронах, батальонах, отрядах, складывались точные цифры. В тех источниках, где говорилось только о ротах без указания количества в них китайцев, бралось номинальное количество — 150 человек; о батальонах — в среднем 600 человек. Количество китайцев в батальонах на протяжении Гражданской войны, исходя из источников, варьировалось от 180 до 1 000 человек. При этом не учитывался фактор пополнений китайских подразделений ввиду понесенных безвозвратных потерь. Например, несмотря на факты конкретных потерь китайского батальона 461-го полка в Донбассе — свыше 200 китайских бойцов (1919 г.), на Волыни — свыше 120 бойцов, крупных потерь в других боях, что говорило о смене личного состава почти на 100 %, мы исчисляли этот батальон только на момент формирования его в Куправе — 307 бойцов. Не вошли также в общее количество китайские бойцы из смешанных формирований, о которых источники упоминают, но не указывают точное количество (например, бронепоезд № 74 им. Сталина, 407-й полк и другие). Украинские историки советского периода не называли по непонятным причинам общее количество воевавших на Украине китайцев, а только указывали, что они приняли участие в борьбе за советскую власть на Украине в 25 отдельных частях и в 31 части они служили разрозненно [194, *257*]. В отношении большинства частей, в которых китайцы служили разрозненно, следует отметить, что источники не указывают точное количество в них китайцев. Но эти части — резерв, в них может быть количество китайцев от нескольких человек до роты и более. Не поддается подсчету количество участников в партизанских отрядах и подполье, а также в особых и заградительных отрядах. Не поддается учету количество китайцев в контингентах губернских и уездных ЧК, милиции. В таких случаях исчислялись только конкретно указанные цифры во время каких-либо боевых операций.

Например, во время нападения летом 1919 г отряда Соколовского на местное ЧК в Новгород-Волынске, в бою участвовали китайцы, из которых 30 погибли. Понятно, что количество китайцев в отряде ЧК было более 30, но учитывалась только эта цифра. И таких примеров много.

В итоге можем сказать, что в период с января 1919 г. по 1921 г. включительно на территории Украины в различных воинских формированиях приняли участие свыше 16 тысяч китайских бойцов. Из них около 7 000 (43,38 %) имеют местный, украинский источник формирований, а свыше 9 000 бойцов (56,62 %) — прибывшие (передислоцированы) из-за пределов территории Украины в ходе Гражданской войны. Распределенные в малые отряды по 75 — 150 человек (кроме рот и батальонов на передовой), они играли важную роль в конкретных эпизодах в конкретных местностях Украины на протяжении 1919 — 1921 годов. С учетом количества красногвардейских китайских бойцов (1917 — 1918 гг.), исчисляемого нами свыше 5 000 человек, можно говорить, что в период революционных событий на Украине (1917 — 1921 гг.) в красногвардейских и красноармейских формированиях принимало участие ***свыше 21 тысячи китайцев***. (С учетом же резервов, о которых говорилось выше, эта цифра может возрасти до 22-24 тысяч китайских бойцов). Это сравнимо с численностью всех украинских партизанских дивизий группы И. Кожевникова по состоянию на январь 1919 г. (около 20 тысяч штыков). Это больше, чем 1-я (11 тысяч штыков и сабель) и 2-я (7 тысяч шт.) украинские стрелковые дивизии, вместе взятые по состоянию на март 1919 г. Это сравнимо с численностью 8-й и 13-й армий, вместе взятых при обороне Донбасса в апреле 1919 г. (26 тысяч шт.). По нашим оценкам, на территории Украины китайцев воевало 25-30 % от их общего количества на всех фронтах Гражданской войны в Советской России. Это соотносится с общей оценкой китайских дипломатов, что всего в русской революции и Гражданской войне принимало 60 — 70 тысяч китайских бойцов [247, *59*]. Сан Зай-лу, прослуживший до 1924 г. на Восточном фронте, отмечал, что китайцев в Гражданскую войну служило на этом фронте 24 тысячи, 6 тысяч из которых погибли [123, *2*]. Если это так, то можно предположить, что

еще треть китайцев служили в центрально-европейской части России, на Северном, Западном, Кавказском и Туркестанском театрах военных действий.

Таким образом, в результате изучения роли, которую играли китайцы, сражаясь в китайских и смешанных интернациональных формированиях, можно указать на следующие особенности Гражданской войны на Украине периода 1919 — 1921 годов. Во-первых, местное население политику большевистского правительства на Украине в этот период не поддерживало. Во-вторых, ряды Красной армии местное население из крестьян, в отличие от центральных регионов России, даже вследствие принудительной мобилизации существенно не пополнило. В-третьих, Красная армия из местного компонента разлагалась, была ненадежна, порождала дезертиров. В-четвертых, надежными войсками на передовой считались, в основном, интернациональные или неместные части. В-пятых, основу заградительных отрядов в армии составляли интернациональные части, как самые надежные. В-шестых, карательные экспедиции против восставших крестьян качественно проводили, в основном, интернациональные части, в то время как местные контингенты это делать отказывались. Эффективность красного террора обеспечивали иностранцы. Иностранцы-большевики шли воевать везде; местные представители национальных окраин, за исключением известных ярких представителей из числа большевиков-коммунистов, — нет; русские офицеры, за исключением вполне осознанных мотивов, вынуждены идти были воевать везде ввиду заложничества семей и террора инородцев в Великороссии. В-седьмых, в ходе подавления восстаний, после неоднократного восстановления советской власти, эта власть на своих территориях поддержкой местного населения не пользовалась; местные органы советской власти в селах и городах опирались на штыки «венгров, латышей и китайцев». Значение интернациональных формирований заключается в том, что без них, как бы они ни были по сравнению с украинскими меньше численностью, советская власть только усилиями местных большевиков установиться не могла. Поскольку она и так была установлена с большим надрывом и проблемами, за которыми кроется много человеческой крови.

ГЛАВА 7.
ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ. БЫВШИЕ КИТАЙСКИЕ КРАСНОАРМЕЙЦЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Советские источники 50—60-х гг. отмечали, что с окончанием Гражданской войны в бывшие китайские красноармейцы вернулись на родину. Однако этот процесс, на наш взгляд, оказался не так прост и продлился во времени почти 30 лет. Не все участники войны смогли сразу вернуться в Китай. Некоторые вообще не вернулись. На это есть свои причины.

Согласно приказам по войсковым частям, комитетам по мобилизации и на основании телеграммы начальника админуправления Юго-Западного фронта № 9612/маи (февраль 1921 г.) от воинской повинности освобождались все иностранные подданные, которые при царской власти считались таковыми (Англии, Франции и др.), а также граждане тех стран, которые выделились из состава России и ею признаны (Финляндия, Польша в ее административных границах старого Польского царства без Холмщины, Волыни, Гродненской губернии). Не считались иностранными подданными граждане еще не признанных Латвии, Литвы, Грузии, Бессарабии. Общим правилом считалось, все бывшие подданные Российской империи, находящиеся на Украинской территории, без различия национальностей и религий считаются подданными Украинской Советской Республики и подлежат воинской повинности. Добровольно вступившие иностранные подданные в Красную армию освобождению от воинской повинности не подлежат [109, *7*].

В том же 1921 г. из Средней Азии отправлены все интернациональные части, бойцы которых пожелали вернуться на родину, в основном в Европу [157, *207*]. В отличие от европейцев, китайцы же, по-видимому, продолжали служить в различных охранных, карательных частях.

Уже в марте 1921 г. уездными комиссариатами Украины были обнародованы приказы, в которых предписывалось отправить че-

рез ближайшие губэваки домой беженцев из Латвии, Литвы, Эстонии, т.е. в земли, занятые «врагом», или не вошедшие в состав РСФСР. Поляков предписано взять на учет и до начала эвакуации обеспечить работой. Бывших военнопленных германской и австрийской армий, увольняемых в бессрочный отпуск из Красной армии, предписывалось направлять в Центроэвак в Москву [105]. О китайцах не говорилось ничего. Однако в архиве Донецкой области сохранилось два свидетельства о первых попытках отправки китайцев в Китай весной 1921 г. Так, в удостоверении красноармейца Фин Фу-рина В.Ф., выданного в апреле 1921 г. штабом 16-й Отдельной бригады Донецкой дивизии войск ВЧК Украины (ВУЧК), говорилось, что он направляется в Москву в Центроэвак как иностранец [3, *4*]. Причем, как оказалось, уехать в Китай, это еще не означало уехать безвозвратно. Чин Хо-хай пишет: «В 1921 г. нас демобилизовали в Китай, доехали до Маньчжурии, нас арестовали. Я оттуда убежал в Россию и попал в Волгодон[ск] и работал на ж. дороге. В 1924 году и до 1928 г. я работал на кожевенном заводе в Ростове. В 1929 году попал в Харьков в прачечную, где работал до 1931 г., а в 1931 г. попал в Горловку на шахту № 8, где и работаю до сего времени в прачечной» (1931 г.) [5, *4*].

За вторую половину 1921 г. через Луганский уездный эвак отправлено всего 3 936 беженцев из Польши, Латвии, Литвы, а также 26 бывших военнопленных и 215 мигрирующих рабочих [110, *20*]. Никакого движения китайских подданных в данное время нет. Однако по приказам военных комиссариатов, начиная с 1921 г., постоянно демобилизуются из армии категории специалистов гражданских профессий на фабрики, заводы, рудники. Даже конкретно называются эти предприятия. С дивизий такие команды отправляются организованно под командой старших. Среди них и забойщики шахт, в том числе и единичные случаи китайцев (например, на Изваринском руднике — два бывших красноармейца). Но большинство китайцев продолжали служить в рядах Красной армии: шла Гражданская война на Дальнем Востоке; необходимо было подавлять мятежи на Украине, бороться с «антоновщиной» в Тамбовской губернии, басмачами в Туркестане. Учитывая, что во вто-

рой половине 1921 г. путь в Китай пока был закрыт, многие китайцы продолжали служить в ЧК, милиции. Большинство из них при демобилизации из Красной армии вступали в ряды именно милиции. Находясь на гражданских работах, многие из них продолжали сотрудничать с органами ЧК. Например, по состоянию на декабрь 1921 г. только в военной группе Луганской уездной ЧК состояло 120 осведомителей, в том числе из бывших красноармейцев и чекистов [104, *125*].

Каким был в 1920 — 1921 годах правовой статус для иностранцев? В 1920 г. и весной 1921 г. для иностранцев выдавались временные удостоверения с видом на жительство, в том числе и для всех граждан других советских республик, сроком на 6 месяцев. Надо иметь в виду, что временные удостоверения в мае-июне 1920 г. выдавались всем, кто жил не на своем месте — беженцам, а также тем, кто переезжал на другое место жительства, занимался торговлей за пределами уезда. Цель введения удостоверений — упорядочить переезды и передвижения граждан [75, *1, 2*].

В 1921 г. введено Положение о междуведомственных комиссиях по выдаче разрешений на имущество репатриируемых. СНК УССР 21 октября 1921 г. дополнил, что это происходит на следующих основаниях: на основе виз НКИД или сообщения Эвака об отправке. О браках иностранцев между собой и с украинскими гражданами и о детях от этих браков в Положении говорилось (п.16), что «дети, родившиеся в УССР от иностранцев, считаются гражданами УССР, даже если родители иностранцы, и если по достижении ими совершеннолетия, установленного законами УССР, в течение годичного срока они не сделают заявления о желании приобрести гражданство родителей, а в случае разногражданства — одного из них» [78, *20*]. Затем было циркулярное письмо к п.10, что муж и жена получают вид на жительство по отдельности.

В сентябре 1922 г. был разослан циркуляр НКВД № 180 «Временные правила» на выдачу временных свидетельств на жительство.

Свидетельства выдавались на период не менее 6 месяцев. Крестьяне и рабочие, занятые в сельском хозяйстве в 50-ти верстной зоне, освобождались от выдачи разрешений.

Также освобождались члены ВУЦИК, ЦК КП(б)У, губернских исполкомов, партийных комитетов, зав. Уездными отделами исполкомов, военнослужащие и учащиеся [77, *16*].

Для выдачи удостоверений необходимо было подать заявления и документы (учетно-воинская карточка; старый вид на жительство или метрическая запись; удостоверение с места работы). Виды на жительство выдавались немедленно, исключение составлял 2-х недельный срок для наведения справок при неубедительности поданных документов. Удостоверение выдавалось, начиная с 15 лет. Малолетние (не более 16 лет) вписывались в свидетельства отца или матери. При утере свидетельства необходимо было срочно заявить в милицию и дать объявление в газете, после чего через 7 дней выдавалось новое свидетельство. Плата при этом составляла только в размере стоимости бланка [77, *4*].

Начиная с мая 1922 г. во исполнение требований НКВД во всех губернских городах УССР были приняты приказы, обязывающие всех иностранных подданных пройти перерегистрацию и стать на учет по месту жительства. Приказ Донгуботуправления от 29 сентября 1922 г. объявлял о регистрации и перерегистрации иностранных граждан в 2-х недельный срок. Нужно было предоставить паспорта или вместо них временные удостоверения, анкеты (5 шт.), 3 заверенные фотографии. А п.12 гласил, что, если документы иностранцев недостаточно полны и убедительны, они получают вид на жительство граждан УССР [78, *75, 77, 105*; 113, *128, 146, 180, 207*].

Многие иностранцы собрать необходимые документы в срок не смогли. Многие подтверждающие документы, например, паспорта, были безвозвратно утеряны в ходе Гражданской войны или были недоступны, поскольку до войны хранились в архивах предприятий. Иногда иностранцы предоставляли не три, а две фотографии. И этого было достаточно, чтобы они не прошли перерегистрацию. На многочисленные запросы с мест, как поступать с не прошедшими регистрацию иностранцами, давались однотипные ответы вышестоящих органов. Так, отделом Управления Луганского Уисполкома в письме на запрос Лозово-Павловскому волисполкому от 5 февраля 1923 г. № 943 пояснялось, что регистрация (перерегистрация) иностранных подданных

должна происходить в соответствии с приказом Донецкого губуправления № 167 (1922 г.). При этом подчеркивалось, «что иностранцы, не зарегистрированные до 10 декабря 1922 г., будут считаться механически переведенными в подданство УССР» [106, *12*].

Автоматическое переведение не подтвердивших свое подданство иностранцев в украинское не гарантировало спокойной и комфортной жизни на территории УССР. Параллельно с процессом перерегистраций по указанию НКВД на местах составлялись списки иностранцев, в которых особо фиксировались их «классовая принадлежность и психическая благонадежность» [113, *128*]. Особенно чутко следили органы милиции и ЧК в период ведения международных переговоров по послевоенному переустройству Европы за поляками, дабы они не спровоцировали какие-либо беспорядки, что могло бы вызвать нежелательный международный резонанс. На практике под словами «подданство УССР» понималось «русское подданство». Лозово-Павловский райисполком в своем письме Луганскому Уисполкому от 16 апреля 1923 г. докладывал, «что все проживающие в нашей волости иностранцы... автоматически переведены в русское подданство и взяты на учет по военному отделу, при сем прилагаю список бывших иностранцев, которые автоматически переведены в Русское подданство по Лозово-Павловской волости» [106, *68*].

Многим иностранцам, особенно китайцам, персам, корейцам и другим, организованно завезенным в Россию на работу, не удалось подтвердить свое подданство. На это повлияли следующие причины. В это время происходил административный передел волостей, что не позволяло оперативно провести и закончить перерегистрацию. Иностранцы не смогли оперативно заполнить анкеты, получить необходимые справки. Иногда, как указывалось выше, не могли сделать по техническим причинам вовремя фотографии или сделали меньшее количество от требуемого. У многих не оказалось виз НКИД на въезд: как, например, быть китайцам, нелегально перешедшим границу? При получении отказа о регистрации, многие иностранцы отказались от подачи исков в суд, чтобы по его решению получить подданство, хотя закон это позволял сделать. Но для этого нужны были время и деньги, которых у них не

было. Даже за временные удостоверения и бланки анкет нужно было платить.

В результате некоторые иностранцы получили даже не гражданство УССР, а вид на жительство. Еще в конце марта 1922 г. каждый начальник районной милиции получил к исполнению такой приказ: «Предоставляю Вам право с сего числа выдачу видов на жительство гражданам, работающим на фабриках, заводах и предприятиях, которые находятся под охраной Вашей и расположенные которые на границах Вашего района. На всех граждан, которым выдали указанное, составлять периодами через 2 недели именные списки с указанием, кому выдано, откуда происходит, где проживает, и направляйте начальнику милиции такого-то района… на предмет регистрации» [81, *59*]. Все бланки и получение вида на жительство — платные, за исключением для беспризорных несовершеннолетних [81, *115*].

Всего гражданство подтвердили по Луганскому уезду 36 китайских подданных. В том числе 7 китайцев из Криничано-Николаевской волости Алчевского района, 12 китайцев из Изваринского рудника, 17 — из шахты № 1 Сорокинского рудника (г. Краснодон) [107, *20, 21, 29*]. Да и то, это стало возможным вследствие их компактного проживания и работы на предприятиях повышенной значимости для народного хозяйства.

В дальнейшем, к концу 1922 г., регистрация иностранцев, оформление анкет, паспортов, видов на жительство, их выдача и прочее было упорядочено, плата за выдачу паспортов иностранцам была отменена. Судебные, административные и другие репрессивные действия по отношению к польским беженцам и военнопленным прекращены [109, *14, 34*; 63, *1 — 3*]. Проезд же китайцев на родину до 20 апреля 1923 г. был по-прежнему закрыт. А с этого времени в полосу отчуждения все равно можно было въехать только по разрешениям соответствующих отделов губернских управлений [108, *3*].

В период 1922 — 1925 гг. регистрация китайских рабочих проводилась Союзом китайских рабочих на Украине. Он просуществовал до 9 января 1925 г. В дальнейшем работа была сосредоточена в ЦК НАЦМЕН ВУЦИК и ВУСПС.

Чем занимался и как функционировал Союз? В циркулярном письме Донисполкома от 27 ноября 1922 г. говорилось, что при сем посылается Устав Союза китайских рабочих на Украине, утвержденный НКВД. Впредь до особого распоряжения Союзу предоставляется право выдавать временные удостоверения китайских рабочих, по которым губернский отдел управления (Губотуправ) признает их иностранцами. Союзу предоставляется также право удостоверять личность и заверять фотокарточки [76, *309*].

Положения Устава гласили следующее.

1. Союз есть организация рабочих трудящихся китайских граждан, проживающих на территории Украины.

2. Задача Союза — работать в целях организации взаимопомощи и культурно-просветительской работы среди китайских рабочих.

3. Союз имеет право: а) охранять и защищать личные и имущественные права китайских граждан во всех центральных и местных учреждениях в пределах законодательства УССР; б) удостоверять подлинность национальных документов и удостоверять личность; удостоверения — основание для выдачи Отделением Управления соответствующих Губисполкомов украинских видов на жительство для иностранцев; в) открывать и содействовать для своих членов Союза общежития и культурно-просветительские учреждения; г) организовывать артели; д) заключать договоры, приобретать движимое имущество для нужд Союза; продавать имущество; подавать иски в суды и отвечать по ним; е) Союз имеет печать с подписью своего наименования.

4. Союз имеет права юридического лица.

5. Правление Союза пребывает в г. Харькове.

6. Союз имеет право открывать свои отделения при наличии не менее 20 членов.

7. Средства Союза — членские взносы, размер которых устанавливается делегатским собранием, и случайные поступления.

8. Членами Союза могут быть трудящиеся обоего пола китайского происхождения или национальности и не эксплуатирующие чужой труд, проживающие на территории Украины, достигшие 18 лет, не были под судом и не лишенные по закону права участия в общественных организациях.

Примечание. Лица от 16 лет и не имеющие родных на Украине, могут приниматься в Союз, не пользуясь при этом решающим голосом, и не имеют права быть избираемы на должностные места в Союзе.

9. Прием членов производится на заседании Правления; удостоверения членов регистрируются каждый месяц в местных органах Союза.

Высшим органом, согласно уставу, является делегатское собрание, избираемое на местных собраниях членов Союза из расчета: 1 делегат от 10 членов. Делегатское собрание проходит 1 раз в год.

О проведении собрания сообщается за 2 недели через газету ВУЦИК «Вісті».

Центральное правление избирается на 1 год.

Союз ликвидируется по решению делегатского собрания или по решению властей.

Судьбу имущества решает НКВД.

Объявление о ликвидации публикуется в газете ВУЦИК «Вісті» [76, *309 — 311*].

Уполномоченным союза выдавали удостоверения. Например, мандат Союза Юзовского исполкома Донецкого бассейна, выданный т. Джан Чун-дину, гласил, что он действительно уполномоченный Союза по Юзовскому округу. Ему разрешается: защищать рабочих; за неисполнение его распоряжений производить аресты среди китайских рабочих; производить ревизии у них; проводить общие собрания во всех рудниках Юзовского округа. Мандат предписывал оказывать ему содействие и разрешал ему пользоваться телефоном [9, *4*].

Союз выдавал членам удостоверения, в котором указывалось их китайское подданство. В удостоверении отмечалось, что оно служит видом на жительство сроком, например, на 1 месяц (по состоянию на декабрь 1923 г.).

Членские билеты все с фотографиями. Такие же удостоверения выдавались их русским женам, где они указывались как китайско-подданные. По г. Сталино (Донецк) имеется более 400 удостоверений, в которых практически все китайцы имеют браки с русски-

ми женщинами [9]. По Юзовке имеется более 300 удостоверений, и тоже все китайцы женаты: жены — русские женщины [7]. В этих удостоверениях русские женщины в возрасте от 18 до 45 лет в соответствии с законодательством (иначе им бы такие удостоверения Союза китайских рабочих не были выданы) обозначены как китайско-подданные. Если упростить информацию из этих удостоверений, то она выглядит приблизительно следующим образом:

Фамилия — Ли Сун-дин.

Имя — Агафья Пантелеймоновна.

Уроженка — Херсонской губернии.

Национальность — русская.

Подданство — китайско-подданная.

Возраст — 18 лет и т.д.

В газете «Слава Краснодона» ветеран труда К. Дахненко отмечал, что «почти все приехавшие сюда китайцы, татары, турки обзавелись семьями, женившись на русских... девушках» [242]. Но те из китайцев, кто принял подданство СССР, естественно уже имели членов своих семей только как советских поданных.

Председателем Союза китайских рабочих на Украине в Юзовском округе Донецкого бассейна был Лю Ван-сан, члены Союза — Ли Ли-ю, Ха Де-ша и другие, секретарь и переводчик Ван Ден-фа [9, *27*].

Членам партии из числа китайцев могло быть выдано разрешение на ношение оружия. Например, Юзовский окружной комитет КП(б)У дал согласие от 4 января 1924 г. на ходатайство Союза китайских рабочих Юзовского исполкома о выдаче Лю Ва-са разрешения на право ношения оружия согласно партийному билету за № 1842 [8, *1, 2*].

Теперь члены Союза, в отличие от 1920 — 1922 гг., сами контролировали процесс перерегистраций китайских подданных и влияли на решение своих вопросов в местных органах власти. В протоколе общего собрания «О регистрации рабочих китайцев, проверке их документов» от 30 декабря 1923 г. есть решение: «К 15 января 1924 г. закончить выдачу всех документов. К не явившимся принять репрессивные меры» [6, *6*]. А в п.2 этого решения высказан протест местным властям о том, что китайцы в свое время приехали помогать

России, и отдали для этого много сил, а потому требуют от властей, чтобы их не смели увольнять в процессе сокращения рабочих мест [6, *6*]. Также местное отделение просило правление рудников сразу удерживать с заработной платы китайских рабочих по 50 копеек золотом как членские взносы в Союз китайских рабочих [6, *8*]. На это имеется циркулярное письмо с протестом Сталинского горисполкома, в котором говорилось, что это удержание незаконно, что членские взносы — дело добровольное и касается только самих членов Союза.

В этот период китайские рабочие при поступлении на работу на предприятия группами заключали с администрациями коллективные договора. Например, в договоре от 1 сентября 1922 г. между управлением Изваринского рудника и 20 китайцами говорится:

«1. Мы, нижеподписавшиеся китайцы, обязуемся работать на Изваринском руднике от сего числа до Пасхи будущего 1923 г.

2. Управление Изваринского рудника обязуется к Пасхе 1923 г. учинить с ними полный окончательный расчет и задержки в отправке на родину после Пасхи не чинить» [74, *8*].

Теперь вернемся к демобилизации и процессу выезда китайцев на родину. В 1922 г. китайцами, служившими на Юге России, вновь делаются попытки выехать на родину. Вот как описывает свою попытку уехать в Китай бывший красноармеец Ли Куй, закончивший службу в 1922 г. в Тифлисе, но оказавшийся по воле судьбы на Украине:

«Мне дали форменный документ до г. Томска [,] где был наш консул [.] Я был направлен до него, чтобы он меня отправил на родину. Когда я доехал до станции Лихой, у меня документы украли все [,] какие были... я по-русски говорить совершенно не мог и добиться я ничего не мог. Меня в то время никто не мог понять, моего языка [,] а теперь находятся мои поручители, которые знают [,] что я был действительно вместе с ними» [17, *3*]. Вот и пришлось Ли Кую ждать, пока из армии вернутся знавшие его сослуживцы и не подтвердят, что он действительно воевал в Красной армии. Время прошло. Ли Куй так в Китай и не уехал и остался навсегда жить на Украине.

Демобилизация иностранцев из армии с окончанием Граждан-

ской войны усилилась. Власть, по-видимому, руководствовалась принципом: помогли, спасибо, а теперь — домой, домой (присутствие иностранцев как участников карательных экспедиций сильно раздражало местное население). Тем более что содержание армии для разрушенного войной хозяйства очень обременительно. Приходилось экономить на всем, в том числе и на перевозках железнодорожным транспортом. Поэтому рапорты об отправке китайцев на родину выглядят несколько оптимистичными, если даже советская власть абсолютно не позаботилась о возвращающихся в Россию бывших русских военнопленных, прибывающих из Европы. У последних безразличное отношение власти большевиков вызывало слезы обиды и разочарования. Они ведь видели, как в самых маленьких немецких городах возвращающихся немцев-военнопленных из России встречали как героев, пропуская через триумфальные цветочные арки. Возвращающихся из плена русских, в том числе больных, раненных и инвалидов, в России ждали на первых вокзалах холод, голод и безразличие.

В 1921 г. происходило крупное сокращение Красной Армии сразу на 500 тысяч человек. Тут же подсчитали: развести по домам — сильно загрузить железные дороги. А если ждать постепенного «развоза» по домам, то этих людей надо кормить, одевать, обогревать.

В. Ленин написал по этому поводу записку Г. Зиновьеву: «Надо в корне изменить: переставать давать что бы то ни было. Ни хлеба, ни одежи, ни обуви. Сказать красноармейцу: либо уходи сейчас пешком «без ничего». Либо жди 1 год на 1/8 фунта и без одежи, без обуви. Тогда он уйдет сам и пешком…». Политбюро ЦК РКП(б) на другой день после письма В. Ленина Г. Зиновьеву, 6 апреля 1921 г., приняло постановление: «Признать необходимым радикально изменить быстроту демобилизации. Для этого: не везти демобилизуемых по железным дорогам, а отпускать пешим хождением…» [153, *140*].

Китайцы, зная о том, что за службу в Красной армии их никто в Китае не ждет (вспомните, как в Маньчжурии был в 1921 г. арестован Чин Хо-хай, опять бежавший в Россию), старались до последней возможности не демобилизовываться. Следует отметить,

что с окончанием Гражданской войны в России китайцы определенное время не знали, куда себя определить, поскольку в Китай их никто не приглашал и не желал принимать обратно. Показателен рапорт китайцев начальнику НРА от 20 июня 1922 г. (г. Чита):

«Доношу, что мы прибыли из Ростова на Дону в числе 27 чел., вагон № 296, 275, в распоряжение своего штаба, но штаба здесь не оказалось, так как штаб отправлен в г. Ташкент. Все мы находились с первого дня революции все время на фронте, а потому Российское место знакомо и мы просим, чтобы нас отправить в Россию в распоряжение штаба китайского отдельного отряда или в 5-ю армию. Просим отправить нас потому, что здесь близка китайская граница, а Китайской республикой воспрещается служить здесь в армии или в каком-либо учреждении, ехать за границу, на родину мы тоже не можем, нас туда не пускают, потому, говорят, что мы пропитаны революционным духом. Все мы просим не отказать в нашей просьбе. *Цо Ся-дю*» [211, *157–158*]. Выходит, китайцам только и остается просить советскую власть о том, чтобы еще где-нибудь повоевать.

Поскольку для подавления выражающего недовольство населения по-прежнему нужна была сила, то армию постепенно переводили на территориально-милицейскую систему. В качестве экономии было принято решение: в ряды милиции направлять не крепких, здоровых, а из числа раненых, находящихся на излечении. Заодно и медицинские лазареты разгрузятся. Только остро необходимые в народном хозяйстве категории работников направляются под командой старших на те или иные конкретные предприятия. Китайцам демобилизовываться было некуда: нет у них домов и работы в сельском хозяйстве, как у местных крестьян. Поэтому они стремятся задержаться как можно дольше в армии. А если и это уже сделать нельзя, нанимаются в органы ВЧК, милиции.

Процесс вовлечения китайцев, как бывших красноармейцев, в ряды милиции регулировался рядом приказов и инструкций. Согласно приказу Революционного Военного Совета Республики № 284 (1920 г.) регулировался прием бывших красноармейцев 1891 и ранее годов рождения на службу в ряды милиции. Он дополнялся Инструкцией Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 13 февраля 1920 г.,

подписанной В. Лениным. В этой Инструкции говорилось, что поступить в милицию может каждый красноармеец, грамотный, имеющий 28 лет от роду, прослуживший не менее 6 месяцев на фронте и вследствие ранения или болезни эвакуированный в тыл, в лечебное учреждение, отпуск для поправления здоровья [105, *12*].

Привлекательность службы в милиции обеспечивалась и соответствующими мотивациями. В Постановлении Совета Народных Комиссаров УССР от 19 декабря 1922 г., г. Харьков, протокол № 4 «Об установлении твердых норм довольствия работников милиции», гарантировалась заработная плата по 13 разрядам. Зарплата младших милиционеров по 1 разряду, к которому в основном относились китайцы, составляла 7 500 рублей [102, *100*], а самая высокая — по 13 разряду — 37 500 рублей (начальник губернской милиции) [102, *101*]. Устанавливалась норма довольствия на день: мяса — 32 золотника; хлеба — 2 ф. 48 з.; муки — 1,84 ф.; крупы — 0,32 ф.; рыбы — 0,32 ф.; соли — 0,07 ф.; сахара — 0,08 ф. Пять раз в неделю выдавалось мясо, два раза — рыба. Бумаги курительной — 4 книги на месяц, спичек 3 коробки; табак (махорка) 5 золотников в день [102, *102*]. Вещевое довольствие для милиционера составляло: шинель суконная — 1 на год, френч форменный суконный — 1, френч из бумажной ткани — 1, брюки форменные суконные — 1, брюки из х/б ткани — 1, фуражка летняя — 1, шапка зимняя — 1, сапоги (переда к ним и 2 пары подметок) — 3 на год, белье (3 рубашки, 3 кальсон, 3 утиральника, 3 носовых платка) — на год; теплые вещи: по одной рубахе, кальсонам, суконным портянкам (пара) и паре перчаток. Кавалеристам выдавалось без срока также: полушубок — 1, валенки — 1 пара, ватные шаровары — 1. Для несения постовой службы выдавались: плащ непромокаемый — 1, валенки. Из постельного белья предназначалось: наволочки верхние — 3 (на год-полтора), простынь — 2 на год, наволочки нижние — 1 на 3 года, одеяло — 3 на 3 года [102, *104*]. Постановлением ВУЦИК от 8 августа 1922 г. с 1 августа на семейства работников милиции распространялись все права и преимущества, предоставляемые семьям военнослужащих Красной армии, не исключая льгот на продналог [77, *27*].

При вступлении в милицию китайцы подписывали письменное «Обязательство». В нем, например, говорилось: «Я [,] сын трудового народа Сун Суд-дин [,] имею право согласно положения РКС Милиции, утвержденного Совнаркомом УССР 14 октября 1924 года, на поступление в ряды Милиции, даю настоящую подписку… На службе в РКС Милиции обязуюсь:

1. Прослужить в рядах Милиции не менее года…

5. Беспощадно подавлять все выступления против Советправительства» [11, *7*].

Находим ли мы китайцев в рядах милиции? Находим. Причем в разное время. Например, в списках милиционеров 1881-1902 годов рождения отдела милиции Луганского уезда от 27 августа 1921 г. из бывших красноармейцев числились на должности младших милиционеров следующие «китайско подданные» (!):

74. Ван-юн-кун — 1896 г.р.

75. Шетен-бао — 1897 г.р.

76. Ян-чи-су — 1897 г.р.

77. Лю-чен-ба — 1897 г.р.

78. Тулин — 1896 г. р.

79. Ли-фа-ди — 1896 г.р.

80. Сюй-дей — 1898 г.р. [Написание фамилий здесь и далее согласно документам: 82, *114*].

Согласно ведомости на получение жалования младшими милиционерами Управления Проммилиции Алмазного района за март 1921 г. числились Люй-юй-шан Василий и Лен-чин Иван [82, *50*]. На основании письма начальника Управления Проммилиции от 1 июня 1921 г. на получение угля для милиционеров Лозово-Павловского куста Луганского района числись 12 бывших китайских красноармейцев. Среди них — Лен-чи Иван, Кон-фу Василий, Лиу-шан, Ван-он-ку, Ка-уч-куй, Ту-чунж-шан и другие [82, *23 с оборотом*].

Ли Фун-шон В. закончил войну в 1921 г. на Украине, работал в Буденовском районе на шахте № 1, поступил в милицию в 1930 г. (г. Первомайск) [2-Б, *2*].

Ли Ху-са на Украине воевал с августа 1919 г. по 1920 г. в Херсонской губернии. С 1920 по 1923 г. работал на шахте в Рязанской

области. В 1923 г. приехал в Донбасс и поступил забойщиком на ш. № 9 Капитальная Буденовского района. В 1930 г. поступил в милицию [2-В, *3*].

Ли До-цай Владимир, прослужив до 1921 г., приехал в Донбасс, где работал на шахте до 1930 г. В 1930 г. вступил в ряды РК милиции младшим милиционером [2-Г, *2,3*].

Ли Фун-са Василий в 1919 г. воевал на Украине в составе 45-й дивизии. В 1921 г. работал на железной дороге в Харькове. В 1922 г. приехал в Донбасс и работал забойщиком на ш. № 10 до 1930 г. С 1930 по 1933 г. — младший милиционер в Прохоровке [1, *6*].

Ли Тен-фу прослужил на Украине до февраля 1921 г., переехал в Сорокино на ш. № 2 Изваринского рудника, проработал до 1925 г., попал под сокращение, переехал в Артемовск, где 8 апреля 1925 г. его как бывшего красногвардейца назначили младшим милиционером в Горловскую милицию на Ртутный рудник (1925 — 1934 гг.) [4, *4*].

Фин Фу-рин Василий Фаюнчинович демобилизовался в 1921 г. из 16-й Отдельной бригады войск ВЧК Украины, а с августа 1922 г. — в милиции Артемовска (10-й Артемовский промдивизион) на должности младшего милиционера [3, *1*].

Лю Си воевал против басмачей в Туркестане. В 1922 г. поступил на службу в милицию в Харькове, через 3 месяца направлен в Артемовскую губернскую милицию, где проработал 1 год, по 1923 г. включительно, а затем по собственному желанию переехал в Луганск, где непрерывно служил в городской милиции до самой смерти [23, *5*].

Тян Тян Сергей с 1922 по 1923 г. сначала служит в ЧК, затем работает на шахте № 1 Сорокино (Краснодон), а с 1930 г. — в милиции [11]. Ян Фу-ша после демобилизации из Красной армии в 1920 г. сначала работает в милиции в Воронеже, а затем переезжает в 1923 г. на заработки на Сорокинский рудник [22]. Некоторые китайцы из числа милиционеров погибли уже в период «коллективизации». Например, бывший председатель Сталинского облисполкома А. Струев писал, что комсомолец-милиционер из Краснодона Чень Ю-чень Михаил был убит казаками станицы Луганской в период «коллективизации» [126, *18*].

При поступлении на службу, китайцы, как и все, проходили проверку, сдавали своеобразный экзамен. Например, поступавший в Лу-

ганскую окружную милицию и розыск в ноябре 1926 г. Сун Су-дин получил по предметам следующие отметки: русский (устно) — «удовлетворительно»; письменные — по украинскому, арифметике, географии, политграмоте — «слаб»; строевой устав и строй, устав гарнизонной службы, стрелковое дело — «удовлетворительно»; специальное милицейское дело — «слаб» [11, *1 — 3*]. Такие же оценки и у других поступающих китайцев в милицию. В период «коренизации» каждый поступающий в милицию давал подписку с обязательством выучить украинский язык. Например, один из младших милиционеров Алчевской проммилиции 2 ноября 1928 г. давал подписку в том, что, вступая в ряды милиции, он обязуется в 6-ти месячный срок выучить украинский язык, в противном случае он подлежит увольнению [79, *3*].

Однако не все поступившие в 20-е гг. в ряды милиции китайцы смогли проработать долгий срок. Сун Су-дин поступил в органы милиции в ноябре 1926 г. А через год службы Сун Си-дин был освобожден от занимаемой должности и без объяснения причин в приказе отдан под суд [11, *1 — 3*]. Но это была его вторая попытка: до этого он уже служил в милиции в Бахмуте при комендатуре базара с 1921 по 1922 г. [11, *6, оборот*].

Причиной поступления китайцев в милицию во второй половине 20-х годов служила массовая безработица среди гражданского населения. Тот же Сун Су-дин в заявлении о поступлении в милицию писал: «В данное время я нахожусь безработным, состою на учете Биржи Труда и являюсь членом союза пищевиков. В Красной Армии прослужил с 1917 г. по 1921 г. Последнее время работал на Спирто-Водочном заводе — уволен как временно работающий» [11, *3*].

В целом китайцы службу свою в милиции несли хорошо, так же, как и воевали на фронте. За это они не раз поощрялись руководством. Протоколом общего собрания работников проммилиции Артемовского промышленного района от 21 ноября 1928 г. зафиксировано выдвижение милиционеров для премирования. Среди семи претендентов и китаец Ли Дин-чин Михаил [80, *60*]. В рапорте начальника Луганской окружной милиции Довбуша начальнику милиции УССР по случаю 10-летия основания рабоче-крестьянской милиции УССР представлен для награждения младший милиционер Цент-

рального городского района г. Луганска Лю Си Алексей. В характеристике Лю Си говорилось, что он работает в милиции с 1922 г., бывший красногвардеец, дисциплинирован, сдержан, служит примером остальным. За всю службу на него не накладывалось ни одного дисциплинарного взыскания [80, *187*]. В результате представления, Лю Си, наряду с другими 4 милиционерами, награжден наркомом НКВД УССР оружием (револьвером) [80, *218*]. В списках награжденных к 10-летию милиции руководством Луганской окружной милиции также награжден младший милиционер Калиевского района Лю Тун Василий. Его наградили костюмом [80, *462*].

Лестную характеристику получил упоминаемый выше Лю Си и после своей смерти. 12 июня 1930 г. в «Луганской правде» был помещен некролог «Тов. Лю-си», в котором говорилось:

«На днях умер от туберкулеза легких один из старейших работников милиции, китаец по национальности, тов. Лю-си.

Тов. Лю-си, сын китайского рабочего, еще в детстве выехал в Россию на заработки и до 1917 г. работал чернорабочим на Забайкальской жел. дороге.

Там его застает революция.

С первых дней Октября т.-щ Лю-си добровольно вступает в Красную гвардию и борется в его рядах. Все время гражданской войны т. Лю-си сражается против белогвардейских банд. За время своего пребывания в Красной армии он получил 14 ранений, а после 5 лет службы, в 1922 г. Лю-си демобилизуется и вступает в ряды рабоче-крестьянской милиции, где находится до смерти на должности младшего милиционера...

Лю-си был дисциплинированным, стойким красным милиционером. Правда, он был почти неграмотен и очень плохо владел русским, но ***являясь мл. милиционером***, он ***хорошо разбирался во всех законах*** (выделено. — Н.К.) и различных мероприятиях, проводимых Сов. Властью, боролся с бюрократизмом, искривлениями линии партии и сов. власти.

Он был весьма скромен в своей личной жизни. Лю-си все время жил в подвальном помещении, несмотря на запрещение врачей... *Сослуживцы*.

От редакции. Нам известно, что у тов. Лю-си осталась беременная жена и маленький ребенок. Гормилиция почему-то не выплачивает им денег за полагавшиеся Лю-си отпуск и не оказывает никакой помощи».

Следует добавить, что сам Лю-си, имея на то право, не требовал себе квартиру вместо подвала, где ему запрещал жить врач. А власти сами новое жилье и не предлагали [252].

Видимо, многие китайцы со слабым здоровьем не могли работать в шахтах, да и возраст не позволял. Поэтому жили, где придется. Например, Сан Го-фу в анкете в графе «точный адрес» написал: «Алчевск, базар» [10, *8*].

Многие китайцы после окончания Гражданской войны служили в органах ЧК. Так, бывший командир роты Су Ло-дю, воевавший в батальоне Пау Ти-сана, после окончания войны служил в органах ЧК в Ростове, Одессе, Чите, Благовещенске и Москве. После похорон В. Ленина, где он стоял в почетном карауле, простудился, тяжело заболел, умер в 1924 г. во Владикавказе [224, *130*].

Кстати, следует привести отличное от советских источников мнение о добровольном характере почетных караулов по случаю смерти В. Ленина, на которых простудились и умерли не только бывшие китайцы-красноармейцы. Как отмечал А. Брусилов, «возмутительных, преступных выходок со стороны большевиков было без конца. Детей замораживали и простужали, держа целыми часами на улицах в шеренгах, в очереди на поклонение «Ильичу». Гнали всех силком — и военных, и гражданских слушателей. С риском потери службы и ареста люди шли поклониться новоявленным мощам. Но ругались, чертыхались, проклинали этого «Ильича» до последнего скандала…» [цит. по: 190, *701*].

Многие бывшие китайские красноармейцы не смогли, да и не спешили вернуться на родину. Что еще, кроме указанного выше, препятствовало этому? Для этого есть как минимум две составляющие, связанные с идеей экспорта революции и политико-экономическим положением в самом Китае.

Давайте посмотрим на дальнейшую судьбу известного нам Сан Фу-яна. 5 мая 1920 г. главнокомандующий вооруженными си-

лами Забайкалья Г. Эйхэ подписал приказ, которым Сан Фу-ян назначался начальником формируемой 3-й Сибирской стрелковой дивизии. До этого он командовал на Восточном фронте батальоном, а затем полком китайцев [162, *138*]. После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке, 340 китайцев из Хабаровского гарнизона отправлялись в Китай. Командир Волочаевского полка Захаров выступил с торжественной речью. С ответным словом выступил Сан Фу-ян: «Вы хорошо учили нас воевать. Вы доверяли нам самые важные участки фронта. Вы неизменно относились к нам по-товарищески, как к своим братьям. Спасибо вам, товарищи! Да здравствует мировая революция! Ура!» [162, *160*].

Казалось бы, попрощался Сан Фу-ян и ушел навсегда в Китай. Однако в вышедшей в 1959 г. книге под редакцией Лю Юн-аня «Дружба, скрепленная кровью» помещен снимок, сделанный в 1934 г. в Киеве. На нем группа бывших красноармейцев 45-й стрелковой дивизии, и среди них… Сан Фу-ян. Как он вновь оказался в СССР и почему?

Сначала об экспорте революционных идей в Китай и международных контактах.

Сунь Ятсен еще в 1918 г. предлагал ввести части Красной армии в Китай в рамках так называемого «Северо-западного плана», а в том же году предлагал германскому командованию использовать 12 тысяч китайских эмигрантов из России и 10 тысяч немецких военнопленных для боевых действий на территории Китая [247, *59*]. Один из руководителей Оргбюро китайских коммунистов Дань Пэнфэй предлагал заслать 1000 человек из стойких бывших красноармейцев в Синьцзян, чтобы сделать там революционный переворот.

По предложению В. Ленина, заместитель наркома иностранных дел Л. Карахан подал секретный документ, в котором, в частности, говорилось, что Народным Комиссариатом по Иностранным Делам от времени до времени посылаются на Дальний Восток китайские и корейские агитаторы, задачей которых является установление связи с пролетарскими демократическими организациями на Дальнем Востоке. И далее говорилось:

«Предоставление об отпуске Народному комиссариату по

иностранным делам 200 000 рублей на поддержку рабочих организаций Востока, посылку агитаторов для целей пропаганды на Востоке, на первую четверть года, январь — март 1919 года». «...Стоимость каждого агитатора с премией ***при возвращении*** (выделено. — Н.К.) определяется: Северный Китай и Корея — 10 тыс. рублей; Южный Китай — 20 тыс. рублей. Такие же командировки предполагаются в Персию и Индию...» [152, *275*].

Когда попытки продвижения революции в Индию через Туркестан и далее через Афганистан и Персию не дали результатов, появились новые предложения. Председатель ЦИК трудового калмыцкого народа А. Чапчаев в августе 1919 г. предлагает послать вооруженные отряды в Индию с «другой стороны», через Монголию и Тибет. Предлагается им отправиться как научная экспедиция для маскировки и взять с собой оружие для раздачи населению. Но нужны деньги и золото. В. Ленин дает задание готовить конкретные меры по реализации этих предложений [152, *281*].

Еще в 1919 г. Л. Троцкий предлагал сформировать на Южном Урале два-три конных корпуса с последующей отправкой их в Индию и Китай для «стимулирования» революционных процессов, но это предложение не было поддержано [155, *332*]. Из китайцев также подыскивали «людей Востока, дисциплинированных в партийном смысле и способных работать за рубежом для Советской России в качестве секретных агентов разведки» [247, *59*]. Китайское правительство ужесточило контроль на границе, изымались ввозимые листовки, пристальное внимание уделялось выдаче паспортов приезжающих из СССР в Китай, за прибывшими китайцами полицией устанавливалась слежка.

Дальнейшая практика показала авантюрность этих и других планов по экспорту боевых частей. Хотя другая посильная помощь Советского Союза китайскому народу в борьбе за колониальную независимость принесла более ощутимый результат.

По воспоминаниям жены бывшего командира китайского батальона на Юге России Пау Ти-сана, ее мужа в 1922 г. направили в Самарканд на борьбу с басмачеством. Спустя два года, его вызвали в Москву, затем направили в Китай, и связь с ним прервалась.

Окольными путями до семьи доходили сведения, что Пау Ти-сан, вернувшись на родину, вступил в китайскую красную армию, воевал с японцами, с чанкайшистами и в одном из боев погиб [224, *207*].

Какую конкретно помощь оказывал СССР Китаю, особо не афишировалось, а информационные данные были засекречены. Советские историки говорили о такой помощи в общих чертах. Например: «В период первой гражданской революционной войны в Китае (1924 — 1927 гг.) китайские революционеры получали из СССР оружие, продовольствие, медикаменты… Группа командиров Красной Армии — участников гражданской войны в СССР — оказала помощь в укреплении Народно-революционной армии и в разработке ее стратегических планов. Главным военным советником революционных вооруженных сил был… В.К. Блюхер» [196, *524*]. В июне 1924 г. открыта военная академия Вампу (Хуанпу). Советский Союз помог и опытом, и специалистами. Пын Мин писал, что «военная академия Вампу и революционная армия, костяком которой были выпускники этой академии, явились основной силой в создании единой гуандунской революционной базы…» [228, *119*]. По сути, это была военная школа для подготовки командных и политических кадров для национально-революционной армии Китая в 1924 — 1927 гг. Названа она по наименованию острова Хуанпу близ Гуанчжоу. За период 1924 — 1926 гг. в ней подготовлено свыше 4 250 офицеров. Соответствующую помощь в организации и работе школы оказали советские военные специалисты — В. Блюхер, П. Павлов, А. Черепанов и другие [197, *798*]. К началу Северного похода революционная армия уже насчитывала около 100 тысяч человек и строилась с учетом построения Красной армии, включая политотделы [197, *155*].

Но готовились ли в СССР военные специалисты из числа китайцев? Такая работа проводилась, но она не афишировалась как подготовка для их засылки в Китай.

Бывший красноармеец Ван Хун-сюнь по рекомендации китайской ячейки РКП(б) после окончания Гражданской войны поступил на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), который открылся летом 1921 г. в Москве. Среди

тысячи студентов (китайцев, корейцев, индийцев и японцев) на китайском отделении насчитывалось более сорока слушателей. За период с 1921 по 1924 г. здесь получили образование ряд видных китайцев, сыгравших в истории Китая значительную роль. Среди них: Жень Би-ши — позднее секретарь ЦК КПК; Чжао Ши-янь — коммунист, погиб в 1927 г. от рук гоминдановцев; Ван Жо-фэй — позднее член ЦК КПК; Сяо Цзин-гуан — член ЦК КПК в 50-е гг., командующий военно-морским флотом КНР; Сюй Чжи-чжэнь — вице-председатель Всекитайской федерации профсоюзов в 50-е гг. и другие [180, *170*].

Чэнь Бо-чуань вспоминал: «В январе 1930 года командование направило меня из Читы в Москву на учебу в военную школу... Когда в 1937 году в Китае началась антияпонская война, мое стремление вернуться домой стало неудержимым. В мае 1939 года прибыл в Китай, в город Яньань, и снова участвовал в боях...» [180, *64*].

Служивший в охране В. Ленина Ли Фу-цин в 50-е гг. XX ст. работал в инженерном отделе строительных войск Синьцзянского военного округа [228, *98*]. Вот как складывалась судьба Ли Фу-цина. В 1922 г. он начал учиться в общеобразовательной школе при 6-й кавалерийской дивизии и в это же время вступил в комсомол. Весной 1923 г. его направили на учебу в Московское военное училище. В январе 1924 г. Ли Фу-цин в составе делегации курсантов училища стоял в почетном карауле у гроба В. Ленина и «с глубокой скорбью прощался с великим вождем мирового пролетариата».

Летом 1926 г. после выпуска из училища Ли Фу-цин в силу необходимости был направлен в качестве переводчика в Донецкий угольный бассейн, где на шахтах работало более трех тысяч китайских рабочих, не знавших русского языка.

В 1932 г. японцы, оккупировав северо-восточные районы Китая, создали марионеточное государство «Маньчжоу-го». Как раз в это время Ли Фу-цин возвращался на родину. Но марионеточные маньчжурские власти воспрепятствовали его въезду в Китай. Поэтому ему пришлось отправиться в Синьцзян вместе с частями, выступавшими против японских захватчиков и вынужденными отступить на территорию СССР.

В 1933 г. разгорелась междоусобица между синьцзянскими группировками.

Лишившись возможности попасть на Северо-восток или вернуться в СССР, Ли Фу-цин остался в Синьцзяне. После провозглашения Китайской Народной Республики он в 1950 году вступил в ряды Народно-освободительной армии Китая [180, *208*].

Яо Синь-чэн вернулся в Китай в 1933 г. «В Китае, — вспоминал Яо, — я стал коммунистом и работал в шанхайской подпольной организации. После освобождения Шанхая от гоминдановцев меня направили на работу в управление общественной безопасности, откуда я недавно ушел на пенсию по старости» [180, *80*].

Известно, что многие китайцы возвратились в Китай только в конце 30-х гг., но никакой информации о посылке в Китай с территории СССР вооруженных формирований в период 20 — 30-х гг. из бывших красноармейцев нет. Самое большее, о чем писали советские историки, так это о том, что «в различных учебных заведениях и подразделениях китайской армии под руководством советских представителей и инструкторов прошли обучение свыше 90 тысяч человек» [196, *525*].

Однако в 1938 г. в Китае сложится такая обстановка, которая потребует не только внимания лично И. Сталина, но определенных действий со стороны СССР. В конце 1937 г. на имя И. Сталина поступят ряд докладов о готовности Японии развязать против СССР военные действия вместо продолжения агрессии на Юге Китая. Так, в секретной записке заместителя начальника разведывательного управления РККА С. Гендина И. Сталину от 14 декабря 1937 г. говорилось о планах Японии выступить против СССР «в непродолжительном будущем». В этом донесении передавалась информация о том, что японцы пригласили германского военного атташе полковника Отто проинспектировать состояние фронтов около Шанхая. В результате поездки, говорилось в докладе, Отто пришел к выводу, что «победа Японии не поставит Китай на колени и не приведет к миру на условиях, благоприятных для Японии. Исходя из этого, он предложил скорейшее окончание войны на условиях, приемлемых для Китая» [138, *213 — 214*]. Цель — окончание войны против Ки-

тая, чтобы сосредоточиться на войне против СССР. Такая информация, и не одиночная, видимо, заставила И. Сталина направить силы на недопущение прекращения войны между Китаем и Японией. Напротив, сюда следует дополнительно направить советских специалистов, в том числе и китайцев, бывших красноармейцев.

Как показывал Чжан Цзы-сюань, «демобилизовавшись, я остался в Москве, где работал до 1938 года. Когда вспыхнула антияпонская война, я вернулся на родину» [180,. *98*].

Одновременно происходят и некоторые странные вещи. Например, наряду с увольнением из рядов Красной армии иностранцев, как потенциальных шпионов, увольняются и китайцы, как командиры, так и политработники. Причем, если в 1938 г. они уволены, то в 1939 г. — частично восстановлены. В отчете начальника Управления по начальствующему составу РККА Наркомата Обороны СССР Е. Щаденко от 5 мая 1940 г. отмечалось, что в 1938 г. по так называемой директиве НКО от 24 июня 1938 г. из 16 362 человек было уволено 4 138 иностранцев. Среди них — поляки, немцы, латыши, литовцы, финны, эстонцы, корейцы, китайцы и другие «уроженцы заграницы и связанные с ней» [143, *188*]. Часть из них восстановлена в 1939 г. Но в целом, как отмечает Е. Щаденко, за период 1937 — 1939 гг. «в результате проделанной большой работы армия в значительной мере очистилась от шпионов, диверсантов, не внушающих политического доверия иностранцев...» [143, *189*]. То же касалось политработников. В докладе в ЦК ВКП(б) «О работе Политического Управления Красной Армии» от 23 мая 1939 г. также указывалось, что в 1938 г. уволено из армии 3 176 политработников, 863 из них — «по директиве Наркома обороны от 21 июня 1938 г. (поляки, немцы, латыши, литовцы, эстонцы, китайцы и др.)» [138, *193*]. Возможно, выдавливание китайцев из армии совпадало с поощрением их вернуться в Китай. Усиление репрессий против китайцев в 1936 — 1938 годах, как возможных шпионов в пользу Японии, совпало с их поощрением вернуться на родину в качестве резерва для китайской армии в борьбе против японских оккупантов. Кроме этого, проводилась зачистка Дальнего Востока от неблагонадежных инородцев. Известно, что в период 1930 — 1950 гг. в СССР покинули места

своего исконного проживания около 3,5 млн. представителей 58 национальностей. У нас нет данных о депортации китайцев в другие местности СССР, хотя еще в 1923 г. на Дальнем Востоке по данным сельскохозяйственной переписи насчитывалось 102 тысячи китайцев, т. е. 10 % от всего населения [158, *110*]. Но, возможно, могли создаваться ряд условий для выезда в Китай определенной категории из числа китайцев. А вот что касается корейцев, то их постигла участь депортированных. Например, было насильно переселено 122 000 корейцев, в том числе в 1937 — 1938 гг. — 74 500 человек из 16 307 семей. Они были насильно переселены из Дальневосточной республики в Узбекскую ССР [213, *90*].

Есть и вторая причина, по которой китайцы до определенного времени не спешили вернуться на родину. Имея определенные связи с Китаем, информация о положении народа в нем имелась в распоряжении пусть и не всех китайцев, но большинства оставшихся в СССР. О тех порядках, которые установили в 30-е гг. в Китае японцы, частично было тоже известно. А это не способствовало до поры до времени возвращению в Китай определенной массы китайцев, которые продолжали работать и жить в СССР. Те же, кто вернулся на родину в начале 30-х гг., столкнулись с большими трудностями.

В 1932 г. Чжан Чуань-линь уехал в Китай, Северо-восток которого страдал от японских захватчиков. «Скорбь в его душе уступила место ненависти к врагу, а разочарование — решимости и силе. Раздобыв винтовку и сотни три патронов, Чжан Чуань-линь вместе с товарищем по фамилии Гэн организовал отряд и ушел в горы партизанить» [180, *26*].

Чэнь Ли-дэ вспоминал, что в 1936 г., «когда многие китайские эмигранты возвращались на родину, я приехал в Шанхай. Родина встретила меня неприветливо. Я не нашел работы и с трудом зарабатывал на жизнь починкой обуви. Мне пришлось отдать в сиротский приют своего сына, который приехал со мной» [180, *104*].

Социально-политическое и экономическое положение Китая в 30-е гг. действительно было тяжелым. Как пишет О. Танасийчук, в период японской оккупации там использовалось бактериологическое оружие. Хотя сведения об этом стали известны многие годы

спустя. Особенно преуспел в этом так называемый «отряд 731». «В течение 12 лет «отряд 731» разрабатывал оружие с использованием бактерий чумы, тифа, дизентерии, холеры, сибирской язвы, туберкулеза и др. и испытывал его на живых людях. Базы по разработке бактериологического оружия и полигоны по его испытанию были размещены в крупнейших китайских городах Чанчуне, Пекине, Нанкине, Гуанчжоу… На территории Китая были сформированы 60 воинских частей и подразделений, использовавших бактериологическое оружие против китайских военнопленных и мирного населения более чем в 20 провинциях. С 1931 по 1945 г. японцы применяли бактериологическое оружие в массовом порядке минимум 16 раз. По меньшей мере, 270 тыс. человек (не считая китайских военнослужащих) погибли вследствие применения оружия.

Масштабно применялось и химическое оружие. Точно зарегистрировано более 2 тыс. сражений в 18 провинциях, в ходе которых в 1937 — 1945 годах применялось химическое оружие, вызвавшее гибель более 60 тыс. человек» [263].

Японцы создали специальные закрытые деревни — баоцзя: десяти- и стодворки, управляемые специальными старостами, представляющие собой концлагерь. Японцы ввели опиумокурение, чтобы разложить население. К 1937 г. в Северном Китае насчитывалось несколько миллионов опиумокурильщиков, 73 % из них — мужчины и женщины в возрасте от 25 до 35 лет [163, *8, 9*].

По сравнению с Китаем, жизнь в Советской России для китайцев представлялась предпочтительнее. Особенно во второй половине 20 х гг. и до начала чисток в партизанских комиссиях и массовых политических репрессий. Применение своего труда китайцы нашли практически во всех отраслях народного хозяйства. Партийные органы держали под пристальным вниманием работу среди китайских рабочих. Из всех национальностей на Украине вплоть до 1928 г. местными органами власти уделялось повышенное внимание к состоянию межэтнических отношений с немцами, евреями, татарами и китайцами. В отдельных регионах внимание уделялось и другим национальностям, например, полякам.

ЦК КП(б) Украины в письме ЦК РКП(б) 16 апреля 1921 г.

предлагал свой план улучшения работы с представителями народов Востока и предлагал создать в системе Агитпропа ЦК КП(б)У дальневосточное бюро, в которое бы входили секции — китайская, корейская и японская. Заканчивается письмо так: «Просим по возможности в кратчайший срок известить, как относится ЦК РКП(б) к изложенному плану. Одновременно посылаем доклад китайского товарища Ли-шена в главбюро китайских секций и, со своей стороны, просим инструкции об организации китайской секции при Агитпропе ЦК КПУ и отзыва — подходит ли для заведования ею тов. Ли-шен, если он не подходит, просим прислать другого ответственного китайского коммуниста, так как необходимость в создании китайской секции давно ощущается на Украине. (В одном Харькове около 50 китайцев — членов партии, в Донбассе, Киевщине и др. местах — большие колонии китайцев-рабочих)» [137, *89*].

В протоколе от 8 декабря 1925 г. заседания президиума Сорокинского (г. Краснодон) рудничного комитета профсоюза горнорабочих говорилось о необходимости вовлечения рабочих-китайцев в культурно-массовую работу, работу по ликвидации неграмотности, о необходимости выписывать для китайских рабочих газеты на китайском языке [99, *2*]. То же относилось и к татарам. В общежитиях, где они проживали с семьями, были красные уголки. В них хранились библиотеки и подшивки газет. Условия жизни самих китайцев в сравнении с некоторыми слоями местного населения, были в пользу первых. Показательным является оригинал письма (из архивов Луганского организационного отдела обкома КП(б)У) донских казаков того же Сорокинского района в газету «Правда» (1929 г.). В нем говорилось, что их притесняют по политическим мотивам, никуда не избирают и не позволяют избираться, им угрожают, обзывают «собачьим отродьем, племенем» и прочее. И казаки приводят пример: когда об одном из активистов узнали, что он из казаков, его «выгнали с должности». Казаки спрашивали: «Может быть, мы можем, кроме самообложения, пользоваться какими-либо должностями?» [72, *72*]. Естественно, это письмо опубликовано не было. Правда, следует добавить, что в разгар украинской коренизации, как видно из других документов этого же отдела

обкома партии, неукраинцев в это время вообще старались не допустить к занятию каких-либо должностей на производстве и в общественной жизни, тем более без знания украинского языка. Но в условиях нехватки специалистов, партийными органами разрешалось повторно (после чисток) принимать неукраинцев на ряд должностей и без знания украинского языка. Отчетные документы говорят о постоянном контроле, сколько сменилось руководителей неукраинцев на коренных украинцев. И если о китайцах заботились, чтобы они получали хотя бы газеты на китайском языке, забота о казаках ограничивалась усилиями, чтобы они поскорее забыли русский язык. А если они хотят занимать какие-либо государственные или общественные должности, надо, во-первых, родиться не казаком, а, во-вторых, знать украинский язык, для чего пройти аттестацию и сдать экзамены. Некоторые претенденты на посты могли вольно трактовать свою национальность в зависимости от требований текущего политического момента. Для этого достаточно было правильно себя самоопределить при заполнении соответствующих анкет. Если внимательно анализировать анкетные данные репрессированных граждан в 20-30-е годы, можно обратить внимание на то, что близкие родственники из одних и тех же семей имеют разную национальность. В материалах к докладу на бюро отдела партийного контроля партийной организации Луганщины за 1-й квартал 1930 г. говорилось: «Положение руководящих кадров, в частности охваченных номенклатурой ОПК, имеем следующие: в партийном и комсомольском аппарате [наблюдается] увеличение процента украинцев за время с 1.1.1926 г. по 1.1.1929 г. с 19,33 % до 40,70 %, уменьшение русских за это время с 61,3 % до 39,7 %, евреев с 13 % до 11,2 %, и увеличение других с 6,4 % до 8,6 %. Однако, товарищей, которые владеют украинским языком, только 17,2 %, это меньше процента украинцев, что свидетельствует о неудовлетворительном положении украинизации партийного и комсомольского аппарата. Вся партийно-массовая работа, за исключением сельских районов, проводится преимущественно на русском языке, часто товарищи, владеющие украинским языком, им не пользуются» [73, *32*].

Ранее уже приводились результаты экзаменов китайцев по украинскому языку при поступлении их на работу в органы милиции. Китайцы плохо владели русским языком и не владели вообще украинским. Как показывает анализ архивных документов, с точки зрения реализации политических прав это на них почти не отражалось, поскольку они не претендовали на занятие каких-либо политических должностей. Незнание украинского языка только усложняло их личную жизнь при решении бытовых вопросов и получении информации гражданско-правового характера. Участие в органах местного самоуправления китайцев было явлением не частым. Только в документах за 1932 г. есть мандат на имя У Юн-фу Василия, по которому последний «действительно является членом Лозово-Павловского поселкового совета» [37, *3*]. В период после прекращения деятельности Союза китайских рабочих на Украине (1925 г.) китайцы советского подданства и их русские жены заключали акты гражданско-правового характера на украинском языке. Например, в Актовой книге удостоверенных договоров на право застройки Первой Луганской государственной нотариальной конторы от 5 июля 1926 г. есть полный договор между отделом городского хозяйства Луганска, с одной стороны, и рабочим Эмальзавода Зон Дин-гоном и его женой Пелагеей Афанасьевной, с другой стороны, о выделении земельного участка (200 квадратных саженей) под застройку в Луганске. Причем срок действия договора (60 лет) говорил о том, что Зон Дин-гон не собирался покидать СССР и уезжать в Китай. Арендная плата за участок составляла 1 рубль в год в течение с 1926 по 1986 гг. При этом договор мог быть расторгнут, если застройщики нарушат какие-либо условия договора. Например, по договору требовалось, чтобы не менее 10% участка было засажено фруктовыми деревьями, чтобы три сажени в глубь по всей длине лицевой стороны участка составлял палисадник, чтобы тротуарная дорожка вдоль участка была устроена за счет арендатора и прочее [83, *171 — 172*].

Китайцев за хороший и ударный труд на производстве старались достойно поощрить. Некоторые из них могли и продвинуться по служебной лестнице. Ко Фу Яков до начала немецкой оккупации

Краснодона в 1942 г. был начальником участка на шахте 1 БИС, а затем и коммунистом-агитатором на этой же шахте.

К 16-й годовщине Красной армии решением Сталинской областной партизанской комиссии от 11 марта 1934 г. бывший красный партизан Лю Тон-фу премирован костюмом «как лучший бригадир совхозной производственной бригады им. Петровского» [85, *46*].

Со слов бывшего красноармейца Шан Чжэня, принимавшего активное участие в восстановлении народного хозяйства Советского Союза, историки писали:

«Уже тогда мы понимали: поможем мы, китайские рабочие, советским беднякам укрепить свою страну, и Советский Союз в будущем окажет помощь Китаю, прекратятся тогда страдания китайских бедняков, и они тоже воспрянут к новой жизни.

Эта великая надежда вдохновляла Шан Чжэня и всех китайских рабочих, и если в те годы рядовой шахтер выдавал на гора в среднем по три-четыре вагонетки угля за смену, то каждый шахтер-китаец из бригады Шан Чжэня выдавал в среднем по шесть и более. Государство в целях повышения производительности труда создало специальные столовые для передовых рабочих-ударников. Здесь было и вино, и мясо, и белый хлеб. Шан Чжэнь и многие другие шахтеры-китайцы своим самоотверженным трудом завоевали себе почетное право питаться в такой столовой.

За старательность и добросовестное отношение к труду товарищ Шан Чжэнь в 1928 г. был назначен горным мастером. Его бригада на полгода раньше срока завершила выполнение задания по первому пятилетнему плану, перевыполнив его более чем вдвое. Бригада получила в награду от государства несколько ящиков книг и одежды. В годы второй пятилетки она снова досрочно завершила выполнение производственного задания. С тех пор товарищ Шан Чжэнь стал одним из лучших передовиков производства — стахановцем, его большой портрет висел в клубах донецких шахтеров, о его трудовых подвигах рассказывалось повсюду на Досках почета. После выполнения второго пятилетнего плана он был премирован трехнедельной путевкой в санаторий на Черноморском побережье» [180, *214*].

На краснодонских рудниках, расположенных рядом с антрацитовскими, где работал Шан Чжэнь, бригады из китайцев-шахтеров также перевыполняли нормы добычи угля. Краснодонская газета «Ударник» в ноябре 1930 г. сообщала, что бригада китайцев-шахтеров, в которой работали Фу Шуй (бригадир), Хан-хо, Нюйдо, Лю Фо-на, Ван Си-ны и другие, уже в октябре выполнила годовой план добычи угля на 118 %. А к очередной годовщине Октябрьской революции бригада китайцев обязуется добывать за смену не менее 34 вагонов угля вместо 25 по плану [264].

Периодически бывших красноармейцев приглашали на большие торжественные приемы. Сюй Мо-линь вспоминал, что в 1932 г. в Киеве состоялась встреча участников Октябрьской революции и Гражданской войны, на которой присутствовали представители от всех частей Красной Армии. «Командиров-китайцев пригласили занять самые почетные места в президиуме. Всем бойцам, присутствовавшим на вечере, были вручены памятные медали, а тем, кто не мог приехать, их прислали по почте. Впоследствии друзья передали такую же медаль и мне. От волнения у меня выступили слезы. Эта медаль напомнила мне, с какими трудностями завоевали трудящиеся новую жизнь» [180, *91 — 92*].

Китайцы редко обращались к властям с какими-либо просьбами. Некоторые бывшие красноармейцы, уехавшие в Китай, смогли побеспокоиться о материальных льготах для себя или семей погибших только с рождением КНР. Так, бывший красноармеец Лю Ди-зун только в конце 50-х гг. написал письмо в Министерство социального обеспечения РСФСР, с просьбой подтвердить факт смерти в июле 1918 г. под станцией Прохладной двух своих братьев — Лю Ги-зуна и Лю Мо-зуна для назначения пенсии семьям погибших [224, *81*].

Китайцы, оставшиеся в Советском Союзе, напротив, обеспечивались рядом льгот. Сюй Мо-линь, закончивший войну на Украине с освобождением Киева в 1920 г, вспоминал, что в 1932 году «вся Советская страна отмечала 15-ю годовщину Великой Октябрьской революции. Я тогда работал делопроизводителем в одной из строительных контор Ростова. В день 15-й годовщины «Комитет бывших партизан вручил мне ордер на квартиру и «Удостоверение красного

партизана». Между собой китайцы называли эти удостоверения «красными билетами». **Они давали нам большие льготы на всей территории Советского Союза, в частности хлеба мы получали больше, чем по карточке** (выделено. — Н.К.)» [180, *91*].

Что это за льготы, как происходило накопление юридической базы и реализация таких льгот на практике?

Первые акты заботы государства о благосостоянии семей бывших красноармейцев отражены в документах периода Гражданской войны. В начале июля 1920 г. в прессе была опубликована «Инструкция по оказанию хозяйственной помощи семьям красноармейцев», принятая 29 апреля 1920 г. ВУЦИК и Харьковским губвоенкомом [246]. Затем льготы для красных партизан и красногвардейцев были конкретизированы и расширены. Однако к концу 20-х гг. расширение состава льгот на бывших красногвардейцев и красных партизан, по сути, сопровождались так называемыми чистками рядов льготников.

Чистки проводились в форме самопроверок на основании ряда принятых правительством документов. Сначала появилось постановление Всеукраинского Центрального исполнительного Комитета и Совета Народных комиссаров УССР «Про пільги й переваги колишнім червоним партизанам і червоногвардійцям, а так само військовим службовцям робітничо-селянської Червоної армії й робітничо-селянської Червоної Фльоти та їх родинам у зв''язку з десятиріччям робітничо-селянської Червоної армії» от 28 февраля 1928 г. Действие постановления распространялось на всю территорию УССР, включая Автономную Молдавскую Социалистическую Советскую Республику (п.30) [30, *2*]. По нему списывались с хозяйств бывших красных партизан и красногвардейцев недоимки и пеня по единому сельскохозяйственному налогу, числившимися за ними по состоянию на 1 октября 1927 г. Списывались недоимка и пеня по всем местным налогам и сборам, которые будут числиться на 23 февраля 1928 г. Это распространялось и на красноармейцев, отмеченных хорошей службой в Красной армии, и инвалидов Гражданской войны. Предоставлялись льготы в отрасли сельского хозяйства и сельскохозяйственного кредитования, выделя-

лось чистосортовое посевное зерно на льготных условиях, а также пилолесоматериалы. Определенные льготы вводились в области здравоохранения, социального обеспечения и получения образования. Дети красногвардейцев и партизан освобождались от платы за учебу в школе, а стипендии в учебных заведениях в первую очередь предоставлялись им. Также предполагалось забронировать определенный процент мест для их обучения в высшей школе. Переведенным в разряд кулаков и потерявшим избирательное право красногвардейцам, данное и последующие постановления никаких льгот не предоставляли. Следует сказать, что льготами пользовались не только отдельные граждане, но и члены коллективных сельскохозяйственных предприятий, в которых не менее 50 % составляли бывшие красногвардейцы и партизаны. Они в первую очередь наделялись землей, снабжались тракторами, минеральными удобрениями, средствами по борьбе с вредителями, освобождались полностью от уплаты сельскохозяйственного налога в течение двух лет с момента учреждения предприятия [85, *1-а*].

Это постановление дополнялось постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 25 сентября 1930 г. «Про пільги колишнім червоним партизанам і червоногвардійцям». В трех пунктах постановления льготы бывшим красногвардейцам расширялись. В частности им отдавалось предпочтение как малоземельным и безземельным в первую очередь переселения на земли расселяемого фонда в рамках УССР и рамках общесоюзного фонда [101, *1*].

Те же самые, но в более короткой форме, льготы были зафиксированы в постановлении ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г. «О льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам и их семьям». Позднее эти льготы вновь были несколько расширены постановлениями правительства СССР от 25 марта 1930 г. и от 1 августа 1932 г.

Казалось бы, исходя из количества документов, речь идет о постоянной заботе государства о бывших красных партизанах и красногвардейцах. Но на самом деле, при каждом введении в действие новых постановлений, появлялась возможность элементарной чистки их рядов, поскольку материальных ресурсов на предос-

тавление льгот для всех участников войны у советского правительства не было. Анализ личных дел показывает, что в первые годы после окончания Гражданской войны многие активисты из красногвардейцев и партизан беспрепятственно могли занимать любые должности на производстве, в местных органах власти, общественных, профсоюзных организациях. При этом они в своих автобиографиях честно указывали, что в определенные периоды войны проходили службу и в белых армиях, и у Махно, и находились в плену. Но при чистках в 30-е гг. все это зачтется: звание красного партизана можно было очень быстро потерять.

В процессе чисток решалась политическая задача — борьба с недовольными гражданами политикой правительства. Введение льгот — это своеобразный аргумент поддержки этой политики в условиях тотального дефицита, ибо использовалась система поощрения бывших участников войны льготами при получении материальных благ. Система распределения товаров на местах даже через комитеты бедноты не гарантировала честности и порядочности. На одного председателя КНС люди жаловались, что он раздал мануфактуру не самым бедным в их хуторе. На это председатель в заявлении вышестоящим органам пояснил, «что мануфактуру получили те [,] кто имеет возможность жит[ь] еще 20 лет согласно прилагаемого списка» [84, *17*]. Список, конечно, он составил сам, как и сам определил, кто еще в состоянии прожить 20 лет.

Через партизанские комиссии шло распределение государственных средств на санаторно-курортное лечение бывших красногвардейцев. Например, в 1934 г. решением Центральной Партизанской комиссии при ВУЦИК было выделено 35 тысяч рублей на лечение красных партизан, исключая предоставленные путевки по линии Наркомсобеза. В том числе: Харькову выделено 6,5 тыс. руб., Донбассу — 6,5 тыс. руб., Днепропетровску — 6,0 тыс. руб., Киеву — 5,0 тыс. руб. и т. д. [85, *20*]. В рассылаемых циркулярах Центральной партизанской комиссии постоянно указывалось о выделении путевок на санаторное лечение в первую очередь для бывших красногвардейцев и партизан.

Каждый бывший красногвардеец был закреплен партизанс-

кими комиссиями за предприятиями для получения помощи [91, *21*]. Через партизанские комиссии шло распределение промышленных товаров, продовольствия. Важной льготой являлось получение разрешения на розничную торговлю с лотков, питейных и закусочных заведений, магазинов, аттракционов и всего прочего, что давало возможность выжить и не умереть с голоду. Через партизанские комиссии шло распределение сельскохозяйственных продуктов. При этом за красногвардейцами официально закреплялись сельские хозяйства и распределяющие продукты магазины. В своем запросе в г. Харьков одна районная партизанская комиссия жаловалась, что в соответствии с предоставленными правительством УССР льготами и на основании циркулярного распоряжения Укрцентросоюза и Наркомснаба, красногвардейцы и красные партизаны района не получают никаких дефицитных товаров, включая мыло. А это «создало большое политическое недовольство среди красногвардейцев и партизан. Вот факт нездоровых разговоров: «За что я воевал — в какой стране живу и т.д.», эти разговоры являются политически вредными и требуют немедленной борьбы с ними» [114, *76*].

С помощью комиссий происходило трудоустройство на работу через организованные при комиссиях мастерские, столовые общепита, ларьки по продаже пива и других прохладительных напитков. Итоги коммерческой деятельности подводились на общих собраниях. Например, общее собрание партизанской комиссии Брянки 8 июня 1933 г. постановило: сменить всех «старых продавцов» в торговых предприятиях при комиссии, а назначить в них вдов погибших партизан и установить новые оклады торговцам [95, *57*].

Чтобы как-то выжить, многие жители, в том числе и бывшие красные партизаны, писали в комиссии просьбы о разрешении торговли на рынках или с лотков. Среди таких просителей китайцев-красноармейцев нет [91, *25*]. Есть единственное собственноручно написанное заявление китайского бывшего красногвардейца — Сан-фу А.И. — о принятии его на должность заведующего магазином № 23 Кадиевки (от 14 мая 1933 г.). Да и то только потому, что этого требовал порядок принятия на работу. Но решение об освобож-

дении предыдущего завмагом и назначение нового принимала Кадиевская партизанская комиссия, поскольку магазин был в ее ведении [96, *72, 163*]. Чжан Чуань-линь также после окончания Гражданской войны получил удостоверение красного партизана, предоставляющее ему различные льготы по всей территории страны. Кроме того, в Полтаве он получил хорошую квартиру. Местные органы Советской власти назначили его в Полтаве заведующим столовой «Красный партизан», поручив ему руководство коллективом в сто с лишним человек. Эта столовая, при которой была прачечная и гастрономический магазин, являлась крупным предприятием общественного питания [180, *26*]. В городе Краснодоне прославился своими блюдами повар единственной на тот момент столовой Чи Кай-дяш, у которого проходили обучение на курсах все молодые работники для сферы общественного питания. Только в 1935 г. все питейные и торгово-коммерческие заведения стали переводить из ведения партизанских комиссий в ведение исключительно профильных структур соответствующих отраслей народного хозяйства и их структурных подразделений в городах и районах.

Анализ дел бывших красногвардейцев и красных партизан на протяжении работы партизанских комиссий с 1928 по 1935 гг. показывает, что на фоне введения льгот на самом деле шла постоянная чистка их рядов, с одной стороны, а с другой, комиссии выполняли важную роль в воспитании законопослушных советских граждан. Члены комиссий контролировали ход подписки граждан на бумаги государственного займа. Они же являлись проводниками в жизнь и важных правительственных решений в общей системе общественно-политических организаций, и силой, обеспечивающей практические действия на местах. Какой авторитет имели в 1933 г. районные партизанские комиссии у государственных органов самоуправления, говорит следующее письмо. В этот «голодный» для населения Украины год председатель Верхнетепловской районной партизанской комиссии просил (а фактически обязывал) всех председателей сельских советов обеспечить сохранность урожая: «Обеспечьте строгий учет красных партизан и красногвардейцев и их участие в деле охраны урожая и хлебосдачи. Лучших ударни-

ков на этом... фронте надо всячески поощрять [,] о худших [,] которые потеряли пролетарскую бдительность, кои под[д]акивают классовому врагу, скверно относятся к порученной работе, не останавливаясь перед бывшими его заслугами[,] немедленно сообщать в Районную Партизанскую комиссию для исключения [из] состава Красных Партизан и Красногвардейцев» [114, *151*].

Для проведения чисток в рядах бывших красных партизан Центральная партизанская комиссия разрабатывала инструкции и устанавливала жесткие сроки самопроверок. Кто не успел пройти самопроверку, тот лишался статуса бывшего красногвардейца и красного партизана и, соответственно, лишался льгот. Инструкцией от 5 июня 1933 г. устанавливался срок самопроверки до 7 июля 1933 г. В их процессе отсеивались те, кто мало воевал, кто не воевал на передовой, кто начал жить на нетрудовые доходы, занялся торговлей, маклерством, кто стал «куркулем», кто потерял право избирать, кто «деклассировался» [85, *22*]. Из рядов партизан можно было быть изгнанным за игру на рынках в «Крутышке счастья» [91, *21*].

Следует отметить такие «демократические» приемы, а, по сути, это в условиях советской тоталитарной системы элементы выборочной демократии, демократии «с односторонним движением», как вывешивание на видных местах списков проверяемых, печатание списков прошедших проверку в печати, наличие закрытых ящиков (коробок) для заявлений-отводов. В такие коробки можно было опустить письма-кляузы на любого конкурента из числа бывших сослуживцев. Поскольку многие бывшие участники Гражданской войны очень ревностно относились к улучшению благосостояния своих сослуживцев-односельчан, то в партизанские комиссии поступали многочисленные жалобы, а иногда и откровенные кляузы о «деклассированных элементах». Такие «инструменты демократии» поощрялись, поскольку они комплиментировались с целями и задачами самопроверок — отсеять из рядов бывших красногвардейцев и красных партизан как можно большее количество «льготников».

В письме Луганской городской партизанской комиссии в областную комиссию от 22 февраля 1935 г. говорилось: «Проведена про-

верка рядов бывших красногвардейцев и красных партизан г. Луганска Луганская комиссия добилась позитивных результатов увольнения из рядов в количестве 400 человек из намеченных 815 примазавшихся, разложившихся и другого элемента, которые ***ничего общего не имели*** (выделено. — Н.К.) с бывшими красногвардейскими отрядами» [97, *20 — 21*]. Разнообразием формулировок о причинах исключения «примазавшихся и разложившихся» из числа бывших красногвардейцев и партизан документы не изобилуют. Вот одна из стандартных формулировок (1933 г.) одной из партизанских комиссий: «За антисоветскую деятельность, пьянство, хулиганство, брань комиссия постановила — Терезова исключить, а правоохранительным органам разобраться» [90, *12*]. Например, в постановлении Верхнетепловской районной комиссии бывших красногвардейцев и красных партизан от 14 декабря 1934 г. против фамилий тех, кто проходил перерегистрацию, стоят пометки: «8. Губанов И.И. — разложившийся элемент»; «11. Кузнецов Т.В. — признать службу в партизанском отряде, однако из рядов красных партизан исключить за отражение кулацко [-] классовой вражеской идеологии [,] отрыв от производства, симуляцию, связь с кулачеством (скрытие кулацкого имущества)» [116, *10*]; «21. Губанов И.Д. — из партизан исключить, как активного участника в развале колхоза в 1932 г… последний проводит кулацкую работу [,] направленную на подрыв колхозного строя»; «24. Андреев Н.Д. — из красных партизан исключить как служившего в Белой армии и банде Махно [,] в частях Шкуро, принимавшего активное участие против красных войск с оружием в руках» [л. 11]; «Козлов Г.А. — комиссия констатирует, что бывший красный партизан Козлов является классовым элементом, т.к. все время вел разлагательскую работу [,] направленную на подрыв интересов колхозного строительства: а) избиение членов ЛКСМ; б) выступление против хлебозаготовок; в) терроризировал работу сельсовета, являлся в сельский совет в пьяном виде с ножом с целью угрозы попытки взять под свое руководство и подменить работу с/с [,] поставив себя выше руководства советской власти и партийной организации на месте, оторвался от трудовой жизни и т.д. — из красных партизан исключить» [116, *12*].

Не все китайцы смогли доказать, что они были либо в Красной гвардии, либо красными партизанами. Так, по заявлению То Ма-ния Якова Луганская партизанская комиссия его красным партизаном не признала [89, *2*]. Получить статус участника войны и получить статус бывшего красногвардейца и красного партизана далеко не одно и то же. Показания Шан Чжэня о том, что ударники на производстве имели «и вино, и мясо, и белый хлеб», — это проявление своеобразного коммунистического, идеологического «пиара». Не все китайцы, больные силикозом и туберкулезом, после многочисленных ранений могли работать в шахтах. А питаться нужно было всем. Как только Сун Су-дин попытался продать на рынке пару ботинок, его арестовала милиция. Он подвергся двухдневному аресту, и из милиции в партизанскую комиссию была направлена просьба, наказать бывшего красногвардейца Сун Судина [32]. Факт такой «торговли» — достаточное основание для лишения статуса красногвардейца.

В протоколе собрания красных партизан Кадиевского района № 11 от 23 июля 1931 г. читаем: рассматривая заявление о самопроверке красного партизана Жан Чан-жу В.И., комиссия приняла решение: «Оставить в звании красного партизана, если в течение 15 дней не поступит ***компрометирующего*** (выделено. — Н.К.) материала» [94, *70*]. Чан Фун-фа, 1890 г.р., воевавший в 1-м Нежинском отряде, также удостоился решения комиссии: признать, если в течение 15 дней не поступит компрометирующих сведений [94, *88*]. То же касалось и Ма Си-фу Михаила [94, *99*]. А вот Чан Нан-бан признан партизаном без оговорок [94, *90*].

Китайцы в обсуждении кандидатов в партизаны принимали также участие. Например, при рассмотрении дела Г. Трушкина, выступил Фун Чуй-чан и сказал: «Трушкин неправильно говорит и не был в отряде». В результате последний не был подтвержден в звании красного партизана, комиссия затребовала дополнительные документы в военкомате [94, *67*].

При проверке партизанские комиссии предлагали прошедшим проверку заниматься самообразованием и воспитанием, работать над собой. Им давались общественные поручения вести занятия кружков

в клубах, заниматься в секциях содействия обороне и армии. Для того чтобы в ряды не затесались враги, партизанские комиссии постоянно вели переписку, включающую различные запросы, подтверждения, проверку фактов из жизни тех или иных красногвардейцев и партизан по всему Советскому Союзу. Делились опытом. В одной из районных партизанских комиссий Украины есть информация Центральной партизанской комиссии из братской Белоруссии. В ней говорится, что по итогам самопроверки в 1933 г. перерегистрацию там прошли 7 000 бывших красногвардейцев и красных партизан, из которых 5 000 «примазавшихся» «отсеяно», т.е. исключено [115, *3*].

Если в 1929 г. процесс введения льгот для бывших борцов за революцию назывался «самопроверка», то уже в июле 1931 г. все чаще встречается слово «чистка», и в протоколах о создании комиссий последние так и называются «Комиссия по чистке» [115, *1*]. Чем больше льгот вводилось для бывших красногвардейцев и красных партизан, тем со временем становились откровеннее и жестче чистки. Вот стандартное постановление такой районной комиссии от 6 декабря 1934 г.: «На основе постановления Центральной комиссии бывших красногвардейцев и красных партизан при ВУЦИК, объявить чистку/проверку бывших красногвардейцев и красных партизан В.- Тепловского района с 10 декабря 1934 г. по 1 января 1935 г… Комиссия констатирует, что основной целью и задачей чистки бывших красногвардейцев и красных партизан является исправление допущенных ошибок комиссиями по выявлению бывших красногвардейцев и красных партизан и их семей» [117, *1*]. Далее устанавливались для каждого сельского совета еще более жесткие сроки проведения чистки. При этом эти проверки стоили денег для местных бюджетов. Например, на проведение чистки в указанном выше районе партизанская комиссия просила соответствующий райисполком выделить ассигнования на покрытие работы комиссии в сумме 1 000 рублей [117, *2*].

В целом, китайцы мало что-либо просили для себя и своих семей, редко посещали общие собрания бывших красногвардейцев и красных партизан ввиду слабого владения русским языком, а тем более, украинским.

Работа партизанских комиссий сошла на нет с прекращением действия ряда льгот для бывших красных партизан и красногвардейцев, начиная с 1935 года. Некоторые коммунисты-красногвардейцы возмутились отменой в 1935 г. льгот для бывших красногвардейцев и красных партизан, и открыто высказались против этого в письмах, которые они направили в различные властные инстанции. Но к ним были применены репрессивные меры на основании самых разнообразных обвинений, что сразу же охладило пыл у остальных бывших участников Гражданской войны. К этому же времени относятся факты первых репрессий по отношению к китайцам-красноармейцам, что способствовало их отъезду из СССР в Китай.

26 апреля 1935 г. по обвинению в антисоветской деятельности арестован проживавший в Стаханове бывший командир 1-го Нежинского отряда Жан Чан-дин Василий Иванович. В ходе следствия обвинение не доказано, 26 июня он освобожден из-под ареста, но реабилитирован только в 1994 г. [146-Б, *67*].

В июле 1938 г. обвинялся в шпионской деятельности на одно из иностранных государств бывший красноармеец, член партии с 1925 г., рабочий Луганского з-да им. Рудь Ван Ти-фу Василий. Постановлением тройки УНКВД по Ворошиловградской области от 25.09.1938 г. он приговорен к расстрелу. Постановление приведено в исполнение 9.10.1938 г., реабилитирован Ван Ти-фу посмертно в 1989 г. [146-Б, *454*]).

В феврале 1938 г. в шпионской деятельности в пользу одного из иностранных государств и диверсионной деятельности обвинялся охранник на Лисичанском хлебозаводе Жан Бан-ден Василий. Бывший красноармеец Жан Бан-ден Василий приговорен «тройкой» к расстрелу 27 сентября 1938 г., реабилитирован в 1992 г. [146-В, *67*]. 27 сентября 1938 г. «тройкой» по Донецкой области приговорен к расстрелу также вахтер хлебопекарни в Лисичанске Ян Ю-кай (реабилитирован в 1990 г.).

Ряд граждан китайской национальности арестованы по обвинениям в шпионской деятельности, по которым не был доказан состав преступления. К ним относятся проживавшие в разных местностях работники сети сбора утильсырья: Лю Чжун-чан из Луганска (реабилитирован в 1994 г.), Суй Василий Васильевич из п. Ще-

тово Антрацитовского городского совета (реабилитирован в 1994 г.), Сун Ли-чжи из Антрацита (реабилитирован в 1989 г.), Цуй Юн-мин из Луганска (реабилитирован в 1995 г.), Чао Бо-сан из Лисичанска (реабилитирован в 1994 г.), Чуй Юн-мин из Алчевска (реабилитирован в 1995 г.). Также обвинен в шпионаже, но уже как безработный, Чжао Хун-цай из Луганска (реабилитирован в 1994 г.).

Существуют различные мнения о поведении китайцев, в том числе из числа бывших красноармейцев, в период Второй мировой войны. Например, переводчик Ванг Бинг (КНР) говорил, что его дед с началом агрессии Германии против СССР отправился из Китая воевать на стороне Красной армии в Европейскую часть Советской России. Цель — приблизить разгром Германии, чтобы Советский Союз помог быстрее освободить Китай от японских захватчиков. В то же время встречаются утверждения, что в период деятельности партийного подполья и молодежной организации «Молодая гвардия» в Краснодоне некоторые иностранцы служили немецкой власти в качестве полицаев. При этом в качестве примера приводится К. Отсутствие подтверждающих фактов и вся биография бывшего красногвардейца К. ставит под сомнение службу на немцев участников Гражданской войны из числа китайцев. Напротив, считаем, что из бывших китайцев-красноармейцев могли создаваться подпольные маленькие группы для выполнения определенных заданий на оккупированной территории. Во всяком случае, об этом свидетельствуют показания Шан Чжэня, записанные с его слов:

«К июлю 1942 года на Урал выехали многие рабочие и служащие Донбасса, и было эвакуировано все оборудование, которое можно было вывезти. ***На шахтах остались лишь небольшие группы людей, чтобы в случае крайней необходимости взорвать оставленное шахтное оборудование и не дать его в руки врагу. Естественно, что в такие группы подбирались наиболее смелые, надежные и преданные люди*** (здесь и далее выделено. — Н.К.). Взрыв требовалось произвести лишь в тот момент, когда противник уже подойдет и вот-вот захватит шахту. Люди, оставленные для выполнения такого задания, несли ответственность перед всем советским народом, и ***ни в коем случае не должны были даваться живыми в руки врага.*** Одним из самых добросовестных испол-

нителей этого опасного и трудного дела был... Шан Чжэнь, ***который отвечал за взрыв оборудования на восемнадцати объектах*** [речь идет о шахте Горняцкая (г. Антрацит). — Н.К.].

...Повсюду слышались винтовочные выстрелы, грохотали орудия. Но самообладание ни на миг не оставляло Шан Чжэня, который молча стоял у пульта управления взрывом. Достаточно повернуть ручку пульта управления, как произойдет взрыв, и задание будет выполнено. Тогда он сможет поскорее оставить опасное место. Но нет, он должен ждать приказа. Стрельба все усиливалась. К одиннадцати часам утра главные силы противника были уже в пяти километрах от шахт и с минуты на минуту могли оказаться и здесь. Но вот, наконец, поступил приказ о взрыве... Умело обходя засады врага, он прорвался через кольцо окружения. Испытав все трудности пути в три тысячи километров, он добрался, наконец, до Челябинска. Здесь Шан Чжэнь доложил советским людям, что он, китаец, выполнил важное поручение советского народа» [180, *215 — 216*].

После возвращения в 1945 г. в Донбасс, Шан Чжэнь восстанавливал то, что он взорвал — угольные шахты. В 1947 г., в год 30-летия Октябрьской революции, он награжден орденом Ленина и медалью «За восстановление угольных шахт Донбасса» [180, *216*].

Также в 1948 г. награжден орденом Ленина Фу Шунь Иван Андреевич. Он приехал на рудник Сорокино еще в 1916 г., член ВКП(б) с 1925 г. В период Великой Отечественной войны он сначала призван на фронт, затем отозван из армии в Краснодон, работал горным мастером и начальником динамитного склада на шахтах № 105, № 2 «Сорокинская», № 134. В чем заключалась его деятельность в момент оккупации шахт г. Краснодона, источники не раскрывают. Но известно, что он был эвакуирован с ценным оборудованием в г. Копейск Челябинской области [128, *1 — 2*]. Следует отметить, что молодежь из китайских семей г. Краснодона, ровесники «молодогвардейцев», заняли в период войны активную позицию. Соученик Героя Советского Союза И. Земнухова Дмитрий Чи Ко-дяш воевал на фронте [124, *1 — 2*]. Осенью 1942 г. бывшие ученицы Краснодонской школы, подруги Мария Сун Ю-по и Мария Кузькина были насильно угнаны в Германию. Но в Мюнхене обе стали подпольщицами, участницами Братс-

кого сотрудничества военнопленных (БСВ). Впоследствии они были арестованы и в сентябре 1944 г. сожжены в печах Освенцима [127, *1 — 4*]. По свидетельству бывшего горного мастера и парторга шахты «Восточная» Л.М. Гаврилова (архив автора), в июле 1942 г. в п. Изварино (Краснодонский район) среди погибших подпольщиков группы П. Салфетникова были и два китайца. По его свидетельству, среди сброшенных в январе 1943 г. в шурф шахты № 5 подпольщиков, в частности, был китаец из п. Изварино (Ква-ча Александр Алексеевич). Однако официальные источники подтверждают казнь только одного китайца из п. Изварино: в сентябре 1942 г. в парке г. Краснодона живым в землю был зарыт Иван Семенович Ши-Та-Фу (1925 — 1942).

И в заключение несколько слов о психологическом микроклимате бывших участников Гражданской войны. Как отмечалось выше, партийные органы в СССР старались уделить внимание комфорту, культурному и духовному развитию иностранных рабочих. Их материально и морально поощряли, обеспечивали газетами и книгами. Сохранилось не очень много специальных архивных документов, характеризующих посттравматическое состояние иностранцев-красноармейцев. Война — это в любом случае стресс для всех ее активных участников и пассивных наблюдателей. Ничего бесследно для переживших стрессовое состояние не проходит. И освободиться от привычных для периода войны стереотипов поведения в мирное время не всем удается. Когда бывший красноармеец сталкивался с несправедливостями в гражданской жизни, он поначалу по привычке брался за то место, где у него был револьвер или сабля. Не найдя привычного оружия, особенно употребив спиртное, он брался за нож и шел в сельский совет или партизанскую комиссию устанавливать справедливость.

Как сказалась война на психике, в особенности, китайцев, оказавшихся вдали от родины, своих близких, привычных культурно-бытовых условий? — трудно сказать. Еще в 1907 г. по итогам русско-японской войны русские психиатры ввели термин «военный невроз». Позже русский психиатр П. Ганнушкин, анализируя последствия Октябрьской революции и Гражданской войны, на примере революционеров сформулировал концепцию о приобретенных психопатиях и ввел термин «нажитая психическая инвалидность».

Как отмечала В. Гаташ, «недуг под названием «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР) вошел сначала в американскую, а потом и в Международную классификацию болезней. В его основе, определили ученые, всегда лежит экстремальное психотравмирующее событие, которое несет угрозу жизни и заставляет человека испытывать сильный страх, ужас или острое чувство беспомощности. Причем заболеть может не только жертва такого события, но и очевидцы, и даже исполнители насилия, например, солдаты, выполняющие приказ командира». Последствия такого расстройства могут выражаться в мирное время в различной форме. Например, после войны во Вьетнаме количество самоубийств среди американских солдат к 1975 г. превысило количество убитых в три раза. Ветераны составили треть всех заключенных в американских тюрьмах, уровень разводов в их семьях достиг 90 %, многие страдали от алкогольной или наркотической зависимости [240].

У нас нет ни персональных, ни обобщенных данных, характеризующих посттравматическое состояние китайцев в период после окончания Гражданской войны. Но хотелось бы отметить некоторые моменты.

Вот как завотделом медицинской психологии Института неврологии, психиатрии и наркологии АМНУ, доктор психологических наук Л. Шестопалова объясняет феномен «ревиктимизации» (victim — жертва), когда жертвы или участники насилия неосознанно стремятся к участию в ситуациях, которые сходны с самим травмирующим событием: «Например, ветераны войны в Афганистане становятся профессиональными «солдатами удачи», воюя в качестве наемников. Вообще повторное «отыгрывание» ситуации характерно для всех видов психических травм и является одной из основных причин распространения насилия в обществе» [240]. В связи с этим, на наш взгляд, нежелание китайцев демобилизоваться и стремление задержаться в армии, войсках ЧК, продолжить работать в милиции (наряду с причинами, которые уже указывались), все это есть вариант повторного «отыгрывания» — психическая готовность и потребность продолжать подавлять «контру» уже в мирное время. Не каждый человек желал бы спустя какое-то продолжительное время «мирно-

го покоя» вновь браться за оружие и идти убивать. Но в подсознании такая готовность сохраняется. И в определенный стрессовый момент приобретенные навыки могут вдруг резко оказаться востребованы и реализованы. Напомним, как спустя более десяти лет после окончания войны, в 1932 г. Чжан Чуань-линь уехал в Китай, Северовосток которого страдал от японских захватчиков. Он ведь воевать больше не собирался. Но: «Скорбь в его душе уступила место ненависти к врагу, а разочарование — решимости и силе. Раздобыв винтовку и сотни три патронов, Чжан Чуань-линь вместе с товарищем по фамилии Гэн организовал отряд и ушел в горы партизанить» [180, *26*]. В какой-то стрессовой ситуации порог терпения был преодолен.

Все китайцы-красноармейцы в своих рассказах о жестокостях на войне, как со стороны неприятеля, так и со своей стороны, говорили очень кратко, без лишних образов и подробностей. Просто перечисляли для примера несколько действий, конкретных пыток и все. Это не значит, что они не смогли их описать. На наш взгляд, в живых беседах с журналистами, историками, писателями они не могли этого сделать по объективным причинам ввиду своего психического состояния. Психиатры, как отмечает В. Гаташ, заметили, что «многие больные говорят об одной характерной особенности — они не способны вспомнить случившееся по своему желанию, страшные картины происшедшего внезапно приходят сами. Это так называемые флэшбэк-эффекты — наиболее яркий маркер ПТСР» [240]. То есть, если китайцы в воспоминаниях на что-то ужасное не указывали, то это не значит, с одной стороны, что они ничего не знают или ничего такого с ними не было, а с другой, что все они были стойкими и избежали ПТСР.

Теперь о браках, семейных раздорах и ссорах. Обычно, пережившие стресс люди, по их возвращению домой, когда защитные функции организма расслабляются, становятся раздражительными, что приводит к ссорам и раздорам между членами семьи. Только одиночные китайцы-красноармейцы имели собственные семьи. Основная масса их не имела. Однако происходит то, чего никто не мог наблюдать в дореволюционное время: бывшие «второсортные» китайские кули массово женятся на русских женщинах и заводят детей. И находят в семьях уют и успокоение. Яо Синь-чэн после окончания войны

вспоминал: «Многие китайцы, проживающие в СССР, женились на русских девушках, что до революции было неслыханно» [180, *78*].

Упоминаемый выше Шан Чжэнь имел русскую жену и сына [180, *216*]. Ли Фу-цин вспоминал: «Я и моя супруга Мальва Моисеевна Алова живем спокойно и счастливо. Наши дети радуют нас своими успехами» [180, *65*].

Кратко посмотрим на семейное положение других бывших красногвардейцев в период с 1926 по 1931 гг. (семейное положение китайских рабочих в период 1922 — 1925 гг. уже рассматривалось выше, а информация о семейном положении китайцев позднее 1931 года на данный момент является конфиденциальной). Сан Го-фу Иван — женат, жена Матрена 33-х лет, а ему — 39 лет [10, *8*]. Ман До-шен имеет семью — жена Феня 30-ти лет [31, *2*]. Ма Си-фу Михаил имеет жену 37-ти лет, сына 11-ти лет, две дочери, 5-ти и 6-ти лет [30, *1*]. Лю Цай имеет жену Мери 27-ми лет [19, *2*]. Сун Судин Василий Иванович — женат, семья «4 души» [11, *6*]. Фу Вифий Михаил имеет жену, которой 21 год [33, *2*]. Цу Ци-вей имеет семью — жена 28-ми лет, дочь 2 года [34, *2*]. Чжан Фу-у — жена Анна 26-ти лет [36, *1*]. Жан Чан-дин Василий Иванович — жена 28-ти лет, дочери 2-х и 9-ти лет [27, *3*]. Кав Фу-цин Николай — жена 33-х лет, сын 8-ми лет, дочь 5-ти лет [28, *2*]. Ю Шу-шай Андрей — жена 29-ти лет, дети: 10-ти лет и 1 год [37, *1*] и т.д.

Таким образом, среди прочих, естественных причин, налицо фактор вступления бывших красноармейцев в брак: люди ищут психологического комфорта, чтобы сгладить душевный дискомфорт, возникший вследствие окончания войны, в новых жизненных условиях. Видимо, в этом была сильная психологическая потребность. Можно сказать, что это явление смешанных браков обусловлено чисто природным, естественным фактором, или безвозвратными потерями мужского местного населения (что действительно имело место). Но вместе с этим следует подчеркнуть, что не наблюдается всплеска таких смешанных браков в дореволюционное или в другое, более «глобализированное» время. Например, на Дальнем Востоке Российской Федерации по состоянию на 2005 год проживало до 5 — 10 млн. китайцев. А за предыдущие 10 лет в Хабаровском крае между гражданами РФ и китайцами заключено всего 30 браков [260].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возьмите многотомную «Историю городов и сел Украинской ССР» любого года издания. В ней десятки тысяч страниц текста, но вы ничего не найдете конкретного об интернационалистах и, в частности, о китайцах периода Гражданской войны. За исключением, может быть, нескольких случаев упоминания самих терминов «интернационалисты». То же относится к издаваемым на протяжении всего XX столетия учебникам по истории для средних и высших учебных заведений СССР. Никакой информации нет об известных китайцах-красноармейцах в многотомных энциклопедиях периода советской эпохи, даже посвященных непосредственно революции и Гражданской войне на Украине. Те же специализированные издания книжного фонда и научных журналов, которые издавались в 1950 — 1960 гг., освещали участие интернационалистов, в том числе и китайцев, в ограниченных рамках. Эти рамки позволяли только фрагментарно, в рамках всей страны, показать, что интернационалисты-красноармейцы были на всех фронтах, хорошо воевали за победу коммунистической идеи в первом в мире государстве рабочих и крестьян. Но говорить, ***что*** и ***как*** конкретно делали интернационалисты, какую ***роль*** они сыграли в тех или иных событиях на фоне непопулярности практических действий большевиков, было нельзя. С другой стороны, несмотря на популярность в Китае некоторых советских произведений литературы и кино о революционерах из России, мы столкнулись с тем, что многие приезжающие в Украину китайцы, рожденные и выросшие во второй половине двадцатого столетия в Китае, почти ничего не знают об участии их соотечественников в революции и Гражданской войне в России и на Украине. Хотя в то же время китайские кинематографисты приезжают в Украину снимать свой вариант книги Н. Островского «Как закалялась сталь». Покупают бывшие советские военно-морские корабли с целью популяризации коммунистической идеи. Наряду с этим появляется интерес к истории Украины, в том числе и периода революционных событий 1917 — 1921 гг. В 2006 г. издана работа китайского историка Чжао Юнь-чжуна «Украина: трудные шаги истории» (Шанхай, 2006).

Сначала о причинах информационной блокады по данной теме в СССР. Не будем приводить больше никакой доказательной базы, а выскажем обобщенные суждения по этому вопросу, опираясь на изложенные выше факты.

Первое. По утверждениям большевиков, на всех территориях бывшей Российской империи советскую власть поддерживало большинство населения, и представители этого большинства в лице Красной армии победили антинародные, «буржуазные» и «буржуазно-националистические» контрреволюционные банды, поддерживаемые международным империализмом. Если историки начнут качественно изучать, как побеждала власть большевиков в национальных окраинах на различных этапах установления советской власти, то выяснится, что во многих «национальных окраинах» эта власть не поддерживалась местным населением, а устанавливалась и удерживалась на штыках иностранцев и пришлых войск. Поэтому процесс работы историков советского периода по данной теме строго регламентировался установками партийных органов.

Второе. Если рассыпаться в хвалебных одах иностранцам, хорошо воевавшим на передовой, то логически придется говорить о нежелании русских и представителей других народов Российской империи воевать за Советскую власть, о насильной мобилизации, о массовом дезертирстве из Красной армии, о заградительных отрядах. Тогда кое у кого возникнет логичный вопрос, так чьими руками ковалась революционная победа на территории бывшей Российской империи? И чьими телами закрывались «узкие», проблемные участки фронтов?

Третье. Если рассказывать, как качественно иностранцы из заградительных отрядов расстреливали в спину не желавших воевать русских за свое же «русское счастье», то что это за власть установилась в государстве? Чьими руками принесено счастье русскому народу, не желавшему быть «счастливым»? Л. Троцкий и компания не хотели разглашения правды не то чтобы об особой роли иностранцев, а вообще о существовании заградительных отрядов и проведенных массовых репрессиях в армии.

Четвертое. Большевикам с большим трудом удалось подавить

антиеврейские погромы и антисемитские настроения в армии и в тылу в период революционных событий. И этот острый вопрос долгое еще время оставался на контроле партии и правительства после окончания Гражданской войны. Поэтому допустить, чтобы в исторической литературе появились какие-либо высказывания, суждения, факты, которые могли спровоцировать антивенгерские, антилатышские или антикитайские настроения в обществе, было нельзя.

Пятое. Еще свежи были в памяти народной карательные экспедиции венгров и китайцев в села Украины и той же Тамбовской губернии, чтобы расхваливать их «помощь» в установлении советской власти. Может быть, еще рассказать правду, как местные красные бойцы в массовом количестве не желали подавлять восстания и жечь свои же села, в которых жили их семьи и родственники?

Шестое. Война окончена. Нужно было на международной арене прорывать политическую и экономическую блокаду вокруг СССР. Зачем возбуждать неприятие и протест в дипломатических кругах тех стран, дипломаты которых выступали в свое время против участия их граждан в революции чужого государства, нарочитым подчеркиванием того, что именно граждане их стран в массовом количестве принимали участие в русской революции и сыграли там какую-то определенную роль?

Седьмое. Большевики обещали после победы русской революции помочь иностранным гражданам совершить подобные революции в их странах. Обещать можно все что угодно, но не все обещанное можно выполнить. Что ж говорить обо всех иностранцах, если живы еще обиды венгров, свидетелей того, как Советская Россия не смогла оказать помощь Советской Венгрии. Это с одной стороны. А с другой стороны, на фоне стремлений прорвать международную блокаду, и чтобы избежать обвинений во вмешательстве во внутренние дела других государств, приходилось либо помалкивать о стремлении экспортировать революцию в другие страны, либо ничего существенного не предпринимать, либо действовать тайно. Но информационно темы участия иностранцев в Гражданской войне в Советской России и помощи зарубежным коммунистам после ее окончания взаимосвязаны. То есть

последующие события налагали на предшествующие определенные информационные ограничения.

Непросто складывались отношения Китая и СССР в двадцатом столетии. Состояние этих отношений в определенный период истории сказывались на популяризации либо, напротив, на замалчивании темы участия китайцев в революции и Гражданской войне в Советской России.

И. Сталин в конце 20-х и в 30-е гг. умело балансировал между Чан Кайши и Мао Цзэдуном, между Гоминданом и компартией Китая, нацеливаясь только на один результат — если и возможен экспорт революции в Китай, то только под контролем и по плану самого И. Сталина, без поощрения самостоятельных инициатив китайских лидеров.

Инцидент 1929 г. на КВЖД не способствовал дружбе между народами в целом. После него с июля 1929 г. по декабрь 1930 г. между Китаем и СССР не существовало дипломатических отношений.

Теперь о самом Китае. Среди произведений, вышедших в этот период в Китае о Советском Союзе, были: «Путешествие по новой России» и «История Красной столицы», написанные Цюй Цю-бо в период 1920 — 1922 годов, четыре тома «Писем путешественника» (лето 1933 — лето 1935 гг.) Цзоу Тао-фэна, третий том которых посвящен Советскому Союзу, ряд стихотворений Тао Син-чжи и другие. Оценку тому, как поступили с такими произведениями в самом Китае, дал Ван Мин: «К сожалению, литературное наследие Цюй Цю-бо, Цзоу Тао-фэна и Тао Син-чжи превращено в пепел и недоступно трудящимся и молодежи сегодняшнего Китая» [228, *97*]. Согласно опубликованным гоминдановским правительством данным, в 1931 г. одновременно было запрещено свыше 228 наименований книг и периодических изданий, а в 1934 г. — 149 наименований книг. Согласно секретному приказу отдела пропаганды ЦК Гоминдана за август 1936 г., запрещалось 676 наименований книг по общественным наукам. Хотя, по словам Лу Синя, «...последние десять лет внимание читателей к советской литературе не ослабевало. Дипломатические отношения могли прерываться и восстанавливаться, издание переводов могло разрешаться и запрещаться, но внимание читателей все росло и росло вопреки запретам и наперекор разрывам дипломатических отношений» [228, *193 — 194*].

Но есть и идеологическая подоплека в замалчивании этой темы. Еще в период до образования Китайской Народной республики Мао Цзэдун проводил так называемую «кампанию по упорядочению стиля». Ее итоги объясняют, почему информация об Октябрьской революции и Гражданской войне в Советской России для китайцев стала недоступной, в том числе и об участии китайцев в войне на стороне Красной армии. Суть этой кампании изложил сам Мао Цзэдун. Вот как он в 1941 г. объяснял свои дефиниции Ван Мину: «Первейшая цель кампании по упорядочению стиля состоит в том, чтобы сделать написание истории Компартии Китая как моей личной истории. Каким же образом можно добиться этого? Необходимо создать маоцзэдунизм. Если не будет маоцзэдунизма, то как же удастся написать историю Компартии Китая как личную историю Мао Цзэдуна?» [150, *63*].

Поскольку Советский Союз и Коминтерн оказывал Компартии Китая помощь в рамках уже готовых идеологий К. Маркса и В. Ленина, то, по мнению Мао Цзэдуна, при написании истории Компартии Китая как его личной не оставалось места для фактов, раскрывающих его собственный вклад. «Как быть? — спрашивал Мао Цзэдун и сам отвечал: — Я решил провести кампанию по упорядочению стиля. Не признавать ленинизма. Не признавать роли Ленина, Сталина, Коминтерна, Советского Союза в истории Компартии Китая и китайской революции. Будем говорить, что ленинизм не применим для руководства китайской революцией, что все высказывания Ленина и Сталина о китайской революции были ошибочными, что рекомендации Коминтерна были ошибочными, что Советский Союз не оказывал помощи Компартии Китая, а если иногда и оказывал коекакую помощь, то она, мол, бывала не только бесполезна, но и вредна». И далее: «Одновременно будем говорить, что в идеологическом отношении Компартия Китая всегда руководствовалась маоцзэдунизмом, что все достижения Компартии Китая и китайской революции за последние 24 года явились результатом руководства Мао Цзэдуна, что все многочисленные ошибки, совершенные некоторыми руководителями Компартии Китая в различные периоды, были исправлены Мао Цзэдуном» [150, *64*].

Результатом кампании стало замалчивание всего, что было связано с русской революцией, Гражданской войной, первых годах существования советской власти и, естественно, об участии в этих событиях бывших китайских граждан.

Только с момента образования КНР и до конца 50-х гг. общие страницы истории вновь на недолгий период стали доступны гражданам Китая. В 1949 г. произошла встреча двух лидеров — И. Сталина и Мао Цзэдуна. Сталин с недоверием относился при этой встрече к Мао. «Видимо, тогда сказалась имевшаяся информация о Мао: его неприязнь к китайским кадрам, учившимся в Москве, демонстративная безучастность китайского лидера во время критических ситуаций под Москвой и Сталинградом в годы войны и другие подобные факты» [154-Б, *509*]. Тем не менее, произошел обмен любезностями. Сталин предложил Мао в декабре 1949 г. издать труды китайского лидера на русском языке. Мао же не остался в долгу, позже в Москву поступило официальное предложение ЦК КПК об издании «сочинений товарища Сталина на китайском языке» [153, *251*].

С охлаждением межгосударственных отношений все вернулось на круги своя. Однако в середине 50-х гг. XX столетия произошел ряд событий. В 1957 г. состоялась поездка небольшой группы бывших китайских красноармейцев в СССР. В Китае был издан в 1957 г. сборник воспоминаний китайцев, участвовавших в Гражданской войне в Советской России. Он был переведен на русский язык и в 1959 г. издан в СССР. В 1958 г. кандидат исторических наук, бывший красноармеец Лю Юн-ань совершил поездку по Китаю, чтобы встретиться с бывшими добровольцами. Он писал: «Это была наша ***последняя встреча*** (выделено. — Н.К.) с китайскими товарищами — участниками гражданской войны в России» [211, *80*].

А дальше наступило ухудшение отношений между странами, начавшееся с недовольства Мао Цзэдуна Н. Хрущевым. Причина его недовольства — развенчание культа личности И. Сталина. Ведь именно к своему «изму» стремился Мао Цзэдун. И вдруг такое развенчание, которое могло нанести вред его личному имиджу. Отсюда и последующая политика: заслуги СССР для Китая не афишировались, как и не афишировалось участие китайцев в Гражданской войне.

Годы политики «культурной революции» окончательно охладили отношения двух соседних стран и многие общие страницы совместной истории были преданы забвению. Переписка между киевлянином Л.П. Дрожжиным и Ли Фу-цином, которые вместе служили в 1-й Конной армии, прекратилась именно в 60-е годы. Историк М. Озеров по этому поводу заметил: «Не исключено, что в годы «культурной революции» бывший первоконник, как и многие другие друзья Советского Союза, подвергся репрессиям» [226, *76*]. О репрессиях свидетельствовала одна революционерка, которую разыскали в середине 80-х годов в Харбине А. Дикарев и А. Лукин. Хао Минсян, член КПК с 1926 г. показала, что она, как и многие другие китайские революционеры, прибыла в 20-е годы из России для революционной работы на Дальний Восток, а репрессирована была в годы «культурной революции», но совсем недавно реабилитирована [202, *25*].

Таким образом, ограничения в историографии, научно-популярной, публицистической литературе по освещению темы участия китайцев в революционных событиях на территории бывшей Российской империи, в том числе на Украине, лежат исключительно в политической и идеологической сферах. Именно высшее партийное и государственное руководство СССР и Китая не были по разным причинам заинтересованы во всестороннем и полном освещении данной темы. Но в СССР позицию высшего руководства вполне сознательно поддерживало большинство работников партийной и исполнительной власти по всей ее вертикали, поскольку события, описанные выше, происходили именно в их стране.

Итак, сходя из поставленных задач данного исследования, можно сказать, что все они рассмотрены.

В ходе исследования темы определено, что основные причины миграций граждан в канун и в период Первой мировой войны в Российскую империю, в том числе на Украину, обусловлены, с одной стороны, низким социально-экономическим уровнем развития в самом Китае, а с другой стороны, потребностью экономики России в дополнительной рабочей силе.

Выяснено, что условия труда китайцев, нарушения социально-правовых норм заключенных трудовых контрактов привели ра-

бочих сначала к элементарным формам протеста. Но в период между двумя революциями 1917 г. китайские рабочие в России были постепенно вовлечены в политическую борьбу.

Ключевыми моментами в дальнейшей эскалации гражданского конфликта и вовлечении в него китайцев явились бесконтрольность и прямое попустительство властей в разрешении текущих вопросов ставших никому ненужными китайских мигрантов как в Российской империи в целом, так и на территории Украины в частности.

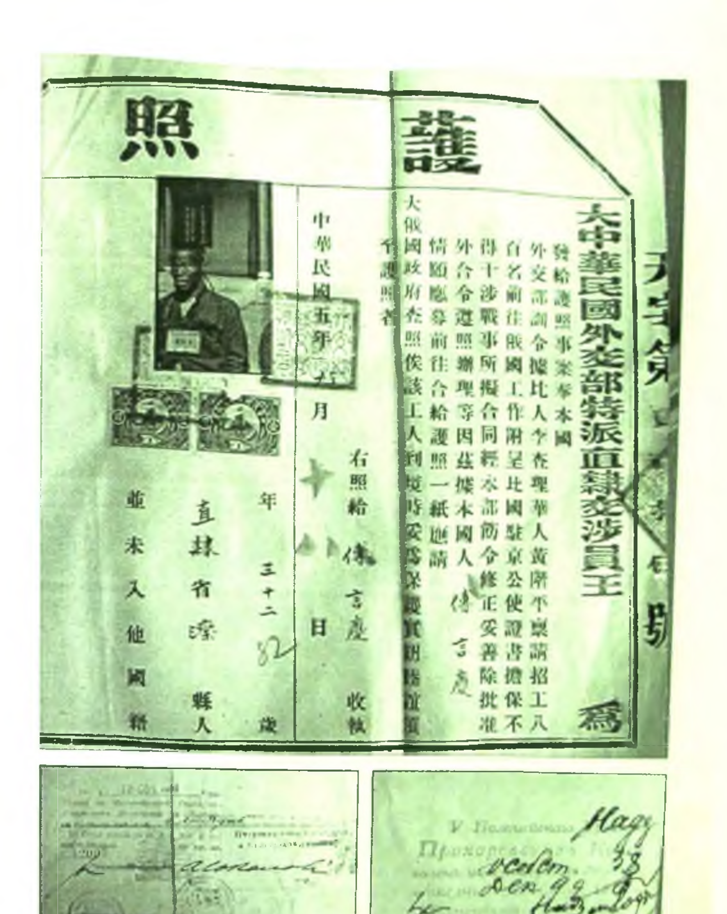
Круто изменившаяся в Центральной России и на Украине социально-политическая ситуация поставила китайских мигрантов перед необходимостью поиска выхода из трудного положения. Именно под влиянием агитации и пропаганды большевиков они, чтобы не умереть с голоду в чужой стране, вступают в ряды красногвардейцев и красноармейцев.

По ходу Гражданской войны неоднократные случаи физической расправы приводят китайцев в массовом количестве в ряды Красной армии. Качественная оценка китайцев как бойцов на передовой и в войсках ВОХР (ВНУС) повышалась постепенно, но уже к концу 1918 г. стало ясно, что наряду с другими интернационалистами китайцы являются бескомпромиссными, самыми стойкими и надежными бойцами. События первой половины 1919 г. на Украине только повысили эту оценку со стороны партийного руководства и военного командования.

Важным является установление в ходе исследования нижней границы численности китайских бойцов, принимавших участие в революционных событиях на Украине. Можно утверждать, что участие китайцев в отдельных и смешанных интернациональных формированиях Красной армии существенно повлияло на исход конкретных боевых действий в различных этапах Гражданской войны на территории Украины. Оно было существенным и важным также и в операциях на внутреннем фронте, удержании советской власти в захваченных большевиками населенных пунктах, подавлении антисоветских выступлений в первые годы после окончания активных боевых действий на территории Украины.

Гражданская война — многогранное и трагичное явление, опыт

которого нельзя предавать забвению. В заключение следует подчеркнуть, что вопрос о миграциях рабочей силы, среди прочих рассмотренных в настоящем исследовании, в период глобализации по-прежнему вызывает повышенный интерес и внимание не только у представителей крупного бизнеса и политиков, но и простых граждан, общественных институтов и ученых. Постольку, поскольку процессы миграций сопряжены с новыми вызовами времени в сфере реализации прав человека, сохранения этнической идентичности, сохранения социальной стабильности и равновесия. В периоды социально-политической напряженности в отдельных регионах часто обостряются межэтнические, межконфессиональные и межцивилизационные противоречия, грозящие в любой момент вылиться в гражданские или глобальные конфликты. Поэтому исторический опыт может и должен быть востребован на этапах политического и научного прогнозирования последствий контролируемых и неконтролируемых миграционных процессов, а также выработки адекватных действий гражданских институтов на конкретные шаги представителей крупного бизнеса и его политического лобби.

護照

大中華民國外交部特派直隸交涉員王 爲

發給護照事案奉本國
外交部訓令據比人李杏理華人黃附平稟請招工入
有名前往俄國工作附呈比國駐京公使證書擔保不
得干涉戰事所擬合同經本部飭令修正妥善除批准
外合令遵照辦理等因茲據本國人 傅言慶
情願應募前往合給護照一紙照請
大俄國政府查照俟該工人到境時妥爲保護實紉睦誼須
至護照者

右照給 傅言慶 收執

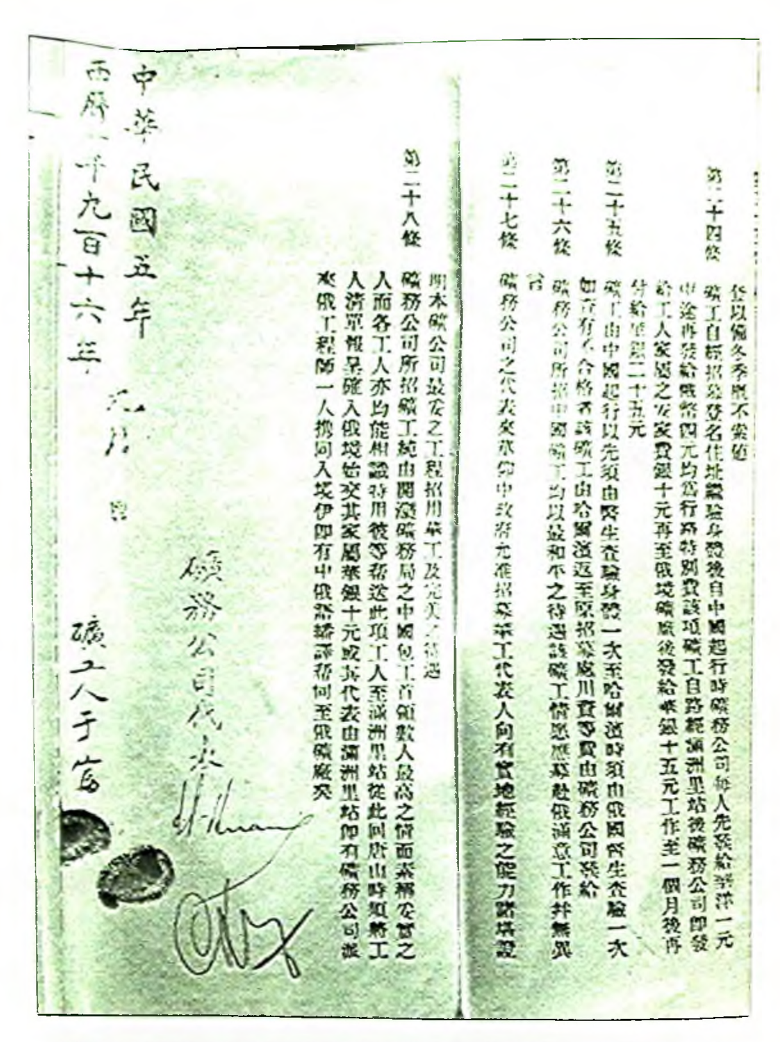
中華民國五年 月 日

年 三十二 歲

直隸省 滦 縣人

並未入他國籍

Паспорт въезжающего в Россию китайского рабочего (1916 год) и отметки на нем Генерального консула в Харбине и полицейского надзирателя на шахтах Донбасса

登以備冬季服不索值

第二十四條　礦工自願招募簽名住址體驗身體後自中國起行時礦務公司每人先發給零洋一元
中途再發給戰幣四元均為行路特別費該項礦工自路經滿洲里站後礦務公司即發
給工人家屬之安家費銀十元再至俄境礦廠後發給華銀十五元工作至一個月後再
付給華銀二十五元

第二十五條　礦工由中國起行以先須由醫生查驗身體一次至哈爾濱時須由俄國醫生查驗一次
如查有不合格者該礦工由哈爾濱返至原招募處川資等費由礦務公司發給

第二十六條　礦務公司所招中國礦工均以最和平之待遇該礦工情愿應募赴俄滿意工作并無異
言

第二十七條　礦務公司之代表須向中政府允准招募華工代表人向有實地經驗之能力諸其設

第二十八條　明本礦公司最安之工程招用華工及完美之待遇
礦務公司所招礦工純由關證礦務局之中國包工首領數人最高之信面妥稱安當之
人而各工人亦均能相識待用彼等搭送此項工人至滿洲里站從此同廠由時須將工
人清單報呈確入俄境始交其家屬華銀十元或其代表由滿洲里站即有礦務公司派
來俄工程師一人携同入境伊即有中俄語繙譯務同至俄礦廠交

中華民國五年　六月　日
西曆一千九百十六年

礦務公司代表

礦工人于富

Окончание трудового контракта администрации Варваропольских рудников с китайским рабочим (1916 год, угольные шахты Донбасса)

Ван Ин из Чжили, 32 года (на 1916 г.).
Варваропольские рудники.
По белогвардейским спискам (1918 г.) —
«Выбыл неизвестно куда», то есть
в Красную армию

Хэ Вань из Чжили, 30 лет. —
«Выбыл...»

Ли Чунь из Чжили, 39 лет. —
«Выбыл...»

Сунь Дэн-кэ из Шаньдуна, 25 лет. —
«Выбыл...»

Дун Го-цао из Чжили. 23 года
Судьба неизвестна

Ван Шун из Чжили. 28 лет, красноармеец. После Гражданской войны проживал в Таганроге

Ян Цзин-лин из Чжили. 32 года —
«Выбыл...»

Ду Чжэнь-хэн из Чжили. 24 года. —
«Выбыл...»

Лан Ю-тин из Чжили, 21 год. — «Выбыл...»

Сяо Чжун из Чжили, 25 лет. — «Выбыл...»

Гуан Юй из Чжили, 19 лет — «Выбыл...»

Ю Шу-шай, бывший красногвардеец

Кав Фу-цин, бывший красногвардеец

Цу Ци-вей, бывший красногвардеец

Ман До-шен, бывший красногвардеец

Ма Си-фу, бывший красногвардеец

АНКЕТА

Кадіївського району Мерово-Павловка

Червоний партизан чи червоногвардієць, квиток № 8647.

ПРИМІТКА

1. Прізвище, ім'я та по батькові Чан-нян-Бан. Алексей
2. Рік народження 1894 г.
3. Місце народження г. Пекин. Север. Китай.
4. Хто батьки та їх майновий стан [illegible] Батраки
5. В яких загонах прийняв участь Кр-гвард. отр. г. Москвы. Дес. в ч. г. Москвы – Курск – Белгород – Харькова
6. В яких роках Декабрь 1917 г. 18-г и по 1922 г.
7. Місце роботи та посада г. [illegible] [illegible]
8. Партійність б/п.
9. Червоний партизан чи червоногвардієць Красногвардеец.
10. Склад родини жена 1. 27 л. 2 [illegible] 5 л. 3 г.
11. Посада в червоній гвардії рядовой стрелок
12. Майновий нищ. Служащий
13. Судимість Нет.
14. Чи був позбавлений виб. прав. Нет.
15. Адреса с. Д. Петровка [illegible] 24. [illegible] 24/III [illegible] 1437 [illegible] 14/IV 30 г. [illegible]

Підпис Чан-

1932 р. Апрель місяця 14 дня.

Підпис голови, секретаря РІК комісії

Жан Чан-дин, командир 1-го Нежинского китайского отряда, в 1935 году обвинен в антисоветской деятельности, реабилитирован в 1994 году

Ча Ян-чи, красногвардеец китайского подразделения Одесского красногвардейского отряда

Сан Фу-ян, командир Тираспольского китайского отряда, в дальнейшем командир батальона, полка, дивизии

Ли Фу-цин, партизан отряда Иванова (Киевская губерния), командир отделения охраны Смольного и Кремля

Пау Ти-сан, командир
китайского батальона
во Владикавказе,
в котором служили
китайские красногвардейцы,
отступившие из Украины
в 1918 году

ВООРУЖЕННЫЙ
НАРОД

Батальон китайцев.

Страница Петроградской
ежедневной газеты
«Вооруженный народ»
с информацией
о китайском
интернациональном
батальоне

Ежедневная газета

БѢДНОТА

Китайцы—большевики.

Страница газеты «Беднота» с информацией о китайском батальоне Сан Фу-яна

Китайский батальон (1-й Интернациональный коммунистический отряд) перед отправкой на фронт (1918 г.)

Строевые занятия китайских бойцов

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАГО
ТРАНСПОРТА
18-й стрелк. дивизии
.....191

УДОСТОВЕР[illegible]

Пред'явитель сего .... есть ....

продовольственнаго транспорта 18-й стрелковой дивизии, что подписью с приложением печати удостоверяется.

Командир транспорта

Адъютант

Удостоверение бывшего красноармейца Фу Шун-тево

справка шахт [illegible]
Дано раб № 221 Кафу Якову
о его выполнении
январь 211 %
февраль 148 %
март 180 %
апрель 343 %
май 280 % 1933 г.
июнь 205 %
июль 198 %
август 232 %
сентябрь 238 %
октябрь 164 %
ноябрь 285 %
декабрь 193 %

январь 167 %
февраль 291 % 1934 г.
март 235 %
14/IV-34 г. Зав конторой [illegible]

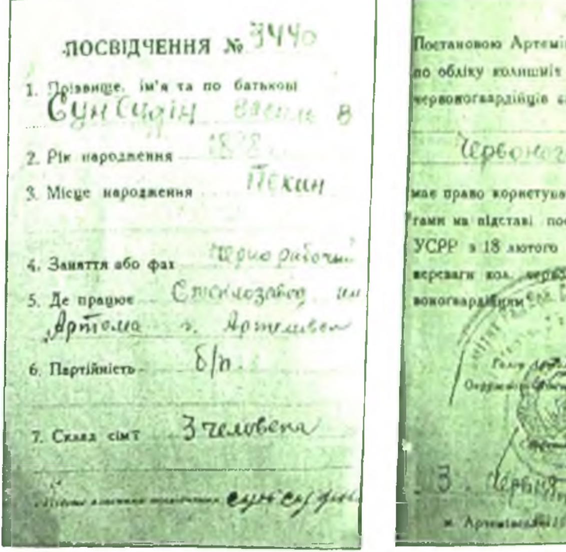
Справка в партизанскую комиссию Сорокино (г. Краснодон) о норме выработки шахтера Ко (Ка) Фу Якова за январь-декабрь 1933 года и январь-март 1934 года

АРТЕМІВСЬКИЙ
ОКРУЖНИЙ ВИКОНАВЧИЙ КОМІТЕТ
РАД РОБ.-СЕЛ. та ЧЕРВОНОАРМІЙСЬКИХ
ДЕПУТАТІВ

ПОСВІДЧЕННЯ

для колишніх
ЧЕРВОНИХ ПАРТИЗАНІВ
— та —
ЧЕРВОНОГВАРДІЙЦІВ

м. АРТЕМІВСЬКЕ

ПОСВІДЧЕННЯ № 3440

1. Прізвище, ім'я та по батькові Сун Су-дін
2. Рік народження
3. Місце народження Пекин
4. Заняття або фах Чорнорабочий
5. Де працює Стеклозавод им Артема г. Артемовск
6. Партійність б/п
7. Склад сім'ї 3 человека

Постановою Артемівської окружної комісії по обліку колишніх червоних партизанів та червоногвардійців визнаний за

Червоногвардійця

має право користуватися пільгами й перевагами на підставі постанови ВУЦВК й РНК УСРР з 18 лютого 1928 р. „Про пільги й переваги кол. червоним партизанам і червоногвардійцям"

Голова Окружної Комісії

м. Артемівське

Удостоверение бывшего красного партизана и красногвардейца Сун Су-дина

ТОВАРИШЕВІ ЛЮСІ А.

Колегія Народнього Комісаріяту Внутрішніх Справ УСРР з нагоди святкування 10-ти річного ювілею робітничо-селянської міліції України, віддаючи ваші заслуги та довголітню і чесну службу в лавах міліції, постановила нагородити Вас ЗБРОЄЮ СИСТЕМИ "БРАУНІНГ" на підтвердження чого і вручається Вам це свідоцтво. Колегія НКВС УСРР впевнена в тім, що й надалі Ваша робота служитиме справі зміцнення Радянської Влади й Революційної законності.-

НАРОДНІЙ КОМІСАРІЯТ ВНУТРІШНІХ СПРАВ/підпис/ Печатка.

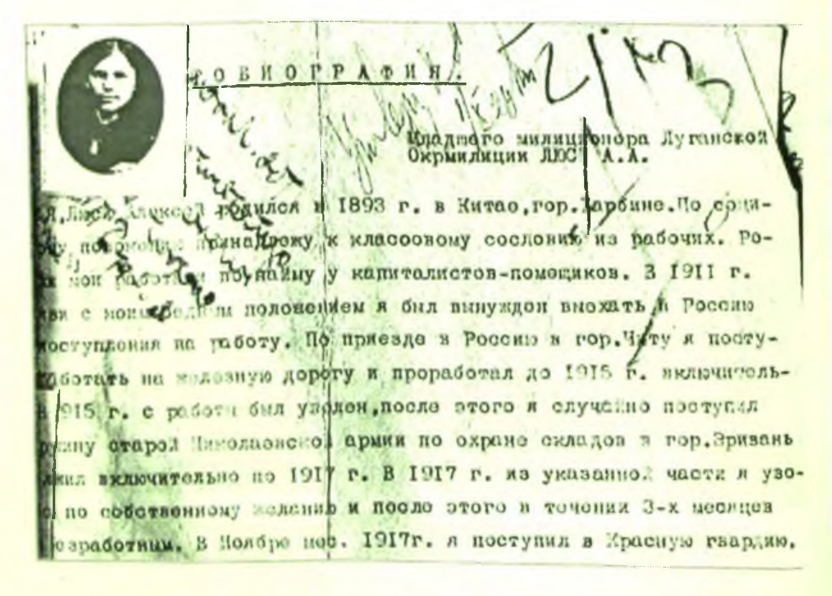
НАЧАЛЬНИК РОБ.СЕЛ.МІЛІЦІЇ УСРР/підпис/

"5" Лютого 1929 р. № 73
м.Харків.-

ПЕРША ЛУГАНСЬКА ДЕРЖАВНА НОТАРІАЛЬНА КОНТОРА, що знаходиться в місті Луганську по вулиці Леніна в будинку під ч. 49, свідчить, що ця копія ... оригіналом ... Четвертого ... Липня ... п'ятдесят п'ятого ... року № 4792/9

НОТАР [signature]

Копия наградного листа НКВД УССР на милиционера Лю Си (1929 г.)

АВТОБИОГРАФИЯ.

Младшего милиционера Луганской Окрмилиции ЛЮСИ А.А.

Я, Люси Алексей родился в 1893 г. в Китае, гор. Харбине. По социальному положению принадлежу к классовому сословию из рабочих. Родители мои работали по найму у капиталистов-помещиков. В 1911 г. ... с невыносимым положением я был вынужден выехать в Россию ... поступления на работу. По приезде в Россию в гор. Читу я поступил работать на железную дорогу и проработал до 1915 г. включительно. В 1915 г. с работы был уволен, после этого я случайно поступил в ... службу старой Николаевской армии по охране складов в гор. Эривань ... служил включительно по 1917 г. В 1917 г. из указанной части я уволился по собственному желанию и после этого в течении 3-х месяцев был безработным. В Ноябре мес. 1917г. я поступил в Красную гвардию.

Автобиография Лю Си с фотографией Елены Ивановны Лю Си, вдовы бывшего красногвардейца

Приложение

Список упоминаемых в настоящем издании формирований, в которых на протяжении Гражданской войны на Украине служили китайские бойцы

Дивизии

1-я Западная дивизия (с июня 1919 г. — 52-я стрелковая дивизия).
1-я интернациональная советская дивизия УССР.
1-я Воронежская пехотная дивизия.
1-я Московская рабочая дивизия.
4-я Бессарабская стрелковая дивизия.
4-я кавалерийская дивизия 1-й Конной армии.
6-я кавалерийская дивизия 1-й Конной армии.
7-я Червонная кавалерийская дивизия 1-й Конной армии.
7-я стрелковая дивизия.
9-я стрелковая дивизия.
12-я стрелковая дивизия.
15-я Инзенская стрелковая дивизия.
16-я стрелковая имени В. Киквидзе дивизия.
24-я Симбирская стрелковая дивизия.
25-я стрелковая имени В. Чапаева дивизия.
28-я стрелковая дивизия 1-й Конной армии.
29-я стрелковая дивизия.
33-я стрелковая дивизия.
42-я стрелковая дивизия.
44-я стрелковая дивизия.
45-я стрелковая дивизия.
46-я стрелковая дивизия.
52-я стрелковая дивизия (бывшая 1-я Западная).
58-я стрелковая дивизия.

Бригады

1-я Интернациональная бригада 12-й армии (в составе 1-го и 2-го Интернациональных полков, исключая 3-й Интернациональный полк).
1-я Интернациональная стрелковая бригада.
Отдельная Интернациональная кавалерийская бригада.
1-я бригада 42-й дивизии.
1-я бригада 58-й стрелковой дивизии.
1-я Украинская особая бригада Р.Ф. Сиверса.
2-я Московская бригада ВОХР.
2-я бригада 7-й кавдивизии 1-й Конной армии.
3-я стрелковая бригада ВОХР.
16-я Отдельная бригада Донецкой дивизии войск ВУЧК.

Полки

1-й Интернациональный полк особого назначения при штабе Украинской советской Красной армии.

1-й Интернациональный полк (формируемый в Киеве с мая 1919 г.).

1-й (216-й) Интернациональный стрелковый полк 1-й (24-й) дивизии.

1-й Интернациональный полк им. Винермана Александрово-Гайской стрелковой бригады.

1-й Советский коммунистический полк (г. Киев).

1-й Полтавский интернациональный полк (в дальнейшем 2-й Интернациональный полк).

1-й полк 2-й бригады 7-й кавдивизии 1-й Конной армии.

1-й Московский рабочий полк.

1-й Варшавский полк 1-й Западной стрелковой дивизии (далее 460-й полк 52-й стрелковой дивизии).

1-й Луганский интернациональный полк (в дальнейшем 3-й Интернациональный полк).

1-й Астраханский коммунистический интернациональный полк (в дальнейшем Особый интернациональный батальон).

1-й Туркестанский Интернациональный полк.

2-й Интернациональный полк 1-й Украинской особой бригады.

2-й Интернациональный стрелковый полк 16-й стрелковой дивизии.

2-й Богунский полк.

2-й Московский коммунистический интернациональный полк.

2-й Интернациональный полк Крымской стрелковой дивизии 14-й армии.

3-й (519-й) Интернациональный полк (Л. Гавро).

3-й Интернациональный полк, формировавшийся в Киеве.

3-й Интернациональный полк (г. Одесса).

4-й Советский караульный полк (г. Киев).

4-й Днепровский революционный полк.

4-й полк 3-го Интернационала (г. Киев, апрель, 1918).

4-й полк 3-го Интернационала (4-й Неженский полк).

8-й Интернациональный полк 9-й стрелковой дивизии.

9-й Интернациональный полк в Одессе.

14-й полк 5-й армии К.Ворошилова (1918 г.).

19-й полк 4-й кавдивизии 1-й Конной армии.

21-й Московский полк.

33-й Кубанский полк 6-й кавдивизии 1-й Конной армии.

54-й кавалерийский полк 4-й Бессарабской дивизии.

61-й кавалерийский полк 28-й дивизии 1-й Конной армии (1920 г.)

74-й стрелковый полк 9-й стрелковой дивизии.

108-й Интернациональный полк железнодорожных войск (г. Умань).

137-й Тамбовский полк 16-й стрелковой дивизии.

222-й Самарский Интернациональный стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии.

397-й стрелковый полк 45-й стрелковой дивизии.

407-й стрелковый полк 46-й стрелковой дивизии.

460-й стрелковый полк 52-й стрелковой дивизии (бывшая 1-я Западная стрелковая дивизия).

461-й стрелковый полк (бывший 2-й Люблинский стрелковый полк) 52-й стрелковой дивизии.

500-й полк 3-го Интернационала.

Волынский полк (1918 г.).

Резервный (225-й Китайский) стрелковый полк 29-й стрелковой дивизии.

Люблинский пехотный полк (с августа 1918 г. 6-й пехотный полк 1-й Воронежской пехотной дивизии).

Батальоны и эскадроны

Интернациональный батальон 2-й Московской бригады ВОХР (1920 г.).

Китайский батальон 29-й стрелковой дивизии.

Китайский отдельный батальон 1-й Воронежской стрелковой дивизии (со 2 августа 1918 г. — Острогожский пехотный полк, а с 26 августа — 6-й пехотный полк).

Китайский сводный батальон 21-го Московского стрелкового полка.

Китайский батальон 460-го (бывшего 1-го Варшавского) стрелкового полка.

Китайский батальон 461-го (бывшего 2-го Люблинского) стрелкового полка.

Китайский батальон 16-й стрелковой дивизии.

Китайский батальон 108-го Интернационального полка ж. д. войск.

Китайский батальон 15-й Инзинской стрелковой дивизии.

Китайский батальон 24-й Симбирской дивизии.

Китайский батальон 74-го стрелкового полка.

Китайский батальон 397-го стрелкового полка.

Китайский батальон армии Н.Махно.

Китайский батальон в Одессе (г. Одесса, 1919 г.; в дальнейшем придан 45-й стрелковой дивизии).

Китайский батальон 222-го полка 25-й стрелковой дивизии.

Китайский батальон 33-го полка 1-й Конной армии.

Китайский батальон 1-го Советского коммунистического полка.

3-й китайский батальон 4-го Советского караульного полка (г. Киев).

Китайский батальон партизанского отряда Иванова (Киевская губерния, 1918 г.).

Китайский батальон 7-й стрелковой дивизии.

Люблинский батальон 1-го Московского советского полка.

Особый интернациональный батальон.

Первый Грозный социалистический батальон Донецкой республики.

1-й батальон 12-й дивизии 13-й армии.

24-й Интернациональный батальон 3-й стрелковой бригады ВОХР.

116-й батальон ВЧК (г. Киев).

Эскадрон китайцев 33-го полка 6-й кавдивизии 1-й Конной армии.

1-й эскадрон 4-й кавдивизии 1-й Конной армии.

1-й эскадрон 54-го полка 4-й Бессарабской дивизии.

3-й эскадрон 1-й бригады 42-й стрелковой дивизии.

Бронепоезда

Бронепоезд № 5.

Бронепоезд № 73 им. Сталина.

Бронепоезд «Коммунист» им. Ворошилова.

Роты

1-я рота 1-го батальона 5-го полка (13-я армия).

3-я рота 1-го батальона 12-й стрелковой дивизии.

6-я рота китайцев 137-го Тамбовского полка 16-й стрелковой дивизии.

6-я рота 2-го Московского коммунистического интернационального полка.

7-я, 8-я, 9-я китайские роты 3-го китайского батальона 4-го Советского караульного полка (г. Киев).

8-я рота 2-го Богунского полка (всего две роты китайцев в этом полку).

18-я рота китайцев 9-й стрелковой дивизии (Донбасс, 1919 г.).

Китайская рота 14-го полка 5-й армии К. Ворошилова (1918 г.).

Китайская рота Интернационального батальона Матэ Залка.

Китайская рота 4-го Днепровского революционного полка.

Китайская рота Заградительного отряда 46-й стрелковой дивизии.

Отряды

Тираспольский красногвардейский китайский отряд.

Одесский красногвардейский китайский отряд.

Одесско-Березовский красногвардейский китайский отряд.

Перекопский красногвардейский китайский отряд.

Харьковский красногвардейский отряд.

1-й Нежинский китайский красногвардейский отряд.

Китайский отряд Шен Чен-хо (1918 г., в составе Московского красногвардейского отряда).

Китайский отряд 1-го Луганского рабочего полка (1919 г.).

Китайский отряд ВЧК (Новгород-Волынский, 1919 г.).

Китайский отряд особого отдела 14-й армии.

1-й десантный отряд Днепровской военной флотилии.

1-й Московский интернациональный коммунистический отряд (июль 1918 г.).

1-й Петроградский коммунистический отряд.

1-й интернациональный чрезвычайный заградительный отряд Южного фронта.

2-й интернациональный коммунистический отряд, сформированный в г. Москве.

2-й Петроградский интернациональный отряд.

3-й Петроградский коммунистический отряд.

Интернациональный отряд в г. Херсоне.

Интернациональный отряд в г. Черкассах.

Партизанский отряд Иванова (1917 — 1918 гг., Киевская губерния).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

А. Документы Государственного архива Донецкой области

Личные дела бывших красногвардейцев и красных партизан

1. Ф. Р — 1100, оп.1, д. 748 (Ли Фун-са Василий).

2. Ф. Р — 1100, оп.1, д. 752 (**А**: Лю Сун-чен; **Б**: Ли Фун-шон; **В**: Ли Ху-са; **Г**: Ли До-цай).

3. Ф. Р — 1178, оп. 1, д. 1135 (Фин Фу-рин Василий Фаюнчинович).

4. Ф. Р — 1181, оп. 1, д. 617 (Ли Тен-фу Николай).

5. Ф. Р — 1181, оп. 1, д. 1103 (Чин Хо-хай).

Документы Союза китайских рабочих на Украине

6. Ф. Р — 819, оп.1, д. 1.

7. Ф. Р — 819, оп.1, д. 5.

8. Ф. Р — 819, оп.1, д. 6.

9. Ф. Р — 819, оп.1, д. 7.

Б. Документы Государственного архива Луганской области

Личные дела бывших красногвардейцев и красных партизан

10. Ф. Р — 373, оп. 1, д. 172 (Сан Го-фу Иван).

11. Ф. Р — 373, оп. 1, д. 213 (Сун Су-дин Василий Васильевич).

12. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 60 (Ван Фу Василий).

13. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 61 (Ван Шен-ти).

14. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 96 (Жан Ю Михаил).

15. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 139 (Ко Фу Яков).

16. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 157 (Ли Фин-цен).

17. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 159 (Ли Куй).

18. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 171 (Лю Ми-хин Михаил).

19. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 172 (Лю Цай).

20. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 261 (Тун Чи-ча).

21. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 262 (Тян Тян Сергей).

22. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 293 (Ян Фу-ша).

23. Ф. Р — 535, оп. 1, д. 886 (Лю Си).

24. Ф. Р — 535, оп. 1, д. 1410 (Тань Шань Василий Иванович).

25. Ф. Р — 535, оп. 1, д. 1525 (Фу Шун-тево).

26. Ф. Р — 535, оп. 1, д. 1569 (Чан Нан-бан).

27. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 100 (Жан Чан-дин Василий Иванович).

28. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 131 (Кав Фу-цин).

29. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 184 (Лю Цяй Василий).

30. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 186 (Ма Си-фу Михаил).

31. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 188 (Ман До-шен).

32. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 284 (Сун Су-дин Василий Васильевич).

33. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 311 (Фу Ви-фий Николай).

34. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 318 (Цу Ци-вей Иван).
35. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 321 (Чан Нан-бан Александр).
36. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 323 (Чжан Фу-у Василий).
37. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 335 (Ю Шу-шай).

Списки, паспорта, трудовые контракты китайских подданных, документы и материалы комиссий бывших красногвардейцев и красных партизан, другие архивные документы

38. Ф. 4, оп. 1, д. 13.
39. Ф. 12, оп. 1, д. 1.
40. Ф. 12, оп. 1, д. 2.
41. Ф. 126, оп. 1, д. 215.
42. Ф. 143, оп. 3, д. 31.
43. Ф. П — 2, оп. 1, д. 17.
44. Ф. П — 2, оп. 1, д. 39.
45. Ф. П — 2, оп. 1, д. 124
46. Ф. П — 2, оп. 1, д. 128.
47. Ф. П — 2, оп. 1, д. 137.
48. Ф. П — 2, оп. 1, д. 140.
49. Ф. П — 2, оп. 1, д. 141.
50. Ф. П — 2, оп. 1, д. 145.
51. Ф. П — 2, оп. 1, д. 146.
52. Ф. П — 2, оп. 1, д. 147.
53. Ф. П — 2, оп. 1, д. 152.
54. Ф. П — 2, оп. 1, д. 153-а.
55. Ф. П — 2, оп. 1, д. 188.
56. Ф. П — 2, оп. 1, д. 307.
57. Ф. П — 2, оп. 1, д. 316.
58. Ф. П — 2, оп. 1, д. 317.
59. Ф. П — 2, оп. 1, д. 338.
60. Ф. П — 2, оп. 1, д. 346.
61. Ф. П — 2, оп. 1, д. 359.
62. Ф. П — 2, оп. 1, д. 360.
63. Ф. П — 2, оп. 1, д. 386.
64. Ф. П — 2, оп. 1, д. 400.
65. Ф. П — 2, оп. 1, д. 401.
66. Ф. П — 2, оп. 1, д. 407.
67. Ф. П — 2, оп. 1, д. 417.
68. Ф. П — 2, оп. 1, д. 445.
69. Ф. П — 2, оп. 1, д. 475.
70. Ф. П — 2, оп. 1, д. 481.
71. Ф. П — 34, оп. 1, д. 29.
72. Ф. П — 34, оп. 1, д. 928.
73. Ф. П — 34, оп. 1, д. 1126.

74. Ф. Р — 26, оп. 1, д. 14.
75. Ф. Р — 242, оп. 1, д. 311.
76. Ф. Р — 242, оп. 1, д. 480.
77. Ф. Р — 242, оп. 1, д. 485.
78. Ф. Р — 242, оп. 1, д. 535.
79. Ф. Р — 373, оп. 1, д. 72.
80. Ф. Р — 373, оп. 1, д. 264.
81. Ф. Р — 374, оп. 1, д. 17.
82. Ф. Р — 374, оп. 1, д. 29.
83. Ф. Р — 420, оп. 1, д. 112.
84. Ф. Р — 527, оп. 1, д. 9.
85. Ф. Р — 528, оп. 1, д. 2.
86. Ф. Р — 528, оп. 1, д. 9.
87. Ф. Р — 534, оп. 1, д. 17.
88. Ф. Р — 535, оп. 1, д. 2.
89. Ф. Р — 535, оп. 1, д. 3.
90. Ф. Р — 535, оп. 1, д. 4.
91. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 1.
92. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 5.
93. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 6.
94. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 13.
95. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 16.
96. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 28.
97. Ф. Р — 537, оп. 1, д. 34.
98. Ф. Р — 702, оп. 1, д. 180.
99. Ф. Р — 702, оп. 1, д. 316.
100. Ф. Р — 702, оп. 1, д. 341.
101. Ф. Р — 735, оп. 1, д. 9.
102. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 2.
103. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 4.
104. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 5.
105. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 32.
106. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 129.
107. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 131.
108. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 139.
109. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 140.
110. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 146.
111. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 150.
112. Ф. Р — 752, оп. 1, д. 151.
113. Ф. Р — 752, оп. 2, д. 29.
114. Ф. Р — 1793, оп. 1, д. 2.
115. Ф. Р — 1793, оп. 1, д. 3.
116. Ф. Р — 1793, оп. 1, д. 4.

117. Ф. Р — 1793, оп. 1, д. 7.
118. Ф. Р — 1793, оп. 1, д. 13.
119. Ф. Р — 2836, оп. 1, д. 84.
120. СИФ. — № 47.
121. СИФ. — № 90.
122. СИФ. — № 94.

В. Документы Государственного архива Николаевской области

Личные дела бывших красногвардейцев и красных партизан

123. Ф. Р — 2232, оп. 1, д. 347 (**А**: Сан Зай-лу; **Б**: Са Ю-шан Василий).

Г. Документы архивного фонда Краснодонского ордена Дружбы народов музея «Молодая гвардия»

124. Ф. 1, д. 20, ед. хр. 41.
125. Ф. 1, д. 63, ед. хр. 4.
126. Ф. 1, д. 123, ед. хр. 8045.
127. Ф. 1, д. 158, ед. хр. 6101.
128. Ф. 1, д. 171, ед. хр. 13413,13417, 13419.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

129. Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917 — 1922) / Ред. Г.В. Шумейко. — М.: Советская Россия, 1957. — 574 с.

130. Борьба за власть советов в Донбассе / Сб. документов и материалов. — Сталинское областное издательство, 1957. — 406 с.

131. Внутренние войска Советской республики. 1917 — 1922. Документы и материалы. — М.: Юрид. литература, 1972. — 702 с.

132. В огне гражданской войны / Сб. документов и материалов. — Одесса: Кн. изд., 1962. — 503 с.

133. Гончаренко Н.Г., Потапов В.И. В борьбе за власть советов. — Харьков: Изд. Харьковского университета, 1968. — 156 с.

134. Гражданская война на Украине 1918 — 1920 / Сб. документов и материалов. В 3-х т. — К.: Наукова думка, 1967. — Т. 1, кн. 2. — 491 с.

135. Деятельность Центрального комитета партии в документах. (События и факты). Март 1919 г. // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 10. — С. 171 — 191.

136. Деятельность Центрального комитета партии в документах. (События и факты). 23 марта — 24 июля 1919 г. // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 12. — С. 132 — 188.

137. До історії міжнаціональних процесів на Україні. Документи та матеріали // Український історичний журнал. — 1990. — № 8. — С. 87 — 103.

138. Из истории Великой Отечественной войны. Накануне войны (документы 1936 — 1940 гг.) // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 3. — С. 183 — 222.

139. Из истории гражданской войны в СССР / Сб. документов и материалов. 1918 — 1922. В 3-х т. — М.: Сов. Россия, 1960. — Т. 1. — 831 с.

140. Киевщина в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918 — 1920 гг.) / Сб. документов и материалов. — К.: Госполитиздат УССР, 1962. — 537 с.

141. Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов) / Под ред. М. Горького, И. Минца, Р. Эйдемана. — М.: ОГИЗ, 1936. — 203 с.

142. Ленин В.И. Письма. Октябрь 1917 — июнь 1919 // Полн. собр. соч. — М.: Политиздат, 1982. — Т. 50. — 624 с.

143. О работе за 1939 г. Из отчета зам. наркома обороны Е.А. Щаденко. 5 мая 1940 г. // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 1. — С. 186 — 193.

144. Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину, 22 октября 1922 г. // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 9. — С. 198 — 200.

145. Разгром немецких оккупантов в 1918 г. / Сб. документов и материалов. — М.: ОГИЗ, 1943. — 336 с.

146. Реабілітовані історією. У 27 т. — **А**: Донецька область. У 3-х кн. — Донецьк, 2004. — Кн. 1. — 648 с. — **Б**: Луганська область. У 3-х кн. — Луганськ, 2004. — Кн. 1. — 736 с. — **В**: Луганська область. У 3-х кн. — Луганськ, 2005. — Кн. 2. — 701 с.

147. Сообщения и материалы Центрального музея Советской Армии. Вып. 2. — М.: Издательство музея, 1962. — 187 с.

148. Украинский фронт. (Краткий обзор фонда № 103). — М.: Центральный архив РККА, 1939. — 34 с.

III. МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

149. Антонов-Овсеенко В. Строительство Красной Армии в революции. — М.: Красная Новь, 1923. — 64 с.

150. Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзе-дуна. — М.: Политиздат, 1979. — 302 с.

151. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. — М.: Мысль, 1992. — 446 с.

152. Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. — М.: Новости, 1994. — Кн. 2. — 512 с.

153. Волкогонов Д. Семь вождей. В 2-х кн. — М.: Новости, 1996. — Кн. 1. — 496 с.

154. Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. В 2-х кн. — М.: Новости, 1996. — **А**: Кн. 1. — 624 с. — **Б**: Кн. 2. — 704 с.

155. Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. В 2-х кн. — М.: Новости, 1994. — Кн. 1. — 416 с.

156. Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и гражданской войны в СССР. — М.: Воениздат, 1960. — 159 с.

157. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке Республики / Под ред. А.Я. Манусевича. — М.: Наука, 1971. — 286 с.

158. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов / Под ред. А.Я. Манусевича. — М.: Наука, 1967. — 614 с.

159. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. В 2-х т. — 2-е изд., дополн. — М.: Политиздат, 1990. — А: Т. 1. — 271 с. — Б: Т. 2. — 430 с.

160. Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. — М.: Госвоениздат, 1925. — 520 с.

161. Какурин Н. Стратегический очерк гражданской войны. — М. — Л.: Госвоениздат, 1926. — 162 с.

162. Лаппо Д., Мельчин А. Страницы великой дружбы: Участие китайских добровольцев на фронтах гражданской войны в Советской России (1918 — 1922). — М.: Соцэкгиз, 1959. — 188 с.

163. Лю Юн-ань. Демократическое строительство в Северо-Восточном Китае. — М.: Госполитиздат, 1957. — 240 с.

164. Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. — М.: Воениздат МО СССР, 1959. — 243 с.

165. Попов Н.А. Они сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918 — 1922). — Л.: Лениздат, 1959. — 195 с.

166. Скляренко Є.М. Робітничий клас України в роки громадянської війни . — К.: Наукова думка, 1966. — 215 с.

167. Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны. (1918 — 1920). — М.: Наука, 1964. — 471 с.

168. Шаталина Е.П. История гражданской войны и интервенции на Украине в советских документальных публикациях 20 — 30-х годов. — К.: Наукова думка, 1982. — 135 с.

169. Эрдэ Д. Революция на Украине. От керенщины до немецкой оккупации / Под ред. Н.А. Скрыпника. — Изд. ПРОЛЕТАРИЙ, 1927. — 274 с.

170. Яковлев Л.И. Дружба, рожденная Октябрем. — М.: Наука, 1968. — 232 с.

IV. МЕМУАРЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

171. Антонов-Овсеенко В. В борьбе против Директории //Літопис революції. — 1929. — № 5 — 6. — С. 143 — 186.

172. Антонов-Овсієнко В. В боротьбі проти Директорії // Літопис революції. — 1930. — № 2. — С. 104 — 151.

173. Антонов-Овсієнко В. В боротьбі за Радянську Україну // Літопис революції. — 1931. — № 3. — С. 85 — 114.

174. Антонов-Овсієнко В. В боротьбі за Радянську Україну // Літопис революції. — 1931. — № 4. — С. 78 — 107.

175. Антонов-Овсеенко В. Записки о гражданской войне. В трех томах. Т. 1. — М.: Высший Военный Редакционный Совет, 1924. — 298 с.

176. Антонов-Овсеенко В. Записки о гражданской войне. В четырех томах. Т. 4. — М. –Л.: Госвоениздат, 1933. — 343 с.

177. Деникин А.И. Поход на Москву (Очерки русской смуты). — К.: Воениздат, 1990. — 288 с.

178. Деникин А.И. Вооруженные силы Юга России // Белое дело. — М.: Голос. Сполохи, 1996. — С. 5 — 297.

179. Дроздовский М.Г. Дневник // Белое дело. — М.: Голос. Сполохи, 1996. — С. 5 — 74.

180. Дружба, скрепленная кровью / Сборник воспоминаний китайских товарищей — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР / Под ред. Лю Юн-аня. — М.: Воениздат МО СССР, 1959. — 223 с.

181. Затонський В. З спогадів про українську революцію // Літопис революції. — 1929. — № 5 — 6. — С. 115 — 141.

182. Локатош И. Харьковские коммунары в боях с немцами // Летопись революции. — Харьков. — 1924. — № 3. — С. 76 — 82.

183. Мазепа І.П. Україна в огні й бурі революції. 1917 — 1921. У 2-х кн. — Дніпропетровськ: Січ, 2001 — 2002. — А: Кн. 1. — 415 с. — Б: Кн. 2. — 334 с.

184. Революция на Украине. По мемуарам белых. — М.-Л.: Госиздат, 1930. — 435 с.

185. Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Белое дело. — М.: Голос. Сполохи, 1996. — С. 75 — 246.

186. Штейфон Б.А. Кризис добровольчества // Белое дело. — М.: Голос. Сполохи, 1996. — С. 247 — 350.

187. Якир И.Э. Воспоминания о гражданской войне. — М.: Воениздат МО СССР, 1957. — 40 с.

188. 1918 год на Украине / Сост., науч. ред., предисл. и комм. д.и.н. С.В. Волкова. — М.: Изд-во Центрполиграф, 2001. — 414 с.

V. ЛИТЕРАТУРА

189. Акулов М., Петров В. 16 ноября 1920. — М.: Молодая гвардия, 1989. — 240 с.

190. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева / Под общ. ред. В.И. Марченкова. — М.: Военный университет, Русский путь, 2003. — 896 с.

191. Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дорогами Нестора Махно. — К.: РВЦ «Проза», 1993. — 592 с.

192. Бойко О.Д. Історія України в XX столітті. — Ніжин: Стиль, 1994. — 288 с.

193. Васильев О.А., Дмитренко М.Ф. Лайош Гавро. — М.: Политиздат, 1977. — 127 с.

194. Великий Жовтень і громадянська війна на Україні: Енциклопедичний довідник / Відповід. ред. І. Курас. — К.: Головна редакція УРЕ, 1987. — 632 с.

195. Венков А.В. Донская армия // Донской военно-исторический альманах. — Ростов-на-Дону: Мирт, 2006. — Вып. 1. — С. 3 — 177.

196. В.И. Ленин и Советские Вооруженные Силы / Под ред. А.С. Желтова. — Изд. 3-е. — М.: Воениздат, 1980. — 558 с.

197. Военный энциклопедический словарь. — Изд. 2-е. — М.: Воениздат, 1986. — 863 с.

198. Гальперин Ф. Революцией призванные. — К.: Молодь, 1990. — 240 с.

199. Гильберт М. К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны // История пролетариата СССР / Под. ред. Е. А. Мильштейна. — 1934. — № 3. — С. 211 — 229.

200. Гражданская война 1918 — 1921. В 3-х т. / Под ред. А. Бубнова и др. — **А**: Т. 2. Военное искусство Красной Армии. — М.: Военный вестник, 1928. — 420 с. — **Б**: Т. 3. Оперативно-стратегический очерк. — М. — Л.: Госиздат, 1930. — 560 с.

201. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XX век. — М.: Просвещение, 2001. — 336 с.

202. Дикарев А., Лукин А. Три путешествия по Китаю. — М.: Молодая гвардия, 1989. — 240 с.

203. История городов и сел. Украинской ССР. Днепропетровская область. — К.: Глав. ред. УСЭ, 1977. — 840 с.

204. История городов и сел Украинской ССР. Николаевская область. — К.: Глав. ред. УСЭ, 1981. — 710 с.

205. История городов и сел Украинской ССР. Одесская область. — К.: Глав. ред. УСЭ, 1969. — 912 с.

206. История городов и сел Украинской ССР. Черниговская область. — К.: Глав. ред. УСЭ, 1983. — 814 с.

207. Історія робітничого класу Української РСР. У 2-х т. — К.: Наукова думка, 1967. — Т. 2. — 507 с.

208. История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти т. Серия вторая. — М.: Наука, 1967. — Т. 7. — 752 с.

209. Каменский А.З. В рядах Красной армии // Товарищ Артем. — Харьков: Прапор, 1982. — С. 166 — 195.

210. Кара-Мурза С. Гражданская война 1918 — 1921. Урок для XXI века. — М.: Эксмо, 2003. — 380 с.

211. Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918 — 1922 гг.) / Отв. ред. и сост. Лю Юн-ань. — М.: Изд. вост. литературы, 1961. — 179 с.

212. Клюев Л. Луганск — Царицын // Записки военной секции коммунистической Академии. — 1931. — Т. 3. — С. 188 — 208.

213. Книга исторических сенсаций. — М.: Раритет, 1993. — 240 с.

214. Королев В.Г. Ян Лацис. — М.: Политиздат, 1980. — 144 с.

215. Кротов В.Л. Чоновцы. — М.: Политиздат, 1974. — 128 с.

216. Кун И. Бела Кун. — М.: Молодая гвардия, 1968. — 336 с.

217. Кустолян Е.А. Всегда впереди // Товарищ Артем. — Харьков: Прапор, 1982. — С. 196 — 205.

218. Липицкий С.В. Ленинское руководство обороной страны (1917 — 1920). — М.: Политиздат, 1979. — 304 с.

219. Лукьянов Х. Красная гвардия Донбасса. — Сталино: Облиздат, 1958. — 94 с.

220. Лю Юн-ань. Люди интернационального долга. — М.: Госполитиздат, 1959. — 69 с.

221. Материалы городской научно-теоретической конференции, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — Ворошиловград: Изд. горкома партии, 1957. — 98 с.

222. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918 — 1923. — Симферополь: Таврия, 1991. — 256 с.

223. Неботов А.А. Боевые годы. — Сталино: Облиздат, 1959. — 128 с.

224. Новогрудский Г., Дунаевский А. По следу Пау. — М.: Воениздат, 1962. — 247 с.

225. Новогрудский Г., Дунаевский А. Товарищи китайские бойцы. — М.: Воениздат МО СССР, 1959. — 236 с.

226. Озеров М. В строю первой конной. Очерки об интернационалистах-конармейцах. — Ставрополь: Кн. изд., 1984. — 110 с.

227. Полонська-Василенко Н. Історія України. У 2-х т. — К.: Либідь, 1992. — Т. 2 — 608 с.

228. Пын Мин. История китайско-советской дружбы. — М.: Изд. соц.-эконом. литературы, 1959. — 360 с.

229. Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2-х ч. — М.: Русский путь, 2002. — Ч. 2. — 512 с.

230. Солоневич И.А. Народная монархия. — М.: Феникс, 1991. — 512 с.

231. Супруненко Н.И. Очерки гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. — М.: Наука, 1966. — 455 с.

232. Фадеев А. Молодая гвардия. — Донецк, 1974. — 621 с.

233. Чуев Ф.М. Молотов: Полудержавный властелин. — М.: Олма — Пресс, 1999. — 736 с.

234. Шкловский В.Б. Художественная проза. Размышления и разборы. — М.: Советский писатель, 1959. — 628 с.

235. Шолохов М. Тихий Дон. В 4-х кн. — М.: Худ. лит. 1968. — А: Кн. 1 — 2. — 687 с. — **Б**: Кн. 3 — 4. — 783 с.

236. Шубарт В. Европа и душа Востока. — М.: Альманах «Русская идея», 1997. — 448 с.

237. Эрдэ Д. Краткий очерк революционного движения на Луганщине (1900 — 1920 гг.). — Луганск, 1928. — 45 с.

VI. ПРЕССА И ПУБЛИКАЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

238. Аксючис В. Злодейство и гениальность // Кіевскій телеграфъ. — 2005. — 22 апреля.

239. Ван Юнсян. Вплив Великого Жовтня на китайську революцію // Український історичний журнал. — 1988. — № 11. — С. 70 — 88.

240. Гаташ В. Долгое-долгое эхо беды. Нарушения психики, возникающие после экстремальных стрессовых нагрузок // Зеркало недели. — 2005. — 20 августа.

241. Гема В.І., Скляренко Є.М. Участь трудящих зарубіжних країн в боротьбі російського і українського народів проти австро-німецької агресії в 1918 р. // Український історичний журнал. — 1958. — № 1. — С. 71 — 84.

242. Дахненко К. Мы — интернационалисты // Слава Краснодона. — 1989. — 26 августа.

243. Зуев А.Д. Интернациональные отряды Красной гвардии в борьбе за установление Советской власти на Украине // Сборник трудов кафедр общественных наук Харьковского зооветеринарного института. — 1968. — Вып. № 1. — С. 48 — 62.

244. Известия Луганского Совета рабочих и крестьянских депутатов. — 1919. — 26 апреля.

245. Известия (Орган Юзовского Совета рабочих и солдатских депутатов). — 1917. — 5(18) декабря.

246. Известия Старобельского Уездного исполнительного комитета РК и КД. — 1920. — № 4.

247. Ларин А. Красноармейцы из Поднебесной // Родина. — 2000. — № 7. — С. 56 — 60.

248. Литвин В. Украина и Китай в исторических связях // Голос Украины. — 2004. — 20 марта.

249. Луганская правда. — 1925. — 28 июня.

250. Луганская правда. — 1927. — 6 ноября.

251. Луганская правда. — 1927. — 12 ноября.

252. Луганская правда. — 1930. — 12 июня.

253. Махун С. Кондотьеры позднего ренессанса // Зеркало недели. — 2005. — 11 июня.

254. Назаров М. Анатомия коммунизма // Молодая гвардия. — 2004. — № 10. — С. 184 — 228.

255. Попов Н.А. Участие китайских интернациональных частей в защите Советской республики в период гражданской войны (1918 — 1920 годы) // Вопросы истории. — 1957. — № 10. — С. 109 — 123.

256. Ренке В. Обзор каменноугольной и антрацитовой промышленности Донецкого бассейна // Хозяйство Донбасса. — Харьков. — 1922. — № 18. — С. 3 — 13.

257. Родин И. Обыкновенный большевизм // Кіевскій телеграфъ. — 2004. — 17 декабря.

258. Руденко–Миних В. Правда об «антоновщине» // Кіевскій телеграфъ. — 2005. — 27 мая.

259. Сенников Б. Три дня в Тамбове // Станица. — 2001. — № 1. — С. 19 — 21.

260. Слободчиков О. Сколько приезжих может переварить Россия // Аргументы и факты в Украине. — 2005. — № 4.

261. Сохань П.С. Участь трудящих зарубіжних країн у боротьбі за перемогу Великого Жовтня // Український історичний журнал. — 1965. — № 11. — С. 34 — 44.

262. Танасийчук О. Пасха без крестов // Кіевскій телеграфъ. — 2005. — 29 апреля.

263. Танасийчук О. Освобождение Азии // Кіевскій телеграфъ. — 2005. — 9 сентября.

264. Ударник. — 1930. — 6 ноября.

265. Устинов В.М. Китайские коммунистические организации в Советской России (1918 — 1920) // Вопросы истории КПСС. — 1961. — № 4. — С. 106 — 117.

266. Хозяйство Донбасса. — 1923. — № 30 — 31. — С. 124 — 125.

267. Чапанская Г. Молодогвардейцы — потомки донских казаков // Ижица. — 2004. — 14 апреля.

268. Яковенко Н. Историк — это раб источника // Зеркало недели. — 2004. — 16 октября.

269. Ярошенко А.Д. Участь китайських червоногвардійців у боротьбі за владу Рад на Україні в 1917 — 1920 рр // Український історичний журнал. — 1957. — № 3. — С. 58 — 65.

Научное издание

КАРПЕНКО Николай Михайлович

«КИТАЙСКИЙ ЛЕГИОН»

Участие китайцев в революционных событиях на территории Украины (1917—1921 гг.)

Монография

Компьютерный макет
Крайнюк А. Н.

Корректор
Розсоха В. А.

Сдано в набор 23.01.2007 г. Подписано в печать 23.02.2007 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 22,8. Тираж 500 экз. Заказ №406.

Издательство ЛНПУ имени Тараса Шевченко
«Альма-матер»
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Тел./факс: (0642) 58-03-20.

